

Евреи Беларуси в годы Холокоста

Леонид Смиловичский

**Евреи Беларуси
в годы Холокоста**

הפקולטה למדעי הרוח
ע"ש לסטר וסאלי אנטין
The Lester and Sally Entin
Faculty of Humanities

המרכז לחקר התרבות
ע"ש גולדשטיין - גורן
Goldstein - Goren
Diaspora Research Center

ארגון פליטי ונפגעי השואה
בבה"ם ומחרה אידופה, בישראל
The organization for Refugee and Holocaust
Victims in the USSR and Eastern Europe, in Israel

איגוד יוצאי בלארוס בישראל
Association of immigrants
from Belarus in Israel

Leonid Smilovitsky

Jews of Belarus During the Holocaust

Collection of selected articles

Tel Aviv, 5782/2021

Леонид Смиловицкий

**Евреи Беларуси в годы Холокоста
(1941–1944 гг.)**

Сборник избранных статей

Тель-Авив, 5782/2021

Л. Смиловицкий. Евреи Беларуси в годы Холокоста (1941–1944 гг.): Сборник избранных статей. Тель-Авив, 5782/2021. 392 с., 64 ил.

Настоящий сборник посвящен истории Холокоста на территории Беларуси и представляет собой своеобразное продолжение книги автора «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.», выпущенной в Тель-Авиве в 2000 г. Он состоит из трех разделов, которые последовательно представлены научными статьями, рассказом об участии автора в международных научных конференциях и его интервью по названной теме в журналах, газетах, на радио и телевидении за последние 20 лет. Материалом для исследований послужили архивы, периодические издания и научные монографии, которые дополнили воспоминания и свидетельства узников гетто, концлагерей, евреев-партизан и праведников народов мира. Особую ценность представляют документы Центрального штаба партизанского движения Беларуси, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь, Центральном архиве Министерства обороны России, Центральном архиве КГБ Беларуси и Государственном архиве Российской Федерации. Сборник иллюстрирован редкими трофейными фото военного времени и уникальных находок на местах массовых расстрелов евреев в Малом Тростенце, а также факсимиле обложек книг на разных языках, посвященных истории Холокоста в Беларуси.

Предназначается для специалистов по истории, студентов исторических факультетов, а также для тех, кто интересуется советским периодом истории Беларуси и России.

В оформлении обложки использовано фото узников Минского гетто в августе 1941 г. из городского архива Зальцбурга в Австрии (Stadtarchiv Salzburg, Fotoarchiv Franz Krieger).

Редактор и корректор *P. Глаубах*
Верстка *Шауль Симан-Тов*
Обложка *A. Литина и B. Смиловичкой*

Предложения, отклики и заказы на книги направлять по адресу:
smilov@zahav.net.il или по тел. 054-6277543; + (972)-54-6277543

ISBN 978-965-92411-3-2

© Л. Смиловичский, текст и фотографии, 5782/2021
© L. Smilovitsky, text and illustrations, 5782/2021

Содержание

От автора	7
Предисловие	18

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Белорусская школа в годы немецкой оккупации	42
Гетто в Гомельской области: общее и особенное	57
«Операция 1005»	104
Антисемитизм среди партизан Беларуси	134
Холокост как военное преступление	173
Судьба Минского гетто	212
Геноцид евреев или белорусов?	224
Отношение к Холокосту в СССР и Беларуси	242

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Израильский «десант» в Москве	249
В Варшаву с любовью	259
Первый раз в Берлине	276
Еврейские солдаты. Тель-Авив	286
Барселона – двери настежь	293
Вильнюс вчера и сегодня	305

ИНТЕРВЬЮ

Треугольники памяти	324
Домачево перед лицом палачей	329
Праведница из Орешковичей	337
Нацисты не верили в свои мифы	341
Почему нет музея Минского гетто	355
Холокост — неотъемлемая часть трагедии Беларуси	360

Географический указатель	376
Именной указатель	384
Фотодокументы и иллюстрации	393

Table of Content

From the author	13
Foreword	33

SCHOLAR ARTICLES

Belarusian school under the German occupation	42
Ghetto in the Gomel region: general and special features	57
Operation 1005	104
Anti-Semitism among Belarusian partisans	134
Holocaust as a war crime	173
The fate of the Minsk ghetto	212
Genocide of Jews or Belarusians?	224
Attitude towards the Holocaust in the USSR and Belarus	242

INTERNATIONAL CONFERENCES

Israeli “landing” in Moscow	249
To Warsaw with love	259
First time in Berlin	276
Jewish soldiers. Tel Aviv	286
Barcelona – doors wide open	293
Vilnius yesterday and today	305

INTERVIEW

Triangles of memory	324
Domachevo in the face of the executioners	329
Righteous woman from Oreshkovichi	337
The Nazis did not believe in their myths	341
Why is there no museum of the Minsk ghetto	335
The Holocaust is an integral part of the tragedy of Belarus	360
Geographic index	376
Name index	384
Illustrations	393

От автора

История Холокоста – это незаживающая рана на теле еврейской народной памяти, которая не рубцуется с годами и на нее не распространяется известное правило о том, что время лечит. Несмотря на смену поколений и уход из жизни последних свидетелей и участников второй мировой войны, эта тема продолжает оставаться актуальной, поскольку люди не нашли ответы на главные вопросы, как подобное могло случиться и как сделать так, чтобы это не повторилось.

Трагедия евреев, подвергнувшихся нацистскому геноциду, прошла через семьи. Она не умещается на страницах учебников, академических изданий, художественных произведений и существует самостоятельно помимо официальной истории. Точно также как люди, становясь старше, апеллируют к своему жизненному опыту и мудрости, понимают природу вещей и событий больше и глубже, человечество по мере того, как события второй мировой войны отдаляются от сегодняшнего дня, смотрит на произошедшее более масштабно, объективно и непредвзято.

Семьдесят пять лет, прошедшие после окончания Второй мировой войны, составили целую эпоху в истории человечества. Эти десятилетия понадобились не только для того, чтобы залечить раны, возродить мирную жизнь, но и найти ответ на вопрос, как подобное могло случиться. Известно, что в Советском Союзе, в отличие от всего остального мира, тема Холокоста замалчивалась. Но даже спустя четверть с лишним века после распада СССР и образования на постсоветском пространстве независимых государств, правда о Холокосте до конца не сказана, подходы в его освещении колеблются, оцен-

От автора

ки трагического прошлого не выработаны, а собранные сведения требуют углубленного анализа и осмыслиения.

С распадом Советского Союза начали исчезать многие военные мифы, фальсификации и заблуждения, включая историю Холокоста, поменялись установки, открылись архивы, изменилось отношение общества к основным гуманитарным ценностям, а человеческая жизнь признана самым большим достоянием. Независимые государства, возникшие на месте бывших советских республик, определили свое отношение к трагедии евреев, пострадавших от рук нацистов и их пособников.

Беларусь, в силу своего геополитического положения, занимает особое место в Европе. Она расположена на перекрестке дорог, ведущих с Запада на Восток и с Севера на Юг. Ни один захватчик, задумавший попасть на просторы России, не мог миновать Беларуси. Но только немецкие фашисты захотели решить эту проблему по-своему, используя антисемитизм. Они объявили евреев виновными поголовно в бедах всего человечества. Советских евреев последователи Гитлера назвали иудо-большевиками, пособниками Сталина. Беларусь стала в числе первых республик СССР, подвергшейся натиску германской военной машины. Белорусские евреи – первые жертвы политики тотального уничтожения. Именно здесь нацисты впервые опробовали свой механизм массовых убийств.

Я смотрю на Германию и немцев глазами сына своего отца, Лейбы Смиловичкого, солдата второй мировой войны, внука дедушки Мотеля-Баруха, потерявшего 17 Смиловичских во время массового расстрела в Речице Гомельской области в ноябре 1941 г., глазами израильского историка изучающего проблему Холокоста на территории СССР последние 25 лет.

После окончания войны сама жизнь толкала Израиль и Германию друг к другу. Немецкое руководство объявило политику особой ответственности в отношении молодого еврейского государства. Чего стоит заявление канцлера Ангелы Меркель: враг Израиля – это враг Германии. Сегодня нет

такой второй страны в мире, где бы настолько серьезно и вдумчиво изучали уроки второй мировой войны. Нигде не выделяют столько грантов, стипендий, защищают диссертаций, пишут и издают книг, снимают кинофильмов о политике нацистского геноцида в отношении евреев, как в Германии. Ни в одной стране мира не борются так решительно с проявлениями антисемитизма и неонацизма, как это делают в Германии.

Молодые немцы едут в Израиль работать волонтерами в дома престарелых с узниками гетто и концлагерей. Я встречал в Яд Вашеме юношей и девушек из Германии, которые помогали разбирать архивы, записывали и переводили интервью с людьми, пережившими Холокост. Это не только цена покаяния, но и мудрая государственная политика воспитания иммунитета в народе, обеспечить невосприимчивость немцев к возрождению нацизма. Сделать так, чтобы Германия никогда больше не испила горькую чашу поражения, самого страшного и разрушительного в ее истории.

Важно, какими глазами посмотрят на Германию и немцев наши дети, люди XXI века. Сколько еще проклятие прошлого будет отравлять отношения между двумя народами? Мой старший сын Алеша отслужил в боевых частях Армии обороны Израиля, окончил Еврейский университет в Иерусалиме и поехал изучать китайский язык в Маньчжурию. Его лучший друг – Рой из Германии. С ними учились еще три немца, но Рой выбрал в друзья моего сына – израильтянина, единственного еврея на весь университет. Узнав, что Алеша из Израиля, Рой спросил:

- Ты, наверное, меня ненавидишь?
- Почему?
- Ну, ведь я немец ...
- Я к тебе ничего не имею, но то, что нацисты делали с евреями – знаю.

От автора

Теперь они лучшие друзья. Алекс подарил Рою хамсу¹ из Иерусалима. Молодой человек был настолько тронут, что пообещал, когда у него будет свой дом – повесит на стену. Человек разумный отличается именно способностью помнить. Это качество дано ему природой и закреплено естественным отбором. Стоит отказаться от памяти (или утратить ее) и человечество откатывается далеко назад. Время стирает память. Это своего рода защитный механизм, чтобы сохранить человеческий мозг от перегрузки эмоциями, переживаниями, разочарованиями, горьким опытом, неудачами, потерями. Но стоит пустить этот процесс на самотек, как все ошибки, просчеты и промахи рода человеческого повторяются. У нас нет права позволить следующему поколению людей утратить память о трагедии Холокоста.

Настоящая работа никогда не была бы выполнена, если бы я не жил в Беларуси и не уехал в Израиль. Получив образование, ученую степень и сделав первые шаги в науке в Минске, я не только хорошо узнал и полюбил эту страну, но почувствовал ее людей и историю. Однако, только покинув пределы Беларуси, я смог по-настоящему оценить ее прошлое и настоящее. Вдумчивое, кропотливое и объективное исследование возможно лишь при условии, когда автор не зависит от прихоти политической конъюнктуры, сохраняет независимый подход при освещении событий, которые только недавно стали достоянием историков. Меня убедили в этом неоднократные поездки в республику последние 25 лет, встречи и общение с коллегами, с которыми я поддерживаю постоянную связь, которым я очень благодарен. И среди них: Игорь Жуковский и Ирина Жданович (Березино), Анатолий Синило (Богушевичи), Хaim Басин, Ирина Вавренюк, Борис Брук (Брест), Семен Бородич (Дараганово), Тереса Кудрик (Волпа), Наталья Апацкая, Леонид Качанович (Городея), Лина Цивина (Городок),

¹ Защитный амулет в форме ладони, которым пользуются евреи и арабы, другое название — «рука бога».

Евгения Леус (Грозово), Софья Воротынцева (Деревное), Наталья Круковская (Дукора), Франц Хомич (Дуниловичи), Станислав Манько (Индурा), Валентина Адамович (Ивенец), Андрей Асташеня и Виктор Дулевич (Каменец), Михаил Новик (Камень), Валентина Шуракова (Копыль), Сергей Старикиевич, Алла Шидловская (Красное), Игорь Шалаумов (Крупки), Антон Апанасевич (Лебедево), Николай Анисовец, Александр Гребенок и Ксения Семашко (Лоев), Станислав и Ирина Сильвановичи, Леон Карпович (Лунно), Анастасия Но-вицкая, Ядвига Просоловская (Ошмяны), Жанна Курильчик, Ольга Подвойская (Липень), Игорь Прокопович (Нарочь), Александр Пилинкевич (Налибоки), Неонила Цыганок (Осиповичи), Регина Величко (Пески), Юрий Зелевич, Ирина Седова (Пружаны), Борис Муха и Станислав Крепский (Пуховичи), Валентина Слуцкая (Россь), Раиса Ботвинник (Радошковичи), Дарья Эверс (Родня), Ромуальда Соболевская (Рубежевичи), Екатерина Ярмолик (Ружаны), Нина Сакова (Свислочь), Галина Ванкевич и Раиса Тычина (Слуцк), Людмила Драпезо (Смиловичи), Михаил Мацкевич (Столбцы), Наталья Илинич (Талька), Софья Пакалевич (Тимковичи), Ирина Вабищевич (Червень), Екатерина Сыщевич (Узляны) и др.

Ценную помощь и моральную поддержку в работе книгой мне оказали коллеги единомышленники, которых я искренне благодарю. Прежде всего, это профессор Симха Гольдин, профессор Яakov Roit, профессор Захар Шибеко (Тель-Авивский университет), профессор Шауль Штампфер и доктор Владимир Левин (Еврейский университет в Иерусалиме), доктор Арон Шнеер (Яд ва-Шем). Важные советы и предложения сделали профессор Цви Гительман (Center for Judaic Studies at the University of Michigan, Ann Arbor, USA), Абрам Торпусман (Краткая еврейская энциклопедия в Иерусалиме), Яков Басин (Union of Councils for Soviet Jews), д-р Ирина Кашталян и д-р Александр Долговский (Историческая мастерская им. Леонида Левина в Минске), д-р Илья Альтман и Леонид Терушкин (Российский научно-просветительный центр «Холокост»), д-р Вадим Кошман и Анна Богданова

От автора

(Институт истории Национальной академии наук Беларуси), д-р Александр Грахоцкий (Гомельский государственный университет), Георгий Шепелев (Национальный институт восточных языков и цивилизаций в Париже), д-р Александр Фридман (Берлинский университета им. Гумбольдта), Сергей Шупа (Радио «Свобода» в Праге), Юлиана Миколуцкая (Музей истории и культуры евреев Беларуси в Минске), Юлиан Верхолевский (Еврейское агентство для Израиля в Беларуси, Минск), Дмитрий Давыдовский (Национальная библиотека Беларуси), Тамара Вершицкая (Музей еврейского сопротивления в Новогрудке).

В ходе подготовке книги я постоянно ощущал товарищескую поддержку выходцев из Беларуси и их потомков, живущих сегодня в разных странах мира. Слова особой благодарности я хочу выразить Эдуарду Скульскому (Гиватайм, Израиль), Давиду Лисовскому (Аугсбург, Германия), Геннадию Шляпинтоху (Чикаго), Леониду Миркину (Вашингтон), Сергею Нехамкину (Минск), Григорию Рейхману (Ашдод), Галине Норкиной (Регенсбург, Германия), Леону Гershовичу (Шломи, Израиль), [Михаилу Шифману] (Хайлигенхаус, Германия), Рите и Иде Айзенштат (Цфат, Израиль), Цви Рашаль (Хайфа) и др.

Глубокую признательность я выражают Рине Глаубах из Иерусалима, улучшившей текст рукописи, и Шаулю Симан-Тову из Тират-Кармель, подготовившему макет книги и иллюстрации, Александру Литину из Могилева и моей жене Виктории за помощь в создании обложки.

Книга вышла при финансовой поддержке Научно-исследовательского центра диаспоры им. Гольдштейна-Горена при Тель-Авивском университете, Всеизраильского объединения выходцев из Беларуси и Организации беженцев и пострадавших в Холокосте из СССР и Восточной Европы в Израиле (The organization for Refugee and Holocaust Victims in the USSR and Easter Europe, in Israel).

From the author

The history of the Holocaust is an unhealed wound on the body of the Jewish people's memory. It does not scar over the years and it is not subject to the well-known rule that time heals. Despite the change of generations and the passing away of the last witnesses and participants of the Second World War, this topic continues to remain relevant, since people have not found answers to the main questions, how this could happen and how to make sure it does not happen again.

The tragedy of Jews subjected to the Nazi genocide passed through families. It does not fit on the pages of textbooks, academic publications, works of art and exists independently apart from the official history. Just as people, getting older, appeal to their life experience and wisdom, understand the nature of things and events more and more deeply, humanity, as the events of the Second World War move away from today, looks at what happened on a larger scale, objectively and without bias.

The seventy-five years that have passed since the end of World War II have constituted an entire era in human history. It took these decades to heal wounds and revive a peaceful life. It is known that in the Soviet Union, unlike the rest of the world, the topic of the Holocaust was hushed up. But even more than a quarter of a century after the collapse of the USSR and the formation of independent states in the post-Soviet space, the truth about the Holocaust has not been fully told, approaches to its coverage are wavering, assessments of the tragic past have not been developed, and the collected information requires in-depth analysis and reflection.

With the collapse of the Soviet Union, many military myths, falsifications and misconceptions began to disappear, including the

history of the Holocaust, attitudes changed, archives were opened, the attitude of society towards basic humanitarian values changed, and human life was recognized as the greatest asset. The independent states that emerged on the site of the former Soviet republics determined their attitude to the tragedy of the Jews who suffered at the hands of the Nazis and their accomplices.

Belarus, due to its geopolitical position, occupies a special place in Europe. It is located at the crossroads of West to East and North to South roads. Not a single invader planning to get to the vastness of Russia could escape Belarus. But only the German fascists wanted to solve this problem in their own way, using anti-Semitism. They declared Jews to be guilty without exception for the troubles of all mankind. Hitler's followers called Soviet Jews Judeo-Bolsheviks, Stalin's accomplices. Belarus became the first republic of the USSR to be attacked by the German military machine. Belarusian Jews are the first victims of the policy of total annihilation. It was here that the Nazis first tested their massacre mechanism.

I look at Germany and the Germans through the eyes of my father's son, Leiba Smilovitsky, a soldier of the Second World War, the grandson of my grandfather Motel-Baruch, who lost 17 Smilovitsky during the mass execution in Rechitsa, Gomel region in November 1941, through the eyes of an Israeli historian studying the problem of the Holocaust in the territory Soviet Union for the last 25 years.

After the end of the war, life itself pushed Israel and Germany towards each other. The German leadership has declared a policy of special responsibility towards the young Jewish state. Consider the statement of Chancellor Angela Merkel: the enemy of Israel is the enemy of Germany. Today there is no second country in the world where the lessons of the Second World War are not so seriously and thoughtfully studied. Nowhere else do they allocate so many grants, scholarships, defend dissertations, write and publish books, make films about the policy of the Nazi genocide against Jews, as in Germany. There is no other country in the world

who fights against manifestations of anti-Semitism and neo-Nazism as decisively as they do in Germany.

Young Germans go to Israel to work as volunteers in nursing homes with prisoners of ghettos and concentration camps. I met young men and women from Germany in Yad Vashem who helped to sort through archives, and who recorded and translated interviews with Holocaust survivors. This is not only the price of repentance, but also a wise state policy of fostering immunity among the people, to ensure the immunity of the Germans to the revival of Nazism. To make sure that Germany never again sips the bitter cup of defeat, the most terrible and destructive in its history.

It is important how our children, the people of the 21st century, will look at Germany and the Germans? How much longer will the curse of the past poison relations between the two peoples? My eldest son Alyosha served in the combat units of the Israel Defense Forces, graduated from the Hebrew University in Jerusalem and went to study Chinese in Manchuria. His best friend is Roy from Germany. Three more Germans studied with them, but Roy chose my son – an Israeli, the only Jew in the whole university – as his friend. Upon learning that Alyosha was from Israel, Roy asked:

- You probably hate me?
- Why?
- Well, I'm German...
- I have nothing to you, but I know what the Nazis did to the Jews.

They are now best friends. Alyosha gave Roy a hamsa from Jerusalem. The young man was so moved that he promised that when he had his own house, he would hang it on the wall. Homo sapiens differs from all living beings on earth precisely in the ability to remember. This quality is given to him by nature and is fixed by natural selection. It is worth giving up memory (or losing it) and humanity rolls back far back. Time erases memory. It is a kind of defense mechanism to keep the human brain from being overloaded with emotions, worries, disappointments, bitter experiences, failures, losses. But it is worth letting this process take

its course, as all the mistakes, miscalculations and blunders of the human race are repeated. We have no right to allow the next generation of people to lose the memory of the tragedy of the Holocaust.

The present work could never have been done, had I not lived in Belorussia and had I not repatriated to Israel. Thoughtful and objective research is possible only when an author adheres to an independent approach in elucidating events which have only recently become available to historians. I have become convinced of this after my many travels to the Republic over the last twenty years, my meetings and conversations with colleagues with whom I am in constant touch.

From the pages of the book, the reader will hear not only the voice of the author, but also that of many witnesses who have shared with him their reminiscences, observations and conclusions. It is these that have allowed him to correctly evaluate archival documents and to read "between their lines." The author presents here his personal point of view in describing the events, but he alone is fully responsible for the way he has reconstructed happenings and depicted the behavior of individuals appearing in the book. The reader may judge for him/herself how convincing and objective the author has been in achieving his objectives.

The author would like to express his deep gratitude to scholars for their invaluable remarks and moral support: Dr. Simha Goldin, Prof. Yaakov Ro'i, Professor Zahar Shybeko (Tel Aviv University), Professor Shaul Stampfer and Vladimir Levin (Hebrew University in Jerusalem), Dr. Aaron Sneer (Yad Vashem).

Important advice and suggestions were made by Professor Zvi Gitelman (Center for Judaic Studies at the University of Michigan-Ann Arbor, US), Mr. Abram Torpusman (The Shorter Jewish Encyclopedia in Russian, Jerusalem), Dr. Iryna Kashtalian and Dr. Aliaksandr Dalhouski (Geschichtswerkstatt Leonid Lewin in Minsk), Dr. Ilya Altman and Leonid Terushkin (Russian Scientific and Educational Center "Holocaust"), Dr. Vadim Koshman and Anna Bogdanova (Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus), Dr. Alexander Grakhotsky (Gomel State

University), Georgy Shepelev (National Institute of Oriental Languages and Civilizations in Paris), Dr. Alexander Fridman (Humboldt University of Berlin), Sergei Shupa (Radio Liberty in Prague), Juliana Mikolutskaya (Museum of History and Culture of Jews of Belarus in Minsk), Julian Verkholevsky (Jewish Agency for Israel in Belarus, Minsk), Dmitry Davydovsky (National Library of Belarus), Tamara Vershitskaya (Museum of Jewish Resistance in Novogrudok).

In preparing the book, I always felt the friendly support from natives of Belorussia and their descendants, who now live in various countries. I would like to express my special gratitude to Eduard Skulsky (Givatayim, Israel), David Lisovsky (Augsburg, Germany), Gennady Shlyapintokh (Chicago), Leonid Mirkin (Washington), Sergey Nekhamkin (Minsk), Yuri Zelevich (Pruzhany), Grigory Reikhman (Ashdod, Israel), Galina Norkina (Regensburg, Germany), Leon Gershovich (Shlomi, Israel), **Mikhail Shifman** (Heiligenhaus, Germany), Rita and Ida Aizenshtat (Tsfat, Israel), Zvi Rashal (Haifa) Anton Panasevich (Lebedevo, Belarus) and others.

I express my deep gratitude to Mrs. Rina Glaubakh from Jerusalem, who improving manuscript, and Mr. Shaul Siman-Tov from Tirat-Carmel, for preparing the book's mock-up, photographs, diagrams and illustration, Mr. Alexander Litin from Mogilev, and my wife Victoria for help in creating the cover.

7 K H E R R N Z D V S X E O L V K H
* R O G V W H L Q * R U H Q ' L D V S R
8 Q L Y H U V L W \ \$ V V R F L D W L R C
2 U J D Q L] D W L R Q I R U 5 H I X J H
(D V W H U (X U R S H L Q , V U D H

Предисловие

Настоящий сборник посвящен истории Холокоста на территории Беларуси и представляет собой дополнение к моей книге «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.»¹. Исключение составляет глава «Белорусская школа в годы немецкой оккупации, 1941–1944 гг.», которая не имеет прямого отношения к геноциду евреев, но знакомит с общей атмосферой в республике в годы войны. Все исследования были мною проведены в рамках Центра диаспоры при Тель-Авивском университете (Goldstein-Goren Diaspora Research Center of Tel Aviv University), где я работаю последние четверть века.

К лету 1941 г. евреи вместе с беженцами из Польши составляли 1 млн. чел. или 10% населения Беларуси. После оккупации республики нацисты создали на ее территории сотни гетто, а потом осуществили планомерные убийства евреев. В итоге Беларусь к 1944 г. потеряла 800 тыс. евреев, которых замучили, расстреляли или сожгли. К этому следует добавить потери среди евреев-военнослужащих, ведь в Красную армию были призваны или вступили добровольно 110 тыс. евреев Беларуси. Из общего количества сражавшихся с нацистами полумиллиона европейских солдат и офицеров, погибло 216 тыс. чел., в том числе 48 тыс. евреев – выходцев из БССР². Но сухая статистика не в силах сказать обо всем. Если принять во внимание, что до войны евреи составляли не

¹ Л. Смилович. *Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944*. Тель-Авив, 2000 г.

² *Очерки еврейского героизма* / Под ред. Г. Шапиро, С. Авербух. Киев, 1997 г., т. 3, с. 462, 466.

менее 60% городского населения республики, а врачи, инженеры, агрономы, конструкторы, финансовые работники, художники, музыканты, писатели, партийные и советские кадры – до 80%, то становится понятно, какой потенциал общественного, научного, культурного развития потеряла Беларусь в результате нацистского геноцида.

Как следствие Второй мировой войны произошли необратимые изменения в демографической структуре населения Беларуси. Евреи, устойчиво занимавшие ранее второе после белорусов место по численности, навсегда уступили его русским. Исчезли места компактного проживания евреев, усилились процессы миграции, ослаб интерес к языку идиш, возросло количество межнациональных браков. Однако при этом последствия Холокоста обострили национальное самосознание евреев³.

До конца 1980-х гг. в Беларуси, как и в целом в Советском Союзе, тему массовых убийств евреев на оккупированной территории историки и политики обходили молчанием. Традиции советского интернационализма исключали повышенное внимание к одной из национальных катастроф. Считалось, что Россия потеряла только русских, Украина – украинцев, Беларусь – белорусов, Грузия – грузин, Армения – армян и т. д., что о геноциде евреев можно не упоминать. Планомерное уничтожение советских евреев нацистами советская историография рассматривала исключительно в свете противостояния СССР и Германии, а термин «геноцид» первые 15 лет после окончания Второй мировой войны вообще не употребляли. Имелось в виду, что причина трагической гибели евреев в ок-

³ L. Smilovitsky. “A Demographic Profile of the Jews in Belorussia from the Pre-war to the Post-war time” // *Journal of Genocide Research* (New York), vol. 5 (1) 2003, pp. 117-129.

<http://www.jewishgen.org/Belarus/newsletters/misc/DemographicProfile/index.html>

купации состояла не столько в их национальной принадлежности, сколько в их «советскости».

В Беларуси, которая больше других республик СССР пострадала в годы войны, политика геноцида мирного населения была исследована достаточно подробно⁴, но при этом не было принято отмечать еврейские жертвы.

Первые публикации по истории Холокоста появились уже во второй половине 1940-х гг. и в 1950-х гг., это была главным образом мемуарная литература на идише, иврите, русском и английском языках. В ней отразился опыт бывших узников, прошедших путь от заключения в гетто до своего спасения и участия в движении Сопротивления⁵. Эти публикации представляли собой, как правило, бесхитростные личные истории, отличались пристрастностью и предвзятостью оценок, но они содержали огромный фактический материал, передавали ощущение времени и до сих пор заставляют сопереживать.

⁴ Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941–1944 гг.: Сборник материалов и документов. Минск, 1963 г.; Нацистская политика геноцида и выжженной земли в Белоруссии, 1941–1944 гг.: Документы и материалы. Минск, 1984 г.; Нямецка-фашисты генацыд на Беларусі, 1941–1944 гг. / Пад рэд. Ў. Міхнюка. Мінск, 1995 г.; Беларусь у гады другой сусветнай вайны: урокі гісторыі і сучаснасць. Мінск, 1995 г.; Озарichi – лагерь смерти: Документы и материалы. Минск, 1997 г.; Белорусские остатарбайтеры: Сборник документов об угоне населения Белоруссии в Германию. Ч. I-III. Минск, 1996-1998 гг.; Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь: Аннотированный справочник. Минск, 1998 г.; Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайне. Праблемы гістарыяграфіі і крыніца-знаўства / Пад рэд. А.М. Ліцвіна. Мінск, 1999 г.

⁵ Тувья и Зусе Бельские. Еврейский лес. Тель-Авив, 1946 г. (идиш); Г. Смоляр. Мстители гетто. Москва, 1947 г.; Партизанская дружба: Воспоминания о боевых делах партизан-евреев, участников Великой Отечественной войны. Москва, 1948 г.; M.Kaganovich. The Fighting of the Jewish Partisans in Eastern Europe. Tel Aviv, 1954 г. (Hebrew); Sefer ha-Partizanim ha-Yehudim (The Book of Jewish Partisans) // Moravia, Yad Vashem. Jerusalem, 1958.

В 1960–1990-е гг. появились монографии и серьезные научные исследования о Катастрофе восточноевропейского еврейства, изданные, главным образом, в Израиле и странах Запада. Условно их можно разделить на следующие группы: ситуация накануне Холокоста⁶, предание гласности документов и материалов о нацистской политике в отношении евреев⁷,

⁶ Ben-Cion Pinchuck. *Shtetl Jews under Soviet rule Eastern Poland on the Eve of the Holocaust: Jewish society and culture.* Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: B. Blackwell, 1990; “Jewish Refugees from Poland in Belorussia, 1939–1940”: Documents / Introduced and annotated by E. Ioffe and V. Selemenev // *Jews in Eastern Europe*, vol. 1 (32), 1997, pp. 45–60; “Jews in Eastern Poland and the USSR, 1939–1946” // *Studies in Russian and East Europe*. 1st ed. Hounds-mills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan in association with the School of Slavonic and East European Studies, University of London Press, 1991; M. Altshuler. *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile*. Jerusalem, 1998; T. Fatal-Kna'ani. “A Community Mirrored in Letters: The Jews of Grodno in 1932–1941” // *Yalkut Moreshet*. Tel Aviv, No 66, 1998, pp. 69–80 (Hebrew); Б. Кантарович. *Незадолго до и после Холокоста: Мемуарные, публицистические и искусствоведческие работы*. Витебск, 2002 г.

⁷ *Blackbook of the Localities Whose Jewish Population Was Exterminated by the Nazis*. Yad Vashem, Jerusalem, 1965; *Where once we walked* / By G. Mokotoff and Sally Ann. A Guide to the Jewish Communities Destroyed in the Holocaust. New York, 1991; Уничтожение евреев Советского Союза в годы немецкой оккупации, 1941–1944: Сборник документов и материалов / Под ред. И. Арада. Яд ва-Шем, Иерусалим, 1992 г.; В. Левин, Д. Мельцер. *Черная книга с красными страницами. Трагедия и героизм евреев Белоруссии*: Материалы и документы. Балтимор, 1996 г.; *Неизвестная Черная книга: Свидетельства очевидцев о Катастрофе советских евреев* / Под ред. И. Арада. Москва–Иерусалим, 1993 г.; *Холокост в Беларуси, 1941–1944* гг.: Документы и материалы / Сост. Э.Г. Иоффе, Г.Д. Кнатько, В.Д. Селеменев. Минск, 2002 г.

Предисловие

истории гетто и еврейского сопротивления⁸, документация акций геноцида⁹.

Западная историография из-за отсутствия архивного материала вынуждена была долгое время обходить тему Холокоста в Советском Союзе. В результате образовалась информационная ниша, которая в 1990-е годы стала быстро заполняться¹⁰.

⁸ A. Tartakower (ed.). *Jewish Resistance During the Holocaust* // Yad Vashem Memorial Institute. Jerusalem, 1971; R. Ainzstein. *Jewish Resistance in Nazi-Occupied Eastern Europe*. London, 1974; L. Eckman, Ch. Lazar. *The Jewish Resistance: The History of Jewish Partisans in Lithuania and White Russia During the Nazi Occupation, 1940–1945*. New York, 1977; J. Porter. Nusan (ed.). *Jewish Partisans: A Documentary of Jewish Resistance in the Soviet Union During World War II*, vol. 1. New-York, 1982; A. Wertheim. “Zydowska partyzantka na Białorusi” // *Zeszyty Historyczne*, № 86, 1988, pp. 96-162. Jewish Resistance during the Holocaust (Westport, CT: Meckler, 1989); Бен-Цион Даган. *Мы из восставшей Лахвы*. Тель-Авив, 2001 г.; Яков Шепетинский. *Приговор: Военная Одиссея узника гетто, партизана, фронтовика и зэка*. Тель-Авив, 2002 г.

⁹ N. Alpert. *The Distraction of Slonim Jewry*. New-York, 1989; Y. Arad, Sh. Krakowski and Sh. Spektor (eds.). *The Einsatzgruppen Reports: Selections from the Dispatches of Nazi Death Squads' Campaign against the Jews, July 1941 – January 1943*. Jerusalem - New-York, 1989; Y. Tzur. “The Maly Trostinetz Death Camp” // *Yalkut Moreshet*, № 59 (April), 1995, pp. 31-52 (Hebrew); Y. Buchler. “Local Police Force Participation in the Extermination of Jews in Occupied Soviet Territory” // *Shvut*, № 4 (20), 1996, pp. 79-99; *Мартиролог: Списки евреев, погибших во время Второй мировой войны* / Сост. И.М. Шендерович. Могилев, 2001 г.; Е.С. Розенблат. *Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения западных областей Беларуси, 1941–1944 гг.*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1999 г.

¹⁰ Э. Иоффе. *Страницы истории евреев Беларуси*. Минск, 1997 г.; *Трагедия евреев Беларуси в годы немецкой оккупации, 1941–1944 гг.*: Сборник документов и материалов. Изд. 2-е / Под ред. Раисы Черноглазовой. Минск, 1997 г.; *Нацистское золото из Беларуси: Документы и материалы*. Минск, 1998 г.; И. Альтман. *Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг.* Москва, 2002 г. (Сер. *Анатомия Холокоста*).

Наиболее ценные исследования были выполнены в это время учеными Израиля и их коллегами в странах Западной Европы и США¹¹.

Статьи, обзоры, воспоминания, сборники документов и монографии о Холокосте, изданные в 1996–2003 гг., значительно отличаются по своему профессиональному уровню, глубине анализа, осмыслиения и фактическому богатству, и прежде всего работы, написанные в Беларуси. Эти серьезные исследования¹², как правило, являются очень эмоциональными¹³.

¹¹ Sh. Cholawski. “Underground and Partisans from the Slonim Ghetto” // *Massuah*, No 23. 1995, pp. 185-198 (Hebrew); D. Porat. “Zionists and Communists in the Underground during the Holocaust: Three Examples: Cracow, Kovno and Minsk” // *The Journal of Israeli History*, vol. 18, No 1. 1997, pp. 57-72; Gerlach, Ch. “Failure of Plans for an SS Extermination Camp in Mogilev, Belorussia” // *Holocaust and Genocide Studies* (Washington), vol. 11, No 1 (Spring) 1997, pp. 60-78; Goldhagen, D. J. *Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust*. New York, 1996; N. Tec. *Jewish Resistance: Facts, Omissions and Distortions*. United States Holocaust Memorial Museum. Washington, 1997; A. Geier. *Heroes of the Holocaust*. New York, 1998; B. Chiari. *Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weisrusland, 1941–1944*. Schriften des Bundesarchivs, Bd. 53. Dusseldorf, 1998; D. Romanovsky. “The Holocaust in the Eyes of ‘Homo-Sovieticus’”: A Survey Based on North-Eastern Belorussia and North-Western Russia // *Holocaust and Genocide Studies*, No 13 (3). Winter, 1999, pp. 355-382; M. Dean. *Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944*. New York - London, 2000.

¹² М.Я. Савоняко. *Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 гг.*: Дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1993 г.; Е. Розенблат, И. Еленская. *Пинские евреи, 1939–1944 гг.* Брест, 1997 г.; М. Батвінік. «Паўстанне ў Глыбоцкім гета» // *Беларуская мінуўшчына*. Мінск, 1997 г., № 6, с. 71-73; Г. Кнатко. *Гибель Минского гетто*. Минск, 1999 г.; И.Ю. Сервачинский. *Коллаборационизм на оккупированной территории Белоруссии (июль 1941 г. – август 1944 г.)* // Автореф. ... канд. ист.

Особое место в белорусской историографии заняла новая тема – о взаимоотношениях евреев и неевреев на оккупированной территории¹⁴. Во второй половине 1990-х гг. благодаря доступу к белорусским архивам историография Холокоста на территории республики значительно обогатилась¹⁵. В серии историко-документальных хроник городов и районов Беларуси «Память», издающейся с 1987 г., начали появляться докумен-

наук. Минск, 1999 г.; А.М. Ліцвін. *Акупацыя Беларусі (1941–1944 гг.)*. Пытанні супраціву і калабарацыі: Зборнік артыкулау. Мінск, 2000 г.; А. Литвин. «К вопросу о количестве людских потерь Беларуси в годы Великой Отечественной войны» // *Беларусь у XX стагоддзі*. Минск, 2002 г., с. 127-138.

¹³ Д. Гай. *Десятый круг. Жизнь, борьба и гибель Минского гетто*. Москва, 1991 г.; В. Самович. *Расстрелянные, замученные и повешенные. Фашистский геноцид в Бресте*. Брест, 1994 г.; А. Розенблюм. *Следы в траве забвения. Евреи в истории Борисова*. Борисов, 1996; Г. Винница. *Слово памяти*. Орша, 1997 г.; С. Марголина. *Остаться жить*. Минск, 1997 г.

¹⁴ А. Купреева. «Покинутый народ» // *Беларуская мінуўшчына*, № 2, 1993; Аб Мише. *Черновой вариант*. Иерусалим, 1994 г.; Р. Левин. *Мальчик из гетто*. Москва, 1996 г.; Д. Романовский. «Холокост в Восточной Белоруссии и Северо-Западной России глазами неевреев» // *Вестник Еврейского университета в Москве*, № 2(9), 1995 г., с. 93-103; Его же. «Отношения между евреями и неевреями на оккупированных советских территориях глазами евреев на примере Северо-Восточной Белоруссии и Западной России» // Там же, № 1(18), 1998 г., с. 89-122; Б. Житницкая. *Жизнь, прожитая с надеждой*. Рамат-Ган, 1998 г. и др.

¹⁵ Э. Иоффе. «Катастрофа белорусского еврейства в отечественной историографии» // *История Беларуси. Вопросы истории и культуры*. Вып. 2. Минск, 1998, с. 99-106; Д. Романовский. «Холокост на территории Беларуси в западной историографии» // Там же, с. 81-98; *Нямецкая пропаганда на Беларусі, 1941–1944 гг. Канфрантація паміж пропагандай і рэчаіснасцю*: Каталог выстаўкі ў Берлине и Минску, 1996; L. Smilovitsky. “A Historiographical Survey of the Literature on the Holocaust in Belorussia, 1996–1998” // *Shvut*, No 8(24), 1998.

ты по истории Холокоста, списки погибших в гетто, сведения об участии евреев в партизанской борьбе, указания памятников на местах массовых захоронений и т.д.

Большая часть сведений, появившихся в публичном пространстве после 2000 г., основывается на записи устных свидетельств, не подтверждена документами, и их трудно проверить.

За последние 20 лет белорусские историки внесли немалый вклад в изучение трагедии евреев в годы Второй мировой войны. На сегодняшний день есть обзорные работы по истории Холокоста в Беларуси Эммануила Иоффе, Давида Мельцера, Евгения Розенблата, Геннадия Винницы¹⁶, Кузьмы Козака¹⁷. Важные сборники документов и материалов были изданы при участии Раисы Черноглазовой¹⁸, Марата Ботвинника¹⁹, Вячеслава Селеменева, Инны Герасимовой²⁰ и др. Однако все эти работы стали возможными только благодаря личной инициативе самих исследователей. Эти достижения были бы значи-

¹⁶ Геннадий Винница. *Холокост на оккупированной территории Восточной Белоруссии в 1941–1944 годах*. Минск, 2014 г.

¹⁷ К.И. Козак. *Германские и коллаборационистские потери на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944): анализ и итоги*. Минск, 2012 г.

¹⁸ *Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг.*: Сб. материалов и документов. Изд. 2-е / Под ред. Р.И. Черноглазовой. Минск, 1997 г.

¹⁹ М. Ботвинник. *Памятники геноцида евреев Беларуси*. Минск, 2000 г., Его же. *Холокост в книгах «Память» Республики Беларусь*. Минск, 2008 г.

²⁰ *Выжить – подвиг: Воспоминания и документы о Минском гетто* / Сост. И.П. Герасимова и В.Д. Селеменев. Минск, 2008 г.; *Свидетельствуют плачи. Уничтожение евреев на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг.: Документы и материалы* / Сост. В.И. Адамушко, В.Д. Селеменев, И.П. Герасимова. 2-е изд. Минск, 2010; *Хатынская стена памяти. Архив. История. Память: Документы и материалы* / Сост. В.Д. Селеменев, Н.А. Денисова, Н.В. Кириллова и др. Минск, 2016 г.

Предисловие

тельнее при государственной поддержке, выделении грантов, стипендий, а не только с помощью зарубежных спонсоров.

Можно назвать некоторые особенности Холокоста в Беларуси:

- она оказалась одной из первых республик в СССР, подвергшейся натиску германской военной машины;

- белорусские евреи стали первыми жертвами политики тотального уничтожения, так как именно здесь нацисты опробовали свой механизм массовых убийств;

- республика послужила первым конечным пунктом тайной депортации и уничтожения евреев из оккупированных стран Европы;

- в отличие от Латвии и Литвы, узников гетто из Беларуси не вывозили в лагеря уничтожения в Польшу, а убивали на глазах у местных жителей;

- белорусские евреи приняли самое активное участие в партизанском движении.

Большинство гетто (свыше 150) нацисты создали в западной части республики, а в восточной – более 100 гетто. На территории Беларуси, включенной в рейхскомиссариат Украина, они организовали 45 гетто, самые крупные из которых находились в Бресте (27 тыс. чел.) и Пинске (25 тыс. чел.). В зоне германской военной администрации (Минская, Могилевская, Витебская, большая часть Гомельской и некоторые районы Полесской области) существовало 43 гетто.

Всем беженцам было приказано вернуться к месту дооценного проживания, чтобы выявить чужаков. Местным органам власти предписывалось немедленно сообщать обо всех незнакомых лицах. Некоторые гетто на территории Беларуси (Минск, Брест, Пинск, Глубокое и др.) можно отнести к типичным для Восточной Европы. Внутренней жизнью в них руководили юденраты, действовала еврейская полиция, использовался принудительный труд и пр. Отдельные гетто просуществовали продолжительное время, в частности: в

Бресте – 10 месяцев, в Минске – 2 года 3 месяца, в Барановичах – 2 года 5 месяцев.

Большая часть евреев Западной Беларуси, не успев эвакуироваться, попали под оккупацию в первые 10 дней войны. В ряды Красной армии из этих мест военкоматы успели призвать только 10% еврейского населения, тогда как в Восточной Беларуси – 33%. Восточная часть республики оказалась в зоне оккупации прифронтовой полосы. Гетто здесь не имели хозяйственного значения и уничтожались нацистами в первую очередь. В Западной Беларуси гетто просуществовали дольше, поскольку они были вовлечены в экономические структуры рейха, а их трудовые ресурсы активно использовались для нужд вермахта. Немцы даже разрешили в таких гетто медицинское обслуживание и боролись с эпидемиями, тогда как заключение в гетто восточной части означало смертный приговор.

В Восточной Беларуси в 1921–1941 гг. еврейская общинная жизнь исчезла, поэтому организовать выживание узников было намного труднее, чем в Западной Беларуси. Евреи Восточной Беларуси считались наиболее подверженными советскому влиянию и способными к партизанской борьбе. Если сопротивление нацистам в Восточной Беларуси было только коммунистическим, то в Западной – еще и сионистским.

Сборник состоит из трех разделов, которые представлены научными статьями, докладами автора на международных научных конференциях, посвященных Холокосту в Советском Союзе, и его интервью по названной теме средствам массовой информации (журналы, газеты, радио и телевидение).

Большую ценность для читателя представляет статья, рассказывающая о гетто в Гомельской области как наименее изученных в истории Холокоста в Беларуси. Возможно, так сложилось потому, что Гомельская область была оккупирована в республике последней – в августе 1941 г. и освобождена первой – в ноябре 1943 г.

Статья «Операция 1005» посвящена попыткам нацистов скрыть следы массовых убийств на территории Беларуси и

Предисловие

написана по итогам доклада автора к научной конференции в Париже в 2010 г. Эта тема до сих пор до конца не разработана белорусскими историками, хотя материалов собрано немало. Настоящая глава является первым опытом такого обобщения и дает цельную картину трагических событий на территории республики.

Глава «Холокост как военное преступление» – подготовлена по материалам писем и дневников бойцов и командиров Красной армии и членов их семей в годы войны. Они были собраны в рамках проекта «Невостребованная память», инициированного автором в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете, и впервые вводятся в научный оборот. На сегодняшний день частная переписка периода Второй мировой войны – коллекция автора – содержит письма, документы, фотографии и предметы личного происхождения 307 советских солдат и офицеров (28 тыс. 62 документа, включая 8 тыс. 352 письма). Все они сканированы, набраны в текстовом редакторе и каталогизированы. К письмам и дневникам подобраны ключевые слова, что позволяет без труда ориентироваться в собрании.

Отдельная глава посвящена истории Минского гетто, которое давно стало символом Холокоста белорусского еврейства. Это было самое большое гетто (около 100 тыс. узников) на территории Советского Союза в границах 1939 г. Оно просуществовало дольше других, и было уничтожено одним из последних. Расстрел в конце октября 1943 г. остававшихся 10 тыс. узников ускорило убийство гауляйтера Беларуси Вильгельма Кубе. Эту акцию по приказу Сталина выполнила диверсионная группа НКГБ СССР при активном участии белорусских партизан. Когда операция планировалась, никто не захотел принять во внимание, как это отразится на судьбе гетто, хотя последствия были предсказуемы. В рамках этой главы представлен анализ демографических последствия Холокоста в Беларуси, отмечен современный уровень знаний о судьбе евреев в годы войны, подчеркнуты отличия Холокоста на территории республики по сравнению с другими регионами

Советского Союза, приведены особенности гетто восточных и западных областей республики, рассмотрена роль юденратов, описана судьба евреев из Германии, Австрии, Голландии, Чехии, Венгрии, Франции, Польши, доставленных в Минск для уничтожения начиная с осени 1941 г., – всего, по разным оценкам, от 26,5 до 55 тыс. чел.

История белорусских евреев в период Холокоста содержит прежде всего сведения о геноциде и действиях карателей айнзацгрупп, устройстве и функционировании свыше 300 гетто и концлагерей, где узников унижали, морили голодом, заставляли надрываться на непосильных физических работах, ссорили друг с другом, натравливали белорусов на евреев обещаниями раздать имущество и собственность обреченных. Гораздо меньше известна другая – героическая страница этой трагедии. Евреи приняли самое активное участие в партизанском движении Беларуси, которое нацисты до лета 1942 г. не без основания считали еврейским (большинство первых партизан составляли коммунисты, партработники, военнопленные и евреи). Бежавшие из гетто евреи пополнили целый ряд отрядов белорусских партизан. Они участвовали в боевых операциях, «рельсовой войне», засадах, выполняли агентурные задания, собирали разведывательную информацию, занимались пропагандистской работой, были врачами, оружейниками, радиостанциями, заготавливали продукты, работали в партизанских прачечных, сапожных и портняжных мастерских, ухаживали за ранеными. Одной из форм этой борьбы стали еврейские семейные лагеря и отряды, не имевшие аналогов в других странах Европы.

Отношение к памяти о Холокосте в Беларуси имеет свои отличия. Утверждение белорусской стороны «нас тоже убивали», поэтому незачем говорить об особом отношении нацистов к евреям долгое время препятствовало объективному освещению событий во время оккупации республики. Ответ на этот вопрос содержится в главе «Геноцид евреев или белорусов?», которой автор придает принципиальное значение. Беларусь является единственной страной в Европе, где до сих пор

официально ставится знак равенства между жертвами войны и геноцида, тогда как это совершенно разные понятия. Идея геноцида белорусского народа в годы нацистского нашествия пронизывает в Беларусь всю тему советско-германской войны, начиная от школьных учебников, вузовских курсов лекций и кончая диссертациями. Этот тезис был унаследован от советской истории и продолжает использоваться после распада СССР и обретения Беларусью независимости в 1991 г., безраздельно господствуя в наши дни. Любое сомнение в его верности воспринимается крайне болезненно. В действительности опасность, которой подверглось еврейское население республики с началом войны, не поддается сравнению с положением белорусов или русских. Нацисты никогда не убивали белорусов по национальному признаку, тогда как даже еврейский младенец в колыбели уже был обречен на уничтожение. В этой связи утверждать «нас тоже убивали» абсолютно неправомерно.

Вопросу замалчивания нацистского геноцида евреев в послевоенные годы посвящена глава об отношении к Холокосту в СССР и послевоенной Беларусь. Правда о Холокосте бросала тень на весь советский режим. Признать это означало обнародовать подлинную цену победы и объяснить, почему она так велика. Как могло случиться, что десятки тысяч советских людей, в том числе комсомольцев и коммунистов, бывших партийных работников, солдат и офицеров Красной армии, переходили на сторону врага, выдавали и убивали евреев, присваивали их имущество? Сохранение тоталитарного режима требовало поддерживания видимости интернационализма, демократии, свободы личности и прав человека, формального равенства перед законом. Понятно, что в таких обстоятельствах правда о Холокосте оставалась неугодной.

Отдельный раздел книги посвящен участию автора в работе международных научных форумов в Берлине, Вене, Париже, Барселоне, Варшаве, Вильнюсе, Москве и Тель-Авиве. Каждая публикация здесь не только раскрывает суть того или иного научного доклада автора, но и описывает то, что его

окружало, что он наблюдал и чувствовал в той поездке, пытаясь определить, какое влияние история Холокоста оказывает на жизнь за пределами Израиля, как формирует мировоззрение современного поколения.

Заключительный раздел посвящен интервью Л. Смиловицкого газетам, журналам, интернет-порталам, радио и телевидению, раскрывающих значимость изучения истории Холокоста в Беларуси.

Материалом для написания работ для настоящего сборника послужили архивы Беларуси, России и Израиля, периодические издания и научные монографии, которые дополнили устные свидетельства, записанные автором в ходе его интервью с участниками и свидетелями описываемых событий. Несомненную ценность представляет изучение документов Центрального штаба партизанского движения Беларуси, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь, а также Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодейств немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба на временно оккупированной территории СССР из Государственного архива Российской Федерации, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Центрального архива КГБ Республики Беларусь, воспоминания и свидетельства узников гетто, концлагерей, партизан и праведников народов мира из Израильского национального мемориала Катастрофы и геройства восточноевропейского еврейства (Яд ва-Шем).

Книга снабжена именным и географическим указателями, которые облегчают поиск интересующих вопросов, дают представление о многообразии собранных свидетельств современников и участников описываемых событий, где и как именно это происходило. В ней отсутствует общий список использованной литературы и источников. Однако все главы снабжены библиографическими ссылками, которые для удобства читателя расположены постранично, а не в конце текста.

Сборник иллюстрирован редкими трофеинными фотографиями военных лет и уникальных находок, сделанных в 2017 г.

Предисловие

в ходе раскопок на месте массовых расстрелов евреев из Минского гетто в Малом Тростенце, а также факсимиле обложек книг на разных языках, посвященных истории Холокоста в Беларуси, изданных после 1945 г.

Foreword

The present study was carried out at the Goldstein-Goren Diaspora Research Centre at Tel Aviv University and devoted to the history of the Holocaust on the territory of Belarus. It is a kind of continuation of the book “The Holocaust in Belorussia, 1941-1944”, published by the author in Tel Aviv in 2000. The only exception is the chapter “Belarusian School under the Germans”, which has no direct relation to the genocide of Jews, but introduces the general atmosphere in the republic during the war years.

By the summer of 1941, the Jewish population of Belarus, together with refugees from Poland, amounted to 1,000,000 people, or 10% of the republic's population. After the occupation of the republic, the Nazis created hundreds of ghettos, and then the systematic murders of Jews began. As a result, Belarus lost 800,000 Jews, who were tortured, shot or burned by 1944. This picture should be supplemented by taking into account the losses among the Jewish servicemen. Over 110,000 Jews of Belarus volunteered for the Red Army or were drafted to it. Of the total number of half a million Jewish soldiers and officers who fought against the Nazis, 216,000 Jews died, of which 48 thousand Jews were from the BSSR.

But statistics cannot tell everything. If we take into account that before the war, Jews constituted at least 60% of the urban population of the republic, and among doctors, engineers, agronomists, designers, financial workers, artists, musicians, writers, Communist Party and Soviet State cadres – up to 80%, then how much did Belarus lose as a result of the Nazi genocide?

After the Second World War, irreversible changes took place in the demographic structure of the population of Belarus. The Jews, who had long occupied the second place after the

Belarusians, forever ceded it to the Russians. The places where the Jews concentrated changed, migration processes intensified, interest in the Yiddish language weakened, and the number of interethnic marriages increased. On the other hand, the aftermath of the Holocaust sharpened the national identity of the Jews.

Until the end of the 1980-s. in Belarus, as in the Soviet Union in general, historians and politicians avoided talking about the fate of Jews in the occupied territory. The traditions of Soviet internationalism excluded increased attention to a catastrophe of a single nation. It was believed that Russia lost so many Russians, Ukraine lost so many Ukrainians, Belarus lost so many Belarusians, and so it was for Georgia, Armenia and other nations that it was not appropriate to speak separately about the genocide of Jews. Soviet historiography considered the death of Soviet Jews exclusively in the light of the confrontation between the USSR and Germany, and avoided use of the term “genocide” for the first 15 years after the end of the Second World War. It was assumed that the “fault” of the Jews who perished in the occupation was not so much their Jewishness as their “Sovietness”.

In Belarus, which suffered during the war more than other republics of the USSR, the policy of genocide of civilians was studied in great detail, but it was not customary to talk about Jewish victims. The first works on the history of the Holocaust, mainly memoirs, appeared in Yiddish, Hebrew, Russian and English in the second half of the 1940s and 1950s. They reflected the experience of former prisoners who went from imprisonment in a ghetto to their salvation and participation in the Resistance movement. These publications were naive, superficial and tendentious, but they contained a huge amount of factual material, gave a sense of the era and still make the reader empathize. In the 1960s and 1990s, monographs and serious scholarly studies on the Holocaust of East European Jewry appeared, published mainly in Israel and Western countries. They can be conditionally divided into the following groups: the eve of the Holocaust, publication of documents and materials on Nazi policy towards Jews, history of the ghetto, Jewish resistance, genocide actions.

Due to the lack of archival material, Western historiography had to bypass the topic of the Holocaust in the Soviet Union for a long time. As a result, an informational void was formed, which in the 1990s. began to fill up quickly. The most valuable studies were carried out by Israeli scientists and their colleagues in Western Europe and the United States.

The topic of the relationship between Jews and non-Jews in the occupied territory was completely new for Belarusian historiography. In the second half of the 1990-s, thanks to the access to the Belarusian archives, the historiography of the Holocaust in the republic was significantly enriched. In a series of historical and documentary chronicles of cities and regions of Belarus "Memory", published since 1987, documents began to appear on the history of the Holocaust, lists of ghetto victims, descriptions of Jewish participation in the partisan struggle, lists of monuments at places of mass graves, etc.

Articles, reviews, memoirs, collections of documents and monographs about the Holocaust published after 2000 differ significantly in their professional level, depth of analysis, comprehension and reliability. Some of them are serious research, others are very emotional. Most of the information provided is based on oral testimony, is not documented and is difficult to verify.

Over the past 20 years, Belarusian historians have made a significant contribution to the study of the tragedy of the Jews during the Second World War. To date, there are review works surveys on the history of the Holocaust in Belarus by Emmanuel Ioffe, David Melzer, Evgeny Rosenblat, Gennady Vinnitsa, Kuzma Kozak and others. Important collections of documents and materials were published with the participation of Raisa Chernoglazova, Marat Botvinnik, Vyacheslav Selemenev, Inna Gerasimova and others. However, all these works became possible only thanks to the personal initiative of the researchers themselves. These achievements would have been greater had there been more government support, grants, scholarships in addition to the help of foreign sponsors.

The following facts related to the Holocaust in Belarus should be mentioned. It was the first republic of the USSR to be attacked by the German military machine. Belarusian Jews were the first victims of the policy of total annihilation. It was here that the Nazis tested their mass murder mechanism. Belarus was the first destination for secret deportation and extermination of the Jews of the Reich and the countries of Europe occupied by it. Unlike Latvia and Lithuania, ghetto prisoners from Belarus were not taken to extermination camps in Poland, but were killed in front of local residents. Belarusian Jews took an active part in the partisan movement.

Most of the ghettos (over 150) existed in the western part of the republic, and in the eastern part there were more than 100 ghettos. On the territory of Belarus, included in the Reichskommissariat "Ukraine", there were 45 ghettos, the largest of which were in Brest (27,000 Jews) and Pinsk (25,000 Jews). There were 43 ghettos in the zone of the German military administration (Minsk, Mogilev, Vitebsk, most of the Gomel and some areas of the Polesye region).

All refugees were ordered to return to their place of pre-war residence in order to identify strangers. Local authorities were required to immediately report all strangers. Some ghettos in Belarus (Minsk, Brest, Pinsk, Glubokoe, etc.) can be classified as typical for Eastern Europe. The inner life of the ghetto was ruled by the Judenrats, the Jewish police functioned, forced labor was used, etc. Some ghettos existed for a long time: in Brest - 10 months, in Minsk - 27, in Baranovichi - 29, etc.

Most of the Jews were captured in Western Belarus, which was occupied during the first 10 days of the war, and therefore they did not manage to evacuate. In the ranks of the Red Army from these places the military registration and enlistment offices managed to call only 10% of the Jewish population, while in Eastern Belarus - 33%. The eastern part of the republic ended up in the military zone of occupation of the front line. The ghettos here had no economic value and were the first to be destroyed. In Western Belarus, ghettos lasted longer, as they were involved in the

economic plans of the Reich, and their labor resources were actively used for the needs of the Wehrmacht. The Germans even allowed medical care there and fought epidemics, while life in the ghettos of the Eastern part was a death sentence.

In Eastern Belarus in 1921-1941, Jewish community life had disappeared, so it turned out to be much more difficult for Jews to organize for their survival there than in Western Belarus. Jews in Eastern Belarus were considered the most susceptible to Soviet influence and capable of partisan struggle. Resistance to the Nazis in Eastern Belarus was only by communists, while in Western Belarus there were also Zionist led resistance organizations.

The book consists of three parts: scientific articles, a story about the author's participation in international scientific conferences on the history of the Holocaust in the Soviet Union, and interviews on this topic in popular publications, newspapers, radio and television.

Of great value to the reader is the chapter describing the ghetto in the Gomel region, as it was the least studied in the history of the Holocaust in Belarus. Perhaps this happened because the Gomel region was the last region to be occupied the republic in August 1941, and the first liberated in November 1943.

The chapter "Operation 1005" on the concealment of the traces of mass crimes of the Nazis in Belarus was written following a scholar report by the author at a conference in Paris in 2010. This topic has not yet been fully developed by Belarusian historians, although a many materials have been collected. This chapter is the first attempt to provide a broad review of the topic and it gives a complete picture of the tragic events throughout the republic.

"The Holocaust as a war crime" is the central theme of the chapter, which was written on the basis of letters and diaries of soldiers and commanders of the Red Army and members of their families during the war. They were collected within the framework of the "Unclaimed Memory" project, which I initiated at the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University, and are being introduced into scientific discussion for the first time. At the present, the collection of private correspondence from the Second

World War, collected by the author, contains letters, documents, photographs and personal items of 307 Soviet soldiers and officers (28,062 documents, including 8352 letters). They are all scanned, typed in a text editor and catalogued. Key words have been selected for letters and diaries, which makes it easy to navigate their content.

A separate chapter is devoted to the history of the Minsk ghetto, which has long become a symbol of the Holocaust of Belarusian Jewry. It was the largest ghetto (about 100,000 prisoners) on the territory of the Soviet Union within the borders of 1939. It existed longer than others, and was one of the last to be destroyed. The shooting of the last ten thousand prisoners at the end of October 1943 hastened the murder of the Gauleiter of Belarus Wilhelm Kube. By order of Stalin, this action was carried out by a sabotage group of the NKGB (People's Commissariat of State Security) of the USSR with the active participation of Belarusian partisans. But at the same time, no one wanted to take into account how this would affect the fate of the ghetto even though the consequences were predictable.

Within the framework of this chapter, the demographic consequences of the Holocaust in Belarus are given, an assessment of modern knowledge about the tragedy of Jews during the war years is given, the features of the Holocaust in Belarus that differ from other regions of the Soviet Union are pointed out as well as the differences between the ghettos of the eastern and western regions of the republic, the role of the Judenrats and the fate of foreign Jews brought to Minsk for destruction, starting in the autumn of 1941 from Germany, Austria, Holland, Czech Republic, Hungary, France, Poland – in total, according to various estimates, from 26,500 to 55,000 Jews.

The history of Belarusian Jews who suffered from the Holocaust is full of horrible stories about the actions of the Einsatzgruppen, the establishment of over 300 ghettos and concentration camps, where prisoners were humiliated, starved, forced to work hard physical labor, quarrels Jews had with each other, tensions and struggles between Belarusians and Jews, and

German promises to distribute the property and property of the doomed.

Less well known is another, heroic page of the people's tragedy. Jews took the most active part in the partisan movement in Belarus, which the Nazis until the summer of 1942 considered Jewish, not without reason (most of the first partisans were communists, party workers, prisoners of war and Jews). Jews who fled from the ghettos joined a number of detachments of Belarusian partisans. They participated in military operations, "rail war", ambushes, carried out undercover missions, collected intelligence information, were engaged in propaganda work, were doctors, gunsmiths, radio operators, procured food, worked in partisan laundries, shoe and tailor shops, and looked after the wounded. One of the forms of this struggle was Jewish family camps and detachments that had no analogues in other European countries.

The attitude to the memory of the Holocaust in Belarus has its own peculiarities. The statement of the Belarusian side – "We were also killed, so there is no need to talk about the special attitude of the Nazis towards Jews" - for a long time prevented an objective coverage of the events of the Holocaust in Belarus. The answer to this question is contained in the chapter "Genocide of Jews or of Belarusians?", The author attaches fundamental importance to the fact that Belarus is the only country in Europe where an equal sign is still officially put between terrorism and genocide, while these are completely different concepts. The idea of the genocide of the Belarusian people during the years of the Nazi invasion permeates the whole theme of the Soviet-German war in Belarus, from school textbooks, university courses of lectures and ending with dissertations. This thesis was taken from Soviet history and continues to be used after the collapse of the USSR and the independence of Belarus in 1991, reigning supreme today.

The danger that the Jewish population of the republic was exposed to with the outbreak of the war in no way lends itself to comparison with the Belarusians or the Russians. The Nazis never killed Belarusians on the basis of ethnicity, while a Jewish baby in

the cradle was doomed to destruction by its very birth. In this regard, it is absolutely inappropriate to assert “we were also killed”.

The chapter on the attitude towards the Holocaust in the USSR and post-war Belarus is devoted to the question of hushing up the tragedy of the Nazi genocide of Jews in the Soviet Union in the post-war years. The truth about the Holocaust cast a shadow over the entire Soviet regime. To admit this was to make public the true price of victory and explain why it was so high. How could it happen that tens of thousands of Soviet people, including Komsomol (Young Communist League) members and communists, former party workers, soldiers and officers of the Red Army, went over to the side of the enemy, betrayed and killed Jews, and appropriated their property? The preservation of the totalitarian system required maintaining the appearance of internationalism, respect for democracy, individual freedom of human rights, formal equality before the law. Under these circumstances, it is clear that the truth about the Holocaust became objectionable.

A separate section of the book is devoted to the author's participation in the work of international scientific forums in Berlin, Vienna, Paris, Barcelona, Warsaw, Vilnius, Moscow and Tel Aviv, convened to cover the topic of the Holocaust in the USSR. Each mini-chapter of this section tells not only about the author's scientific report in a particular country, but also about what surrounded him, what he observed and felt. Simultaneously, the reader also finds out what impact the tragedy of the Holocaust has on the surrounding life outside Israel, and shapes the worldview of the modern generation.

The final section is devoted to my interviews that appeared in newspapers, magazines, Internet portals, radio and television. They reveal the importance of studying the history of the Holocaust in Belarus. Material for writing articles for this collection was collected in the archives of Belarus, Russia and Israel, periodicals and monographs, together with oral testimonies recorded by the author during his interviews with participants and contemporaries of the described events. Of particular value are the documents of the Central Staff of the Partisan Movement of Belarus, stored in the

National Archives of the Republic of Belarus; The Extraordinary State Commission for the Investigation of the Atrocities of the Nazi invaders and their accomplices and the damage caused by them in the temporarily occupied territory of the USSR from the State Archives of the Russian Federation; The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation; Central archive of the KGB of the Republic of Belarus, memoirs and testimonies of prisoners of ghettos, concentration camps, partisans and righteous people of the world from the Israeli National Memorial to the Holocaust and Heroism of Eastern European Jewry (Yad Vashem).

The volume is provided with personal and geographical indexes, which facilitate the search for questions of interest, give an idea of the variety of collected testimonies of contemporaries and participants in the events described. All chapters are provided with bibliographic references, which for the convenience of the reader are located page by page, and not at the end of the text.

The book is illustrated with rare photographs of the war years and photographs of unique finds made during excavations at the site of the mass executions of Jewish prisoners of the Minsk ghetto in Maly Trostenets in 2017, as well as facsimiles of book covers in different languages of books on the history of the Holocaust in Belarus, published after 1945.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Белорусская школа в годы немецкой оккупации

Спустя полвека после начала Великой Отечественной войны стало общепризнанным, что ее история правдиво так и не написана. С неменьшим основанием можно утверждать, что работа учебных заведений в годы немецкой оккупации также ожидает своего исследования. До недавнего времени историкам позволяли касаться только тех сторон обучения, которые имели отношение к деятельности учреждений народного образования, действовавших в советском тылу или в партизанских зонах. Однако с точки зрения организации эта школьная система ни в какое сравнение не идет с аналогичной на оккупированной гитлеровцами территории, где действовали сотни учебных заведений, школ, прогимназий, лицеев и учительских семинарий, институтов, где работали тысячи учителей и обучались десятки тысяч учащихся. До сих пор мало что известно о существовании в оккупированной Беларуси «просветительской» работы оккупационных властей – в кинотеатрах, библиотеках, музеях, выставках, театрах и даже... цирке. Устаревшие подходы к изучению истории, санкционированные партийными инстанциями, не позволяли поднять этот пласт нашего трагического прошлого. Только в последние годы стало возможным публично обсуждать ранее запретные темы.

Преступная неподготовленность к войне сталинского режима летом 1941 г. привела к тому, что в считанные месяцы Белорусская ССР, Прибалтика, как и обширные области Украины и России, оказались заняты врагом. На захваченной территории остались миллионы людей, которые были лишены

правдивой информации о положении на фронтах и фактически брошены своим государством на произвол судьбы. К концу лета, когда фронт относительно стабилизировался, за Смоленском, на небольшой части республики, немецкая военная администрация создала генеральный комиссариат Белоруссии, входивший в рейхкомиссариат Остланд (RKO). К 1942 г. все территории к востоку от Бобруйска и Борисова вошли в состав армейского тыла группы армий «Центр». На юге все районы Гомельской и Брестской областей были присоединены к рейхкомиссариату Украина, а северо-западная часть бывшей БССР включена в состав Восточной Пруссии (Гарден). Эти земли уже считались Германией. Северо-восток края (Гродно-Браслав) отдали генеральному округу Литва (Generalbezirk Litauen). Таким образом, от довоенной территории БССР оставалась едва одна четверть – Минск, Барановичи, Борисов и некоторые другие небольшие местности.

Генеральный комиссариат Белоруссии был разделен на «гебиты», те, в свою очередь, на поветы, а последние – на волости. Гебитами руководили немцы или фольксдойче¹, а поветы подчинялись зондерфюрерам. Местному населению разрешалось формировать только городские, местечковые и волостные управы.

Укрепляя свой тыл, немецкие власти открывали не только промышленные предприятия, учреждения, но и учебные заведения. Уже 10 сентября 1941 г. Вильгельм Кубе², вступивший в должность гауляйтера Белоруссии, издал директиву «О временных школьных правилах», в которых разъяснялось, что немецкое командование будет проводить свою политику без

¹ Фольксдойче (нем. Volksdeutsche) – обозначение «этнических германцев» до 1945 г., которые жили за пределами Германии.

² Вильгельм Рихард Пауль Кубе (*Wilhelm Richard Paul Kube*; 1887–1943) – немецкий государственный и политический деятель нацистской Германии, генерал-комиссар (руководитель оккупационной администрации) генерального округа Белоруссия, убит в Минске в результате покушения, организованного силами советской разведки с помощью партизан 22 сентября 1943 г.

помощи «водки, махорки и нагайки» и направлять ее на «культурное возрождение». Все дети в возрасте от 7 до 14 лет, за исключением еврейских, должны были пойти в школу. Начать учебный год планировалось 1 октября 1941 г. Определялись и учебные дисциплины: белорусский язык и литература, природоведение, ботаника и зоология, география, арифметика, пение, ручной труд и физическая культура. Занятия по закону Божьему должны проводиться вне школы. При этом подчеркивалась необходимость борьбы с «русской и польской идеологиями».

В городских школах предлагалось организовать раздельное обучение мальчиков и девочек. Деятельность школ подчинялась генеральному комиссариату в Минске, а в областях – окружным инспекторам³. Одновременно школьные инспекторы отвечали за создание детских домов для тех, кто потерял родителей и ближайших родственников в ходе боевых действий. Так, только в Минске было открыто 8 детских домов, при которых работали школы и обучалось 750 чел.⁴

Через год после начала войны под контролем немецкой гражданской администрации работали учебные округа: Барановичский, Борисовский, Вилейский, Ганцевичский, Глубокский, Лидский, Минский, Новогрудский, Слуцкий и Слонимский. В них действовали тысячи школ и других учебных заведений. Школьная структура была следующей: «общее просвещение и образование» призваны давать прогимназии, основывавшиеся на четырехклассной народной школе. На базе прогимназии планировалось развивать школьное строительство в различных направлениях: педагогической, административной, торговой, охраны здоровья и пр.⁵ И такие учебные заведения действительно были учреждены. В Барановичах приступила к работе трехгодичная медицинская школа по подготовке акушерок, фармацевтов и медицинских сестер, зубных

³ *Раніца*. Берлин, 25 декабря 1941 г.

⁴ *Беларуская газэта*. Менск. 5 апреля 1942 г., с. 4.

⁵ *Беларуская школа*. Менск. 1942 г., № 4, с. 30.

врачей и ветеринаров, а через некоторое время – художественная школа живописи и резьбы по дереву, дорожная школа и четырехгодичная административно-торговая школа. Оккупационные власти дали разрешение организовать школу портных в Городее и двухлетнюю ремесленную школу в Ляховичах, учительскую семинарию в Новогрудке и ремесленные учебные заведения в Кошлеве, Козловщине и Косове с одиннадцатью отделениями. В Вилейском учебном округе открыли учительскую семинарию в Молодечно, лесную школу в Радошковичах, торфомелиоративные курсы в Кривичах, земледельческие школы в Мяделе и Вязыне. В Сморгони работала торговая школа, в Марьиной Горке – сельскохозяйственная школа, в Горы-Горках – сельскохозяйственное училище, в Могилеве – медицинский институт, в Бобруйске – музыкальная школа и др.⁶ (см. табл. 1).

Польский историк Юрий Турунек приводит в своей книге «Беларусь под оккупацией немецкой»⁷ более полные сведения по данному вопросу: в генеральном округе Белоруссия к концу 1941/42 учебного года функционировало 3 485 школ, в которых обучались 346 тыс. учащихся и преподавали 9 716 учителей. Мало этого, белорусские начальные и средние школы организовывались не только в генеральном комиссариате Белоруссия, но и на всей территории края, где только можно было подыскать учителей и необходимые помещения. Например, уже в 1941 г. в Латвии работали белорусские начальные школы в Двинщине, Режицком и Лютинском поветах, белорусская гимназия в Индре (Больбиново), а в Риге – три белорусские шестиклассные школы⁸. В Литве насчитывалось 350 белорусских народных школ, гимназий и учительская семинария⁹.

⁶ *Беларуская школа*. Минск. 1942 г., № 1-2, с. 11.

⁷ Юрий Турунек. *Беларусь под оккупацией немецкой*. Варшава, 1989 г., с. 67.

⁸ *Беларуская газэта*. Минск. 17 сентября 1942 г.

⁹ *Беларуская газэта*. Минск. 15 января 1942 г.

Таблица 1

**Сеть учебных заведений системы народного образования
на оккупированной территории Беларуси в 1942 г.**

Учебный округ	Школы	Педагоги	Учащиеся
Барановичский	437	1 226	4 7971
Борисовский	98	197	9 970
Бегомльский	143	370	5 981
Вилейский	420	974	40 116
Глубокский	484	954	43 466
Минский	642	1 454	71 430
Новогрудский	307	751	31 197
Лидский	405	596	25 819
Слонимский	217	496	25 380
<i>Всего</i>	<i>3 153</i>	<i>7 018</i>	<i>30 1330</i>

Составлено по: *Беларуская школа*. Менск. 1942 г., № 5, с. 7, 9, 11-16;
Раніца. Берлин. 1942 г., № 47-48.

В количественном отношении открытые с разрешения немецких властей белорусские школы, конечно, уступали до-военному уровню 1940/41 учебного года: соответственно 27% школ и 22,5% учащихся. Но что побуждало родителей отдавать детей в школы, открытые с разрешения немцев? Чем руководствовались педагоги, согласившиеся на преподавание под властью нацистов? И ответ здесь не может быть односложным. По всей видимости, нужно учитывать и советские репрессии накануне войны, вызвавшие ненависть к сталинскому режиму, и шок от внезапного нападения Германии, повлекшего поражение и бегство Красной армии. Наконец,

потребность учить детей грамоте и счету, а подростков – умениям и навыкам, необходимым для приобретения профессии, с которой они войдут в трудовую жизнь. Так или иначе, функционирование учебных заведений ни в коем случае не являлось поводом обвинить педагогов в сотрудничестве с врагом. Тем не менее, официальное советское руководство именно так поставило вопрос после 1945 г., приравнивая учителей к военнопленным, изменившим присяге и совершившим предательство (прямое или косвенное).

Немецкая администрация придавала большое значение деятельности школы в достижении своих политических целей. Языком преподавания был определен белорусский. Только в районах с преимущественно польским населением отдельные занятия разрешалось проводить по-польски. Школ с преподаванием на русском языке не существовало. В январе 1942 г. Главный школьный инспекторат начал издание специального журнала под названием «Белорусская школа» в двух сериях (для учителей и учащихся). Этот журнал знакомил с постановкой народного образования в традициях нацизма, доводил до сведения учителей требования немецких властей в этом вопросе, а также служил учебным и методическим пособием для нужд школы. Передовая статья, открывавшая первый номер журнала, взывала:

«Наставники! Великий вождь германского народа Адольф Гитлер и его солдаты разрушили острог, в который были заточены чужаками-жидами и их московскими прислужниками белорусы. Славный немецкий солдат открыл вам дорогу в культурный мир новой Европы. Немецкая власть дает вам собственные народные школы. Большевики превращали ваших детей в безвольных и бездушных последователей чужой системы. В новых школах снова засветило солнце белорусской культуры, немецкий солдат своей кровью сделал вас участниками великой мозаики национального творчества европейских народов»¹⁰.

¹⁰ Беларусская школа. Минск. 1942 г., № 1-2, с. 1.

Журнал «Белорусская школа» в подтверждение своих выводов о том, что большевики превратили школу и учебные заведения в «жалкие сажалки коммунизма», в которых и здоровые дети заражались «тлетворной бактерией коммунизма», приводил учебные планы и программы, методические рекомендации и литературу довоенного Наркомпроса БССР. Пронизанные духом классовой борьбы и поиском «врагов народа», клеветнических наветов, в том числе и на видных деятелей белорусского национального возрождения, советские педагогические издания и методические разработки действительно были далеки от гуманистических принципов.

Терминологическая комиссия при Главном школьном инспекторате в Минске к декабрю 1941 г. подготовила школьные программы по белорусскому и немецкому языкам, математике, физике, химии, природоведению, истории, географии, обществоведению, музыке, пению, рисованию. Труднее всего обстояло дело с учебниками. Они были, по свидетельству главного инспектора школ ксендза В. Годлевского, переполнены коммунистической пропагандой по самым невинным предметам, даже букварь, задачник по арифметике, примеры по грамматике белорусского языка, учебники по природоведению и т. д. Как следствие этого в декабре 1941 г. последовал приказ Вильгельма Кубе «О запрещении использования советских и старых польских учебников в школе»¹¹. Запрет распространялся даже на школьные атласы и карты. Всю советскую учебную литературу следовало сдавать районному бургомистру. Нарушение упомянутого приказа влекло за собой увольнение из школы и другие наказания. Для сомневающихся В. Кубе уточнял в заключительной части своего распоряжения, что «любое большевистское влияние», которое будет исходить из стен школы, карается смертью.

В течение первых 6–8 месяцев после начала войны уже были готовы 10 учебников для школы, в том числе немецко-белорусский словарь, учебник по немецкому и белорусскому

¹¹ *Беларуская школа*. Менск. 1942 г., № 1-2, с. 1.

языкам, переиздано «Белорусское правописание» Бронислава Тарашкевича и его же «Грамматика». Кроме того, школьные учебники и пособия печатались в Германии, Варшаве, Вильно и Минске. Вместе с тем программами и учебниками немцы интересовались не всегда. Учащиеся на оккупированной территории пользовались преимущественно советскими учебниками, из которых удалили портреты Сталина. Легче было там, где сохранились учебники из Виленской белорусской гимназии, такие как «Хрестоматия по белорусской литературе» М. Гарецкого, «Хрестоматия» И. Дворчанина, «Грамматика белорусского языка» Б. Тарашкевича, «География» А. Смолича и др.

Главным принципом школьной системы оккупанты сделали пропаганду национальной исключительности белорусского народа по отношению ко всему русскому и польскому. Наследие же еврейской культуры в Беларуси ставилось вне закона и подлежало немедленному уничтожению. Гитлеровцы понимали, что школа – это своего рода мотор национального самосознания и культуры и стремились всесторонне его использовать. Школьный инспектор И. Рунич писал в своей статье «Работа по организации белорусского просвещения»¹², что враги белорусского народа – поляки и русские – прилагали все усилия, чтобы не допустить в Беларуси существования национальной школы. Поляки открывали только польские, а русские – только свои школы. Они были бесполезны для белорусских детей, которые не понимали чуждого им языка, и калечили белорусских учащихся.

Через школу, культурно-просветительные учреждения, периодическую печать немецкие власти проводили мысль, что советская власть сознательно подвергала белорусский народ национальному унижению, что «грамота советской школы не находила применения в повседневной жизни, стиралась в памяти и бесследно исчезала»¹³. Из этого делался общий

¹² Беларуская газэта. Менск. 1942 г., № 1-2, с. 2.

¹³ Там же.

вывод о том, что недостаток просвещения замедлял развитие культуры и экономики края, что «помогало» большевикам господствовать над белорусами¹⁴.

Новые учебные программы, разработанные инспекторатом белорусских школ и представленные на конференции окружных и районных инспекторов Беларуси в конце 1941 г. в Минске, утверждали, что школы должны быть только белорусскими, что немецкие власти планируют постепенный переход с кириллицы на латиницу и что нужно к этому готовиться. Подчеркивалось, что учителя обязаны «всячески показывать княжеский период в истории Беларуси, ее обособленность от русской и польской истории, выделяя при этом, например, связи полоцких князей с немецкими рыцарскими орденами»¹⁵.

Поучителен анализ учебных программ, которые должны были определить направление учебного процесса в белорусской школе, контролировать его содержание. Программа по обществоведению предлагала подчеркивать разницу между русским большевизмом и немецким национал-социализмом и при этом «энергично» бороться с коммунизмом. В программе по географии рекомендовалось подводить учащихся к мысли, что «границы Беларуси до сих пор не определены». Программа по природоведению подчеркивала различия человеческих рас, их неоднозначность, законы Менделя о скрещивании и пр.

Много внимания власть уделяла подготовке педагогических кадров школы. Этой цели служили учительские конференции, методические и инструктивные совещания. С разрешения оккупационных властей открылись курсы повышения квалификации учителей сроком обучения от 1 до 6 месяцев, проводились семинары, встречи, «круглые столы» и др. 15 декабря 1941 г. в Минске, в помещении Белорусского драматического театра им. Янки Купалы, состоялась конференция окружных и районных инспекторов края, 10–31 января 1942 г. проходили курсы для школьных учителей Минска, где

¹⁴ *Беларуская газета*. Минск. 1942 г., № 1-2, с. 2.

¹⁵ Там же.

В. Кубе выступил с напутственной речью. Белорусских учителей знакомили с жизнью Третьего рейха и главными понятиями нацистской идеологии. 17 марта 1942 г. педагогам показали фильмы «Здоровье женщины – будущее нации», «Жизнь немецкого крестьянства» и «Вечный жид». Шеф отдела пропаганды генерального округа Белоруссия д-р Куртц прочитал доклад «Об основах национал-социалистического мировоззрения и борьбе с коммунизмом»¹⁶.

В апреле 1942 г. прошли районные учительские конференции в Молодечно (130 чел.), шестимесячные курсы для учителей Новогрудка, Барановичей, Несвижа, Глубокого (335 чел.), в августе – учительские конференции в Бегомле, Лиде, Юратишках, Ивье, Щучине, Желудке, Василишках. В Слуцке действовали волостные объединения учителей, которые собирались 2 раза в месяц. Они обсуждали вопросы педагогической и методической работы, тематику политических информаций для учащихся. Содержание их деятельности контролировал отдел пропаганды генерального комиссариата¹⁷.

Материальное положение учителей, и особенно в городах, оставалось тяжелым. Органы местного самоуправления могли только периодически выплачивать пособия по тарифам доведенного образца. Средняя ставка педагога составляла 350 руб., или 35 оккупационных марок¹⁸, а фунт масла на черном рынке стоил 1 оккупационную марку. По свидетельству современника и участника событий тех лет учителя Г. Немиги¹⁹, педагоги Минска питались хлебом, выпеченным из ячменно-овсяной муки с отрубями. На свой скучный заработок они должны

¹⁶ *Беларуская газэта*. Минск. 1942 г., № 1-2, с. 15; № 3, с. 22.

¹⁷ Там же, № 4, с. 28; № 5, с. 11–13.

¹⁸ Оккупационная рейхсмарка (нем. *Reichsmark*) – денежная единица, выпускавшаяся в Германии для оккупированных территорий в 1940–1945 гг., покупательная сила оккупационной рейхсмарки была намного ниже рейхсмарки на территории Третьего рейха, что вызвало оживленную спекуляцию.

¹⁹ *Записки Белорусского института науки и искусства*. Нью-Йорк, 1989 г., № 19, с. 105.

были одеться, обуться, заплатить за квартиру и коммунальные услуги, накормить себя и свою семью. Приспособливаясь каждый как мог: кто-то мастерил поделки и продавал на рынке, кто-то научился в домашних условиях гнать самогон, литр которого можно было продать на рынке за 18–20 марок. Сельские учителя были в несколько лучшем положении – кроме грошового заработка они получали по 6 фунтов для себя и по 5 фунтов на члена семьи ржаной, ячменной или овсяной муки, многие разбили огороды, завели курей и поросят, используя бывшие пришкольные участки.

Несмотря на столь трудное материальное положение, педагоги не оставляли школу. Они должны были не только вести занятия, но и отвечать на самые трудные вопросы своим ученикам, быть примером человечности и доброты, преданности и самопожертвования. Не будем забывать, что в тех условиях школа и учитель часто оставались единственной инстанцией, куда мог обратиться маленький человек.

Немецкое командование рассматривало школу как инструмент идеологического влияния на население оккупированной Беларуси, стремилось с ее помощью оправдать свою карательную политику. При этом ставка делалась на разжигание межнациональной розни, противопоставление народов, населявших довоенную БССР, друг другу, вытравливание всего позитивного, что было накоплено веками совместного проживания²⁰. «Каждый учитель-белорус, бурмистр, интеллигент, – писала “Белорусская школа”, – не должен забывать, что мы – белорусы, что Беларусь – только для белорусов. Осознание этого поможет подняться на надлежащую высоту. Мы обязаны навести железный порядок в школе, искоренить заведенную большевиками детскую распущенность и непослушание»²¹.

Настоящий смысл заинтересованного отношения оккупантов к школе раскрывает директива Адольфа Гитлера от весны 1942 г., составленная специально для восточных территорий

²⁰ Белорусская школа. Минск, 1942 г., № 1-2, с. 4.

²¹ Там же.

СССР, занятых Германией. В ней подчеркивалось, что среди населения необходимо было поддерживать только элементарный уровень культуры. Всеобщее обучение исключается, школы могли давать лишь навыки письма, чтения и счета, но «не настолько, чтобы узнать историю и оценить немецкую политику»²². Далее в директиве отмечалось, что гораздо эффективнее не открывать школы, а устанавливать громкоговорители в общественных местах для трансляции музыкальных и развлекательных передач²³.

Работу школы дополняла своего рода общественная культурно-просветительная организация «Белорусская самопомощь», в которой принимали участие учителя. По немецким источникам, она объединяла до 17 тыс. членов и почти 80 тыс. кандидатов в члены. Как указывалось в уставе «Самопомощи», ее отделения обязаны помогать людям, «потерпевшим от войны и большевиков, вдовам и беженцам, проводить культурную работу с населением». «Самопомощь» открыла 51 дом белорусской культуры, 46 изб-читален, 16 библиотек, 67 хоровых кружков, 88 драматических студий, 24 танцевальных коллектива, 24 спортивных и 12 музыкальных кружков и объединений²⁴.

Работники отдела пропаганды генерального комиссариата, обосновывая свое право спасать граждан Беларуси, активно пользовались информацией о преступлениях сталинщины. Они предъявляли подлинные и мнимые свидетельства произвола, творившегося от имени коммунистической партии и советской власти. Как известно, не была исключением в этом и политика Наркомпроса. Так, еще в 1930 г. НКП БССР получил указание компартии республики из 17 приграничных районов с Польшей перебросить сотни педагогов в восточные области как идеально невыдержаных. Поводом послужило то, что из 1 069

²² Юрий Туровек. *Беларусь под оккупацией немецкой*. Варшава, 1989 г., с. 88.

²³ Там же.

²⁴ *Белорусская школа*. Минск, 1942 г., № 6, с. 31.

учителей коммунисты и комсомольцы составляли соответственно только 4% и 10%²⁵. Соображения профессионального или личного характера во внимание не принимались.

В 1936–1938 гг. по указанию И.В. Сталина были ликвидированы национально-административные районы по всей стране. Вместе с ними разрушению подверглась национальная школа республики – прекратили свое существование литовские, польские, еврейские, немецкие и латышские школы Беларуси. В сентябре 1939 г. в состав БССР вошли районы Западной Беларуси, а вскоре белорусские, польские, еврейские и украинские учебные заведения, работавшие под началом Министерства народного образования Польши, стали подвергаться русификации и закрываться. Приведем в этой связи свидетельство бывшего советского школьного инспектора А.А. Шукелойца²⁶:

«В 1939 г. я и мой коллега, выпускник Виленского университета, отсидевший 6 лет в польских тюрьмах, член КПЗБ, обратились в районный комитет партии с вопросом: какова причина закрытия польских, белорусских и еврейских школ в Западной Белоруссии? Где сказано у Карла Маркса, что, как только рабочие завоюют политическую власть, школы должны переводиться на русский язык?! Вскоре меня арестовали...»

Накануне войны, как известно, советские репрессии были обращены против национальной интеллигенции как наиболее мыслящей части народа. Такие видные деятели послереволюционного возрождения Беларуси, как Д. Жилунович, Я. Лесик, А. Смолич, Б. Таращевич, А. Цвикович, И. Дворчанин и даже те, кто ушел из жизни ранее, в 1920-х годах, – А. Гарун, М. Богданович, К. Каганец, подверглись несправедливым обвинениям. Неугодными оказались даже Кирилл Туровский и Франциск Скорина, жившие в средние века и по праву считавшиеся отцами-основателями белорусского просветитель-

²⁵ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ), ф. 4, оп. 14, д. 9, лл. 8–12.

²⁶ *Література і мастацтва*. Минск, 26 ліпеня 1991 г., с. 14.

ства. Все довоенные комиссары народного образования Беларуси были ошельмованы и расстреляны или покончили жизнь самоубийством: В. Игнатовский, А. Балицкий, А. Платун, Н. Пивоваров, А. Дьяков, В. Воронченко. Их судьбу разделили многие учителя и преподаватели средней и высшей школы БССР.

В годы войны народное просвещение Беларуси понесло урон в 4,6 млрд. руб. в ценах 1941 г.²⁷, но как измерить потери нравственные? По сути дела, белорусское уительство раскололось. Одна его часть успела эвакуироваться в тыл или была призвана в РККА. Другая, наиболее многочисленная, оказалась по воле обстоятельств на временно оккупированной территории и разделила все тяготы жизни со своим народом. Их действия не выходили за рамки обычной педагогической работы. За известным исключением, они не сотрудничали с врагом, хотя были обязаны доносить о настроениях населения оккупационным властям. Тем не менее, на учителей пало обвинение в пособничестве и они оказались мишенью для партизан. Вот что рассказал автору учитель Т.Я. Телеш:

«В 1942 г. разведчики нашего отряда появились в деревне Зеленовичи Калинковичского района. Они зашли в школу и спросили у учителя, почему она работает. В ответ услышали, что люди просили, а староста добился разрешения у немцев. Учебники на партах лежали советские, но с вырванными страницами. На доске написано: «Сталин – юде, Гитлер – освободитель». Партизаны закрыли школу, распустили детей по домам, а учителя предупредили... Тот божился, что его заставили. Через два месяца партизаны пришли снова. На этот раз они были в форме солдат-словаков, а один переодет под немецкого офицера. Школа работала. Спросили, как дела? Учитель ответил, что хорошо, но из леса приходили бандиты, выгнали детей на улицу, а ему угрожали. Потом добавил, что люди просят, что он хочет работать, а немцы не возражают. Партизаны вывели учителя за школу и расстреляли. До сих

²⁷ Навіны беларускай акадэміі. Мінск, 15 сакавіка 1991 г.

пор не знаю, правильно мы поступили или нет. Никто никого не жалел, время было жестокое»²⁸.

Наиболее сложным оказался 1943/44 учебный год, когда под натиском Красной армии и начавшегося подъема партизанского движения немцы начали терпеть одно поражение за другим. Результатами военных неудач немецкой армии явились массовые карательные операции при отступлении, в ходе которых уничтожалось все что можно. Выжигая целые районы, оккупанты закрывали школы и учебные заведения, видя в них рассадник сопротивления.

В июле 1944 г. вся территория Беларуси была освобождена, партизаны вышли из леса. Из эвакуации начали возвращать учебные заведения. Часть работников и организаторов педагогического процесса отзывали из действующей армии, чтобы вовремя подготовиться к началу нового учебного года.

Многое в истории оккупационного периода предстоит оценить заново, придется пройти через муки прочтения своего прошлого, оценить достигнутое, понять невосполнимость понесенных потерь, разобраться в себе и вынести уроки на завтра.

Опубликовано:

Леанід Смілавіцкі. «Невядомыя старонкі беларускай школы»: Гады нямецкай акупацыі (1941–1944 гг.) // *Полымя*, 1994 г., № 12, с. 192–198.

²⁸ Запись беседы с Тимофеем Яковлевичем Телешем 20 мая 1989 г. в Боровлянах Минского района // Архив автора.

Гетто в Гомельской области: общее и особенное

Гомельская область была образована в январе 1938 г. на юго-востоке Белорусской ССР по соседству с Россией и Украиной. На 1 января 1941 г. она включала в себя 15 районов (Буда-Кошелевский, Ветковский, Гомельский, Добрушский, Жлобинский, Журавичский, Кормянский, Лоевский, Рогачевский, Речицкий, Стрешинский Светиловичский, Уваровичский, Тереховский, Чечерский), 235 сельских советов, 6 городов, 8 местечек и 1 рабочий поселок. По территории это была самая небольшая из десяти довоенных областей БССР и составляла всего 15 тыс. 800 кв. км, или 7% от общей территории республики. Город Гомель (301 км от Минска) являлся крупным промышленным центром и важным транспортным узлом, который связывал все железные и автомобильные дороги на Жлобин, Калинковичи, Бобруйск, Могилев (Беларусь) и Чернигов, Щорс и Новозыбков (Украина) (см. табл. 1).

Население Гомельской области было многонациональным по своему составу и к началу 1941 г. насчитывало 917 тыс. 100 чел. Здесь проживали в основном белорусы и евреи, а также русские, украинцы, латыши, чехи, поляки и немцы. Национальные меньшинства области до 1938 г. имели национальные округа и районы¹.

Евреи в Гомельской области занимали второе место по численности после белорусов, насчитывали 20 тыс. 969 чел. (январь 1939 г.), проживали главным образом в городах и местечках. Наиболее многочисленным еврейское население было

¹ В.И. Пичуков, М.И. Старовойтов. *Гомельщина многонациональная, 20–30-е годы XX века*. Гомель, 1999 г. Вып. 1, с. 50-52.

в Корме, Стрешине, Речице, Жлобине и Чечерске². Евреи, как правило, являлись служащими, интеллигентией, врачами, инженерно-техническими работниками и квалифицированными рабочими, которые принимали активное участие в общественной и культурной жизни республики³. С 1939 по 1941 г. еврейское население Гомельской области увеличилось за счет естественного прироста и притока в беженцев из оккупированной немцами Польши, всего – 1 391 еврейский беженец⁴, и к лету 1941 г. количество евреев в области достигло 22 тыс. 360 (20 969 + 1 391) чел. Что касается центра области Гомеля, то его еврейское население в январе 1939 г. достигло 40 тыс. 880 чел.⁵ Можно предположить, что к лету 1941 г. оно увеличилось за счет естественного прироста и беженцев, составив не менее 44 тыс. чел. Следовательно, общее еврейское население Гомеля и области к началу советско-германской войны составляло около 70 тыс. чел.

Оборона

С началом войны Беларусь оказалась на главном московском направлении продвижения группы армий «Центр», местом жестоких сражений. Люди были дезориентированы и ожидали контрнаступления советских войск. В судьбе еврейского населения области ключевое значение имела оборона Гомеля. В первой декаде июля 1941 г. Гомель еще считался относительно безопасным местом, поэтому сюда из Могилева

² M. Altshuler. *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A social and demographic profile*. Jerusalem, 1998, p. 234.

³ Sh. Cholawski. “Soviet Rule in Western Byelorussia, 1939–1941, and the Repercussions for the Jewish Community during the Holocaust” // *World Congress of Jewish Studies*. Jerusalem, 1980 (Hebrew).

⁴ “Jewish Refugees from Poland in Belorussia, 1939–1940”: Documents / Introduced and annotated by E. Ioffe and V. Selemenev // *Jews in Eastern Europe*, vol. 1 (32), 1997, p. 55.

⁵ M. Altshuler. *Distribution of the Jewish Population of the USSR, 1939*. Jerusalem, 1993, p. 40.

переехали ЦК компартии и правительство БССР. Советские войска (21-я армия) переправились на правый берег Днепра и 13 июля 1941 г. нанесли внезапный удар по противнику. Они освободили Рогачев и Жлобин, хотя овладеть Бобруйском им не удалось. Этот успех внушил надежду на то, что положение еще поправимо. Однако 12 августа немецкие войска снова форсировали Днепр в районе Стрешина и начали наступление на Гомель. 14 августа они взяли Буда-Кошелево, в 45 км от Гомеля, 19 августа начались бои в самом городе, и через три дня Красная армия полностью отступила.

В отдельных районах Гомельской области сопротивление носило особенно упорный характер. На юге, в районе Пинских болот (Мозырь, Калинковичи, Туров), военные действия начались 6–10 июля 1941 г. Туров защищали пограничники, регулярные части Красной армии, моряки Днепровской речной флотилии, истребительный батальон (народное ополчение) и партизаны. Город несколько раз переходил из рук в руки. Первый раз нацисты овладели им 15 июля и оставались до 4 августа 1941 г. Второй раз они взяли Туров 14 августа, но к вечеру опять были отброшены. Ночью 23 августа немецкие бронекатера, приплывшие из Пинска, обстреляли Туров зажигательными снарядами. Соседние деревни Ридча, Слепцы, Черничи загорелись, и Туров был занят⁶.

Потерпели неудачу попытки местных советских органов организовать оборону собственными силами. В Буда-Кошелевском, Добрушском, Журавичском и Уваровичском районах партизанские отряды из местных жителей отошли вместе с частями Красной армии. В Мозыре из сотрудников милиции и госбезопасности в июле 1941 г. были созданы мобильные группы для организации сопротивления. Однако немцы быстро обратили их в бегство. Участники этих формирований успели укрыться в деревнях под видом местных жителей и

⁶ А.Ф. Вишневский, А.М. Литвин. *Туров: Краткий исторический очерк*. Минск, 1980 г., с. 38-40.

только через год организовали партизанский отряд⁷. В середине сентября 1941 г. был рассеян Речицкий партизанский отряд. Одни его участники погибли в боях, а другие ушли за линию фронта. После захвата Турова партизаны отошли вместе с пограничниками на правую сторону реки Ствига. В сентябре 1941 г. Туровский партизанский отряд слился со Столинским отрядом, и они проводили боевые действия на территории Давид-Городокского и Туровского районов до 30 сентября 1941 г., когда попал в окружение и был разгромлен⁸.

Эвакуация

Стремительность немецкого наступления не позволяла людям осознать угрожавшую им опасность. Большинство населения было дезориентировано, многие ожидали контрнаступления Красной армии. Фактор времени имел решающее значение. Немецкие войска оккупировали Минск уже 27 июня 1941 г., а советское руководство тайно покинуло город без объявления эвакуации еще вечером 24 июня 1941 г. В результате в Минске оказались в гетто и погибли почти 100 тыс. евреев. Витебск немцы заняли 11 июля 1941 г., и поэтому там погибли около 20 тыс. из 37 тыс. евреев. В Могилев немецкие войска вошли 27 июля 1941 г., и из 20 тыс. евреев удалось спастись 10 тыс. чел.⁹

Евреи Гомеля в этом отношении оказались в лучшем положении. Немецкие войска пришли сюда не через несколько дней, как в западную часть Беларуси, или неделю, как в восточную, а почти на два месяца позже. Длительная оборона

⁷ Письмо Абрама Соломоновича Бухмана из Кармиэля от 1 авг. 1994 г. // Архив автора.

⁸ *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы:* В 3 т. Минск, 1967–1982 гг., т. 1, с. 118-119.

⁹ L. Smilovitsky. “A Demographic Profile of the Jews in Belorussia from the Pre-war to the Post-war time” // *Journal of Genocide Research* (New-York), vol. 5 (1) 2003, p. 117.

города и эвакуация промышленных предприятий в начале августа позволили многим уйти на восток. Из Гомеля было эвакуировано около 40 крупных предприятий, и каждый эшелон с промышленным оборудованием увозил сотни своих сотрудников с их семьями. У нас нет сведений, сколько людей погибло по дороге от бомб, умерло от голода и болезней, ведь путь к местам эвакуации был долгим и занимал от нескольких недель до нескольких месяцев¹⁰.

К 19 августа 1941 г. город покинули 80 тыс. жителей всех национальностей, и в Гомеле осталось около 4 тыс. евреев из довоенных 44 тыс. чел., или 9%. В числе последних городов Гомельской области (в современных границах) Красная армия оставила Речицу – 21 августа, Мозырь – 22 августа, Туров – 23 августа, Хойники – 25 августа 1941 г.¹¹

Наиболее пострадало еврейское население местечек и небольших городов Гомельской области, удаленных от железных и автомобильных дорог. Эти населенные пункты избежали ударов с воздуха, и туда не заходили беженцы с запада, которые могли рассказать о геноциде нацистов. Жители оказались в информационном вакууме. Еврейская молодежь еще в предвоенный период выехала в индустриальные центры и на учебу, а люди старшего возраста жили по старинке. Местные органы власти не проявили достаточно инициативы, и шансов спастись у евреев там было намного меньше. Поэтому в Буда-Кошелево погибло 98% еврейского населения, Паричах – 90,4%, в Стрешине – 84%, в Рогачеве – 72%, в Корме – 71%. Но были и исключения: в Мозыре (речной порт на Припяти) погибло 23,7% еврейского населения, Чечерске (лучше организована эвакуация) – 32,3%. Оборона Турова была упорной, город за два месяца 3 раза переходил из рук в руки, и евреи всеми способами постарались уйти (лесными дорогами пешком и на телегах, по Припяти и Днепру на баржах и лодках), и

¹⁰ V. Dubson. “On the problem of the Evacuation of Soviet Jews in 1941” // *Jews in Eastern Europe*. № 3(40), 1999, pp. 37-56.

¹¹ Гомельская область. Гомель, 1988 г., с. 83.

почти 60% из них спаслись. В Речице, которая находилась в 60 км от Гомеля, имела железную дорогу и пристань на Днепре, наоборот, возможность спасения упустили. С июля по август 1941 г. Речица пережила три «паники», когда немцы, по слухам, прорывали фронт. Люди бежали, но, дойдя до Паричей, Гомеля или Лоева, возвращались. В результате в гетто Речицы попали 48% членов общины, которых нацисты расстреляли в ноябре 1941 г.¹²

Начало оккупации и создание гетто

Территорию Гомельской области оккупационные власти разделили на округа. Восемь районов (современные Гомель, Буда-Кошелево, Ветка, Добруш, Терехово, Уваровичи и Печера) составили Гомельский округ, который подчинили тылу группы армии «Центр», включая сам Гомель, который был переведен на положение прифронтового города. Южную часть Гомельской области (современные районы Петриков, Житковичи, Речица, Светлогорск, Туров, Мозырь и некоторые другие) присоединили к рейхскомиссариату Украина (см. табл. 2).

После занятия местечка, города или деревни немцы старались отделить евреев. Обычно для этой цели устраивали регистрацию оставшегося населения. В других случаях давались специальные указания. Областной комиссар в Мозыре разъяснял районному бургомистру в Калинковичах, что евреями необходимо считать всех, кто происходил от еврейских родителей. Уточнялось, что обряд христианского крещения не менял сути дела, тем не менее крестить евреев и полукровок категорически запрещалось¹³.

Затем следовало создание гетто. В Гомельской области было образовано 20 гетто, в которых оказалось не менее 21 тысяч

¹² L. Smilovitsky. “Jewish Addresses in Rechitsa” // *Journal of Federation of East European Family History Societies*. USA. December, 2002, p. 12.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 8114, оп. 1, д. 965, л. 99.

узников (см. табл. 3). В самом Гомеле существовало 4 гетто, в Жлобине – 2, в Корме – 2, в Рогачеве, Брагине, Хойниках, Речице и некоторых других местах – по 1¹⁴. В Гомеле основное гетто находилось в районе Монастырек, куда согнали жителей центральной части города, – 800 евреев. Второе гетто было на ул. Новолюбенской – 500 евреев, включая 97 евреев, переселенных в Гомель из Лоева. Третье гетто – на Быховской улице. Евреи, жившие в Новобелице, на левом берегу реки Сож, были заключены в отдельное гетто. В сентябре 1941 г. 200 узников гетто из Новобелицы перевели в Монастырек. Все узники были обречены, но в отношении евреев-специалистов делалось временное исключение. В приказе по кавалерийской бригаде СС от 28 сентября 1941 г. отмечалось, что «ремесленников можно сохранить»¹⁵ (см. табл. 3). Но гетто были организованы не везде. В ряде мест евреев переселили в более крупные местечки. Гетто не создавали в Брагине, Ветке, Журавичах, Комарине, Копаткевичах, Лоеве, Наровле, Светиловичах, Уваровичах, Терехове, Турове, Хойниках и ряде других мест. Однако, несмотря на это, мужчин там ежедневно отправляли на принудительные работы и подвергали истязаниям, а евреям обрезали бороды.

Сроки существования гетто

Большинство гетто были образованы в Гомельской области в первые два месяца оккупации (конец августа – октябрь 1941). Из 20 гетто, устроенных в 15 населенных пунктах области, 13 были созданы уже в сентябре, а 7 гетто – с октября по ноябрь 1941 г.¹⁶ В крупные гетто (Гомель, Мозырь, Рогачев, Речица, Жлобин) евреев свозили со всего района. Оккупаци-

¹⁴ Yad Vashem Archives (далее – YVA), Jerusalem, collection M-33/476, p. 18.

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 69, оп. 1, д. 818, л. 142.

¹⁶ Подсчитано по кн.: *Места принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории*

онные власти обязали указывать на чужаков. Всем беженцам (евреям и неевреям) приказали вернуться на прежнее место жительства, чтобы среди них не оказалось незнакомцев. Была установлена круговая порука, и за укрывательство неизвестных следовало строгое наказание. Переселение в гетто обычно продолжалось несколько дней. Средств передвижения не давали, и каждый устраивался как мог. На новое место разрешали взять только то, что можно было унести в руках.

В Мозыре евреев поселили на ул. Ромашов ров (273 чел.), а через некоторое время туда перевели несколько семей и одиночек (38 чел.) из местечек Скригалово, Копаткевичи, деревень Прудок, Глинище, из Каменского сельсовета, а также несколько евреев из Ельска, Петрикова, Наровли, Слободы, Мелешковичей, Михалок, Юровичи, Огородников, Заполья, Прудка, Редьки. Всего на 1 января 1942 г. в гетто Мозыря вместе с новоприбывшими оказалось 433 чел.¹⁷

Гетто в Гомельской области служили местом изоляции евреев и пунктами сбора для быстрого уничтожения, поэтому там отсутствовало медицинское обслуживание и санитарный контроль, узники сами должны были заботиться о своем пропитании. В этом отношении гетто Гомельской области больше напоминали концлагеря. Узников постепенно фильтровали на «нужных» и «бесполезных», голод и болезни приближали их конец. Самым коротким оказалось существование гетто в Калинковичах (20–22 сентября 1941 г.). Два месяца просуществовали гетто в Буда-Кошелеве, Добруше, Городце и Паричах, три месяца – в Гомеле, Корме и Речице, четыре месяца – в Рогачеве, Чечерске и Мозыре. Дольше всех (7–8 месяцев) оставались гетто в Жлобине, Петрикове и Стрешине – они продержались с сентября 1941 г. по апрель 1942 г.

Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 гг.
Минск, 2001 г., с. 27-38.

¹⁷ Материалы уголовного дела Ивана Павловича Подберезного от 21 янв. 1944 г. // Центральный архив КГБ Республики Беларусь (далее ЦА КГБ РБ), лл. 148, 151.

Расположение гетто

В основном гетто устраивали в самых старых частях города или местечка, где под них выделяли одну или несколько улиц, с которых выселяли все нееврейское население. В Гомеле четыре гетто находилось на улицах Быховская и Новолюбенская, в Монастырьке и Новобелице. В Корме гетто устроили в двух местах – на ул. Абатурова и ул. Школьной, а в Петрикове – на ул. Володарского. Когда евреев становилось меньше, для гетто использовали малопригодные для жилья здания. В Жлобине одно гетто находилось в помещении бывшего Народного дома, а второе – на Первомайской улице. В Речице гетто разместили в двухэтажной школе на ул. Фрунзе, в фабричном районе, за городской тюрьмой, в Унече – на птицефабрике. В Рогачеве евреям отвели подвал бывшего военного склада, а оттуда ежедневно отправляли убирать камни и кирпич, возить песок, воду.

Нацисты обязали евреев носить на одежде спереди и сзади отличительные знаки. Это могли быть желтые или белые круги (латы) или, реже, шестиконечные звезды. Осенью 1941 г. в приказе по Мозырскому гебитскомиссариату указывалось, что каждый еврей или «мешанец» (полукровка) обязаны носить спереди и сзади желтый кусок материи величиной с ладонь. Отличительный знак необходимо крепко нашить на пальто или куртку, а также платье и пиджак таким образом, чтобы он был отчетливо виден даже тогда, когда верхнюю одежду снимали. В ряде мест местные жители называли эти латы «орден Ленина» и «орден Сталина». За появление без желтых лат штрафовали на крупную сумму, а в повторном случае могли расстрелять. В большинстве мест особые знаки для евреев вводились еще до образования гетто¹⁸.

Все гетто охранялись. Выход из гетто разрешался только на работу или для вывоза умерших на кладбище, если отсутствовала похоронная команда. Покидать пределы гетто без

¹⁸ YVA, Jerusalem, collection M-35/14.

особого разрешения запрещалось под страхом жестоких наказаний. За самовольный выход за пределы гетто наказывали всех членов семьи и жителей дома – вплоть до расстрела. Нельзя было обмениваться с населением за пределами гетто товарами и продуктами, общаться и передавать новости. Нарушителей избивали, морили голодом, отправляли на штрафные работы. Часто эти истязания проводились публично в назидание остальным. Все это делалось с целью строго изолировать евреев от местного нееврейского населения, держать их в неведении о событиях вне гетто и предотвратить бегство. Вне гетто могли жить по особому разрешению только немногие еврейские ремесленники и специалисты с семьями. Эта категория находилась под надзором белорусской полиции, а бургомистры из белорусов несли за них персональную ответственность.

Крупных гетто на территории области не было. Самыми большими считались гетто в Речице (3 500 чел.) и Рогачеве (3 300 чел.), а также в Паричах (1 700 чел.) и Мозыре (1 500 чел.). В некоторых городах одновременно существовало не одно гетто. В Жлобине в двух гетто содержалось 1 200 чел., в Гомеле в четырех гетто – 4 тыс. чел., в Корме в двух гетто – 700 чел. Остальные гетто имели меньше узников: Чечерск – 432 чел., Стрешин – 448 чел., Буда-Кошелево – 485 чел. Самым маленьким было, по-видимому, гетто в Добруше – 103 чел., а сведений о количестве узников в гетто деревни Городец Рогачевского района не сохранилось (см. табл. 3).

Состав узников по полу и возрасту

В Гомельской области среди застигнутых стремительной немецкой оккупацией оказалось особенно много женщин и детей. В гетто находились евреи, обремененные большими семьями, в преклонном возрасте или немощные и больные. Взрослых мужчин, молодежи призывающего возраста, женщин 20–40 лет, как правило, было немного. В гетто Мозыря из 273 чел. женщины, девушки и девочки насчитывали 69%

(164 чел.), а дети обоего пола в возрасте до 16 лет – 37% (88 чел.). Пожилые люди в возрасте 70–75 лет и старше в этом гетто составляли 9%, 60–70 лет – 13%, 40–60 лет – 20%, а 17–39 лет – 21%. Среди евреев Скригалова, Копаткевичей, Ельска, Петрикова, Наровли, Юровичи дети до 14 лет составляли 30,6%. При этом молодежи 1920–1923 г.р. почти не было¹⁹.

Еврейские советы (юденраты)

Роль внутреннего самоуправления в гетто выполняли еврейские советы, или комитеты, больше известные как «юденраты». Активное участие в возникновении и комплектовании их приняли айнзацгруппы СС и немецкая военная администрация. В приказе от 13 июля 1941 г. по группе немецких армий «Центр» говорилось, что в населенных пунктах из 10 тыс. чел. в состав юденратов должны войти 12 чел., а более 10 тыс. – 24 чел. Председателями советов назначали наиболее авторитетных евреев, часто из представителей интеллигенции, людей влиятельных, которые несли персональную ответственность за все инциденты в общине. В Минске в 1941 г. это был торговый работник, в Витебске – учитель, в Могилеве – инженер. Их выбирали сами узники гетто или назначали немцы. Однако в том и другом случаях они мало что могли сделать для своей общины.

В Гомельской области юденраты возникли позже, чем на остальной оккупированной территории. Их члены отвечали своей жизнью за исполнение всех приказов оккупационных властей. Они включали только мужчин (3–12 чел.). Если по какой-то причине член еврейского («жидовского») совета выбывал, то на его место немедленно должен был встать кто-то другой. В Мозыре еврейский совет (юденрат) составили из 12 чел., председателем назначили Ейшу Израилевича Койфмана (1891 г.р.), а его заместителем – Иосифа Янкелевича Берди-

¹⁹ ЦА КГБ РБ, лл. 141-146, 148.

чевского (1890 г.р.). На совет возлагались задачи расселения узников, поддержания внутреннего порядка и осуществление контактов с оккупационными властями. Члены юденратов фактически оказались заложниками нацистов²⁰.

В тех районах Гомельской области, которые оказались в зоне военной администрации, состав и обязанности юденратов определялись более четко, чем в зоне гражданской администрации. Сведений о еврейских советах сохранилось очень мало, источники информации о них скучные и противоречивые. Большинство свидетелей, переживших немецкий геноцид, неохотно вспоминают об их деятельности. Скорее всего, это можно объяснить стыдом за любой вид сотрудничества с оккупантами. Трудно провести грань между понятиями «сотрудничал» – «не сотрудничал» с нацистами, оценивая роль юденратов. Большинство еврейских советов руководствовалось двумя основными соображениями: облегчить общине жизнь в гетто и спасти себя и свою семью, и это второе чаще превалировало²¹.

Там, где юденратов не было, ставили еврейского старосту. Это назначение делалось по рекомендации бургомистра-белоруса. Старосту подбирали из наиболее авторитетных евреев, покладистых по характеру и знающих немецкий язык. Старосты не имели своего аппарата власти (сотрудников с постоянными или временными поручениями). В Речице старостой стал бывший меламед Маленкович, а в Турове поставили 6 старост: 4 белорусских и 2 еврейских. Еврейская полиция – особые вспомогательные отряды, находившиеся в распоряжении совета, – была не везде. Само понятие «еврейский полицейский» вызывало недоумение. Состав еврейской полиции отличался разношерстностью, мотивация, почему евреи соглашались на эту службу, существенно отличалась.

²⁰ ЦА КГБ РБ, л. 151.

²¹ Д. Романовский. «Холокост в Восточной Белоруссии и Северо-Западной России глазами неевреев» // *Вестник Еврейского университета в Москве*, № 2(9), 1995 г., с. 93-103.

Оружием им служили палки и плетки, другого им не доверяли. Во многих гетто еврейскую полицию было просто не из кого набирать: мужчин призывали в Красную армию или уничтожили каратели в первые летние месяцы 1941 г., а старики, женщины и дети служить в полиции не могли. Отметим, что, несмотря на обещания полицейским пощадить, их тоже убили, конец для всех оказался один.

Выборы старосты и регистрация населения в гетто считались рядовым мероприятием и не вызывали подозрений. Регистрацию проводили под предлогом обеспечения жильем, работой, переселения на новое место, сборами контрибуции, распределением питания и пр. В Мозыре список узников гетто по распоряжению городской управы составил Иосиф Бердичевский, в Речице – Маленкович. На деле эти списки предшествовали будущим акциям уничтожения и служили предлогом для сбора обреченных накануне массового убийства. 20 сентября 1941 г. в Калиновичах евреям приказали пройти регистрацию в помещении почты на ул. Ленина (более 700 чел.), а через два дня всех расстреляли²². Евреям Брагина 13 сентября 1941 г. приказали явиться в школу для выбора старосты и его заместителя, а когда 300 евреев пришли в указанное время, школу оцепили и для устрашения поставили пулеметы. После этого евреев начали выводить группами на окраину местечка и расстреливать²³. 1 декабря 1941 г. в Ветку прибыло 6 немецких офицеров из Гомеля, которые потребовали от коменданта провести регистрацию евреев, угрожая за уклонение расстрелом. Евреев, прибывших на регистрацию (360 чел.), заперли в конюшне, а 3 декабря отвели к элеватору, заставили лечь рядами в ров и расстреляли из автоматов в упор²⁴.

²² М. Ботвинник. *Памятники геноцида евреев Беларуси*. Минск, 2000 г., с. 204.

²³ YVA, коллекция M-33/1120, р. 5.

²⁴ Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць. Мінск, 1985 г., с. 119.

Принудительный труд

Гетто в Гомельской области, в отличие от большинства районов Западной Белоруссии, Польши и Литвы, не имели экономических целей. Евреев редко посыпали на работы, жизненно необходимые для города, района или немецкой армии. Это могли быть заготовка топлива (Гомель, Речица, Мозырь), ремонтно-строительные работы (Жлобин, Рогачев, Чечерск) или уборка территории. Возраст евреев, подлежащих трудовой повинности, оговаривался разными немецкими инструкциями – как правило, 16–55 лет для мужчин и 17–50 лет для женщин. Однако на практике инструкции не соблюдали.

Чаще всего евреев использовали на работах, которые носили случайный характер: пилить дрова, корчевать пни, убирать улицы и мусорные свалки, закапывать трупы, собирать неизорвавшиеся мины, снаряды и бомбы. В Рогачеве евреев заставили руками выгребать уборные, на которых было написано: «Только для немцев». В Гомеле, Калинковичах и Речице на железнодорожной станции они убирали и мыли вагоны, занимались разгрузкой и погрузкой, таскали шпалы, очищали подъездные пути, дороги и аэродром²⁵.

Во время работ узников избивали палками и плетьью, слабых и больных расстреливали. Еврея можно было безнаказанно убить за любой проступок. В Калинковичах стариков заставили мыть машины. Пейсахович из-за слабости не смог поднять ведро с водой. К нему подбежал немец, опрокинул ногой ведро, схватил у другого солдата горящий примус и поджег старику бороду, а тушить никому не разрешил. Убирать трупы привозили советских военнопленных. В гетто, где почти половина были инвалидами, на работу гнали всех, в том числе стариков и детей. Последних заставляли мыть окна в полиции и комендатуре, машины и мотоциклы, таскать воду, чистить конюшни или дороги от снега. Отказ работать мог

²⁵ Государственный архив Гомельской области (далее – ГА Гомельской обл.), ф. 1345, оп. 1, д. 15, лл. 3-6.

обернуться жестоким наказанием. В Гомеле в сентябре 1941 г. за подобную провинность пригрозили расстрелять каждого пятого узника²⁶.

Евреям намеренно не давали трудиться по специальности. Людей умственного труда, интеллигентов, учителей, врачей, инженеров направляли на тяжелые физические работы. Часто заставляли заниматься подчеркнуто унизительным и бессмысленным делом: ловить мух в комендатуре (Чечерск), тянуть на себе телеги с водой, кирпичами, дровами и мусором с одного места на другое, копать, а затем закапывать ямы (Петриков, Стрешин, Рогачев)²⁷. Только в крайних случаях прибегали к труду еврейских ремесленников. В Житковичах в октябре и ноябре 1941 г. еврейских портных заставили шить обмундирование для немецких солдат и полицейских, а по окончании работ всех портных расстреляли, с убитых сняли одежду и обувь²⁸.

Состав полиции

В Восточной Беларуси, в отличие от Литвы и Западной Украины, некоторых районов Западной Беларуси, немецкое вторжение не сопровождалось крупными еврейскими погромами. Однако это не означает, что здесь отсутствовала почва для сотрудничества нееврейского населения с оккупантами для уничтожения евреев²⁹. Геноцид евреев в Беларуси никогда не принял бы такого размаха, если бы не помочь пособников из местных жителей. Немецкое руководство имело свои представления о белорусах – как народе «слуг и работников», «идеальном объекте эксплуатации». В Берлине планировали

²⁶ НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 12, л. 25.

²⁷ См.: *Советская Белоруссия*, 16 мая 1995 г.

²⁸ НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 12, л. 188-об.

²⁹ Sh. Cholawsky. *The Jews of Belorussia during Wold War II*. Amsterdam, 1998, pp. 81-82.

превратить республику в место ссылки для нежелательных элементов из стран Балтии и Польши³⁰.

Привлечение белорусов и русских, украинцев и поляков к «окончательному решению еврейского вопроса» имело принципиальное значение для нацистов. Во-первых, это подтверждало тезис, что евреи – враг всех народов. Во-вторых, создавало враждебную среду, в которой евреи не могли укрыться, и это обрекало их на гибель. В-третьих, обеспечивало практическую помощь в проведении акций уничтожения евреев и выявлении уцелевших во время «зачисток» (повторных поисков)³¹.

В августе-сентябре 1941 г. во всех городах и местечках Гомельской области были организованы отделения гестапо, СД (служба безопасности), местная гражданская полиция, тайная полевая полиция, полевая жандармерия, шуцполиция (охранная полиция), вахткомпания (караульная команда при военной комендатуре) ³². В Речице полицейский участок открыли в бывшем доме доктора Жолквера на ул. Вокзальной, а начальником полиции стал бывший бухгалтер хлебозавода Коржевский. Полицейская управа помещалась в бывшем здании райисполкома на ул. Советской, помощником бургомистра назначили Чаловского³³. Мозырь стал центром одноименного гебитскомисариата и был подчинен рейхскомисариату Украины в Житомире. Руководителем полиции в городе поставили Ивана Подберезного, бывшего начальника районного отдела НКВД в Ельске, которому помогали около 40 полицейских из местных жителей³⁴.

В Турове полицейский участок (36 чел.) разместили в помещении бывшей военной комендатуры пограничного отряда.

³⁰ Ch. Gerlach. *Kalkulierte Morde*. Hamburg, 1999, s. 94-111.

³¹ Y. Buchler. “Local Police Force Participation in the Extermination of Jews in Occupied Soviet Territory” // *Shvut*, 4(20), 1996, pp. 79-99.

³² ГАРФ, ф. 7021, оп. 85, д. 217, л. 14.

³³ Письмо Михаила Балтэ и Сары Бер из Речицы от 12 янв. 2000 г. // Архив автора.

³⁴ «Мозырские страницы Холокоста» // *Берега* (Минск), март-апрель 2002 г.

Первым бургомистром стал бывший учитель сельской школы Максим Бруй по прозвищу Козел за тонкий голос. Бруй «наделал много горя», выдавал недовольных «без оглядки»³⁵. Начальником полиции Турова был Акулич, который в прошлом служил в НКВД в Западной Белоруссии. После него полицейский участок в местечке возглавил Петр Кресс, а бургомистрами стали Аввакум Страх и Петро Сыромахо. Кроме них в Турове нацистам помогали пособники из Столина и Давид-Городка. В Рогачеве начальником полиции был Сидоренко, в Гомеле – бывший советский полковник Кардаков, в Хойниках – Демьяненко³⁶.

Активное участие белорусской полиции в акциях против евреев и в ряде случаев проявление ими особой жестокости мотивировалось прежде всего стремлением доказать немцам свою лояльность, заслужить материальное поощрение и присвоить еврейское имущество, свою роль играли опьянением властью, антисемитизм. Среди полицейских оказывались бывшие соседи евреев, их знакомые, родственники, люди, считавшиеся до войны друзьями. Однако не всегда это было на пользу жертвам. В Паричах местных житель И. Минц, перед тем как пойти служить в полицию, убил свою жену Фридл Нисман и двух детей. В деревне Давыдовка Мирьям Паперную выдала немцам ее свекровь³⁷. В Юровичах Калиновичского

³⁵ Письмо Зиновия Вагера из Пинска от 15 марта 2001 г. // Архив автора.

³⁶ Цецилия Шапиро вспоминает, что после побега из Минского гетто она с паспортом на имя русской женщины оказалась в Гомеле. При оформлении прописки Кардаков направил ее для определения расовой принадлежности к немецкому профессору Феберу. Заключение экспертизы утверждало, что Шапиро являлась «безусловно арийского происхождения», что спасло ей жизнь. См.: *Неизвестная черная книга. Свидетельства очевидцев о Катастрофе советских евреев, 1941–1944 гг.* Москва - Иерусалим, 1993 г., с. 255.

³⁷ L. Smilovitsky. “Righteous Gentiles, the Partisans and Jewish Survival in Belorussia, 1941–1944” // *Holocaust and Genocide Studies*. Vol. 11 (3), Winter 1997, pp. 309.

района Василий Прищепа, служивший в полиции, укрыл жену и детей во время ликвидации гетто, но взамен стал склонять к сожительству свою падчерицу. Когда жена Сима возмутилась, он вывел ее вместе с падчерицей из убежища и застрелил. Потом напился, прибежал домой, схватил собственных детей и закричал: «За мной идите, жиденята, и вас прикончу!» Мать Василия, Акулина, спасла внучек³⁸.

Белорусская полиция (не менее 50 тыс. чел.)³⁹ отвечала в основном требованиям оккупационных властей. Ее дополняли добровольцы из «Белорусской народной самопомощи», «Союза белорусской молодежи», «Белорусской краевой обороны», которые разделяли нацистскую доктрину окончательного решения еврейского вопроса⁴⁰. Вместе с тем для уничтожения евреев в Беларуси нацисты привлекали карателей из Украины и стран Балтии, которые считались более надежными. По этим соображениям немецкое денежное содержание (зарплата, суточные, премиальные) у литовских и латышских полицейских было выше, чем у полицейских из Украины, а у последних – выше, чем у белорусских.

Условия существования в гетто

Невероятная скученность, антисанитария, отсутствие медицинской помощи и элементарных бытовых условий были типичными для большинства гетто. В одной комнате 20 кв. м. могли ютиться от 7 до 20 чел. Вещей почти не было, и это

³⁸ Тела Симы и ее дочери Прищепа похоронил под угрозами односельчан. После освобождения Юровичей Прищепу судили и дали срок, умер он в Мозырской тюрьме, по другим сведениям, его убили заключенные // L. Smilovitsky. “The Fate of Jewish Children of Belarusia During the Holocaust, 1941–1944” // *Yalkut Moreshet*, vol. 68, 1999, pp.121-144 (Hebrew).

³⁹ Ch. Gerlach. *Kalkulierte Morde*. Hamburg, 1999, s. 204-205.

⁴⁰ B. Chiari. *Alltag hinter der Front. Kollaboration und Widerstand in Weisrussland, 1941–1944. Schriften des Bundesarchivs*, Bd. 53. Dusseldorf: Droste Verlag, 1998, s. 119.

облегчало размещение. Многие искали место в подсобных помещениях – сарайах, чердаках, хлеве, погребах. В деревне Щибрин Рогачевского района в хозяйстве «Прогресс» в коровнике построили нары в три яруса и печь. Спальные принадлежности отсутствовали, готовить приходилось на костре. В Рогачеве и Стрешине люди в гетто жили в маленьких домиках. Ночью многие не могли даже лечь и спали сидя, а если от прежних жильцов оставались кровати, то укладывались по двое или трое и столько же под кроватью и поэтому не раздевались.

Немцы не кормили евреев в гетто и не платили им за принудительный труд. По воспоминаниям узников, голод мучил сильнее страха. К страху привыкали, и он притуплялся, но к голоду привыкнуть было нельзя – есть хотелось даже во сне. Самыми ценными продуктами считались мука и жир. Животных, домашней птицы, собак или кошек в гетто не осталось. Мяса и фруктов никто не ел, иногда были морковь и картофель, капуста. Большинство варили овощной суп. Пользовались отходами столовых. Подбирали кости после разделки туш возле кухонь немецких воинских частей или вынимали их из мусорных ящиков. Из них вываривали жир, готовили студенистый навар, который шел в пищу или на продажу. Состав узников гетто быстро уменьшался, к этому приводили голод, болезни, непосильный труд, расстрелы.

Выжить можно было только за счет чудом сохранившихся собственных запасов, обмена на ценные вещи и помощи со стороны белорусов. Насколько была велика эта помощь, необходимо рассматривать в каждом отдельном случае. Местные жители помогали безвозмездно, как правило, «своим» евреям – тем, кто состоял в браке с белорусами, деревенских евреев поддерживали бывшие соседи и односельчане. Но эти «свои» составляли меньшую часть заключенных в гетто. Основная масса могла рассчитывать только на обмен, который был запрещен. Обмен требовал хорошей организации и доверия, а в

отдельных случаях приходилось делиться с белорусской полицией, которая закрывала на это глаза⁴¹.

Имущество евреев

После оккупации немецкими войсками населенных пунктов все имущество евреев объявлялось собственностью рейха⁴². Однако еще до этого жилища, оставленные эвакуированными евреями, грабили. Сами нацисты побуждали местное население к грабежу евреев, заявляя, что «жиды» эксплуатировали белорусов и те имеют право вернуть свое. В результате военных действий многие местные жители остались без крова, и нацисты предложили белорусам, прежде всего тем, кто пошел к оккупантам на службу, занять дома евреев. Полиция брала под охрану оставшееся имущество евреев. Дома продавали местному населению, вещи убитых отправляли в стирку в еврейские прачечные, а затем в ремонт в портняжные мастерские и продавали⁴³.

На гетто налагали контрибуции. Под угрозой расстрела у заложников отбирали обручальные кольца, золотые и серебряные предметы, монеты, хозяйственное и туалетное мыло, постельные принадлежности, белье, одежду и продукты питания. В гетто Гомеля в сентябре 1941 г. немецкие солдаты группами и в одиночку совершали «экскурсии» и забирали понравившиеся им вещи, их примеру следовали белорусские полицейские⁴⁴. В Рогачеве в ноябре 1941 г. каратели из СС, прибывшие для ликвидации гетто, раздели и обыскали евреев, избили палками и плетками. Отняли найденные ценности и

⁴¹ Л. Смилович. *Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944.* Тель-Авив, 2000 г., с. 46-48.

⁴² L. Smilovitsky. “Nazi Confiscation of Jewish Property in Belarusia”. Review on: “Natsistskoe zoloto iz Belarusi, Dokumenty i materialy” (Nazi gold from Belorussia: documents and materials) // *Jews in Eastern Europe*, vol. 1(37), 1998, pp. 75-79.

⁴³ НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 483, лл. 29-30.

⁴⁴ Там же, ф. 861, оп. 1, д. 6, л. 4.

деньги, затем всех закрыли в подвале большого каменного здания, а наутро расстреляли⁴⁵. Из Ветки 3 декабря 1941 г. немцы сначала отправили в Гомель 8 машин с еврейским имуществом, а только потом начали расстрел⁴⁶.

Нацисты преследовали неевреев, согласившихся взять на хранение имущество евреев. Однако в большинстве случаев еврейская собственность, ценности и золото попадали к белорусам и русским не на хранение, а как плата за укрывательство, в обмен на продукты питания, наконец просто в результате грабежа. Местные жители заранее готовились к акции, узнавая о ней через родных, служивших у немцев. Они дежурили в прилегающих к гетто кварталах. После ликвидации узников наиболее ценное забирали немцы и полицейские, затем оцепление снималось, и в район гетто врывалась толпа мародеров. Они заходили в дома, обыскивали тела погибших, снимали обувь и одежду, выламывали зубные коронки, искали ценные вещи, деньги и часы. Забирали и увозили и съестные припасы, растаскивали мебель, уносили из домов все, что могло пригодиться: двери, рамы, окна. После этого кварталы, где еще недавно жили евреи, представляли собой одни скелеты зданий.

Методика проведения акций

Ликвидация гетто готовилась заранее и проводилась как тщательно продуманная операция. Как правило, она делилась на два этапа. Сначала отбирали молодых и крепких мужчин, которых уводили из гетто под предлогом выполнения какой-то работы, заставляли выкопать яму и убивали. Так гетто лишилось той своей части, которая могла оказать сопротивление. В нее входили бывшие партийные и советские, комсомольские работники или просто здоровые мужчины, а иногда и женщины. Активная прослойка была невелика – молодежь призывающего возраста уже находилась в армии. Расстрел мужчин прово-

⁴⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 113, л. 669.

⁴⁶ Архив управления КГБ Гомельской области, ф. 12, оп. 1/8, д. 1, т. 1, л. 118.

дился большими силами немцев, опытными карателями со всеми предосторожностями (Гомель, Мозырь, Калинковичи, Корма). Белорусской полиции в первом расстреле отводилась второстепенная роль. На втором этапе оставшихся евреев, подавленных и лишенных воли к жизни, женщин, старииков и детей можно было брать голыми руками (Добруш, Чечерск, Житковичи). Спустя некоторое время полиция из местных жителей выводила их из гетто с минимальным конвоем к месту расстрела. Такой способ уничтожения удавался без труда там, где ликвидация еврейского населения проводилась рано – в сентябре-октябре, начале ноября 1941 г. Зимой 1942 г. применялась другая тактика – облава (Жлобин, Петриков, Стрешин, Чечерск).

Роль белорусской полиции в убийствах евреев усилилась во время второй волны уничтожения, начиная с февраля-марта 1942 г. К этому времени она превратилась в хорошо организованную силу, а нацисты, со своей стороны, испытывали возросшую потребность в карателях, так как все больше немцев приходилось перебрасывать на фронт. В ходе акций местные полицейские выгоняли евреев из жилищ, конвоировали к указанному месту, окружали кордоном и расстреливали. После массового расстрела именно белорусские полицейские активно искали спрятавшихся евреев и отличались при этом еще большей жестокостью, чем немцы⁴⁷.

Акции уничтожения

Убийства евреев проводились немцами в соответствии с известным приказом о комиссарах (*Komissarbefhl*) от 6 июня 1941 г. В нем указывалось, что к «комиссарам» причисляются евреи всех возрастов обоего пола, включая детей. Руководство вермахта имело на этот счет приказ фельдмаршала Рейхенау

⁴⁷ Martin Dean. *Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944.* New York - London, 2000, p. 77.

от 10 октября 1941 г. и директиву Кейтеля «Евреи на вновь оккупированных восточных территориях» от 12 сентября 1941 г. Уничтожение еврейского населения Гомельской области проводилось в несколько этапов.

Первым этапом уничтожения еврейского населения стали действия карателей из айнзацгрупп и зондеркоманд, полицейских частей СС, вермахта и пособников из местного населения уже летом 1941 г.

Вторым – концентрация еврейского населения в гетто для последующего уничтожения (лето-осень 1941 г.).

Третий этап – ликвидация узников гетто (осень 1941 г. – весна 1942 г.).

Четвертый – «зачистка»: поиски и уничтожение уцелевших (весна – начало лета 1942 г.).

Пример «умиротворения завоеванных восточных территорий» в Беларуси показала айнзацгруппа «Б». Это была одна из четырех айнзацгрупп СС, специально созданных для физического уничтожения евреев, комиссаров (коммунистов и советских работников) и других врагов рейха. Она два раза прошла по восточным районам БССР – с лето по осень 1941 г. и зимой-весной 1941–1942 гг., проводя массовые расстрелы, уничтожив тысячи евреев⁴⁸. В августе 1941 г. проводилась карательная операция «Припятские болота», в которой принимали участие 1-я кавалерийская бригада СС и части 162-й и 252-й пехотных дивизий. Они прошли с запада на восток Пинскую, Полесскую, Гомельскую и часть Минской областей. В местах, где каратели встречали сопротивление, уничтожались целые деревни. По сведениям командира кавалерийской бригады СС, в результате

⁴⁸ H. Krausnick., H. Wilhelm. *Die Truppe des Weltanschaungskrieges*. Stuttgart, 1981, s. 179-186; Ch. Gerlach. “Die Einsatzgruppe B” // *Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42*. Berlin, 1997, s. 52-70.

«операции возмездия» расстреляли 13 тыс. 788 советских граждан⁴⁹.

Немецкие «доклады о событиях» сообщают о казнях отдельных групп евреев Гомельской области в сентябре-ноябре 1941 г. В самом Гомеле в августе нацисты убили 10 евреев «за диверсионные акты» сразу после вступления в город, в октябре – 52 еврея, «выдававших себя за русских». В декабре 1941 г. айнзацгруппа «Б» доложила о расстреле 2 365 евреев Гомеля «за поддержку партизан». Кроме айнзацгрупп с евреями расправлялись отряды из «командного штаба рейхсфюрера СС» (Kommandostab ReichsAihrer-SS), полицейские формирования (немецкая «полиция порядка» — ОРПО), секретная полевая полиция (GFP), полевая жандармерия и местные комендатуры⁵⁰.

Часть гомельских евреев погибли в тюрьмах в Брагине, Мозыре, Наровле, Паричах, Речице, Чечерске или рабочих лагерях в Жлобине, Калинковичах, Любани, Хойниках, Щедрине. В Гомеле сотни евреев умерли на торфоразработках в деревне Кабановке и других трудовых лагерях, куда переводили заключенных из тюрьмы и гетто⁵¹.

Предлоги, которыми пользовались каратели для сбора еврейского населения перед акцией, не отличались разнообразием. Это могли быть приказы о регистрации, переселении, сообщение о новых условиях проживания на оккупированной территории и т.д. В Калинковичах 20 сентября 1941 г. вывесили объявление всем евреям переселиться на постоянное место жительства на ул. Дачную. Тем временем 4 офицера гестапо искали место для массовой акции. Они выбрали железнодо-

⁴⁹ «Карательные операции против партизан и населения» // *Немецко-фашистский геноцид в Беларуси, 1941–1944 гг.* Минск, 1995 г., с. 346.

⁵⁰ YVA, 053/3.

⁵¹ Д. Романовский. «Сколько евреев погибло в промышленных районах Восточной Белоруссии в начале немецкой оккупации (июль–декабрь 1941 г.)?» // *Вестник Еврейского университета*, № 4(22), 2000 г., с. 167.

рожный переезд в Дудичах, в 1,5 км от города, куда 22 сентября 700 евреев были доставлены на 12 грузовых автомобилях и расстреляны⁵². В Петриков каратели прибыли на моторных лодках и катерах по р. Припять. Они приказали местным жителям мелом нанести кресты на свои дома, чтобы отличать их от еврейских, и начали расправу с евреями, которых загнали в воду и расстреляли (более 300 чел). На следующий день уцелевших евреев искали по домам и убивали прямо на улицах⁵³. В Копцевичах собрали 25 женщин, стариков и детей, посадили на автомашину под предлогом поездки на допрос в Петриков, но их довезли только до уроцища Железница и там расстреляли⁵⁴.

С августа 1941 г. по февраль 1942 г. тысячи евреев погибли в ходе разрозненных акций в местах, где гетто не было: Брагин, Ветка, Житковичи, Комарин, Копаткевичи, Красное, Пирки, Поддобрянка, Лельчицы, Наровля и многих других. До настоящего времени удалось найти документальное подтверждение смерти 11 705 евреев из 53 населенных пунктов современной Гомельской области, и эти данные не являются окончательными (см. табл. 4).

Убийства сопровождались издевательствами и садизмом. 15 сентября 1941 г. в деревне Боянов Петриковского района Лазарю Расовскому немцы выкололи глаза, кинжалом разрезали грудь и разбили голову⁵⁵. В Горвале Хаю Шпилевскую привязали к мотоциклу и заставили бежать, а старика опускали на веревке в колодец и обратно, 33 еврея Горвала расстреляли разрывными пулями⁵⁶. В Речице Юдку Смиловицкого немцы приказали запрячь в сани (даже не в телегу. – Л.С.) вместо лошади, а его жену Хаю погонять мужа кнутом. Когда она от-

⁵² НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 12, лл. 25-26.

⁵³ Там же, ф. 845, оп. 1, д. 12, л. 47.

⁵⁴ М. Ботвинник. *Памятники геноцида евреев Беларуси*. Минск, 2000 г., с. 207.

⁵⁵ YVA, M-33/1126, p. 50.

⁵⁶ НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 6, лл. 341-342, 350.

казалась, Юдку убили, а Хаю отправили в тюрьму. Назавтра их четырехлетний сын Левушка пытался передать матери узелок с продуктами через забор и был застрелен конвоиром с вышки. Басю Смиловицкую, 1872 г.р., столкнули в погреб дома на ул. Комсомольской и несколько дней наблюдали, как она умирала⁵⁷.

Призывы к возмездию

В ходе акций уничтожения встречались люди, которые перед лицом смерти не потеряли самообладания. Они посыпали проклятия нацистам и их помощникам, призывали к отмщению, выражали веру в победу Красной армии и заявляли, что их мужья, отцы и братья не оставят без наказания виновных в их гибели. В Калинковичах 23 сентября 1941 г. неизвестный мужчина 30 лет прокричал: «Вы убьете нас, но советская власть будет жить!»⁵⁸ В Лельчицах перед расстрелом Малка Марголина из Турова, муж которой Мейшке был на фронте, выхватила из-за пазухи платок и воскликнула: «Всех не расстреляете, за нас отомстят мужья!» Мейшке и его брат Ицл Марголины погибли в боях с нацистами⁵⁹. В Речице во время расстрела 25 ноября 1941 г. Хава-Сейна Рудницкая крикнула: «Сталин победит!», а Борис Смиловицкий прокричал: «Бандиты, фашисты, вы проливаете нашу кровь, но все равно Красная армия отомстит за нас!»⁶⁰ Примеры подобного поведения опровергают миф о всеобщей покорности евреев. Поставленные в безвыходное положение, они выражали свое отношение к убийцам.

⁵⁷ Письмо Ф.Л. Заёнчик из Москвы от 7 июня 1994 г. // Архив автора; ГАРФ, ф. 7021, оп. 85, д. 217, лл. 1-8.

⁵⁸ ГАРФ, ф. 7021, оп. 91, д. 273, лл. 7-9.

⁵⁹ Письмо Татьяны Левиной из Нетании от 5 окт. 1999 г. // Архив автора.

⁶⁰ YVA, M-33/476, p. 19.

Отношение к геноциду

Местное население знало о геноциде евреев, несмотря на усилия нацистского руководства скрыть от посторонних акции уничтожения. Специальные приказы запрещали скопление зрителей при массовых казнях⁶¹, присутствие свидетелей при расстрелах за чертой города, выкапывании и сжигании трупов⁶². Жителям становилось известно об убийствах от тех, кого нацисты заставляли хоронить, от случайных свидетелей, из рассказов полицейских, участвовавших в дележе еврейского имущества.

Большинство местных жителей отвернулись от евреев. Прежде всего из-за страха, поскольку укрывательство еврея грозило смертью всей семье. Сыграл свою роль и традиционный антисемитизм – выдавали евреев-соседей, беженцев из гетто, но прятали военнопленных и окруженцев. За спасение еврея ожидали материального вознаграждения, тогда как русских спасали «за так». Сказалась и жестокость репрессий за 24 года советской власти, которая притупила чувства сострадания и милосердия. В памяти белорусов были живы действия «жидокомиссаров» – непропорционально большое участие евреев в революции, коллективизации, работа в советских и партийных органах. Многие белорусы и русские опасались не столько прихода немцев, сколько военных действий. Немцы обещали вернуть частную собственность и отменить колхозы. Новая власть требовала уважения и подчинения, а евреи были объявлены врагами этой власти.

Перемены произвели на евреев самое тягостное впечатление. Они почувствовали, что мир отвернулся от них, что все: немцы, белорусы, русские – сообща против евреев. Осознание

⁶¹ Приказ руководителя гестапо Мюллера от 30 октября 1941 г. // W.Benz u.a. (Hrsg), *Einsatz im "Reichskommissariat Ostland"*, Berlin, 1998, s. 69.

⁶² W. Orbach, “The Destruction of the Jews in the Nazi-Occupied Territories of the USSR” // *Soviet Jewish Affairs*, 6 (2) 1976, pp. 32-51.

этого угнетало, и у большинства пропадало желание бежать или искать помощи у соседей. В лесу партизан в 1941 г. – начале 1942 г. еще почти не было, и до весны 1942 г. положение евреев оставалось отчаянным. Разрозненные и малочисленные отряды партизан укрывались в труднодоступной местности. Они не пользовались поддержкой населения, не располагали необходимой силой, средствами связи и огневой мощью. Партизаны часто видели в евреях обузу. Старики, женщины, дети, больные и истощенные люди не были приспособлены к жизни в лесу и сковывали действия партизан. Евреев, ввиду невероятности их спасения, порой, принимали за немецких шпионов, подосланных отравить колодцы и ликвидировать партизанских командиров⁶³.

Расширение масштабов убийства евреев в 1942 г. заставило многих белорусов пересмотреть свое отношение к оккупационным властям. Истребление евреев от мала до велика, включая полукровок и нееврейских супругов, с неизбежностью ставило местное население перед вопросом: кто станет следующим после евреев? Этому способствовали и страшные акции возмездия нацистов за помощь партизанам, в ходе которых уничтожались целые белорусские деревни вместе с жителями. Все это в итоге привело к негативной реакции местных жителей на массовое убийство евреев. Некоторые белорусы помогали евреям с риском для собственной жизни, однако число спасенных несопоставимо с числом евреев, переданных в руки нацистов⁶⁴.

⁶³ Д. Романовский. «Холокост глазами евреев – его жертв: на примере восточной Белоруссии и северо-западной России» // *Вестник Еврейского университета в Москве*, № 1(17), 1998 г., с. 84–119; Л. Рейн. «Отношение белорусского населения к евреям во время Катастрофы, 1941–1944 гг.» // *Евреи Беларуси. История и культура*. Вып. VI. Минск, 2001 г., с. 181–205.

⁶⁴ К настоящему времени известно немногим более 500 праведников народов мира из Беларуси. Подробнее: L. Smilovitsky. “Righteous Gentiles, the Partisans and Jewish Survival in Belorussia,

* * *

В Беларуси, которая более других среди республик СССР пострадала в годы войны, период немецкой оккупации, гибель и лишения мирных жителей освещены историками достаточно подробно, при этом тема тотального уничтожения белорусских евреев ими никогда отдельно не рассматривалась⁶⁵. Одним из наименее изученных регионов Холокоста в Беларуси до сих пор остается современная Гомельская область. Приведенные выше материалы позволяют выделить следующие характерные и специфические особенности нацистского геноцида в этом южном регионе республики.

Общие черты:

– большинство узников гетто составили женщины и дети (до 60%), а также старики, так как мужчины призывного возраста ушли в армию, эвакуировались с предприятиями или бежали самостоятельно;

– гетто в Гомельской области служили местом изоляции евреев и пунктами сбора для быстрого уничтожения, поэтому здесь не было никаких долгосрочных программ, отсутствовали медицинская помощь и санитарный контроль, узники сами заботились о своем пропитании; в этом отношении гетто здесь больше, чем в других районах республики, напоминали концлагеря;

– физическая ликвидация еврейского населения была составной частью оккупационной политики нацистов в период советско-германской войны;

– основным предлогом для уничтожения еврейского населения в Восточной Беларуси (Гомельская, Могилевская, Мин-

1941–1944” // *Holocaust and Genocide Studies*. Vol. 11 (3), Winter 1997, pp. 301-329.

⁶⁵ Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь: Аннотированный справочник. Минск, 1998 г.; Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайне. Праблемы гісторыяграфіі і крыніцаўства / Пад рэд. А. Літвіна. Мінск, 1999 г.

ская и Витебская области), которые, по мнению нацистов, были наиболее проникнуты коммунистическим влиянием и способны к сопротивлению, стала «советизация»;

– немецкая оккупация не сопровождалась крупными еврейскими погромами, подобно тому как это было в Литве, Западной Украине, некоторых районах Западной Белоруссии, но все же нееврейская часть населения пошла на сотрудничество с нацистами для уничтожения евреев;

– как и во всех остальных областях республики, в полицию пошли служить не только противники советской власти, репрессированные и уголовные элементы, но и бывшие ее функционеры, коммунисты, работники НКВД и офицеры РККА;

– для уцелевшей после первой волны уничтожения части евреев Гомельской области были созданы гетто, которые имели мало общего с гетто Европы, Польши и стран Балтии (отсутствие культурной, религиозной, медицинской деятельности, школ, благотворительных организаций, нелегальной экономической деятельности);

– условия существования в гетто (скученность, антисанитария, отсутствие медицинской помощи, элементарных бытовых условий), голод и болезни являлись типичными и были рассчитаны на «естественную» убыль узников;

– антисемитская пропаганда нацистов была воспринята большей частью местного населения и нашла у нее отклик – местные жители отказывали евреям в убежище, выдавали и убивали их;

– еврейское имущество было присвоено оккупационными властями, стало предметом грабежа и мародерства со стороны полиции и местных жителей;

– отношение к геноциду евреев со стороны мирных жителей, партизан и советского руководства до настоящего времени является неудобной темой. Как и другие оккупированные гитлеровцами страны Европы, современная Беларусь до сих пор не признала свою часть вины за геноцид евреев на территории республики в годы войны. Более того, белорусская ис-

ториография отрицает, что нацистская политика геноцида была направлена в первую очередь против евреев. Однако, и это трудно оспорить, нацисты не ставили своей задачей и не убивали белорусов по этническому признаку (только акции возмездия, устрашения и нарушения приказов).

Особенности:

- самая небольшая по территории из областей БССР (15 тыс. 800 кв. км), находилась по количеству еврейского населения (70 тыс. чел.) на четвертом месте после гораздо более крупных Минской, Могилевской и Витебской областей;
- была оккупирована последней в республике – в конце августа 1941 г.;
- еврейская часть населения испытывала меньше иллюзий в отношении немцев как «культурной» нации, возникших после 1918 г., якобы неспособной уничтожать мирное население, в том числе евреев;
- Гомельская область оказалась той частью Восточной Беларуси, где впервые на практике был опробован механизм поголовного уничтожения евреев. Айнзацгруппа «Б», одна из четырех айнзацгрупп СС, два раза прошла по ее районам летом-осенью 1941 г. и зимой-весной 1941–1942 гг.;
- большинство эвакуированных евреев – городские жители, работавшие на промышленных предприятиях, подлежавших эвакуации, и обладавшие определенной самостоятельностью мышления, что позволило правильно оценить опасность, которую таила нацистская оккупация;
- самые страшные потери понесли малые непромышленные города и местечки Гомельской области – еврейство «вчерашнего дня», сохранившее традиционную культуру, но мало затронутое «переломом» 1920–1930-х гг., оно было менее политизированным и самостоятельно мыслящим. Местечки лежали в стороне от дорог, их не бомбили с воздуха, там не видели беженцев с запада Белоруссии, это были в основном старики, потому что молодежь мигрировала в большие города;

– гетто на территории области сравнительно небольшие, самые крупные из них – в Речице (3 500 чел.) и Рогачеве (3 300 чел.);

– режим изоляции в гетто более строгий, все они охранялись, за пределами гетто могли жить только отдельные специалисты по особому разрешению и надзором белорусской полиции и бургомистров;

– как правило, отсутствовали классические юденраты и даже их подобие (Минск, Могилев, Витебск) с аппаратом сотрудников и четким распределением обязанностей, а посредниками между узниками и немецкой администрацией являлись еврейские старости;

– создание гетто в Гомельской области не имело экономических целей, в отличие от большинства районов Западной Белоруссии, Польши и Литвы, евреев редко посыпали на работы, жизненно необходимые для города, района или немецкой армии, большинство поручений носили случайный характер – заготовка топлива, ремонт, строительство или уборка территории, что подтверждало быстрое запланированное уничтожение узников;

– в гетто не наблюдался антагонизм, характерный для евреев «восточных» и «западных», состав узников был однородным (см. табл. 5 и 6).

Всего за годы оккупации общие потери еврейского населения Гомельской области, по неполным данным, достигли 32 тыс. 633 чел. Из них в 20 гетто, созданных в 15 населенных пунктах, в результате акций уничтожения, голода и болезней погибли 20 тыс. 928 чел., а вне гетто в 53 населенных пунктах – 9 тыс. 455 чел. (см. табл. 4). За годы оккупации Гомельская область потеряла 53 тыс. 360 мирных жителей разных национальностей, из которых 61,2% составили евреи. Очевидно, что только своевременная эвакуация и упорная оборона области в августе 1941 г. воспрепятствовали еще более тяжелым людским потерям.

Холокост во многом сократил численность еврейского населения Гомельской области и существенно изменил его

социальный и культурный облик. Евреи, устойчиво занимавшие в области второе по численности после белорусов место, навсегда уступили его русским. В 1959 г. из общего количества населения области 1 млн. 361 тыс. 841 чел. евреи насчитывали теперь только 45 тыс. чел., или 3,3%, тогда как белорусы – 86,7%, русские – 6,6%, украинцы – 0,9%, поляки – 0,5%. Исчезли места компактного проживания евреев, усилились процессы миграции, ослаб интерес к языку идиш, возросло количество межнациональных браков. В 1959 г. всего 25,6% всех евреев Гомельской области считали идиш своим родным языком, тогда как русский язык – 71,99% евреев, а белорусский – 2,29% евреев. С другой стороны, последствия Холокоста обострили национальное самосознание и побудили многих к самоидентификации. Все это отразилось на общей национальной политике властей в Беларуси. Не только евреи, но и другие меньшинства утратили свои права. Атрибуты национальной жизни были оставлены только белорусам как коренной нации, хотя по своей сути они оказались формальными. История геноцида евреев в Гомельской области еще не написана и ожидает своего исследования. В объективном ее освещении должны быть заинтересованы как евреи, так и белорусы.

Опубликовано:

L. Smilovitsky. “Ghettos in Gomel Oblast, Belorussia: Commonalities and Unique Features. Report at the symposium” // *The Holocaust in the Occupied Soviet Territories: Nazi Ghettos and Jewish Armed Resistance / The United States Holocaust Memorial Museum*. Washington, D.C. November 6, 2003.

www.jewishgen.org/Belarus/newsletters/gomel/GomelGhettos/index.html

Таблица 1

**Административно-территориальное деление БССР
и численность населения на 1 января 1941 г.**

Область	Площадь, тыс. кв. км	Население, тыс. чел.			Населенные пункты			
		всего	сельское	городское	города	г.п.	сельские р-ны	сельсоветы
БССР	225,7	10 454,9	8 118,8	2 336,1	78	131	192	2808
Барановичская	23,3	1 184,4	1 012,5	171,9	9	15	26	375
Белостокская	20,9	1 368,8	934,8	434,0	13	26	23	334
Брестская	17,2	790,4	666,3	124,1	8	10	18	234
Вилейская	20,7	938,3	864,5	73,8	9	9	20	304
Витебская	28,3	1 293,0	929,0	364,0	8	19	20	309
Гомельская	15,8	917,1	656,4	260,7	6	8	15	235
Минская	28,3	1 347,2	931,4	415,8	6	16	21	288
Могилевская	28,9	1 402,1	1 075,7	326,4	12	11	21	359
Пинская	16,3	533,6	446,8	86,8	4	6	11	159
Полесская	26,0	680,0	601,4	78,6	3	11	17	211

Составлено по: *Статистический справочник состояния народного хозяйства и культуры Белорусской ССР к началу Великой Отечественной войны*. Изд. СНК БССР, Москва, 1943 г., с. 25.

Таблица 2

**Распределение гетто
на оккупированной территории Беларуси**

Генерал-комиссариаты	Довоенные названия районов и областей	Гетто	
		количество	%
Волынь-Подolia (рейхскомиссариат Украина)	большая часть районов Брестской, Пинской и Полесской областей	45	16,9
Округ Белосток (часть рейха)	Белостокская область, северо-западные районы Брестской области, Гродно, Волковыск	110	41
Зона немецкого военного управ- ления (группа ар- мий «Центр»)	Витебская, Могилевская, большая часть Гомельской обл., восточные районы Минской и некоторые районы Полесской обл.	43	16
Белоруссия (рейхскомиссариат т Остланд)	Барановичская область, районы Вилейской, Мин- ской, Пинской, Брестской и Полесской обл.	70	26,1
<i>Всего</i>	на оккупированной территории БССР	268	100

Составлено по: И. Альтман. *Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг.* Москва, 2002 г.; *Трагедия евреев Беларуси в годы немецкой оккупации, 1941–1944 гг.*: Сборник документов и материалов / Под ред. Р. Черноглазовой. Изд. 2-е. Минск, 1997 г.; *Холокост в Беларуси, 1941–1944 гг.*: Док-ты и материалы / Сост. Э.Г. Иоффе, Г.Д. Кнатько, В.Д. Селеменев. Минск, 2002 г.; Sh. Cholawski. *The Jews of Belorussia During World War II*. Amsterdam, 1998.

Таблица 3

**Количество евреев, погибших в гетто
на территории Гомельской области
в 1941–1942 гг.**

Населенный пункт	Число евреев в 1939 г.	Создание гетто	Ликвидация гетто	Всего погибших	Архивные источники
г. Буда-Кошелево	496	25 октября 1941 г.	27 декабря 1941 г.	485	ГА Гомельской обл., ф. 345, оп. 1, д. 7, л. 8; ГАРФ, ф. 7021, оп. 85, д. 35, л. 8-11
г. Гомель, 4 гетто: на ул. Быховская, в р-не Монастырек,	40 880	начало октября 1941 г.	начало ноября 1941 г.	4 000	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 6, л. 4; ГА Гомельской обл., ф. 1345, оп. 1, д. 9, л. 4, 181-203, 226; д. 12, л. 34; ГАРФ, ф. 7021, оп. 85, д. 413, л. 15; д. 415, л. 40
на ул. Ново-любенская, в р-не Новобелица					
д. Городец Рогачевского р-на	—	сентябрь 1941 г.	октябрь 1941 г.	—	ГА Гомельской обл., ф. 345, оп.1, д.15, л.55
г. Добруш, в 3 км от города	441	сентябрь 1941 г.	октябрь 1941 г.	103	ГАРФ, ф.7021, оп. 85, д. 38, лл. 1, 10, 22

Гетто в Гомельской области: общее и особенное

г. Жлобин, 2 гетто: в здании бывшего Народного дома на ул. Первомай- ской	3 709	сентябрь 1941 г.	12 апреля 1942 г.	1 200	НАРБ, ф.861, оп.1, д.6, л.144; ГА Гомельской обл., ф. 1345, оп.1, д. 8, л. 3; ГАРФ, ф. 7021, оп. 85, д. 413, л.15; д. 214, лл.3, 27
г. Калинковичи	3 386	20 сентября 1941 г.	22 сентября 1941 г.	900	НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 12, л.122
г.п. Корма, 2 гетто: на ул. Абатурова на ул. Школьная	981	сентябрь 1941 г.	8 ноября 1941 г.	700	НАРБ, ф.4, оп. 29, д.113, л.667; ГА Го- мельской обл., ф. 1345, оп.1, д.5, лл. 1, 2, 9; ГАРФ, ф. 7021, оп. 85, д. 215, лл. 1-2
г. Мозырь на ул. Ромашов ров	6 307	осень 1941 г.	6–7 января 1942 г.	1 500	НАРБ, ф.861, оп.1, д. 12, л.2, 8, 9; ф.845, оп.1, д.12, л.32; ЗГА в Мозыре, ф.310, оп. 1, д.15, лл. 4, 12, 14; ГАРФ, ф.7021, оп. 91, д. 20, л. 4

Научные статьи

г.п. Паричи	1 881	сентябрь 1941 г.	ноябрь 1941 г.	более 1 700	НАРБ, ф. 845, оп.1, д.60, л.33; ф. 861, оп. 1, д.12, л.157-об., 158
г. Петриков на ул. Володарско- го	1 074	сентябрь 1941 г.	конец апреля 1942 г.	260	НАРБ, ф. 861, оп.1, д.12, л.47, 47-об.
хозяйство «Прогресс» Рогачевского р-на	-	сентябрь 1941 г.	март 1942 г.	3 300	ГАРФ, ф.7021, оп.85, д.39, л.10об., 11
г. Речица	7 237	сентябрь 1941 г.	25 ноября 1941 г.	3 500	НАРБ, ф. 861, оп.1, д.6, л.339; ГА Гомельской обл., ф. 1345, оп.1, д.1, лл. 2, 378-80; ГАРФ, ф.7021, оп. 85, д. 413, л. 15
г. Рогачев	4 601	сентябрь 1941 г.	начало декабря 1941 г.	3 300	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д.6, л. 99- 100; ф.4, оп. 29, д. 113, л. 668; ГАРФ, ф. 7021, оп. 85, д. 413, л. 15

Гетто в Гомельской области: общее и особенное

г.п. Стрешин Жлобинского р-на	531	сентябрь 1941 г.	14 апреля 1942 г.	448	НАРБ, ф. 861, оп.1, д.6, л.144; ГА Гомельской обл., ф. 1345, оп. 1, д. 8, л. 3; ГАРФ, ф. 7021, оп.85, д.41, л.2.
г. Чечерск	977	сентябрь 1941 г.	28 декабря 1941 г.	432	НАРБ, ф.861, оп.1, д.6, л.207об; ГА Гомельской обл. ф.1345, оп.1, д.13, л.2об.
Всего 20 гетто (15 нас. пунктов)	72 501	сентябрь 1941 г.	апрель 1942 г.	21 828	НАРБ, ГАРФ, ЗГА в Мозыре, ГА Гомельской обл.

Составлено по: Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГА в Мозыре), Государственный архив Гомельской области (ГА Гомельской обл.), Архив Управления КГБ Гомельской обл., Yad Vashem Archives (Jerusalem).

Таблица 4

**Евреи Гомельской и Полесской областей
(современная Гомельская область),
погибшие вне гетто в 1941–1943 гг.**

Населенный пункт	Кол-во погибших	Время акции	Источники
д. Алексичи, Хойникский р-н	366	август 1942 г.	Памяць. Беларусь. Мінск, 1995 г., с. 318
д. Антоновка, Калинковичский р-н	11	ноябрь 1941 г.	ГАРФ, ф. 7021, оп. 91, д.15, л. 74, 96
д. Бабичи, Чечерский р-н	15	3 февраля 1942 г.	Збор помнікау гістры і культуры Беларусі. Гом. вобласть. Мн. 1985 , с. 360
д. Бабуничи, Петриковский р-н	20	7 ноября 1942 г.	Збор помнікау гістры і культуры Беларусі. Гом. вобласть. Мн. 1985, с. 274
г. Брагин	300	13 сентября- ря 1941 г.	ГАРФ, ф.7021, оп.1, д. 2, лл. 44-45
д. Брынев, Петриковский р-н	4	февраль 1943 г.	YVA, M-33/1126, р. 47-об.
д. Велимов, Брагинский р-н	15	1941 г.	Памяць. Беларусь. Мінск, 1995 г., с. 239

Гетто в Гомельской области: общее и особенное

г. Ветка	390	3 декабря 1941 г.	Архив Управления МВД Гомельской обл., ф. 12, оп.1/8, д.1, т.1, л.118
д. Глушковичи, Лельчицкий р-н	9	сентябрь 1941 г.	YVA, M-33/1130, p. 34
д. Горваль, Речицкий р-н	33	7 сентября 1941 г.	Память. Речицкий рай- он. Минск, 1999 г., кн. 1, с. 249
д. Давляды, Наровлянский р-н	4	декабрь 1941 г.	М. Ботвинник. Памятни- ки геноцида евреев Беларуси. Минск, 2000 г., с. 223
д. Давыдовка, Светлогорский р-н	74	8 февраля 1942 г.	ГАРФ, ф.7021, оп.91, д.12, л.32-33
д. Дубровица, Хойникский р-н	62	май 1942 г.	Памяць. Беларусь. Мінск, 1995 г., с. 318
д. Дьяковичи, Житковичский р-н	7	февраль 1942 г.	YVA, M-33/1123, p. 52, 53
г. Житковичи	167	август, декабрь 1941 г., февраль 1942 г.	НАРБ, ф. 861, оп.1, д.12, л. 188-об.
д. Журавичи, Рогачевский р-н	120	1941 г.	Памяць. Беларусь. Мінск, 1995 г., с. 303

Научные статьи

д. Ковтичи, Светлогорский р-н	318	март 1942 г.	НАРБ, ф.861, оп. 1, д. 2, л. 94
д. Копоринка, Брагинский р-н	7	октябрь 1941 г.	YVA, M-33/1125, p. 123
д. Копцевичи, Петриковский р-н	96	сентябрь- октябрь 1941 г.	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д.12, л.162
д. Колыбань, Брагинский р-н	10	октябрь 1941 г.	YVA, M-33/1125, p.5
г. Ельск	18	январь 1942 г.	НАРБ, ф.861, оп.1, д.12, л. 211-об.
г.п. Комарин	89	сентябрь- октябрь 1941 г.	НАРБ, ф.845, оп.1, д.12, л. 44
д. Копаткевичи, Петриковский р-н	35	март 1942 г.	YVA, M-33/1126, p. 6
д. Красное, Брагинский р-н	18	сентябрь- октябрь 1941 г.	НАРБ, ф.845, оп.1, д.12, л.45
г. Лельчицы	790	август- сентябрь 1941 г.	YVA, M-33/1124, p.75
д. Ленин, Житковичский р-н	2 000	июль 1941 г., август 1942 г.	Память. Житковичский район. Минск, 1994 г., с. 459-467
г.п. Лоев	87	1943 г.	Память. Беларусь. Мінск, 1995 г., с. 286

Гетто в Гомельской области: общее и особенное

д. Люденевичи, Житковичский р-н	105	сентябрь- декабрь 1941 г.	YVA, M-33/1123, p. 52
г. Наровля	110	23 ноября 1941 г.	НАРБ, ф.861, оп.1, д. 12, лл.169-170
д. Новая Ёлча, Брагинский р-н	17	октябрь 1941 г.	Збор помнікаў гістры і культуры Беларусі. Гом. вобласть. Mn. 1985, с.240
д. Огородники, Калинковичский р-н	20	декабрь 1941 г.	YVA, M-33/1124, p. 10
д. Осташковичи, Светлогорский р-н	4	3 февраля 1942 г.	YVA, M-33/1122, p. 33
д. Переров, Житковичский р-н	80	18 августа 1941 г.	Память. Житковичский район. Минск, 1994 г., с.425
д. Печиши, Светлогорский р-н	82	10 февраля- ля 1942 г.	НАРБ, ф.845, оп.1, д.2, л. 94
д. Пирки, Брагинский р-н	10	сентябрь- октябрь 1941 г.	НАРБ, ф.845, оп.1, д.12, л. 44
д. Поддобрянка, Добрушский р-н	200	сентябрь 1941 г., январь- февраль 1942 г.	НАРБ, ф.861, оп.1, д. 6, л. 203-об.
д. Птичье, Петриковский р-н	33	декабрь 1941 г.	Память. Петриковский район. Минск, 1995 г., с. 338-340

Научные статьи

д. Пуховичи, Житковичский р-н	13	декабрь 1941 г.	YVA, M-33/1123, p. 42
д. Ридча, Житковичский р-н	8	август 1941 г.	НАРБ, ф. 861, оп.1, д. 6, л. 213
д. Рубеж, Лельчицкий р-н	13	октябрь 1941 г.	YVA, M-33/1127, p. 38
г. Светлогорск (бывшая д. Шатил- ки)	351	март 1943 г.	НАРБ, ф.861, оп.1, д. 2, л.94
д. Свержань, Рогачевский р-н	250	23 декабря 1941 г.	Память. Беларусь. Минск, 1995 г., с.202
д. Симоничи, Лельчицкий р-н	5	октябрь 1941 г.	YVA, M-33/1127, p. 38
д. Ситня, Калинковичский р-н	18	сентябрь 1941 г.	ГАРФ, ф.7021, оп. 91, д.15, л.11, 20-об.
д. Сметаничи, Петриковский р-н	22	июль 1942 г.	НАРБ, ф.845, оп.1, д.12, л.50об.
д. Сторожовцы, Житковичский р-н	25	20 августа 1941 г.	Збор помнікау гістры і культуры Беларусі. Гом. вобласть. Mn. 1985, с.262
г.п. Тереховка, Добрушский р-н	55	сентябрь 1942 г.	Память. Беларусь. Мінск, 1995 г., с. 260
г. Турков	570	август- сентябрь 1941 г.	ЗГА в Мозыре, ф. 310, оп. 1, д. 9, лл. 1-79; д. 19, лл. 1-64
д. Уваровичи, Буда- Кошелевский р-н	247	18 ноября 1941 г.	Памяць. Беларусь. Мінск, 1995 г., с. 242

д. Шугали, Лельчицкий р-н	12	октябрь 1941 г.	YVA, M-33/1127, p. 68
д. Щедрин, Жлобинский р-н	1600	2 марта 1942 г.	НАРБ, ф. 845, оп.1, д. 60, л.33; ф.861, оп.1, д. 2, лл.93-95
д. Юровичи, Калинковичский р-н	540	19, 27 ноября, декабрь 1941 г.	ГАРФ, ф.7021, оп. 91, д.15, л. 136
<i>Всего: 53 насел. пункта</i>	<i>9 455</i>	<i>1941–1943 гг.</i>	

Составлено по: Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ); Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ); Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГА в Мозыре); Государственный архив Гомельской области (ГА Гомельской обл.), Архив Управления КГБ Гомельской области; Yad Vashem Archives, Jerusalem (YVA); *Збор помінкау гістры і культуры Беларусі. Гомельская вобласць*. Мінск, 1985; М. Ботвинник. *Памятники геноцида евреев Беларуси*. Минск, 2000 г.; *Памяць. Беларусь*. Мінск, 1995 г.; *Память. Речицкий район*. Минск, 1999 г. Кн. 1; *Память. Житковичский район*. Минск, 1994 г.; *Память. Петриковский район*. Минск, 1995 г.; *Немецко-фашистский геноцид в Беларуси, 1941–1944 гг.* Минск, 1995 г., с. 346; *Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941–1944 гг.: Документы и материалы*. Минск, 1963 г.; *Места принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 гг.: Справочник*. Минск, 2001 г.

Таблица 5

**Гетто, тюрьмы и лагеря
на оккупированной территории Беларуси
в 1941–1944 гг.**

Область	Гетто	Тюрьмы	Лагеря Уничтожения	Лагеря военно- пленных	Лагеря гражданского населения	Рабочие лагеря
Брестская	28	14	3	2	14	1
Витебская	36	15	1	2	22	10
Гомельская	20	11	1	1	29*	21
Гродненская	31	7	—	4	4	—
Минская	40	13	2	7	11	6
Могилевская	12	15	—	4	17	59
<i>Всего</i>	167	75	7	19	97	97

* Включая четыре детских донорских лагеря (7–17 лет), расположенных в хозяйстве «Красный берег» Жлобинского района, г.п. Петрикове, д. Луцицы Петриковского района и г. Паричи.

Составлено по: *Нацистская политика геноцида и выжженной земли в Белоруссии, 1941–1944 гг.: Документы и материалы*, Минск, 1984 г.; *Немецко-фашистский геноцид в Беларуси, 1941–1944 гг.* Минск, 1995 г., с. 346; *Места принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 гг.: Справочник*. Минск, 2001 г.

Таблица 6

**Количество жертв среди мирного населения
и военнопленных на оккупированной территории
Беларуси в 1941–1944 гг. по данным ЧГК СССР¹**

Область	Жертвы			Вывезено на работы в Германию
	всего	среди мирного населения	среди военно-пленных	
Барановичская	269 586	181 179	88 407	33 773
Брестская	198 384	159 526	38 858	30 008
Бобруйская	136 207	82 194	54 013	15 275
Витебская	244 312	151 421	92 891	68 434
Гомельская	167 836	53 360	114 476	16 745
Гродненская	152 538	111 208	41 330	53 955
Могилевская	130 736	71 602	59 134	21 436
Минская	419 105	317 515	101 590	29 815
Молодечненская	77 025	42 373	34 652	8 828
Пинская	119 998	95 385	24 613	30 861
Полесская	41 101	37 981	3 120	82 202
Полоцкая	262 218	105 211	157 007	52 599
<i>Всего</i>	<i>2 219 046</i>	<i>1 408 955</i>	<i>810 091</i>	<i>443931</i>

Составлено по: НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 207, л. 1.

¹ ЧГК – Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодействий немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

«Операция 1005»

В годы Второй мировой войны на территории Беларуси (в современных границах) нацисты организовали свыше 260 мест принудительного содержания военнопленных и гражданского населения: концентрационные, трудовые и пересыльные лагеря СС и СД, тюрьмы, штрафные, женские и детские колонии¹. Еврейское население республики было изолировано в больших и малых гетто (свыше 300), которые были обречены на уничтожение. По приблизительным оценкам, в лагерях смерти и гетто Беларуси из 10 млн. чел. довоенного населения республики погибло свыше 1,5 млн. мирных граждан и около 800 тыс. военнопленных Красной армии².

План массового уничтожения мирного населения был хорошо продуман, организован и носил целенаправленный характер. Советская историография традиционно объясняла эту политику Берлина исключительно как абсурдную и античеловечную, называя ее «кровожадной» и «людоедской». В действительности нацистское руководство посредством жестокости добивалось определенных практических целей, а именно: беспрекословного исполнения приказов, наказания непокорных, предотвращения появления очагов сопротивления в своем тылу, лишения источников снабжения и поддержки партизан, а не только устрашения и возмездия.

¹ Нямецка-фашистскі генацы ў Беларусі, 1941–1944 гг. / Пад рэд. У.М. Міхнюка. Мінск, 1995 г., с. 295.

² Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированных территориях Беларуси, 1941–1944 гг. Минск, 2001 г.

Поголовному уничтожению подлежало исключительно еврейское, но ни в коем случае не славянское население республики³. Однако немецкая оккупация не была для него ни «раем», ни освобождением. На территории генерального округа Белоруссия (Белорутéния, нем. *Generalbezirk Weißruthenien*), которым руководил гауляйтер Вильгельм Кубе, с большими ограничениями, но были открыты учебные заведения (школы, учительские курсы и институты), разрешены культовые ведомства (духовные семинарии, церкви, костелы, монастыри), дома культуры, музеи, цирк, театр, кино, выпускались газеты и книги, была разрешена частная предпринимательская деятельность. Культурно-просветительные учреждения действовали в строгом соответствии с немецкими установками, направленными на демонстрацию превосходства арийской нации⁴. Их целью было продемонстрировать местному населению несостоятельность «сталинской дружбы народов», представить немецкого солдата как освободителя от тирании евреев и коммунистов, а не жестокого и беспощадного палача. Результатом такого подхода стал коллаборационизм, который принял в Беларуси значительные размеры⁵.

Несмотря на семь с лишним десятилетий, прошедших после окончания Второй мировой войны, раскрытие злодеяний против мирного населения на оккупированных территориях сохраняет свою актуальность. В наши дни эта работа приобре-

³ L. Smilovitsky, *Holocaust in Belorussia, 1941–1944*. Tel Aviv, 2000: <http://www2.jewishgen.org/Yizkor/belarus/belarus.html>

⁴ Л. Смілавіцкі, «Невядомыя старонкі беларускай школы»: Гады нямецкай акупацыі, 1941–1944 гг. // *Полымя* (Мінск), № 12, 1994 г., с. 192–198; «Беларусь пад нямецкай акупацыяй» // *ARCHE* (Мінск), № 5, 2008.

⁵ M. Dean, *Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944*. New York, 2000; У. Раманоўскі. *Судзельнікі у злачынствах*. Мінск, 1964; А. Літвін. *Акупацыя Беларусі, 1941–1944: Пытанні супраціву і калабарацыі*. Мінск, 2000; О.В. Романько. *Коричневые тени в Полесье. Белоруссия. 1941–1945*. Москва, 2008 г.

тает значимость в условиях фальсификации истории Второй мировой войны и отрицания самой ужасной ее страницы – Катастрофы восточноевропейского еврейства⁶.

«Операция 1005», задуманная в Берлине весной 1942 г., представляла собой широкомасштабную засекреченную долговременную программу по уничтожению следов военных преступлений на востоке, в частности свидетельств массового истребления нацистами европейских евреев. Начальник главного управления имперской безопасности Германии Рейнхард Гейдрих по поручению рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера возложил непосредственное ее исполнение на Пауля Блобеля⁷. Эта операция началась в июне 1942 г. и продолжалась до конца 1944 г.

Первые документальные сведения об «Операции 1005» получили советские армейские комиссии. Они состояли из офицеров, начиная с командира роты и выше, нескольких военнослужащих, включая рядовых. Члены комиссии опрашивали местных жителей, записывали факты уничтожения еврейского населения, хотя в актах, составленных для гражданских властей, евреи чаще назывались «мирными советскими гражданами». Информация о немецких преступлениях попадала в распоряжение армейского командования также непосредственно от советских солдат, первыми вступивших на освобожденную территорию⁸. Возможности армейских комиссий были ограничены. Они были привязаны к постояннодвигаю-

⁶ *Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем: Дебаты о демографии и geopolитике Холокоста / Сост.: А. Кох, П. Полян. Москва, 2008.*

⁷ Пауль Блобель (Paul Blobel; 1894–1951) – по образованию архитектор, член НСДАП (1931 г.), штандартенфюрер СС (30 января 1941 г.), руководил массовыми уничтожениями мирного населения на Украине, в том числе расстрелами в Бабьем Яру 29–30 сентября 1941 г.

⁸ L. Smilovitsky. “Ilya Ehrenburg on the Holocaust of the Jews in Belorussia: Unknown Evidence” // *East European Jewish Affairs* (London), vol. 29, No 1-2, Summer-Winter 1999, pp. 61-74.

щимся войскам и не могли вести тщательное расследование. Членов комиссий отвлекали на решение боевых задач, а фиксация и расследование злодеяний нацистов для них было делом второстепенным⁹.

В задачу комиссий ЧГК СССР, которые состояли из представителей партийных и советских органов, органов госбезопасности и местного населения, входило выявление ущерба, нанесенного действиями немецкой стороны, определение количества погибших советских граждан. Они собирали и обобщали данные о местах экзекуций и численности расстрелянных, перепроверяли полученные сведения, вскрывали места захоронений.

Административная переписка разных немецких ведомств об «Операции 1005» сохранилась лишь фрагментарно и в основном касалась крупных мест уничтожения. После окончания войны дополнительная информация была получена в ходе подготовки судебных расследований в связи с запросами из-за границы или возбуждения уголовных дел в отношении участников массовых карательных акций.

Свидетельские показания можно условно разделить на две категории:

- записанные сразу после освобождения БССР и до начала 1960-х гг. – представляют наибольшую ценность;
- поступившие в последние 15–20 лет в Яд ва-Шем, Музей Холокоста в Вашингтоне, Архив аудиодокументов в Ерейском университете в Иерусалиме, Йельский университет, Дом-мемориал борцов гетто (Бейт лохамей га-геттаот), Фонд Спилберга, Комиссию по материальным искам евреев к Германии (Клеймс конференс) – требуют дополнительной проверки.

Поле «деятельности» для осуществления «Операции 1005» в Беларуси было широким. Наиболее крупные массовые захоронения жертв нацистского геноцида находились вблизи лагерей советских военнопленных в Бобруйске (50 тыс. погиб-

⁹ Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной армии / Сост. Ф.Д. Свердлов. Москва, 1996 г.

ших), у деревни Березино Минского района Минской обл. (27 тыс. чел.), у деревни Колбасино Гродненского района Гродненской обл. (18 тыс. чел.), у деревни Кольдычево (22 тыс. чел.) и железнодорожной станции Лесная (89 тыс. чел.) Барановичского района Брестской обл., у деревни Луполово в окрестностях Могилева (свыше 40 тыс. чел.), в Молодечно (33 тыс. чел.), у деревни Масюковщина Минского района Минской обл. (80 тыс. чел.), на Бронной Горе Березовского района Брестской обл. (50 тыс. чел.).¹⁰

Большинство жертв составляли военнопленные, евреи, советский актив, партизаны, подпольщики, члены их семей и заложники из мирного населения. Из 1,4 млн. погибших на оккупированной территории Беларуси свыше 800 тыс. чел. составляли евреи. Уже к началу 1942 г. в Беларуси погибло 250 тыс. евреев, в том числе 120 тыс. евреев в зоне военной оккупации, 60 тыс. евреев в районах, включенных в рейхскомиссариат Остланд, 70 тыс. евреев в районах Западной Беларуси, включенных в рейхскомиссариат Украина, и в округе Белосток. Самые многочисленные жертвы понесло еврейство Минска – почти 100 тыс. чел. В Белостоке погибло от 43 тыс. до 58 тыс. чел., в Пинске – 25 тыс. чел., в Бресте – 22 тыс. чел., в Бобруйске, Витебске, Гродно и Слуцке – по 20 тыс. чел., в Лиде – 16 тыс. чел., в Барановичах – 12 тыс. чел., в Могилеве – 10 тыс. евреев.¹¹

Большинство белорусских евреев (свыше 500 тыс. чел.) убиты зимой 1942 – осенью 1943 г., когда в массовом порядке проводилась ликвидация гетто в Западной и Центральной Беларуси. С осени 1943 г. до освобождения ее территории в июле 1944 г. нацисты истребляли евреев, уцелевших от pogromov в гетто и рабочих лагерях. Например, в лагере у деревни

¹⁰ Беларусь в годы Великой Отечественной войны / Под ред. А. Ковалени, А. Литвина, В. Кузьменко и др.; Институт истории Национальной Академии наук РБ. Минск, 2005 г., с. 150-165.

¹¹ И. Альтман. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945. Москва, 2002 г., с. 245. (Сер. Анатомия Холокоста).

Колдычево под Барановичами последних узников расстреляли в марте 1944 г. Жертвами карателей стали евреи, скрывавшиеся в лесных семейных лагерях и у партизан, – всего 10 тыс. чел.¹²

Территория Беларуси одной из первых в оккупированной Европе была использована нацистами для уничтожения евреев Германии, Австрии, Венгрии, Голландии, Польши, Чехословакии и Франции. С ноября 1941 г. по октябрь 1942 г. из Европы в Минск было депортировано, по разным данным, от 22 до 35 тыс. евреев, которые почти все погибли¹³.

В Беларуси к операции по сокрытию следов преступлений приступили осенью 1943 г., когда Пауль Блобель прибыл в Минск и передал руководителю политической полиции и начальнику айнзацгруппы «Б» оберштурмбанфюреру СС д-ру Эриху Эрлингеру соответствующие инструкции. Начальник отдела по делам евреев и поляков политической полиции в Минске Герхард Мюллер¹⁴ подготовил первоначальный список мест массовых захоронений убитых, который впоследствии неоднократно дополнялся. Эрлингеру подчинялись районы Восточной Беларуси под управлением военной администрации. В зоне армейского командования ответственным за проведение «Операции 1005» назначили руководителя айнзацкоманды-8 Фридриха Зеекеля¹⁵.

Зондеркоманда «1005-Центр» (Mitte) состояла из сотрудников политической полиции Минска, 30 немецких полицейских и взвода 4-й полицейской бронетанковой роты. Подразделения белорусской полиции, усиленной украинцами и латышами, обеспечивали охрану «объекта» во время сожжения останков расстрелянных людей. Однако вскоре из-за сообра-

¹² И. Альтман. *Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945*. Москва, 2002 г., с. 246. (Сер. *Анатомия Холокоста*).

¹³ Э. Иоффе. *Белорусские евреи. Трагедия и героизм, 1941–1945 гг.* Минск, 2003 г., с. 146-148.

¹⁴ Герхард Мюллер в конце 1942 г. сменил на посту руководителя отдела 4 «Б» полиции безопасности СД в Минске Эриха Люткенхуса.

¹⁵ Ицхак Арад. *Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза, 1941–1945 гг.* Москва, 2007 г., с. 505.

жений секретности их сменили части политической полиции, в которой служили фольксдойче из Венгрии и Румынии. Непосредственное содействие осуществлению «Операции 1005» на территории Беларуси оказывали гауптштурмбанфюрер СС Георг Хойзер¹⁶, оберштурмбанфюрер Эдуард Штраух¹⁷ и генерал-майор СС Герф Эберхард¹⁸.

Крупнейшим местом массового захоронения на территории Беларуси стал Тростенец¹⁹. Он занимает четвертое место в Европе по количеству жертв после Освенцима, Майданека и Треблинки. Здесь погибли советские военнопленные, евреи Беларуси и ряда европейских государств, подпольщики и партизаны, мирные жители, арестованные в качестве заложников. Название «Тростенец» объединяет несколько мест массового уничтожения людей: место расстрелов в урочище Благовщина, концлагерь рядом с деревней Малый Тростенец и место массового сожжения людей в урочище Шашковка²⁰.

¹⁶ Георг Хойзер (1913–1989) – начальник 4-го отдела полиции безопасности и СД, организатор, руководитель и исполнитель массовых убийств в Минске и окрестностях; после войны жил в ФРГ, после войны криминалоберкомиссар земли Рейн-Пфальц, арестован (1959 г.), за умышленные убийства приговорен к 15 годам тюремного заключения (1963 г.), амнистирован (1971 г.).

¹⁷ Эдуард Штраух (1906–1955) – с марта 1942 по июль 1943 г. руководитель полиции безопасности и СД, затем в штабе уполномоченного рейхсфюрера СС по борьбе с партизанами, на Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни (1948 г.), которая была заменена на пожизненное заключение (1952 г.), умер в 1955 г.

¹⁸ Герф Эберхард (1887–1946) – командующий полицией порядка в Беларуси с сентября 1943 до января 1944 г., повешен по приговору суда в Минске 30 января 1946 г.

¹⁹ B. Epstein. *The Minsk Ghetto, 1941–1943. Jewish Resistance and Soviet Internationalism* / University of California Press. Berkely, Los Angeles, London, 2008, p. 106.

²⁰ Протокол следствия военной прокуратуры Минского гарнизона капитана юстиции Семенова об осмотре мест уничтожения людей в окрестностях д. Малый Тростенец, 14–21 июля 1944 г. // ГАРФ, ф.7021, оп. 87, д. 123, ч. 1, лл. 36-42.

Благовщина

В качестве места массового уничтожения урочище Благовщина, которое находится на 11-м километре шоссе Минск–Могилев, в 1,5 км от деревни Малый Тростенец, было выбрано нацистами осенью 1941 г. Людей привозили сюда по железной дороге и на грузовых машинах. До последнего момента поддерживалась видимость переселения узников на новое место жительства или работы: переписывались ценные вещи, выдавались квитанции. Расстреливали обреченных у заранее подготовленных рвов, трупы утрамбовывали гусеничными тракторами и закапывали²¹.

Сформировать команду по уничтожению трупов было поручено капитану войск СС Артуру Гардеру²². Он прибыл в Минск осенью 1943 г. в сопровождении 60 немецких, 30 русских полицейских и 4 переводчиков. Акцию поручили команде «1005-Центр», которую возглавляли Фридрих Зеекель и Макс Кранер. Адольф Рюбе²³ осуществлял контроль и командовал рабочей силой.

С 27 октября по 15 декабря 1943 г. в Благовщине нацисты вскрыли 34 места массового захоронения, чтобы извлечь трупы 150 тыс. чел. Некоторые из рвов достигали 50 м в длину. Отто Гольдап и Отто Древс отвечали за действия дежурных подразделений из 60 полицейских службы охраны порядка и

²¹ Тростенец: Сборник документов и материалов / Под ред. Р.А. Черноглазовой и С.В. Жумаря. Минск, 2003 г., с. 39-40.

²² Артур Гардер (1910–1964) – гауптштурмфюрер СС, летом 1943 г. прикомандирован к айнзацкоманде-1005, после 1945 г. работал каменщиком, служащим фирмы Круппа во Франкфурте-на-Майне, предан суду в Кобленце по обвинению в пособничестве убийству (1963 г.), приговорен к 3,5 года тюремного заключения.

²³ Адольф Рюбе (1896–1962) – гауптшарфюрер СС, с 1942 по июнь 1944 гг. служил в полиции безопасности и СД Минска, отвечал за массовые расстрелы евреев, арестован (1947 г.) и осужден (в 1949 г.) на 15 лет тюремного заключения, освобожден по амнистии (1971 г.).

40 солдат войск СС из фольксдойче. Извлечение трупов и их сожжение производила группа заключенных-евреев, присланых из Минска. После побега из Бабьего Яра евреев, занимавшихся аналогичной работой в Тростенце, убили, заменив военнопленными. Рюбе жаловался Гиммлеру, что мусорные ковши экскаваторов очень неудобны в использовании²⁴.

Заключенные вскрывали могилы, коваными крюками извлекали мертвых, переносили их на самодельных носилках и укладывали для большого костра в штабеля: слой бревен, слой трупов – пока высота не достигала 3–5 м. В каждом штабеле получалось до 200 тел, которые обливали бензином и другими горючими материалами и поджигали. В отдельных случаях людей сжигали живыми. Рабочие команды состояли, как правило, из 50–100 советских военнопленных. Через определенное время людей, занятых на этих работах, убивали, их тела сжигали, заменяя новыми могильщиками, которые тоже были обречены на смерть. Кости дробили на куски и выбрасывали в открытые ямы. К декабрю 1943 г. рвы в Благовщине были заполнены пеплом, и нацисты выбрали новое место в полукилометре от лагеря Тростенец, в лесу недалеко от деревни Шашковка²⁵.

После освобождения Минска на этом месте при вскрытии могил на глубине 3 м обнаружили обугленные человеческие кости. Слой пепла составлял от 0,5 до 1 м, под которым стояла темно-бурая жидкость. Вокруг ям было разбросано множество мелких костей, волосы с гребenkами, зубные протезы и предметы личного обихода (вилки, ножи, котелки, кошельки, детские игрушки)²⁶.

²⁴ См. показания Адольфа Рюбе 17 декабря 1947 г., Карлсруэ (Paul Kohl, *Das Vernichtungslager Trostendorf*. Dortmund 2003, s. 77).

²⁵ *Лагерь смерти Тростенец: Документы и материалы*. Минск, 2003 г., с. 183.

²⁶ *Wegweiser zu ehemaligen judischen Leidensstätten der Deportationen von Hamburg nach Minsk*. Hamburg, 1995, pp. 61–62, 64.

Лагерь Тростенец

В начале 1942 г. полиция безопасности и СД на 200 га угодий довоенного колхоза им. Карла Маркса открыли трудовой лагерь для производства продуктов питания и обслуживания подсобного хозяйства. Работали мельница, лесопилка, вспомогательные мастерские. Одновременно лагерь использовался как место физической расправы. Здесь убивали участников сопротивления, заложников из числа мирных жителей и евреев. Сначала арестованных направляли в тюрьму на ул. Володарского в Минске, потом в концлагерь на ул. Широкая, а оттуда – в Тростенец. С осени 1942 г. по осень 1943 г. комендантом лагеря Тростенец был Генрих Эйхе²⁷, которого сменил Ридер (Зайдер)²⁸.

28–30 июня 1944 г., незадолго до освобождения Минска, на территории лагеря в бывшем колхозном сарае (размером 17 х 88 х 3 м) было расстреляно, а затем сожжено 6,5 тыс. чел. Рядом на штабеле бревен остались 127 не до конца сгоревших трупов мужчин, женщин и детей разной степени обугливания. Среди трупов были найдены остатки немецких зажигательных бомб, которые применялись для повышения температуры горения. Судебно-медицинская экспертиза установила, что в ряде случаев смерть наступила не сразу, живых сжигали вместе с мертвыми²⁹.

²⁷ Генрих Эйхе (1911–?) –unterшарфюрер СС, служил в полиции безопасности в Минске, после 1945 г. скрывался в Аргентине, считается пропавшим без вести.

²⁸ Ридер (Риддер, Рейдер, Риздер, Зайдер) в показаниях свидетелей упоминается как организатор кремации, однако специально с этой целью в Тростенец был направлен Гардер с командой для осуществления «Операции 1005». Можно предположить, что это одно и то же лицо или что Ридер – исказенное от Гардер, возможно, что сами нацисты называли его рыцарем (Ritter).

²⁹ Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941–1944: Сборник документов и материалов / Под ред. П.П. Липило и В.Ф. Романовского. Минск, 1963 г., с. 212.

Шашковка

Осенью 1943 г. в окрестностях деревни Малый Тростенец нацисты построили печь для сжигания трупов расстрелянных. От шоссе Минск–Могилев к месту сожжения специально проложили дорогу, которая имела особый спуск для автомашины. Печь представляла собой вырытую в земле яму размером 9 х 9 м и 4 м в глубину с отлогим подходом к ней, огороженную колючей проволокой и плотным дощатым забором высотой 3 м. На дне ямы были уложены параллельно шесть рельсов длиной 10 м, поверх рельсов – железная решетка³⁰.

Печь в Тростенце называли «киевской», поскольку она очень напоминала сооружение, построенное в Сырецком лагере Бабьего Яра в северной части Киева, где в августе–сентябре 1943 г. были откопаны и сожжены тысячи трупов, а пепел рассеян. В Минске этот термин заключенные впервые услышали от членов украинского полицейского батальона, переброшенного в Тростенец из Киева в мае 1943 г.³¹

Для подвозки дров для костров мобилизовали крестьян ряда волостей. Только из урочищ Любавщина и Даниловщина вывезли 5 тыс. куб. м. дров, а из бора Апчак – 2 тыс. куб. м.³² Команда оцепления размещалась вокруг котлована на расстоянии 100 м от могил. Часовые сменялись регулярно в течение 24 часов, имея потом двое суток отдыха. По свидетельству очевидцев, смрад с места сожжения стоял невыносимый³³.

³⁰ Свидетельство от 17 июля 1944 г. Федора Федоровича Божко, бывшего узника концлагеря Тростенец // НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 11, лл. 40-41.

³¹ *Лагерь смерти Тростенец*, с. 189.

³² Протокол допроса П.Н. Головача, жителя д. Большой Тростенец Минского района от 19 июля 1944 г. // ГАРФ, ф. 7021, оп. 87, д. 124, лл. 59-61.

³³ Из показаний солдата роты фольксдойче об уничтожении массовых захоронений в районе деревни Тростенец Минского района от 13 февраля и 9 августа 1943 г. Гамбург, февраль 1968 г. // *Уничтожение европейских евреев*. Мюнхен–Цюрих, 1989 г., с. 151-152.

Печь работала ежедневно, узников доставляли в душегубках, специальных автомашинах, приспособленных для удушения выхлопным газом. Иногда обреченных привозили в открытых машинах с прицепами. Расправа происходила очень быстро. Расстреливали возле печи и внутри нее, в других случаях группы людей взрывали гранатами. Пепел из кремационной печи использовался как удобрение на полях подсобного хозяйства «Тростенец». Всего с октября 1943 г. до лета 1944 г., по данным ЧГК СССР, здесь было уничтожено и кремировано не менее 50 тыс. чел. Возле печи были обнаружены бочка и черпак с остатками смолы, одежда, обувь, предметы личного обихода и остатки еды³⁴.

Кроме Тростенца в районе Минска и его ближайших окрестностей были обнаружены следы расстрелов и сожжения на кладбище военнопленных у деревень Глинище, Тучинка, на хуторе Петрашкевича, в урочищах Уручье, Дрозды, на еврейском кладбище, в парке культуры и отдыха им. Челюскинцев в Минске.

В 5 км от Минска, у железной дороги Минск–Молодечно, было найдено 197 могил различных размеров, братских – 35 х 25 м и единичных 2,5 х 1,5 м. Предполагается, что захоронение содержало 80 тыс. тел замученных пленных и гражданских лиц. Были начаты работы по сожжению трупов, однако полностью уничтожить столь обширное захоронение нацисты не успели.

Хутор Петрашкевича

Было обнаружено 8 ям-могил размером 21 х 4 м. и 5 м. в глубину. Перед каждой ямой осталось пепелище диаметром 5–6 м. как след сожжения здесь извлеченных трупов весной 1944 г. Были найдены залежи пепла, остатки обгоревших и

³⁴ Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК СССР) по расследованию злодейств немецко-фашистских захватчиков от 19 сентября 1944 г. // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. IV, Москва, 1959, с. 83–88.

обугленных костей, пучки волос, зубные протезы, костили, мелкие металлические вещи, остатки женской и детской обуви. По приблизительным оценкам, здесь были сожжены тела 25 тыс. чел.

Дрозды

Урочище находилось северо-восточнее концлагеря у поселка Дрозды. При раскопке траншеи размером 4 x 2,5 x 2,5 м на глубине от нескольких метров до полуметра были обнаружены черепа, кости, пепел, остатки горючей смеси и дров. По свидетельским показаниям, сюда для экзекуций из Минска было привезено 10 тыс. чел.

Уручье

Урочище находится на 9-м километре автомагистрали Минск–Москва. Там было обнаружено 10 массовых захоронений (район Корничি болота). Размеры: 8 могил – 21 x 5 м, 1 могила – 35 x 6 м и 1 могила – 20 x 6 м, глубина – от 3 до 5 м. В каждой из могил было сложено 3 продольных ряда трупов в 7 слоев каждый. По данным экспертизы и свидетелей, здесь погибло свыше 30 тыс. чел. Массовые захоронения планировалось уничтожить путем сожжения, но сделать это не успели из-за стремительного наступления Красной армии³⁵.

Огромные масштабы работы по выполнению директивы «1005», сжатые сроки, отсутствие необходимого количества исполнителей и охраны требовали совершенствования методов уничтожения следов преступлений. Одновременно с Тростенцом печи для сожжения трупов были построены возле некоторых других городов Беларуси. Одна из первых печей в ноябре 1942 г. была подготовлена в концлагере Колдычево (урочище

³⁵ Акт Минской областной комиссии от 13 августа 1944 г. о массовом истреблении советских граждан на территории г. Минска и его окрестностей немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1944 // ГАРФ, ф.7021, оп. 87, д. 9, лл. 26-34.

Лозы) Барановичского района. В ней сожгли 600 трупов заключенных, доставленных из тюрем в Столбцах и Барановичах. Однако устройство печи оказалось неэффективным, сожжение прекратили, печь взорвали, а 6 чел., которые ее обслуживали, расстреляли³⁶. Весной 1944 г. в окрестные села были посланы полицейские в поисках печников: прибыли чертежи новой крупной печи для сжигания трупов. Однако приближение линии фронта заставило нацистов прекратить работы. Недостроенная печь была взорвана, а печников (около 20 чел.) расстреляли³⁷.

В октябре 1943 г. печь была устроена у деревни Пашково Могилевского района. Группа заключенных из Могилева выкопала котлованы 8 м в длину и 1 м в ширину и глубину. Два котлована, вырытые параллельно на расстоянии 2 м, пересекались под прямым углом с другой парой таких же котлованов. Получался квадрат. На эту систему котлованов клали в один ряд бревна и жерди, а поверх – колотые дрова. Далее шла проложка из кусков смолы, смешанной с каменным углем, на которую в один ряд складывались трупы. Штабель достигал 8–10 м высоты, имея до 20 рядов трупов. Работа наверху требовала сноровки, некоторые военнопленные падали, калечили себя, и под видом направления в госпиталь их увозили на расстрел. Печь поджигалась с трех сторон, дрова поливали бензином. Доступ воздуха был свободным, и пламя охватывало штабель быстро.

Пока одни заключенные доставали трупы и укладывали их в штабель, другие заготавливали дрова, подвозили бревна и жерди, уголь и смолу из Могилева и близлежащих сел. К работавшим людям не проявлялось никакого снисхождения. Тех,

³⁶ Акт Барановичской городской комиссии содействия ЧГК СССР о массовом истреблении советских граждан в г. Барановичи и его окрестностях в 1941–1944 гг., 1 января 1945 г. // НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 6, лл. 18–28.

³⁷ Б.П. Шерман. *Барановичское гетто. Колдычевский лагерь смерти*. Барановичи, 1997 г., с. 65.

кто не решался брать в руки разложившийся труп, немцы заставляли ложиться лицом вниз и вдыхать трупный запах 5–10 мин. Часы, золотые протезы, деньги и другие ценности, обнаруженные в земле, рабочие сдавали немцам, за что получали вознаграждение – кусок хлеба, сигарету, кружку кваса, в обед – увеличенную порцию супа.

Всего было устроено 5 подобных печей. Когда очередная печь догорала, военнопленные подбирали уцелевшие части костей и дробили кувалдами на деревянном помосте, а затем перемешивали с грунтом. Охрана состояла из 68 немцев, вооруженных автоматами, станковыми пулеметами, розыскными и сторожевыми собаками. По шоссе вблизи места работ могли проезжать только немцы, а случайных прохожих расстреливали и сжигали вместе с выкопанными телами. Кормили рабочих на месте рядом с трупами, руки перед едой не мыли. Начались желудочные заболевания. Больных увозили якобы в госпиталь, но на другой день их замечали в верхних штабелях печей. Так было сожжены тела 25 тыс. чел.³⁸

После проверки методики уничтожения следов массовых преступлений под Минском в районе Тростенца зондеркоманда «1005-Центр» развернула бурную деятельность, двигаясь с запада на восток республики, нигде долго не задерживаясь. Члены команды, опираясь на местные силы тайной полиции и СД, руководили сожжением тел, передавали свой «опыт» и направлялись к новым массовым захоронениям. С 16 по 22 декабря 1943 г. зондеркоманда действовала недалеко от Молодечно, уничтожив в огне 2 тыс. трупов. 17–26 января 1944 г. она сожгла еще 5 тыс. трупов в районе Смолевичей, а в начале февраля приступила к «работе» к северу от Минска, где было ликвидировано 20 тыс. тел. 3 апреля 1944 г. зондеркоманда

³⁸ Заявление от 20 мая 1944 г. С.И. Пилунова, жителя д. Присна Могилевского района, начальнику Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) П.З. Калинину о скрытии нацистами следов своих преступлений с 15 сентября по 4 ноября 1943 г. // НАРБ, ф. 3500, оп. 2, д. 8, лл. 211-220.

перебазировалась в район Пинска, где получила от СД в свое распоряжение 60 заключенных. Арестанты извлекли из земли и сожгли тела 21 тыс. евреев, расстрелянных здесь в 1941–1943 гг. Затем был район Кобрина (31 мая – 24 июня 1944 г.) и район Слонима (25 июня – 5 июля 1944 г.). Занятых в акции советских военнопленных умертвили и сожгли по окончании работ³⁹. В районе Орши и Борисова из могил были извлечены и сожжены тела около 6 тыс. евреев. В районе Бобруйска трупы сжигали в конце 1943 г. – начале 1944 г.⁴⁰

Айнзацкоманда-8 начала действовать в октябре 1943 г. Для сожжения трупов организовали специальный отряд из 68 немцев и 280 заключенных. С 20 октября в 12 км к северу от Гомеля было уничтожено 3,5 тыс. трупов, в том числе не менее 1 тыс. трупов евреев. 26 октября отряд был уже в Озаричах, к западу от Гомеля, и за пять дней сжег 4 тыс. трупов. В начале ноября 1943 г. отряд слился с основной частью зондеркоманды в деревни Полковичи, где уничтожил около 11 тыс. трупов. После завершения работ исполнителей-заключенных ликвидировали⁴¹.

В начале ноября 1943 г., за две недели до отступления из Брагина, нацисты заставили советских военнопленных и арестованных из числа гражданского населения выкапывать и сжигать трупы убитых. Место сожжения было замаскировано ельником. После окончания работ все, кто принимал в них участие, были расстреляны и сожжены⁴². В Витебске в октябре 1943 г. сжигали трупы евреев из захоронений 1941 г. у реки

³⁹ Ицхак Арад. Указ. соч., с. 507.

⁴⁰ Из допроса Ганса Коха, бывшего начальника полиции безопасности в Орше, Борисове и Слониме, 18 января 1946 г. // Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 г.). Минск, 1947 г., с. 108-110, 112-113.

⁴¹ Karl Loewenstein. *Minsk: Im Lager der Deutschen Juden*. Bonn, 1961, с. 19, 22, 39.

⁴² М. Ботвинник. *Памятники геноцида евреев Беларуси*. Минск, 2000 г., с. 214.

Илово, в долине Толобаск и других местах⁴³. В акции принимали участие комендант полевой комендатуры полковник Биккель, его заместитель майор Рейнгорд, инспектор полевой юстиции Шефран, майор Морендарх. Непосредственное руководство осуществляли обер-лейтенант Зенге, военно-полевой судья Реч и его заместитель Трейхель⁴⁴.

В Западной Беларуси, входившей в генеральный округ Белосток, «Операция 1005» началась весной 1944 г. Начальником зондеркоманды назначили гауптштурмфюрера Вальдемара Махоля. Его отряд состоял из сотрудников тайной полиции, 60 полицейских службы охраны порядка и жандармов. Зондеркоманда занималась уничтожением следов массовых преступлений в Августово, Скиделе и Лунно (4 тыс. трупов)⁴⁵. В апреле 1944 г. зондеркоманда прибыла в район Бреста, где получила в свое распоряжение от СД 100 заключенных. Сожжение трупов начали с Бронной Горы, где в 1941–1943 гг. были расстреляны около 50 тыс. узников гетто Бреста, Пинска, Дрогичина, Иваново, Кобрине, Березы-Картузской, а также узники тюрем из Западной Беларуси других национальностей. Операция продолжалась до середины мая 1944 г.⁴⁶

В окрестностях Гродно, в лагерях военнопленных Колбасино, Кульбаки, Лососно и Фолюш извлекать и сжигать трупы начали во второй половине мая 1944 г. и было уничтожено 10 тыс. тел. По свидетельству А.А. Владыкина, «немцы при-

⁴³ Материалы ЧГК СССР // ГАРФ, ф. 7021, оп. 84, д. 3, л. 17.

⁴⁴ Часть участников «Операции 1005» в Витебске были арестованы, в 1962 г. земельный суд в Берлине приговорил Фильберта к пожизненному заключению, Шнайдера – к 10 годам. Штрука и Тунната – к 4 годам, Грайфенберга – к 3 годам; позднее наказание Фильберту смягчили, и он умер не в тюремной камере, а в собственном доме. См.: М. Рывкин и А. Шульман. *Хроника страшных дней. Трагедия Витебского гетто*. Витебск, 2004, с. 142-143.

⁴⁵ Ш. Холавский. *В гибельной буре* (иврит). Иерусалим, 1988 г., с. 222-223.

⁴⁶ Э.Г. Иоффе. *Белорусские евреи. Трагедия и героизм, 1941–1945*. Минск, 2003, с. 142-143.

везли откуда-то евреев»⁴⁷, которых заставили выкапывать человеческие останки и сжигать на кострах. Удушливый трупный запах чувствовался даже в деревне Наумовичи (пригород Гродно), откуда был родом свидетель. Когда все было конечно, евреев расстреляли⁴⁸.

В самом Гродно для захоронения трупов нацисты использовали крепостные рвы фортификационных сооружений (всего вокруг города было 12 фортов). Летом 1944 г., по свидетельству Тодрика, за две недели до немецкого отступления к форту №2 приехали «большие начальники», которые совещались, а затем стали подвозить на машинах дрова. Место расстрела оцепили солдаты и усиленно охраняли. Привезли рабочих, могилы вскрыли, вокруг распространился сильный трупный запах. Тела укладывали штабелями по 3–7 рядов, перекладывали соломой и поджигали. Сжигание производилось в течение недели круглые сутки. Пепел просеивали через сито, а могильные холмы равняли граблями. Возле каждого костра было углубление, кудасыпали человеческий пепел и золу⁴⁹.

Поддержку «Операции 1005» в Гродно обеспечивали уездный комиссар фон Плетц, начальник городского гестапо Эфрелис, начальник тюрьмы Шендель, комендант гетто № 1 Визе. Работы по сжиганию трупов шли до 26 июня 1944 г., пока зондеркоманда не вернулась в Белосток, где продолжила свои действия⁵⁰.

Секретность и ликвидация следов массовых убийств были в центре внимания нацистского руководства уже в первые месяцы войны с Советским Союзом. Приказ Гиммлера от 12

⁴⁷ Для вскрытия могил и сожжения трупов в зондеркоманду В. Махоля были переведены 40 евреев из тюрьмы на ул. Коминтерна в Гродно – свидетельство Александра Алексеевича Владыкина // ГАРФ, ф. 70, оп. 86, д. 40, лл. 3, 9.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Свидетельство Ивана Ивановича Тодрика // ГАРФ, ф. 70, оп. 86, д. 48, л. 10.

⁵⁰ Акт Гродненской областной комиссии ЧГК от 25 июня 1945 г. // НАРБ, ф. 7021, оп. 86, д. 34, лл. 13-19.

ноября 1941 г. запрещал без специального разрешения вести кино- и фотосъемку казней, а в случае крайней необходимости, когда она была произведена, – хранить записи и снимки в архиве. 16 апреля 1942 г. Гейдрих издал дополняющую приказ Гиммлера директиву, в которой указал, что разрешение на кино- и фотосъемку имеют право выдавать только начальники айнзацкоманд и зондеркоманд, командиры рот войск СС; к подобным материалам необходимо относиться как к секрету рейха и еще в виде негативов передавать в 4-й отдел РСХА (гестапо)⁵¹. Эти требования были ужесточены после появления публикаций в советской прессе, а затем и в других странах информации о массовых захоронениях, обнаруженных в районах, освобожденных во время контрнаступления Красной армии в 1941–1942 гг.⁵²

Отряды команды «1005», отправлявшиеся в новые районы, были строго засекречены. Операции именовали условно, чтобы не угадывались предполагаемые действия: «Разравнивание» (Тростенец), «Умиротворение» (Гродно), «Тайная натура» (Орша и Борисов), «Метеосводка» (Рогачев). Большинство распоряжений отдавали устно, документацию не вели. Именно соображения секретности заставили нацистов крайне редко пользоваться услугами белорусских, русских или украинских полицейских, которым позволяли находиться только в первой линии оцепления, в 100–200 м. Непосредственно у места извлечения и сожжения трупов присутствовали немецкие полицейские, жандармы или в худшем случае фольксдойче. Если этого нельзя было избежать, то по окончании работ полицейских-славян ликвидировали. Убивали даже случайных свидетелей, оказавшихся поблизости от «раскопок».

⁵¹ Jan Kershaw. *Hitler, 1936–1945. Nemesis*. New York - London, 2001, p. 117.

⁵² *Документы обвиняют*: Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Вып. 1-2, Москва, 1943-1945 гг.

Смысл «Операции 1005» держали в тайне до последнего момента даже от немецких военнослужащих. Роттенфюрер СС Эрвин Хансен вспоминал, что осенью 1943 г. недалеко от Рогачева он получил приказ от гауптшарфюрера СС Штертцингера подготовиться к операции «Веттермельдунг» («Метеосводка») без разъяснения, что имеется в виду. Когда Хансен и его солдаты оказались в лесу на небольшой просеке, прилегавшей к еврейскому кладбищу, они увидели большую кучу дров и 20 военнопленных под охраной Рогачевского СД. Только здесь Штертцингер⁵³ сообщил, что такая операция «Метеосводка».

По свидетельству Хансена, на лице каждого из его солдат можно было прочесть, что они скорее 10 лет готовы не ездить в отпуск, чем заниматься такой работой. Эсэсовцы образовали ограждение в виде большого круга, чтобы ни один солдат вермахта, полицейский или местный житель не мог наблюдать за тем, что происходит. Когда могилы вскрыли, запах привел стоявших в оцеплении в такой ужас, что они едва держались на ногах. Пленным, занятым сжиганием трупов, давали водку и папиросы и даже обещали, что отправят на работу в Германию. Оцепление сняли только тогда, когда догорел последний штабель. Пепел погрузили на автомашину и куда-то увезли. Всех участников акции строго предупредили, чтобы никому и в голову не пришло произнести хоть слово об операции «Метеосводка». Спустя неделю Эрвин Хансен и его отряд принимали участие в новом раскопе и сжигании трупов⁵⁴.

Если трупы не успевали извлечь и сжечь, то места массовых захоронений тщательно маскировали. В Гродно, начиная с весны 1944 г., нацисты приказали срыть надгробные холмы, высадить на поверхности захоронений цветы и сделать овощ-

⁵³ По словам Эрвина Хансена, Штертцингер считался самым «опасным» следователем гестапо в Рогачеве.

⁵⁴ Сообщение роттенфюрера СС Э. Хансена из зондеркоманды 7 «А» о проведении «Операции 1005» в районе Рогачева, 24 апреля 1944 г. // НАРБ, ф. 3500, оп. 2, д. 38, лл. 431-433.

ные грядки. После освобождения города в тюрьме Гродно на ул. Коминтерна на центральном дворе было вскрыто 4 «цветника» размером 5 х 10 м. У северной стены тюрьмы грядки картофеля прятали могилы длиной 30 м и шириной 2 м, а у восточной стены – такие же «грядки» по 50 м в длину и 2 м в ширину. Между аптекой и госпиталем рвы были засыпаны мусором. Во дворе тюрьмы убрали бульдозер и закопали трупы убитых, а сверху на площади 200 кв. м посеяли ромашку. Всего там обнаружили останки более 1 тыс. чел.⁵⁵ В Барановичах, в березовой роще Арабовщина, на могилах, в которых покоялись тысячи расстрелянных, высадили деревья. Недалеко от деревни Кольчево (шталаг №337), где канавы, рвы и траншеи были доверху заполнены трупами, выровняли поверхность земли и насыпали ложные одиночные могильные холмики⁵⁶.

Сведения об уничтожении нацистами следов своих преступлений систематически поступали в Белорусский штаб партизанского движения (БШПД) начиная с осени 1943 г. Одно из первых сообщений пришло в октябре 1943 г. Командир Осиповичской военно-оперативной группы Королев докладывал, что в Минске (Тростенец, Красное Урочище, Уручье и другие места) немцы приступили к вскрытию массовых захоронений и сжиганию трупов⁵⁷. Это подтвердил К.Д. Самущев⁵⁸, уточнивший, что сжигаются трупы еврейских жертв погромов: «Тела обливают неизвестной жидкостью и посыпают

⁵⁵ Акт Гродненской городской комиссии содействия ЧГК СССР от 29 июля 1944 г. // НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 7, лл. 8, 24.

⁵⁶ Б.П. Шерман. *Барановичское гетто. Колдычевский лагерь смерти*. Барановичи, 1997, с. 66.

⁵⁷ Телеграмма Н.Ф. Королева заместителю начальника БШПД И.П. Ганенко от 28 октября 1943 г. // НАРБ, ф. 3500, ф. 11-а, д. 4, лл. 60, 66, 86.

⁵⁸ Самущев Константин Данилович – командир разведывательной группы на территории Минской области для выполнения специальных поручений БШПД с 1 августа 1943 г. по 1 августа 1944 г.

порошком, в результате чего они сгорают почти полностью»⁵⁹. Полученные сведения было немедленно доложены первому секретарю ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, наркому госбезопасности Л.Ф. Цанаве, начальнику Разведывательного управления Красной армии Ф.Ф. Кузнецкову⁶⁰, которые переехали в освобожденный Гомель из-под Москвы.

Подобные сигналы поступали из разных концов республики. По данным диверсионной группы из Витебска, с 5 по 12 ноября 1943 г. немецкие власти «открыли все ямы с трупами»⁶¹. В январе 1944 г. в Борисове⁶² и Смолевичах они производили вскрытие захоронений и сжигание трупов людей, расстрелянных в 1941–1942 гг. Для выяснения подробностей в оккупированные Минск и Бобруйск были посланы разведчики с задачей захватить одного или двух участников зондеркоманды «Операция 1005»⁶³.

Наиболее частыми и подробными были сообщения из Минска. В апреле 1944 г., согласно донесению Корешкова⁶⁴, в лес Благовщины с июля по октябрь 1943 г. были вывезены и там расстреляны тысячи евреев. В феврале 1944 г. в Тростенце заготовили большие ямы, а с 5 по 10 марта возле них расстреляли и сожгли 15 тыс. беженцев из Смоленской, Курской и

⁵⁹ Из донесения партизанских формирований в БШПД о боевой деятельности за октябрь-ноябрь 1943 г. // НАРБ, ф. 3500, ф. 11-а, д. 4, л. 16.

⁶⁰ Разведывательная сводка БШПД № 76(107) от 30 ноября 1943 г. // НАРБ, ф. 3500, оп. 1, д. 4, лл. 529-530.

⁶¹ Там же, д. 856, л. 272.

⁶² А. Розенблум. *Память на крови. Евреи в истории города Борисова*. Петах-Тиква, 1998 г., с. 63.

⁶³ Разведывательная сводка БШПД № 14(131) от 26 февраля 1944 г. // НАРБ, ф. 3500, оп. 1, д. 856, л. 491.

⁶⁴ Корешков Михаил Иванович – командир партизанской бригады им. С.М. Кирова (октябрь 1943 – июнь 1944 гг.).

других областей: «...Немцы сжигают трупы, просеивают и закапывают останки»⁶⁵.

Иногда возникали непредвиденные ситуации. Весной 1942 г. в Рогачеве на месте массового захоронения размыло ров, куда былоброшено более 3 тыс. тел. Трупы поплыли по реке Друть. Немцы заставили местных жителей вылавливать их баграми и закапывать заново. В декабре 1943 г. в Рогачеве разложившие трупы, скелеты и кости были выкопаны и сложены в штабеля, которые горели в течение трех суток непрерывно. Ко рву никого не подпускали. После освобождения Рогачева советскими войсками место сожжения вскрыли (ноябрь-декабрь 1944 г.). Слой пепла составлял 40 см. Тут же находились остатки обожженных костей, мелкие металлические детали одежды – пряжки от брюк, пуговицы, крючки⁶⁶.

Несмотря на строжайшие меры предосторожности, нацисты не сумели полностью избавиться от прямых свидетелей «Операции 1005»⁶⁷. В ряде мест Украины, Прибалтики и Беларуси евреи, поставленные на работы по ликвидации трупов, совершили ряд дерзких побегов, которые увенчались успехом. Побег из Бабьего Яра под Киевом произошел 29 сентября 1943 г., из IX форта в Каунасе – в ночь на 25 декабря 1943 г., из Понар около Вильнюса – в ночь на 15 апреля 1944 г.⁶⁸ Большинство беглецов были убиты во время погони, других

⁶⁵ Радиограмма командования Первой Минской партизанской бригады в разведотдел БШПД от 17 апреля 1944 г. // НАРБ, ф. 3500, оп. 2. д. 8, л. 144.

⁶⁶ Акт Рогачевской районной комиссии содействия ЧГК СССР по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории района в 1941–1943 гг., 15 декабря 1944 г. // ГА Гомельской обл., ф. 1345, оп. 1, д. 15, лл. 1-6.

⁶⁷ Из письма начальнику Главного архивного управления при СМ БССР А.И. Азарову об организации выявления документов о преступлениях зондеркоманды-1005 в Беларуси, 25 января 1968 г. // НАРБ, ф. 249, оп. 5, д. 1174а, лл. 79-80.

⁶⁸ Алекс (Алтер) Файтельсон. *Непокорившиеся. Летопись еврейского сопротивления*. Тель-Авив, 2001 г., с. 515-517.

схватили и замучили. Однако даже малой части живых свидетелей оказалось достаточно, чтобы рассказать правду об «Операции 1005».

Каждый подобный случай уникален и находится на грани человеческого понимания. Весной 1943 г. из Тростенца бежали три человека: еврей Г.М. Кантор⁶⁹, один татарин и один русский, работавший возчиком. Однако попытка не удалась, беглецов задержали и нещадно избили. Г. Кантора оставили в живых как искусного механика. В конце июня 1944 г. немцы начали демонтаж лагеря. Прибыли грузовые автомобили, на них уезжала охрана, состоявшая из румын и венгров. Одновременно в поле зрения появились другие машины, которые шли навстречу. Это была команда СД для уничтожения узников. На 15–20 минут лагерь остался без охраны, и несколько десятков узников бросились за ограждение из колючей проволоки в пшеницу. Там они пролежали до темноты, слышали, как в лагере начался массовый расстрел заключенных. Ночью беглецы скрылись в лесу, партизан встретили под Новогрудком⁷⁰.

В концлагере Тростенец уцелела Степанида Савинская. Она была арестована за связь с партизанами зимой 1944 г. и содержалась в концлагере на ул. Широкой в Минске. 30 июня 1944 г. Савинскую в числе других заключенных отправили на расстрел в Тростенец. В колхозном сарае для просушки сена был сложен огромный штабель из человеческих тел и дров. Заключенным приказали забраться наверх и лечь, потом раздались выстрелы. Эсэсовцы подожгли сарай и бросили несколько гранат. Савинская была легко ранена в голову и решила бежать, рассчитывая, что если убьют, то это лучше, чем

⁶⁹ Григорий Менделевич Кантор с 28 августа 1941 г. находился в концлагере на ул. Широкой в Минске, а в мае 1943 г. был направлен в Тростенец.

⁷⁰ Из стенограммы беседы сотрудников Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (далее – БГМИВОВ) с бывшими узниками Тростенецкого лагеря смерти и очевидцами, 31 января 1960 г. // Фонды БГМИВОВ, н/в 11057.

умирать в огне. Когда женщина выбиралась из-под трупов, она заметила двух уцелевших мужчин. В этот момент охранник открыл стрельбу, и мужчины погибли. С. Савинская смогла убежать и пряталась в болоте 15 дней, не зная, что Минск уже освобожден. Первые два дня немцы искали свидетельницу на лодках с собакой. Савинская питалась водорослями и лягушками, сильно «изморилась» и решила покончить с собой. Она сломала иголку и проглотила ее, а когда смерть не наступила, женщина вышла из болота и направилась в Тростенец, где узнала, что немцы бежали. Наступило 16 июля 1944 г.⁷¹

Чудом остался в живых партизан Степан Пилунов, который стал свидетелем сожжения свыше 30 тыс. трупов в октябре-ноябре 1943 г. в районе Могилева и Гомеля. «Объект», в уничтожении которого он принимал участие, находился у деревни Поляковичи Могилевского района. Из 6 могил предстояло извлечь 11 тыс. трупов. Когда работы были завершены, четырем последним военнопленным нацисты приказали взобраться на верх штабеля. Немцы открыли огонь из автоматов, Степан был легко ранен в голову и притворился мертвым. Эсэсовцы облили штабель бензином и подожгли с трех сторон термитными шашками. Когда они уехали, сторожить горящий штабель остались шофер душегубки и часовой. Улучив момент, Пилунов выбрался из-под трупов и смог убежать, ему удалось дойти до партизан⁷². В марте 1944 г. из концлагеря Кольчугино бежали 100 евреев. 20 чел. охранники обнаружили в лесу Арабовщина, недалеко от лагеря, и застрелили, еще 10 чел. поймали, привели в лагерь и забили палками. Трупы сложили в одном месте. После чего выгнали из бараков остальных узни-

⁷¹ Протокол свидетельских показаний С.И. Савинской от 24 июля 1944 г. // НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 64, лл. 70-73.

⁷² Подробный рассказ Пилунова о деятельности айнзацкоманды «1005» был подробно процитирован в докладе П.К. Пономаренко на VI сессии Верховного Совета БССР 21 марта 1944 г. // Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941–1944 гг.: Сборник материалов и документов. Минск, 1963 г., с. 140-149.

ков, заставляли пинать трупы ногами и повторять: «Я не побегу!»⁷³

Вскоре после освобождения Минска начались поиски участников злодеяний для привлечения к ответственности, установления мест массовых захоронений, сбора материалов об уничтожении мирных граждан и военнопленных Красной армии. Была сформирована бригада следователей и судебно-медицинских экспертов, которая немедленно приступила к раскопкам и исследованию сожженных трупов. Для допроса свидетелей и немецких военнопленных, выявления обстоятельств уничтожения советских людей выделили группу из 12 следственно-прокурорских работников. НКВД БССР получил указание провести подробный опрос людей, работавших в немецких учреждениях, чтобы выявить систему и методы уничтожения советских граждан и конкретных виновных из числа нацистов и их пособников⁷⁴. Материалы и вещественные доказательства, собранные в результате расследования преступлений команды «Операции 1005», были переданы рабочей группе по созданию Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны летом 1944 г.⁷⁵

Юридическая неотвратимость возмездия вытекала из Московской декларации «Об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства» от 30 октября 1943 г., подписанной

⁷³ Уголовное дело Андрея Королевича // ЦА КГБ РБ.

⁷⁴ Информационная записка представителей ЧГК СССР Б.Т. Готцева и В.Ф. Табелева от 17 июля 1944 г. на имя П.К. Пономаренко о необходимости организации расследования преступлений немецко-фашистских захватчиков в окрестностях деревни Малый Тростенец // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 5, лл. 43-44.

⁷⁵ В настоящее время БГМИВОВ является единственным в мире местом хранения останков людей, их личных вещей и инвентаря, при помощи которого действовали палачи и могильщики: будка часовного, носилки, багры, емкости для горючей жидкости, бревно для сжигания трупов, кости и прах сожженных.

руководителями Великобритании, США и СССР⁷⁶. Принципы этой декларации были развиты в Потсдамском соглашении держав-победительниц, признаны ООН и утверждены в качестве принципов международного права. Еще ранее, в ноябре 1942 г., советское государство установило принцип уголовной ответственности для нацистских преступников и их пособников за совершенные злодеяния в виде расстрела или тюремного заключения. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. устанавливал порядок суда над военными преступниками и предусматривал смертную казнь через повешение и ссылку на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет⁷⁷.

«Операция 1005» нашла освещение в ходе открытых судебных процессов, на которых разбирались злодеяния нацистов. Первый такой процесс состоялся в августе 1943 г. в Краснодаре, а в декабре того же года в Харькове и Смоленске. Позднее подобные публичные процессы прошли в Киеве, Риге, Ленинграде, Брянске, Великих Луках и др. городах⁷⁸.

В Беларуси первым был судебный процесс в Минске 15–29 января 1946 г. Ежедневно в зале суда присутствовало 300 чел. из разных районов республики, которых доставляли в Минск на автомашинах⁷⁹. В ходе заслушивания 57 свидетелей, изучения письменных показаний и других документов достоянием гласности стали новые примеры осуществления «Операции 1005». В качестве вещественного доказательства к следственному делу был приобщен документальный фильм «О зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории Белорусской ССР».

⁷⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны: В 3 т. Москва, 1946 г., т. 1, с. 419.

⁷⁷ Советское государство и право накануне и в годы Великой Отечественной войны (1936–1945 гг.). Москва, 1985 г., с. 324–325.

⁷⁸ М.И. Семиряга. Тюремная империя нацизма и ее крах. Москва, 1991 г., с. 348.

⁷⁹ M. Zeidler. *Der Minsker Kriegsverbrecherprozeß vom Januar 1946*. Institut für Zeitgeschichte 2004, Heft 2, s. 211–244.

Все обвиняемые апеллировали к тому, что преступные действия, за которые они предстали перед трибуналом, совершились на основании приказов немецкого командования и руководителей германского государства. Однако параграф 47 военного уголовного кодекса Третьего рейха гласил, что подчиненный, выполняющий приказ начальника, несет уголовную ответственность только в случае, если ему было известно о преступном характере действия, вызванного этим приказом⁸⁰. Утверждать, что нацисты не ведали, что творили, невозможно. Лучшим подтверждением этого стала сама идея «Операции 1005». Исходя из этого, суд не признал исполнение приказа как смягчающее обстоятельство, исключающее уголовную ответственность⁸¹.

30 января 1946 г. суд в Минске вынес приговор, по которому 14 обвиняемых были приговорены к смертной казни, а четверо – к длительным срокам каторжных работ. Приговор был приведен в исполнение в тот же день на Минском ипподроме в присутствии десятков тысяч человек. Суд в Минске положил начало судебной практике по применению уголовного законодательства к лицам, виновным в преступлениях против человечества⁸². С 1946 по 1947 гг. в республике состоялись суды над сотрудниками немецких карательных органов и военнослужащими вермахта. В Витебске было осуждено 10 чел., Бобруйске – 22 чел., в Гомеле – 16 чел. Всего было предано суду

⁸⁰ К. Типпельскирх, А. Киссельинг, Г. Гудариан и др. *Итоги второй мировой войны. Выводы побежденных*. СПб. - Москва, 1998, с. 564.

⁸¹ А.В. Шарков. «Правовые основы уголовной ответственности Вермахта за уничтожение гражданского населения, военнопленных и материальных ценностей на территории Беларуси» // *Беларусь у вытрабаваннях Вялікай Айчыннае вайны: масавыя забойствы нацыстau*: Материалы международной научной конференции 2 июля 2004 г. Минск, 2005 г., с. 121.

⁸² Его же. *Архипелаг ГУПВИ на территории Беларуси, 1944–1951*. Минск, 2003, с. 133-135.

около 3 тыс. чел., включая 20 генералов и старших офицеров⁸³. Не избежал этой участи организатор и вдохновитель «Операции 1005» Пауль Блобель, который в апреле 1948 г. на Нюрнбергском процессе был приговорен к высшей мере наказания⁸⁴.

* * *

Беларусь оказалась одним из основных мест осуществления «Операции 1005». Территория республики, оккупированная к началу сентября 1941 г., оставалась под немецким контролем до середины лета 1944 г. За это время она покрылась густой сетью многочисленных захоронений невинных сотен тысяч людей. В апреле 1942 г., когда началось выполнение «Операции 1005» исход войны тогда еще не был ясен. Однако конец 1943 г. и наступивший 1944 г. не оставляли уже сомнения в том, что финал предрешен. Теперь наиболее важным стало избавление от неоспоримых доказательств вины, чтобы избежать ответственности за совершенные преступления. Сама идея проведения «Операции 1005», которой придали статус государственной секретности, говорит о самонадеянности ее инициаторов. Сроки, масштабы ее осуществления и состав исполнителей указывали на невозможность выполнить поставленную задачу. Несмотря на это, операция началась с использованием всего потенциала репрессивного аппарата. Она проводилась исключительно интенсивно, отряды айнзацгрупп должны были перемещаться стремительно из одного региона республики в другой, а костры из человеческих тел гореть круглые сутки.

⁸³ 24 чел. приговорены к смертной казни, а остальные к каторжным работам на срок от 15 до 25 лет // Архив МВД БССР, ф. 45, оп. 1, д. 19, л. 64.

⁸⁴ Прошение о помиловании было отклонено, годы до смертной казни Блобель провел в тюрьме Ландсберга, повешен 7 июня 1951 г. вместе с другими руководителями полицейских групп: Отто Олendorфом, Эрихом Науманном, Освальдом Полем и Вернером Брауне.

В Беларуси, две трети территории которой к началу 1944 г. фактически находились под контролем партизан, а сеть коммуникаций противника постоянно подвергалась нападениям, выполнение «Операции 1005» в полном объеме оказалось проблематичным. Все усилия, направленные на сохранение тайного характера «мероприятий» по ликвидации сотен тысяч трупов, не увенчались успехом. Наконец, случилось то, чего больше всего опасались нацисты, – в живых остались свидетели, непосредственные участники проведения самой акции. Обширный фактический материал, собранный в Беларуси по следам деятельности команд «Операции 1005», был широко использован не только на Нюрнбергском процессе, но и ряде других судов над нацистскими преступниками и их пособниками как в самой республике, так и за ее пределами. Мы никогда не узнаем точного числа извлеченных из могил и сожженных тел, как и большинство имен ее исполнителей. Однако важно иное: нацистским преступникам не удалось скрыть следы массовых злодействий против человечества, и этот факт опровергает заявления тех, кто пытается отрицать преступный характер нацистского режима.

Опубликовано:

L. Smilovitsky. “Operation 1005 in Belorussia: Commonalities and Unique Features, 1942–1944” // *Annales / Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, sectio K – Politology*. Vol. XXIV (1), 2017, pp. 155-178.

Антисемитизм среди партизан Беларуси

Отношение партизан к тотальному уничтожению евреев нацистами в годы войны на территории Беларуси долгое время оставалось малоизученной темой. Первыми к ней обратились историки Запада, США и Израиля, однако отсутствие доступа к советским архивам и достоверной статистики не позволяло сделать необходимые выводы.

После войны вокруг проблемы взаимоотношений партизан и евреев существовал своеобразный «заговор молчания». Советское руководство категорически отрицало антисемитизм в партизанской среде как противоречащий догмату пролетарского интернационализма, ведь наличие антисемитизма у белорусских «народных мстителей» опровергало утверждение о достигнутом национальном единстве советского народа накануне и во время войны. Однако следовало ответить на вопросы: почему нацистская пропаганда, направленная против евреев, оказалась действенной и нашла отклик среди жителей оккупированных территорий? Наконец, почему власти не предпринимали организованных усилий для спасения евреев как самой уязвимой части советских граждан? Советские евреи боялись упоминать о трагедии своих родных и близких, соседей и сослуживцев, погибших не от рук нацистов и их пособников, а в ряде случаев самих партизан, чтобы не заслужить обвинение в национализме, шовинизме и сионизме.

Первая и последняя попытка рассказать правду об отношении партизан к евреям была предпринята в 1948 г. в книге «Партизанская дружба», изданной в Москве по инициативе Еврейского антифашистского комитета. Ее составили воспоминания руководителей партизанского движения о евреях в

ходе партизанской борьбы с нацистами¹. Однако сразу после разгрома ЕАК в Москве в ноябре 1948 г. «Партизанскую дружбу» запретили, а ее тираж – 50 тыс. экз. – уничтожили².

Неевреи (белорусы, русские, украинцы, поляки, литовцы, латыши и др.) предпочитали молчать о беззакониях партизан в отношении евреев, в частности и потому, что среди них были родственники и знакомые, завладевшие еврейским имуществом. До 1991 г. история партизанского движения в советской Беларуси считалась парадной темой, освещать которую можно было только позитивно. Впервые о преступлениях партизан в художественной форме заговорил писатель Василь Быков, хотя он и не занимался специально еврейским вопросом. После прихода к власти в Республике Беларусь президента Александра Лукашенко (1994 г.) Быков стал изгояем, жил и работал в Польше, Чехии, Финляндии и Германии³.

В самой Беларуси тему взаимоотношений партизан и евреев стали изучать только после распада советской империи в 1991 г. При этом работы постсоветских историков, как правило, оказались лишенными анализа, обобщений и не выявляли общих закономерностей антисемитизма в партизанской среде⁴.

¹ *Партизанская дружба*: Воспоминания о боевых делах партизан-евреев, участников Великой Отечественной войны. Москва, 1948 г.

² В 2003 г. в Минске было осуществлено репринтное переиздание «Партизанской дружбы» при участии американской общественной организации «Объединение комитетов в поддержку евреев бывшего СССР» (“United Council for Soviet Jews”) и «Джойнта».

³ Василий Владимирович Быков (1924–2003) – белорусский писатель, общественный деятель, участник Второй мировой войны.

⁴ *Трагедия евреев Беларуси в годы немецкой оккупации, 1941–1944 гг.*: Сборник документов и материалов. Изд. 2-е / Под ред. Р.А. Черноглазовой. Минск, 1997 г.; Н.И. Ермолович. «К вопросу о национальном составе партизан и подпольщиков Беларуси периода войны, 1941–1944 гг.» // *Нацыянальная палітыка і межнацыянальные адносіны на Беларусі у XX стагодзі*: Зборнік навуковых артыкулаў. Мінск, 1997 г., с. 115–124; И.П. Герасимова. «Еврейское сопро-

Одним из немногих исключений можно считать монографию Ильи Альтмана⁵. О противоречивом отношении к евреям участников антифашистского сопротивления на оккупированной территории Советского Союза вспоминают большинство свидетелей, бежавших из гетто в лес. Однако вслух об этом позволили себе говорить только те, кто выехал за пределы бывшего СССР⁶.

Ведущие белорусские исследователи истории партизанского движения и борьбы с коллаборацией по-прежнему обходят тему взаимоотношений партизан и евреев в годы войны и не дают оценок⁷. Не отрицая в личных беседах наличие проблемы, они уклоняются от того, чтобы осмыслить ее в своих

тивление в Белоруссии в годы Катастрофы. Историографический аспект» // *Холокост и дело Еврейского Антифашистского комитета: Материалы международной научной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия»*. Москва, 1–2 октября 2002 г. Москва, 2003 г., с. 108–112.

⁵ И. Альтман. *Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945*. Москва, 2002 г. (Сер. *Анатомия Холокоста*).

⁶ В. Левин, Д. Мельцер. *Черная книга с красными страницами. Трагедия и героизм евреев Белоруссии*. Балтимор, 1996 г.; J. Kagan, and D. Cohen. *Surviving the Holocaust with the Russian Jewish Partisans*. London, 1998; Бен-Цион Даган. *Мы из восставшей Лахвы*. Тель-Авив, 2001 г.; И. Сегаль. *Лесной скиталец*. Тель-Авив, 2001 г.; Н. Мельник. *На виду у всех. Гетто в Ляховичах*. Нес-Циона, 2002 г.; Я. Шепетинский. *Приговор: Военная одиссея узника гетто Слоним, партизана, фронтовика и зэка*. Тель-Авив, 2002 г.; И. Гальперин. *Свет не без добрых людей: В Польше и Западной Белоруссии в годы Второй мировой войны*. Тель-Авив, 2004 г. и др.

⁷ В.И. Кузьменко. *Советская интеллигенция в партизанском движении Белоруссии, 1941–1944 гг.* Минск, 1991 г.; И.Ю. Сервачинский. *Коллаборационизм на оккупированной территории Белоруссии (июль 1941 г.–август 1944 г.)*: Автoref. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1999 г.; А.М. Літвін. *Антысавецкая ваенна-палицейская фарміраванні на тэрыторыі Беларусі у гады Вялікай Айчыннай вайны, 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзеянасць*: Аутарэферат на сусканне вучонай ступені доктара гіст. навук. Минск, 2000 г.

исследованиях. Только в последнее время опубликованы работы, которые в той или иной степени затрагивают эту тему⁸.

Задачей настоящей статьи является попытка ответить на вопрос об антисемитизме в партизанском движении Беларуси: насколько это явление было распространенным и в каких формах выражалось? В какой мере политика Штаба партизанского движения Беларуси определяла отдельные действия партизанского командования на местах?

Отношение к Холокосту советского руководства

С началом войны евреи, как и другие советские граждане Белоруссии, оказались незащищенными в местах своего проживания. Уже к концу августа 1941 г. немецкие войска полностью заняли республику, а гражданское население не успело эвакуироваться⁹. Осознание того, что Красная армия отступила, а они – и прежде всего евреи как самая уязвимая группа населения – брошены на произвол судьбы, повергло многих в состояние шока. На оккупированной территории нацисты немедленно подчинили евреев особым правилам, чем противопоставили их остальным мирным жителям. Вскоре евреи были

⁸ Sh. Cholawski. *The Jews of Belorussia During World War*. Amsterdam, 1998; K. Slepyan, “The Holocaust and the Soviet Partisan Movement” // *Holocaust and Genocide Studies* 14:1 (Spring 2000); D. Romanovsky. “The Holocaust in the Eyes of ‘Homo-Sovieticus’”: A Survey Based on Northeastern Belorussia and Northwestern Russia // *Holocaust and Genocide Studies*, No 13 (3). Winter, 1999, pp. 355-382; M. Dean. *Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944*. New York - London, 2000; Э.Г. Иоффе. *Белорусские евреи. Трагедия и героизм, 1941–1945 гг.* Минск, 2003 г.

⁹ M. Altshuler, “Escape and Evacuation of the Jews Eastern Belorussia During the Holocaust” // *Yahadut Zmaneinu*, № 3, 1986, Jerusalem, pp. 119-158 (Hebrew); Vadim Dubson. “On the problem of the Evacuation of Soviet Jews in 1941” // *Jews in Eastern Europe*, No 3 (40), 1999, pp. 37-56.

изолированы в гетто и затем зверски убиты¹⁰. Спасти удалось немногим, прежде всего тем, кто сумел заручиться поддержкой белорусов и русских, проявил огромную волю к жизни или кому повезло¹¹.

На первом этапе уничтожения евреев советские руководители публично крайне осторожно говорили о еврейских жертвах, подчеркивая, что точно так же нацисты поступают с представителями других народов. И.В. Сталин в первый и последний раз упомянул об убийствах евреев в речи на военном параде в Москве 7 ноября 1941 г., обвинив нацистов в организации погромов по примеру средневековой Европы и самодержавия, сравнив нацистскую партию с черносотенцами¹². Однако о том, что геноцид евреев носил целенаправленный характер, он умолчал. Народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов только в одной из четырех нот (от 6 января 1942 г.), посвященной проявлению массовой жестокости немецких захватчиков на оккупированной территории СССР, указал на жертвы Холокоста (гибель евреев в Бабьем Яру под Киевом)¹³. При этом главным объектом убийств и насилия в его нотах назывались славянские народы. Здесь не было антисемитского подтекста. По мнению советских идеологов, сооб-

¹⁰ Y. Arad, Sh. Krakowski, Sh. Spektor (eds.). *The Einsatzgruppen Reports: Selections from the Dispatches of Nazi Death Squads' Campaign against the Jews, July 1941 January 1943*. Yad Vashem (Jerusalem), Holocaust Library (New York, 1989); Y. Buchler. "Local Police Force Participation in the Extermination of Jews in Occupied Soviet Territory" // *Shvut*, № 4(20), 1996, p. 79-99; H. Heer. "Killing Fields: The Wehrmacht and the Holocaust in Belorussia, 1941–1942" // *Holocaust and Genocide Studies*. Vol. 11, No 1, Spring 1997, pp. 79-101.

¹¹ L. Smilovitsky. "Righteous Gentiles, the Partisans and Jewish Survival in Belorussia, 1941–1944" // *Holocaust and Genocide Studies*. Vol. 11 (3), Winter 1997, pp. 301-329.

¹² US Holocaust Museum's Archives/ RG-06. 025-02. Киевский процесс, т. 11, л. 106.

¹³ Центральный государственный архив высших органов власти Украины, ф. 4260, оп. 3, д. 289, л. 17.

щения о нацистских преступлениях против гражданского населения независимо от национальности должны были сплотить народы СССР и разоблачить тезис нацистов о том, что Германия ведет войну по освобождению Советского Союза от «жидов и комиссаров» (евреев и коммунистов).

После полутора лет войны советские руководители уже располагали подробными сведениями об осуществлении геноцида еврейского населения. С конца 1942 г. приступила к своим обязанностям Чрезвычайная комиссия по расследованию преступлений и злодеяний немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Советского Союза. Материалы ЧГК дополнялись агентурными сведениями, которые регулярно доставлялись в Москву через систему госбезопасности БССР и СССР. В справке НКВД, составленной генералом Судоплатовым в 1942 г., подчеркивалось, что убийства евреев носили массовый характер и начинались немедленно после занятия того или иного населенного пункта. В этом документе были правильно указаны этапы Холокоста: регистрация, сбор под предлогом переселения или отправки на работу, убийство рядом с местом проживания, присвоение имущества жертв¹⁴.

Во второй половине декабря 1942 г. были опубликованы два заявления о преступлениях нацистов против советского народа: 18 декабря – совместное заявление правительств 12 государств, включая СССР (это была реакция Москвы на многочисленные обращения к Сталину лидеров еврейских организаций США, Англии, Палестины, Норвегии и Латинской Америки и Всемирного еврейского конгресса), в котором подчеркивалось, что руководителям Германии придется держать ответ за свои преступления против мирного населения, и в числе важнейших категорий жертв назывались евреи Европы¹⁵; 19 декабря 1942 г. – заявление советского прави-

¹⁴ И. Альтман. *Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945.* Москва, 2002 г., с. 395. (Сер. *Анатомия Холокоста*).

¹⁵ *Правда*, 18 декабря 1942 г.

тельства «Осуществление гитлеровскими властями плана уничтожения еврейского населения Европы»¹⁶. По сути, последнее можно считать признанием советским руководством специфики еврейских жертв в период Второй мировой войны.

В последующий период войны тема Холокоста все меньше интересовала Москву. Ни в одном официальном заявлении советского руководства не давалась юридическая оценка геноциду евреев и его последствий для нацистов, не содержались призывы к гражданскому населению и партизанам на оккупированной территории о помощи евреям, не ставилась задача спасения узников гетто и концлагерей. Об убийствах евреев упоминали только при публикации сообщений о преступлениях нацистов против мирного населения и военнопленных. Причиной этого можно считать рост антисемитизма в стране, и прежде всего на освобожденной от немцев территории. Замалчивание Холокоста и отсутствие мер по спасению евреев можно объяснить только переменой национальной политики, ростом великодержавного шовинизма и пренебрежением ценности человеческой жизни при решении стратегических задач военного времени.

Политика партизанского руководства

За три года немецкой оккупации на территории Белоруссии сложилось одно из крупнейших в Европе движение сопротивления. Для этого существовали благоприятные условия: Беларусь богата лесами и болотами (на юге – Полесье¹⁷, на севере – Налибокская и Липицанская пущи, лесной массив вокруг озера Нарочь и лесные дебри под Минском и Витебском), а дорожная сеть оставалась неразвитой – и веские причины: через Беларусь проходили пути снабжения Восточного фронта, и

¹⁶ *Известия*, 19 декабря 1942 г.

¹⁷ Полесье – бассейн реки Припять, самая крупная болотистая местность в Европе, простирающаяся на 70 тыс. кв. км, покрытая непроходимыми лесами.

удар по ним наносил ощутимый урон военным коммуникациям противника. Поэтому именно Беларусь стала базой для создания партизанских отрядов как центра сопротивления на оккупированных территориях.

Партизанским движением на оккупированной территории республики руководил Белорусский штаб партизанского движения (БШПД), который был создан 9 сентября 1942 г. и стал составной частью Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного главнокомандования¹⁸. БШПД имел в своем распоряжении десять отделов, включая оперативный, разведывательный, информационный, связи, кадров, шифровальный, материально-технического обеспечения, финансовый, инженерно-технический и секретный. Он располагал собственной санитарной службой, административно-хозяйственной частью и комендантским взводом, передвижным и стационарным узлами связи, учебно-резервным пунктом, экспедиционно-транспортной базой, отдельным авиаотрядом и другими структурами¹⁹.

Партизанское руководство было достаточно информировано о гитлеровской политике геноцида евреев, однако до сих пор не обнаружен ни один документ о том, что этот вопрос обсуждался на уровне ЦШПД или БШПД. Историки не могут отметить ни одного обращения из Москвы, где эти штабы базировались, к подпольным организациям или местному населению оккупированных территорий (по радио, в листовках или в прессе) с призывом оказывать евреям помощь как

¹⁸ Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) как военно-оперативный орган руководства партизанским движением на оккупированной территории СССР был образован при Ставке Верховного главнокомандования 30 мая 1942 г., начальником штаба назначен П.К. Пономаренко (с ноября 1942 г.), расформирован 13 января 1944 г.

¹⁹ Начальником Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) являлся П.З. Калинин (октябрь 1942 – октябрь 1944 гг.), расформирован 14 ноября 1944 г.

главным жертвам нацистской расовой политики²⁰. Ничего не говорилось об отношении к евреям в приказе Сталина №189 «О задачах партизанского движения» от 5 сентября 1942 г., хотя последний содержал конкретные рекомендации по борьбе с администрацией и военными гарнизонами оккупантов и их пособниками. Главное политическое управление Красной армии в годы войны ежемесячно сообщало политотделам всех фронтов темы политзанятий, но ни разу не подняло тему антисемитизма²¹.

Вместе с тем после обнародования заявления советского правительства от 19 декабря 1942 г. Центральный штаб партизанского движения начал сбор подробных сведений о преступлениях нацистов на оккупированной территории от республиканских штабов партизанского движения. 1 апреля 1943 г. в Москву была послана информационная сводка БШПД, в которой впервые особое внимание уделялось тотальному уничтожению еврейского населения. В документе подробно описаны этапы убийства евреев в 10 населенных пунктах, указано количество узников Минского гетто в момент его создания и число депортированных туда евреев из Западной Европы (соответственно 100 тыс. и 25 тыс. чел.), описывались попытки бегства евреев и поимка их с помощью местных жителей²².

Несмотря на это, геноцид евреев не нашел отражения в директивах Центрального штаба партизанского движения, о преступлениях нацистов принято было говорить только как о злодеяниях против мирного населения в целом. Еврейская тема не поднималась в «Обращении митинга представителей белорусского народа в Москве» 28 февраля 1942 г., в заявлении

²⁰ И. Арад. «Отношение советского руководства к Холокосту» // *Yalkut Moreshet*, Tel Aviv, No 62, 1996, pp. 96-110 (Hebrew); *Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии* / Сост. Ф.Д. Свердлов. Москва, 1996 г., с. 3-30.

²¹ Л. Смиловичский. *Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.* Тель-Авив, 2000 г., с. 148.

²² И. Альтман. *Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945.* Москва, 2002 г., с. 399-400. (Сер. *Анатомия Холокоста*).

нии «Беларусь сражается», обнародованном в мае 1942 г., а также в обращении представителей белорусской интеллигенции «К белорусскому народу» в октябре 1943 г. Не касались темы Холокоста и листовки, издававшиеся подпольными комитетами КП(б)Б и ЛКСМБ, тематика которых утверждалась один-два раза в месяц отделом агитации и пропаганды ЦК Компартии Беларуси. 26–28 февраля 1943 г. в Москве прошел 5-й пленум ЦК Компартии республики, который обсудил вопрос «Об обстановке и задачах работы партийных органов и партийных организаций в оккупированных районах Белоруссии»²³. На нем были подведены итоги борьбы, разработана программа политической работы среди населения. Участники пленума обошли еврейскую тему, и только П.К. Пономаренко²⁴ привел сведения о ликвидации гетто в Минске. Исключение не составил и приказ Сталина как Верховного главнокомандующего от 1 мая 1943 г. о необходимости сохранения жизни мирных граждан на временно оккупированной территории. Содержание приказа состояло в общих выражениях, а слово «еврей» отсутствовало²⁵. То же самое было продублировано в годовщину Октябрьской революции в ноябре 1943 г.²⁶

²³ См.: *Правда*, 29 апреля 1943 г.

²⁴ Пантелеимон Кондратьевич Пономаренко (1902–1984 гг.) – советский государственный и партийный деятель, генерал-лейтенант (1943), первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии (с 1938 г.) и одновременно начальник Центрального штаба партизанского движения СССР при Ставке Верховного главнокомандующего (с 1942); председатель Совета Народных Комиссаров БССР (с 1944), секретарь ЦК ВКП(б) (1948–1953), заместитель председателя Совета Министров СССР (1952–1953), первый секретарь ЦК Компартии Казахстана (1954), на дипломатической работе (1955 г.), член ЦК КПСС с 1939 до 1961 г.

²⁵ Зборнік лістовак ўсенароднай партызанская барацьбы на Беларусі у гады Вялікай Айчынная вайны. Выд. Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ. Мінск, 1952 г.

²⁶ Умолчание о геноциде продолжалось и после освобождения республики. Секретарь ЦК КП(б)Б по пропаганде Т.С. Горбунов

Место и роль евреев в партизанских отрядах Беларуси

Еврейское население на оккупированной территории было обречено на гибель. Это понимали все: сами евреи, местные жители-неевреи (белорусы, русские, поляки), немецкие власти и те, кто с ними сотрудничал. В период с осени 1941 г. до весны 1942 г. нацисты ликвидировали большинство гетто Беларуси²⁷. Акции массового уничтожения евреев не оставляли им шансов на спасение. Те, кто не умер от голода, болезней, не подорвал здоровье на принудительных работах, не утратил надежду выжить, пытались бежать, используя малейшую возможность. Наиболее молодые и сильные покидали гетто в одиночку или выводили семьи из гетто и сельской местности, искали оружие. Но и в лесу их подстерегала опасность. Под видом «народных мстителей» действовали группы мародеров, грабившие местных жителей и убивавшие спасавшихся евреев.

Партизанское движение сыграло большую роль в спасении той части еврейского населения, которой удалось уцелеть²⁸. Однако до весны 1942 г. положение самих партизан было

осенью 1944 г. утверждал, что «правовое положение белорусского, а также другого нееврейского населения Минска мало чем отличалось от положения евреев». Эта точка зрения с годами не менялась. В 1965 г. в Карловых Варах (Чехословакия) на 3-й международной конференции по истории движения Сопротивления, посвященной 20-летию победы антигитлеровской коалиции, этот тезис повторили дословно. См.: Т. Горбунов. «Чудовищные злодеяния немцев в Белоруссии» // *Славяне* (печатный орган Всеславянского комитета «Славяне»), № 9, сентябрь 1944 г.

²⁷ К акциям уничтожения белорусских евреев нацисты привлекали литовских коллаборационистов, которые принимали в этом самое активное участие. Подробнее см.: M. Dean. “Lithuanian Participation in the Mass Murder of Jews in Belarus and Ukraine, 1941–1944” // *The Vanished World of Lithuanian Jews*. New York, 2004, pp. 286–296.

²⁸ M. Kaganovich. *The Fighting of the Jewish Partisans in Eastern Europe*. Tel Aviv, 1954. (Hebrew). Sefer ha-Partizanim ha-Yehudim (The Book of Jewish Partisans) *Moravia*, Yad Vashem, Jerusalem, 1958.

отчаянным. Разрозненные и малочисленные отряды укрывались в труднодоступной местности, они еще не пользовались широкой поддержкой населения, не располагали необходимой силой, средствами связи и оружием.

Выжившие евреи хотели спастись и отомстить, но для этого нуждались в помощи партизан, найти которых в лесу было чрезвычайно сложно, и сделать это удавалось далеко не всем, кто отваживался на побег. Необходимо было учитывать и враждебную среду, и страх местного населения перед угрозами нацистов за оказание помощи евреям, сохранять бдительность, чтобы не попасть в руки немцев, полицейских и их добровольных помощников, а также правильно рассчитать силы и не умереть от голода или жажды, не замерзнуть или не заболеть по дороге. Далеко не единичными были случаи, когда, проплутав по лесным дебрям в течение недели, узники возвращались в гетто, чтобы подготовиться к новой попытке найти партизан.

Яков Могильницкий из гетто Шумилино в Витебской области прятался у Ольги и Сергея Кутенок. Весной 1942 г. его приняли в Калининскую партизансскую бригаду²⁹. Галина Михлина из гетто в Чашниках два месяца скиталась по лесам. Многие белорусы относились к ней сочувственно, прятали и кормили, но были и такие, кто не открывал дверь. В мае 1942 г. она встретила партизан отряда Лобанка³⁰, стала помогать в хозяйственной роте, была санинструктором, участвовала в работе подрывников³¹. Братья Даниэль и Вульф Капланы в феврале 1942 г. в Ракове прятались у знакомого крестьянина,

²⁹ В 1944 г. Могильницкий вступил в Советскую армию и стал минером, участвовал в штурме Кенигсберга, служил на Дальнем Востоке. См.: *Мишиха*, № 1, 1995, с. 100-102.

³⁰ Владимир Елисеевич Лобанок (1907–1984) – первый секретарь Лепельского подпольного районного комитета КП(б)Б, командир Лепельской партизанской бригады им. Сталина.

³¹ Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации, 1941–1944 гг.: Сборник документов и материалов / Под ред. Р.А. Черноглазовой. Изд. 2-е. Минск, 1997 г., с. 163.

но по доносу их арестовали. Бежав накануне расстрела в мелкоточке Городок, они отморозили ноги, но их там не приняли. Капланы спрятались в концлагере местечка Красное, откуда потом ушли к партизанам. Они воевали в отряде им. Сталина и отличались бесстрашием. Земляк Капланов Рохим Гринголь после погрома в гетто Ракова проделал путь Городок–Вилейка–Любань, встретил партизан и сражался в отряде им. Доватора, а Тевель Гарбуз – в бригаде им. Чкалова³². Хаим Клейнер из деревни Лучай Дуниловичского района осенью 1942 г. ударил охранника-немца у ворот гетто Дуниловичи, вырвал автомат и скрылся в лесу.

К партизанам бежали в 1942–1943 гг. Авнер Фейгельман, Исаак Блат из Глубокого (бригада им. Ворошилова), Залман Михельман, Яков Рудерман, Рахиэль Милькин и Давид Глезер (отряд «Мститель»), Борис Шапиро и Хася Левина из Дисны, Бомка Генихович из Плиссы и др.³³ Накануне акции в местечке Ляды 2 апреля 1942 г. Лейба, Хаим и Цаля Тамаркины, Шмуэль Фрадкин бежали к партизанам. В ходе одной из операций Лейбу и Шмуэля схватили и в поселке Красное повесили как убойную скотину горлом на железный крюк. Хаим Тамаркин во время боевой операции был ранен и попал в руки нацистов. Находясь в застенках, он перегрыз себе вены зубами и умер³⁴.

Не всегда встреча партизан в лесу означала для евреев спасение. Часто в них видели ненужную обузу. Старики, женщины, дети, больные и истощенные люди не были приспособлены к жизни в лесу. Они сковывали действия партизан, мешали быстро передвигаться при облавах, невольно выдавали расположение отряда. В октябре 1941 г. три еврея, бежавшие из

³² YVA, collection M-35, file182.

³³ В. Левин, Д. Мельцер. *Черная книга с красными страницами. Трагедия и героизм евреев Белоруссии: Материалы и документы*. Балтимор, 1996 г., с. 418.

³⁴ См.: *Днепровская правда*, 21 июня 1991 г. и 10 ноября 1993 г.; В.Л. Тамаркин. *Это было не во сне*. Москва, 2002 г., с. 148–149, 165.

гетто Орши, расспрашивали местных жителей на станции Тротилово, где найти партизан, опасаясь, чтобы те их не расстреляли³⁵. Весной 1942 г. семья Хаи Рабинович из гетто мелкого поселка Ленин Пинской области нашли партизан. Командир согласился принять в отряд только старших Мойшу и Любку, а пожилую женщину и малолетних детей оставил на произвол судьбы³⁶. В марте 1943 г. Фаина Эльман и Шимон Гордон из Радошковичей встретили в лесу партизан, которые проводили их к деревне Ловцевичи, где уже было 10 евреев. Однако эта радость была омрачена тем, что партизаны заподозрили в них немецких шпионов. В последний момент, когда несчастных людей подвели к виселице, им сообщили, что казнь отменяется. Всех отправили в деревню Селище Логойского района, где к ним присоединилось еще несколько евреев, которых партизаны обнаружили на хуторе Валентиново. Это были уцелевшие 18 евреев из 2 тыс. чел., погибших в гетто Радошковичей³⁷.

Отказ партизан принять евреев в отряд означал смертельную опасность. В августе 1943 г. Самуил и Александр Марголины – это была их третья попытка уйти в лес – в группе из 14 евреев из Минского гетто встретили партизан в районе деревни Новый Двор. Однако партизаны взяли только четырех молодых людей. Остальные 10 остались невостребованными. Безоружные, обессилевшие от голода и жажды, они пришли в деревню Скирмунтово, где в это время нацисты проводили карательную акцию, и были сожжены заживо вместе с местными жителями-белорусами³⁸.

³⁵ Запись беседы с Анной Ивановной Малыгиной от 14 октября 1995 г. // Архив автора.

³⁶ Им удалось добраться до хутора Рахновичи, где жила семья Марии Корбут-Величко, которая более двух лет скрывала у себя Хаю, Алтера и Есула.

³⁷ A. Wertheim. “Zydowska partyzanka na Białorusi” // *Zeszyty Historyczne*, № 86, 1988, pp. 96-162.

³⁸ Ф. Липский. «Трудная жизнь» // *Мишикоха*, № 2, 1996 г., с. 70.

В лесу евреи нередко становились жертвами мародеров. Летом 1943 г. 25 евреев из Минска с оружием пришли в расположение отряда им. Кутузова. Мужчин и женщин раздели и обыскали, забрали оружие и медикаменты. Партизаны искали золото и драгоценности. У Розы Липской они отняли золотые часы, у Арина Фиттерсона – кожаную куртку и бриджи. В Могилевской области всех евреев, приходивших в партизанский отряд, обирал командир отряда Павлов³⁹. Евреев обвиняли в том, что, добровольно отдав немцам золото и имущество, они теперь бегут из гетто, чтобы спасти «свою шкуру». Что могли бывшие узники гетто в лесу противопоставить вооруженным людям, от которых зависело решение принять их в партизанский отряд?

Раиса Гитлина вспоминает, что после побега 30 марта 1943 г. из Минского гетто она оказалась в деревне Борцы Грэсского района Минской области. Руководство 2-й Минской партизанской бригады собрало 25 узников гетто вместе, и комиссар Михайлов призвал их сдать ценности в фонд Красной армии. У Раи на шнурке висело мамино кольцо с бриллиантом, которое она берегла на случай, если придется откупаться от смерти. В гетто девушка голодала, ходила с опухшими ногами, но кольцо берегла. Не задумываясь, Гитлина отдала кольцо Михайлову, и ее примеру последовали еще несколько человек. Раи хотела воевать, но в отряд женщин почти не брали. В июле 1943 г. в штаб 2-й Минской бригады с инспекцией прибыл представитель БШПД из Москвы Сарычев. Через знакомых Гитлина добилась у него приема. Вечером на ужин в землянке Сарычева собрались командир бригады Иванов, начальник штаба Тищенко, комиссар Михайлов, начальник особого отдела бригады и другие руководители отряда со своими женами и подругами. Напротив Гитлиной сидела жена Михайлова, на пальце у нее Раи увидела свое кольцо. Жена Михайлова почув-

³⁹ В. Левин, Д. Мельцер. *Черная книга с красными страницами. Трагедия и героизм евреев Белоруссии: Материалы и документы*. Балтимор, 1996 г., с. 339, 417.

ствовала ее взгляд и убрала руку под стол. У девушки «застучало сердце», но хватило ума промолчать и никому об этом не рассказывать. По словам Гитлиной, она не уверена, оставили бы ее живой, если бы она сказала хоть слово⁴⁰.

Часто антисемитизм лежал в основе недоверия партизан к новоприбывшим. Анатолий Рубин прятался в д. Драбовщина Клецкого района под фамилией Степанов. Осенью 1943 г. в районе деревни Чаша он встретил партизансскую колонну на марше. Анатолий рассказал, что родители его погибли в гетто, а он хочет мстить. На лицах партизан появились ироничные улыбки, послышались смешки и реплики с нарочитым еврейским акцентом: «Что ты будешь делать в партизанах, стрелять, но у нас нет кривого ружья?»⁴¹ Потом его спрашивали, работали ли родители в магазине, не являлся ли Анатолий засланным немецким шпионом, предлагали сознаться самому, а в противном случае обещали сделать второе обрезание. Юноша как будто попал к переодетым полицаям. Кончилось тем, что ему приказали лечь лицом к земле и считать до ста, пока колонна не удалилась⁴².

При ухудшении оперативной обстановки руководство отдельных отрядов, терпевшее у себя евреев, избавлялось от их присутствия. В октябре 1943 г. нацисты начали широкомасштабную карательную операцию против партизан бригады Широкова, действовавшей в районе Козины-Глубокое. Командир отряда Антонов вызвал к себе 9 евреев и предложил им покинуть лагерь под тем предлогом, что отряд слишком велик, а немцы уже вошли в лес и пробиться через их заслон большому отряду трудно. При этом сапожнику и портному он приказал остаться. Отряд вовсе не распускали, из него только изгоняли евреев, что командование и не скрывало. Евреи

⁴⁰ Запись беседы с Раисой Гитлиной (Эпштейн) в Иерусалиме от 12 марта 2000 г. // Архив автора.

⁴¹ Антисемиты утверждали, что все евреи трусы, стреляют только из-за угла, и поэтому им нужно кривое ружье.

⁴² Sh. Cholawski, *Be-sufat ha-kilajon*, Jerusalem, 1988, p. 165.

решительно протестовали, они говорили, что партизаны сначала отобрали у них оружие, а потом не разрешают оставаться в отряде. Они кричали, что пусть их лучше расстреляют на месте, что им некуда идти, но все оказалось напрасным. Отвергнутые евреи попытались следовать за отрядом на небольшом расстоянии, но к ним подошли партизаны-белорусы, замыкавшие колонну, и сказали, что получили приказ стрелять в евреев, если они не отстанут⁴³.

Это подтверждает рассказ Ицхака и Реувена Южук, которые вместе с двоюродными братьями Ошером Гольдманом и Зеэвом Сенедеруком несколько месяцев прятались в лесу после ликвидации Погост-Загородского гетто Пинского района. Местные жители посоветовали им искать партизан возле Луненца, по пути к братьям присоединились два красноармейца, бежавшие из плена, с винтовками. Когда их остановил партизанский патруль, то после проверки солдат сразу приняли в отряд. Евреям выделили отдельную палатку и накормили, но когда через несколько дней партизаны двинулись дальше, то посоветовали им добывать оружие и бить врага на месте. Братья не посмели настаивать и, как выясняется, правильно сделали. Другая группа евреев, бежавшая из Ганцевичей, которую временно приняли в один из партизанских отрядов, отказалась покинуть лагерь. Беглецы были истощены и обессилены, не имели оружия и военного опыта. После нескольких предупреждений партизаны их застрелили. Так погибли Яков Рабинов, его брат Янкель, Иосиф Медник и Гринбаум⁴⁴.

Тем не менее уже к концу 1942 г. евреи стали неотъемлемой частью партизанского движения в Беларуси. Наравне с другими они участвовали в боевых операциях, рельсовой войне, устраивали для немцев засады, выполняли агентурные задания, собирали разведывательную информацию, занима-

⁴³ I. Sidney. *How Dark the Heavens: 1400 Days in the Grip of Nazi Terror*. New York, 1990.

⁴⁴ Ицхак Южук, Реувен Южук. *Даровано выжить*. Пинск, 2002, с. 12.

лись пропагандистской работой, были врачами, оружейниками, радистами и т.д. Тот, кто не был способен носить оружие, заготавливали продукты, работали в партизанских прачечных, сапожных и портняжных мастерских, ухаживали за ранеными. В 1943 г. в 7 отрядах партизанской бригады им. Ленина насчитывалось 1 728 чел., в том числе 366 евреев⁴⁵, в 4 отрядах бригады «За Советскую Беларусь» из 821 партизана 176 были евреи⁴⁶, в 5 отрядах бригады «Вперед» было 678 чел., в том числе 103 еврея, в 5 отрядах бригады им. Сталина – 1 075 чел., в том числе 93 еврея⁴⁷. В отрядах, где евреи составляли меньшинство, они предпочитали не афишировать свою национальность, меняли имена и фамилии. Многие, даже попав к партизанам, предпочитали сохранять легенду о своем нееврейском происхождении⁴⁸.

Центральный Штаб партизанского движения Белоруссии направлял в тыл противника диверсионные группы. В их составе было много евреев – от рядовых бойцов до специалистов: подрывников, радиостолов, переводчиков, медиков, пропагандистов и политических руководителей, получивших задание создать новые и пополнить уже действующие отряды. Только в 1942 г. и начале 1943 г. в партизанских отрядах и соединениях Белоруссии находились секретари Жлобинского, Чашникского и Дриссенского райкомов партии: Моисей Давидович Шапиро, Михаил Исаакович Зубрицкий и Давид Ошерович Лившиц, а также секретари Рогачевского, Петриковского и Осиповичского РК КП(б)Б: Самуил Монусович Свердлов, Хаим Израилевич Варгавтик, Рувим Хаймович Голанд; секретарь Могилевского горкома партии Иосиф Лейбович Хавкин и многие другие⁴⁹. Как правило, основанием для их направления

⁴⁵ НАРБ, ф. 3500, оп. 4, д. 251, л. 60.

⁴⁶ Там же, д. 269, л. 9.

⁴⁷ Там же, д. 259, л. 22; д. 245, т. 1, л. 54.

⁴⁸ Sh. Cholawski. *The Jews of Belorussia During World War*. Amsterdam, 1998.

⁴⁹ НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 95, лл. 64-77.

служили знание местных условий, расположения районов дислокации, кадров, личные связи и организаторские способности. Меньше всего в БШПД принимали во внимание риск, которому подвергали себя эти люди, будучи евреями. Всего в рядах партизан и подпольщиков Беларуси в годы Второй мировой войны сражалось не менее 15 тыс. евреев⁵⁰.

Обвинения в предательстве

Одним из проявлений антисемитизма в среде партизан было подозрение в предательстве – якобы нацисты использовали евреев в качестве секретных агентов для засылки в партизанские отряды. На партизан оказывали влияние стереотипы, царившие в сельской среде, из которой они черпали большинство своего пополнения. Казимир Маттэ в отчете о работе подпольного комитета в Могилеве и Могилевском районе в 1943 г. отмечал, что настрой населения не позволял подпольщикам открыто защищать евреев. В пропагандистской работе еврейский вопрос, наряду с отношением к колхозам и репрессиям НКВД, был в числе основных тем, по которым подпольщики испытывали наибольшие затруднения. По оценке Маттэ, его приходилось затрагивать косвенно, указывая на ненависть нацистов к другим народам, натравливание одной нации на другую, на то, что немцы под лозунгом борьбы с евреями и коммунистами хотят уничтожить нашу родину⁵¹.

⁵⁰ Э. Иоффе. *Белорусские евреи. Трагедия и героизм, 1941–1945 гг.* Минск, 2003 г., с. 364. Илья Альтман считает, что среди партизан Беларуси находилось не менее 10 тыс. 350 евреев, не уточняя их число в боевых подразделениях и вспомогательных службах (оружейные мастерские, служба обеспечения, медицинский персонал, кухня) и семейных лагерях. См.: И.А. Альтман. *Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР*. Москва, 2002 г., с. 256.

⁵¹ «Комитет содействия Красной армии» – подпольная антифашистская организация, действовавшая в сентябре 1941 г. – марте 1943 г. См.: РГАСПИ, ф. 265, оп. 1, д. 25, лл. 401-418.

Отдельные слухи обрастили невероятными подробностями. Евреев из гетто якобы направляли в специальные разведывательные школы, где готовили профессиональных диверсантов, поручали выведывать местонахождение партизан, устранивать их руководителей и даже отравлять колодцы питьевой воды и продукты питания. Насколько это соответствовало действительности?

Сохранилась радиограмма начальника Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко проявлять особую бдительность ко всем новоприбывшим из Минска. Этот приказ из ЦШПД ряд исследователей рассматривают некритически, выдавая как санкционированный запрет советского руководства на прием евреев в партизанские отряды Беларуси. На самом деле в радиограмме от 20 ноября 1942 г. говорилось, что немецкая разведка в Минске организовала «подставной» центр партизанского движения с целью выявления партизанских отрядов, засылки предателей и провокационных директив. В связи с этим приказывалось не вступать в контакт ни с кем из представителей минского подполья, не давать сведений о дислокации партизанских отрядов, их численности и вооружении. Появляющихся «завербованных представителей» предлагалось тщательно проверять и внушающих сомнение задерживать⁵².

Телеграмма Пономаренко, адресованная всем партизанским отрядам и бригадам Беларуси, формально не касалась евреев, которые в ней даже не были упомянуты. Можно предположить, что «еврейский след» у этого документа появился на том основании, что летом и осенью 1942 г. евреи составляли большинство среди тех, кто пытался выйти из Минска, чтобы присоединиться к партизанам.

В документах Белорусского штаба партизанского движения, в воспоминаниях участников подполья и людей, переживших Холокост, приводятся случаи, когда нацисты предпринимали попытки использовать еврейских лазутчиков в лесу. С этой целью они удерживали в гетто жену и детей

⁵² НАРБ, ф. 4085, оп. 1, д. 1, лл. 21-22.

«агента», обещая в случае успеха их освобождение. Иногда под видом евреев, бежавших от расстрела, выступали неевреи, которые действительно получали задание от немцев. Несмотря на то что это были только единичные примеры, они вызывали большой резонанс и подозрительность партизан. В докладной записке «О развертывании партизанской борьбы в Бегомльском районе Минской области за июнь 1942 г.» сообщалось о создании нацистами в Минске школы шпионажа и диверсий, куда с этой целью доставили 13 тыс. чел. из разных мест оккупации, включая Германию. В документе причудливо переплелись реальные и сомнительные сведения о цели доставки в Минск евреев из 7 стран Европы⁵³.

Не менее фантастическими выглядят и рассказы о подготовке евреев в диверсионно-шпионских школах. Начальник разведывательного управления ЦШПД Аргунов в справке «О провокационных методах борьбы с партизанами» называл евреев в качестве возможных разведчиков противника, которым партизаны будут больше доверять в расчете на то, что нацисты жестоко преследуют евреев. Особо красивых еврейских женщин и девушек немецкая разведка якобы снабжала ядовитыми веществами, чтобы войти в доверие к командному составу партизан и отравить их⁵⁴. 10 августа 1943 г. командир Осиповичского партизанского соединения Королев докладывал в Москву об использовании евреев для шпионажа. По его сведениям, при Минском и Борисовском гестапо были открыты 9-месячные курсы для евреев, которых снабжали ядами и засыпали в лес. Королев утверждал, что в Минской партизанской зоне было разоблачено несколько таких «шпионов»⁵⁵.

Вместе с тем все сведения о курсах гестапо для евреев были получены в ходе допросов арестованных, а затем расстрелянных евреев. В следственных делах содержались пута-

⁵³ И. Альтман. *Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945.* Москва, 2002 г., с. 402. (Сер. *Анатомия Холокоста*).

⁵⁴ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1. д. 37, л. 13.

⁵⁵ YVA, collection M-41/282.

ные показания о том, как немецкие инструкторы учили своих агентов пользоваться ядами, говорилось, что перед заброской к партизанам им выдавали «розовую отравляющую жидкость»⁵⁶. Гирш Смоляр, один руководителей подполья в Минском гетто, описывает случай, когда он вместе с адъютантом Тевье Шимановичем из партизанской бригады им. Жукова видел на берегу Немана тела нескольких еврейских женщин, которые были расстреляны партизанами соседнего отряда. Когда Смоляр обратился за разъяснением к Владимиру Царюку – представителю БШПД в бригаде им. Жукова, то услышал ответ, что это были немецкие агенты-отравители, о которых предупредили «надежные источники»⁵⁷. Основанием для подозрений явилась находка нескольких ампул с ядом у бежавших из гетто людей. При подобных обстоятельствах погиб Яков Рубенчик, студент третьего курса медицинского института, из Минского гетто. В лесу партизаны обнаружили у Якова яд, который он припас для себя на случай, если его поймают немцы. Это стало для него смертным приговором. В районе Борисова в 1942 г. по обвинению в подготовке диверсии была расстреляна еврейская семья, включая пятилетнего ребенка⁵⁸.

Особые отделы (контрразведка) партизанских отрядов и бригад были ориентированы на пристрастное отношение к еврейским «перебежчикам», а если это были польские евреи, да еще служившие у немцев, их положение становилось безнадежным. 18 марта 1943 г. к партизанам бригады Донукалова в районе Минска перешел польский еврей, профессор Краковской и Львовской консерваторий Генрих Максимилианович Чаплинский. Он много гастролировал по миру, жил в Лондоне, Париже, Антверпене, посещал Бразилию, Канаду и США. В 1940 г. НКВД арестовало профессора за «нелегальный пере-

⁵⁶ НАРБ, ф. 3500, оп. 2, д. 14, л. 215.

⁵⁷ H. Smolar. *The Minsk Ghetto. Soviet-Jewish Partisans Against the Nazis*. New York, 1989, pp. 133-135.

⁵⁸ А. Рубенчик. *Правда о Минском гетто*: Документальная повесть узника гетто и малолетнего партизана. Тель-Авив, 1999 г., с. 23.

ход границы» и 7 месяцев продержало в тюрьме Белостока. С началом советско-германской войны во время бомбардировки он бежал из колонны заключенных, скрыл свое еврейство и служил переводчиком в немецких авиационных частях и штабах в Минске, Витебске, Могилеве благодаря знанию языков – польского, русского, немецкого, английского, французского, испанского и чешского. Однако, с точки зрения советских органов безопасности, Чаплинский был материем шпионом. Начальник ЦШПД П.К. Пономаренко и нарком госбезопасности Белоруссии Л.Ф. Цанава 15 мая 1943 г. докладывали Сталину, что профессор является агентом немецкой разведки, специально подосланым в бригаду Донукалова для проникновения в советский тыл. Профессора передали в Главное управление советской контрразведки «Смерш» Абакумову, и дальше его следы теряются, но о печальном конце этого еврейского «предателя» можно догадаться⁵⁹.

Межнациональные противоречия в партизанской среде

Конфликты между основным национальным составом (белорусы, русские и др.) и евреями, периодически возникавшие в партизанских отрядах, беспокоили руководство партизан. Возникавшие эксцессы приводили к человеческим жертвам и отрицательно влияли на психологический климат в отрядах, резко снижали их боеготовность. Отсутствие необходимых указаний Центрального и Белорусского штабов партизанского движения о помощи узникам гетто и скрывавшимся евреям развязывало руки для произвола командирам, подверженным антисемитизму. Чаще всего это происходило в отрядах, где отсутствовала воинская дисциплина. Имели место случаи оскорблений на национальной почве, мародерства, грабежей и даже убийства евреев.

ЦШПД и БШПД периодически пытались противостоять этому явлению через своих уполномоченных – специальных представителей штаба, действовавших от имени ЦК Компар-

⁵⁹ РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 21, лл. 58-59.

тии республики. Они имели от 3 до 4 помощников и обладали правом решать все спорные вопросы, связанные с партизанским движением и подпольем на оккупированной территории. 2 июня 1943 г. уполномоченный Дубов издал приказ № 0019 по Ивенецкому межрайонному центру, в котором приводились примеры «неправильных взаимоотношений» между партизанами. В приказе говорилось, что вместо товарищеской спайки и взаимной помощи в бою существуют антагонизм и ссоры. Партизаны бригады Фрунзе мародерствовали среди местного населения, а свалили все на партизан бригады им. Сталина. Партизан Хмелевский из отряда Дзержинского взял часы у мастера, а расписку выдал от им. отряда Лазо. Имелись случаи самовольного перехода из отряда в отряд, а некоторые командиры это поощряли и даже занимались «вербовкой», переманивая приглянувшихся им партизан⁶⁰.

В приказе Дубова особо выделялось такое явление, как выяснение отношений с помощью оружия. Приводился пример, как Анохин, начальник штаба бригады Фрунзе, расстрелял Ковалева, комиссара бригады Буденного. Ляхов, комиссар одного из отрядов бригады им. Сталина, расстрелял 3 партизан бригады Фрунзе – Рыжкова, Курганова и Хлебникова. Не стали исключением и партизаны-евреи. Лейтенант Ключник, командир отряда Щорса, без предъявления обвинения застрелил Заскина, комиссара отряда им. Лазо, и партизана Петрашкевича. Некрасов, командир взвода штабной роты бригады им. Сталина, в деревне Кондратовичи вывел на расстрел целую группу (!) евреев из бригады им. Фрунзе. Уполномоченный Дубов потребовал прекратить расстрелы без санкций следственных органов. Был наложен запрет на «перевербовку» партизан из других отрядов, а прибывших самовольно призывалось разоружать и сообщать о них по месту службы, следовало ужесточить контроль над действиями партизан в районах их дислокации⁶¹.

⁶⁰ НАРБ, ф. 3500, оп. 4, д. 248, л. 161.

⁶¹ Там же, л. 167.

Случаи антисемитизма и недоверия к евреям-партизанам были инициированы также теми, кто присоединялся к партизанским отрядам после освобождения оккупированной территории, опасаясь наказания за пособничество нацистам. Дезертиры из белорусской полиции и добровольцы из вспомогательных немецких подразделений переходили на сторону партизан в полном составе, убив своего командира. По свидетельству А. Давидовича, в начале 1943 г. в районе Налибокской пущи он слышал обвинения евреев в том, что они являются главной причиной не только блокады карательными партизанских зон и передислокации отрядов, но и войны в целом. Давидович добавляет, что его командиры часто говорили: «Честный русский человек, хоть и служил в полиции, убивал жидов, но Родину будет защищать»⁶².

Что служило причиной расправы в условиях партизанской вольницы? Неподчинение приказу, самовольная отлучка, сон на посту или уход с боевого дежурства, случаи мародерства – за это виновного могли расстрелять. Насколько предвзятое отношение к евреям являлось следствием анархии и бесконтрольности? Можно ли утверждать, что главной причиной эксцессов была ничем не ограниченная власть командиров на местах, что они превращались в атаманов, вершивших произвол по своему усмотрению, часто под воздействием эмоций и алкоголя? Некоторые исследователи склонны объяснять подобные действия экстремальной ситуацией, в которой находились партизаны на оккупированной территории и известным приказом Сталина, дававшего командиру право на месте расстреливать подчиненного за неисполнение приказа.

На первый взгляд, советское и партийное руководство в немецком тылу было дезориентировано. Оно сознавало необходимость бороться со своеобразием «полевых командиров», но не имело реальных рычагов воздействия и делало это неохотно, а зачастую просто закрывало глаза на самоуправство. В то же время можно предполагать, что существовал бо-

⁶² YVA, collection 033/1046, p. 26-27.

лее общий подход. Красная армия несла тяжелые потери на фронте, и командование понимало, что вовлечение партизан и местных жителей в боевые действия служит временной заменой открытию «второго фронта» союзников по антигитлеровской коалиции. В немецкий тыл были направлены резиденты с целью организации и расширения подпольной деятельности. Вслед за ними прибыли кадровые военные, специалисты-подрывники, самолетами переброшены боеприпасы, средства связи и медикаменты, а потом и продовольствие. В связи с этим еврейский вопрос в партизанской среде не должен был обострять ситуацию. Иными словами, советское командование предпочло в очередной раз принести евреев в жертву стратегической цели объединения сил для победы над Германией.

Чрезвычайное происшествие в бригаде им. Сталина

Широкий резонанс получила трагедия в отряде им. Дзержинского бригады им. Сталина, которая действовала в Барановичской области. Командир отряда К.Ф. Шашкин и комиссар отряда Е.П. Ляхов, оба советские офицеры, самовольно расстреляли партизана Григория Ривина как еврейского националиста. Задним числом они представили дело как решение, принятое командированием отряда коллективно⁶³. Проведенное расследование этого чрезвычайного происшествия выявило характерные закономерности поведения ряда партизанских командиров, мотивации их действий и взгляда на роль евреев в партизанской среде.

Отряд Дзержинского действовал в Ивенецком, Столбцовском районах Барановичской области и Дзержинском районе Минской области. Он возник осенью 1941 г. из группы советских военнопленных и к весне 1942 г. насчитывал свыше 100 человек. Сам Шашкин, будучи капитаном Красной армии, попал в окружение в Западной Белоруссии и в сентябре 1941 г. пришел в Минск, где установил связь с патриотическим под-

⁶³ НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 95, л. 222.

польем. В мае 1942 г., после того как гестапо разгромило Минский подпольный ГК КП(б)Б, Шашкин и Ляхов организовали группу из около 20 окруженцев и бывших военнопленных, которые бежали из Минска. Командование Лидской партизанской зоны было благорасположено к Шашкину и Ляхову, которые имели репутацию отважных бойцов, смело сражавшихся с врагом⁶⁴.

В ходе служебного расследования выяснилось, что именно произошло 12 мая 1943 г. Григорий Ривин был участником гражданской войны, человеком немолодым, с богатым жизненным опытом, верившим в идеалы советской власти. Он открыто критиковал методы действия партизан под руководством Шашкина, обвинял партизанских начальников в «самоснабжении» и «рвачестве». Просчеты в боях Ривин не списывал на трудности военного времени, а определял их как бездарность командования отрядом и бригадой.

В рапорте о случившемся Шашкин и Ляхов указывали, что Ривин угрожал, что когда придут «наши», т. е. части регулярной Красной армии, то половину бригады им. Сталина нужно будет разогнать и наказать. Резкая оценка Григория свидетельствовала о непростых взаимоотношениях среди партизан, о случаях критики тактики военных действий, обвинений в неоправданных потерях личного состава и жертвах среди мирных граждан. Но самым страшным оказалось то, что Ривин «опустился до глобальных обобщений», называя партизанских командиров «дураками», которые не любят евреев. Они сообщали, что Ривин якобы настраивал бойцов-евреев против командиров, утверждая, что «нас в отряде не любят, здесь антисемитизм». Григорий отказался сдать на склад отряда «излишек» своего оружия (маузер, два нагана и карабин) и спрятал их; не дал свой бинокль товарищам, отправлявшимся на задание; называл повара антисемитом, когда тот не докладывал ему мяса.

⁶⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 255-а, л. 6.

Последней каплей стало заступничество Ривина, когда речь зашла об отказе командования отряда Дзержинского принять жену и знакомую женщину партизана Лифшица. Остаться на оккупированной территории означало для женщин, которые были не только членами семьи советского партизана, но и еврейками, неминуемую гибель. Никакие уговоры, просьбы и обещания не помогали. Тогда Ривин, обращаясь к Лифшицу, сказал: «К кому ты апеллируешь? Разве ты не знаешь, что нас, евреев, тут не любят?!» И добавил, что если бы там был маршал Г.К. Жуков, под командованием которого Ривин служил в молодости, то порядок был бы другой.

Участь смутьяна была решена, и в тот же день его расстреляли. Несостоятельность аргументов обвинения была очевидна. По свидетельству начальника бригады им. Сталина, Ривин нес службу исправно, от поручений не отказывался и трусом не был. Шашкин и Ляхов действительно не любили евреев и избавлялись от них при первой возможности. Шашкин не стеснялся публично заявлять: «Заберите у меня евреев, я дам за каждого корову в приданое...» Отнял золотые часы у еврея Файбы, подарив их своей жене Прасковии (Паше), которая их носила. После расстрела Ривина на построении отряда Шашкин заявил, что погорячился. В другой раз добавил, что, когда Григорий просил, чтобы ему сохранили жизнь, он, Шашкин, хотел его простить, но подумал, что тот все равно не успокоится и «продолжит свой национализм»⁶⁵.

Известие о чрезвычайном происшествии разнеслось по всей Налибокской пуще. В документах служебного расследования отмечалось, что партизаны-евреи восприняли известие с большой скорбью, а некоторые плакали, фактически выражая этим свой протест. Евреи из отряда им. Дзержинского (13 чел. из 478) и отряда «Большевик» (6 чел. из 109)⁶⁶ считали, что Ривин говорил то, что наболело и у них. Дальше следовал

⁶⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 248, л. 222-224.

⁶⁶ Там же, д. 255, л. 16; д. 259, л. 22.

общий вывод о том, что настроение у еврейских партизан подавленное и что каждый настроен уйти из отряда⁶⁷.

Какой оказалась реакция вышестоящих партизанских инстанций? Были ли приняты меры, названы виновные, возбуждено следствие военного трибунала? Выражалось ли соболезнование родным погибшего Ривина? Дело спустили на тормозах. Дубов и генерал-майор Платон⁶⁸, командир бригады им. Сталина Гулевич и комиссар Мурашов, начальник штаба бригады Карпов подписали совместный приказ, в котором охарактеризовали незаконный расстрел партизана как *правильный* (курсив наш – Л.С.). Они только сожалели, что в факте расстрела была допущена поспешность и Ривина вовремя не разоблачили как шовиниста. Партийные и комсомольские организации отрядов обязали обратить особое внимание на «протаскивание еврейского национализма, как и антисемитизма – фашистских методов разложения наших рядов». Шашкину поставили на вид за нарушение приказа о расстреле без санкции командования бригады⁶⁹.

Было отдано распоряжение о принятии мер к партизанкам Галине Роговой и Броне Гофман, которые заявляли, что «на евреев гонения, их бьют, расстреливают, создают условия, как в гетто». Они обещали жаловаться, писать в ЦК Компартии Белоруссии и в Москву, добиться своей цели во что бы то ни стало. Рогова и Гофман распространяли версию о том, что Дубов и Гулевич признали расстрел Ривина ошибкой и собирались хоронить Ривина с воинскими почестями. В ответ

⁶⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 248, л. 224.

⁶⁸ Платон – псевдоним генерал-майора В.Е. Чернышева (1908–1969), работавшего до войны первым секретарем Жлобинского, Василишковского райкомов, Барановичского обкома КП(б)Б, а с июля 1941 г. ставшего одним из организаторов партизанского движения, с 1942 г. – уполномоченный ЦК КП(б)Б и ЦШПД по Барановичской области, с марта 1943 г. – секретарь Барановичского подпольного обкома КП(б)Б и командир одноименного партизанского соединения.

⁶⁹ НАРБ, ф. 3500, оп. 4, д. 248, л. 221.

Гулевич назвал Рогову и Гофман в своем приказе по бригаде от 1 июня 1943 г. «апостолами еврейского национализма»⁷⁰.

Попустительство антисемитам

Командование партизан с явным опозданием реагировало на вопиющие нарушения национальных взаимоотношений. Представители ЦШПД и БШПД вынуждены были считаться с мнением подавляющего национального большинства в составе партизанских формирований и настроениями, преобладавшими в сельской местности. Когда для заготовки продуктов питания для партизан в деревнях появлялись евреи, их считали «грабителями», но к партизанам из белорусов так не относились. Попустительство рождало новые нарушения. 30 октября 1943 г. партизаны из бригады им. Дзержинского напали на евреев из отряда им. Пархоменко, которые выполняли задание по заготовке продуктов на Любенских хуторах в Ивенецком районе Барановичской области. Ввосьмером против троих, с криком «Бей жидов!» они избили пархоменковцев, заявляя, что жидам положено «жрать дохлых старых коров, а не кабанов». Все собранные продукты у евреев изъяли⁷¹.

2 ноября 1943 г. евреи-партизаны вернулись в расположение отряда им. Пархоменко с пустыми повозками. Они сказали, что не видят выхода из создавшейся ситуации и партизаны других отрядов угрожают им не меньше немцев. Гуминский и Сергеев, комиссар и командир отряда им. Пархоменко, были офицерами Красной армии. Они обратились с рапортом в Белорусский штаб партизанского движения и ЦК Компартии республики. В нем отмечалось, что преступной группой дзержинцев на Любенских хуторах руководили Сухомлинов и Стрункевич, поведение которых порочит советскую власть и разлагает партизанское движение изнутри. Гуминский и Сергеев подчеркивали, что приведенные факты не единичны,

⁷⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 248, л. 224.

⁷¹ Там же, д. 242, л. 102.

но никаких мер по их пресечению никто не предпринимает. В заключение делался вывод о том, что руководить людьми и обеспечивать отряд продуктами питания, когда «на каждом шагу презирают еврейскую нацию – невозможно»⁷².

Помощник уполномоченного ЦШПД и ЦК КП(б)Б по Лидскому межрайцентру Соколов переадресовал рапорт отряда им. Пархоменко вышестоящей инстанции, потребовал от командования бригады им. Дзержинского разобраться. Однако этим дело не кончилось, и преследования возобновились. Через несколько месяцев на поведение партизан-антисемитов пожаловался комиссар отряда им. Суворова майор Клевко. Он сообщал, что его отряд имеет еврейскую семейную группу, сохраняющую дружеские отношения с местными жителями, что позволяет обеспечивать его отряд одеждой, продовольствием и боеприпасами. В начале января 1944 г. боец семейной группы Мордехай Гольдшмидт при выполнении хозяйственного задания был разоружен комиссаром отряда им. Александра Невского Гавриловым. Гаврилов перед своими подчиненными не стеснялся в выражениях в адрес евреев и говорил, что сопроводительные документы отряда им. Суворова для него «не указ». Клевко в «энергичных выражениях» обращал внимание командования, что Гаврилов «терроризирует евреев и буквально гонит их из пущи». Защищая семейную группу, он предупреждал, что если «зарвавшийся» Гаврилов не получит по заслугам, а его «поведение не будет признано антипартийным, эгоистическим и вредным (курсив наш. – Л.С.), то он со своими бойцами разоружит виновных, и вместо того чтобы воевать с немцами, мы будем бороться друг с другом, чего, очевидно, Гаврилов и добивается»⁷³. Меры воздействия вновь оказались половинчатыми. Оружие Гольдшмидту возвратили, но никаких мер к его обидчикам не приняли, дело спустили на тормозах. Полевым командирам многое прощали, включая такие «мелкие нарушения» на национальной почве.

⁷² НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 242, л. 103.

⁷³ Там же, лл. 199-200.

Евреи подвергались нападкам партизан-антисемитов вплоть до освобождения Беларуси. Ночью 18 марта 1944 г. в деревне Мостище Новогрудского района партизаны отряда им. Ворошилова (старший группы партизан Каритачи) обезоружили 7 евреев из отряда им. Калинина. Через два дня партизаны отряда им. Фурманова бригады им. Чапаева задержали обоз калининцев и забрали 21 мешок зерна, 4 кабанов, 2 коров, 4 лошадей и все личные вещи 40 бойцов-евреев. На следующий день командир бригады им. Кирова капитан Васильев отнял у них 35 кг соли⁷⁴.

Командир отряда им. Калинина Тувья Бельский жаловался генерал-майору Платону, что командир бригады им. Дзержинского Шашкин не пропускал его партизан по мосту через Неман, отбирал лошадей и повозки. Рапорт Бельского содержал отчаянный призыв о помощи: «Закрытие дороги через Неман грозит нам полной катастрофой и в ближайшее время повлечет голод...»⁷⁵ Обстановка накалилась и должна была привести к взрыву. Помощник Платона Соколов 2 апреля 1944 г. издал приказ, в котором говорилось, что после тщательной проверки были установлены случаи «массового террора» по отношению к партизанам-евреям, что выражалось в их избиении, разоружении, изъятии заготовленного продовольствия, одежды и боеприпасов. Далее в приказе перечислялись наиболее вопиющие правонарушения. Вместе с тем Соколов не назвал конкретных виновников и предложил только разъяснить личному составу, что неправильное отношение к партизанам-евреям усугубляет национальную рознь и помогает врагу⁷⁶.

В ряде случаев командиры отрядов партизан использовали антагонизм евреев и сельских жителей Белоруссии, чтобы подготовить ловушку для противника. Они умышленно выставляли евреев из леса как вымогателей и грабителей местного

⁷⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 242, л. 457.

⁷⁵ Там же, лл. 458, 548.

⁷⁶ Там же.

населения, делали из них «наживку». В Новогрудском районе 28 января 1944 г. партизаны бригады им. Кирова устроили засаду у полицейского поста в местечке Гута. Для имитации грабежа мирных жителей под видом мародеров были посланы 10 евреев с требованием самогона и сала и истопить баню. Расчет строился на том, что кто-то из крестьян позовет полицию. Действительно, в ответ на появление «жидовских бандитов» прибыл отряд из 26 полицейских и 8 немецких офицеров. Засада удалась, в ходе перестрелки было убито 30 чел. и 4 взято в плен. Со стороны же партизан потерь не было⁷⁷. Благодаря «военной хитрости» цель была достигнута, а репутация евреев в глазах местных жителей как насильников и мародеров никого не волновала. В то же время это служило подтверждением немецкой пропаганды, делавшей евреев врагом трудолюбивых и законопослушных белорусов.

Противодействие антисемитизму

В условиях совместной борьбы с врагом на первый план выходили военное мастерство и личные качества партизан-евреев, сдерживавшие антисемитизм. В большинстве случаев партизанское начальство его не поощряло. Однако отсутствие своевременных мер к проступкам на националистической почве и необходимой разъяснительной работы на фоне немецкой пропаганды объективно содействовали антисемитизму.

Необходимо отдать должное ряду командиров, которые, не ожидая особых указаний вышестоящего партизанского руководства, спасали евреев из гетто. В июне-июле 1942 г. отряд им. Щорса организовал побег из гетто Слонима 170 евреев. В августе того же года партизаны отряда Павла Пронягина разбили немецкий гарнизон в Коссово и освободили 200 евреев, а несколько десятков человек из гетто Дятлово были освобождены в результате операции отряда под командованием Е. Атласа. Осенью 1942 г. отряд им. Жукова атаковал полицейский гарнизон местечка Новый Свержен и спас 500 евре-

⁷⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 253, л. 20.

ев, около 200 из которых присоединились к партизанам, другой отряд освободил евреев в Мяделе и содействовал их переправе через линию фронта. В августе 1943 г. группа евреев местечка Глубокое была спасена отрядом под командованием Родионова и т.д. В то же время возможности партизан были ограничены. Спасение мирного населения не входило в их первоочередные задачи. Они делали это по ходу выполнения собственных оперативных задач, и в большинстве случаев эта инициатива исходила от еврейских бойцов, спасавших жизни своих близких, оставшихся в гетто. Партизаны испытывали огромные трудности, часто переживали блокаду, отбивали атаки карателей, усиленных немецкими регулярными частями с фронта⁷⁸.

Зимой 1941/42 г. в ходе наступления 3-й и 4-й советских ударных армий возникли «ворота Сураж». Это был разрыв линии фронта шириной в 40 км между городами Велиж и Усвяты на стыке групп немецких армий «Север» и «Центр», которые контролировались силами 1-й Белорусской партизанской бригады. Партизаны использовали «ворота» для доставки оружия, боеприпасов и снаряжения, продовольствия и медикаментов от Красной армии. Советская контрразведка направляла в немецкий тыл диверсионные группы, на переформирование выводились партизанские отряды и только при случае – мирное население, которому удалось спастись от карателей. Одновременно партизаны избавлялись от балласта семейных лагерей, которые сковывали оперативную активность и делали их уязвимыми⁷⁹.

В августе 1942 г. партизаны из отряда «Мститель» (бригада «Народные мстители») сформировали маршевый отряд «Победа» (командир Николай Киселев, начальник штаба Колесни-

⁷⁸ L. Smilovitsky. *Righteous Gentiles, the Partisans and Jewish Survival in Belorussia..., 1941–1944*, pp. 313-314.

⁷⁹ Тема семейных лагерей рассмотрена автором в главе «Семейные лагеря и отряды» в монографии *Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.* Тель-Авив, 2000 г., с. 119-129.

ков) для прохода через Суражские ворота. Это были более 218 евреев из Вилейской области (местечки Долгиново, Княгино, Бусловец и др.), в основном женщины, дети (от 2 лет и старше) и старики (до 74 лет). Немцы блокировали леса, беженцы вынуждены были прятаться в болотах, двигались по ночам (15–20 км), обходя крупные населенные пункты. Они пили болотную воду, ели траву, ягоды и грибы. Одежда была изорвана в клочья, обувь почти не осталось – ноги обматывали тряпками. После переправы через реку Березина к отряду присоединилась колонна молодежи, мобилизованной партизанами в Красную армию. Это же подтверждают Яков Сагальчик и Авраам Клорин, рассказавшие о том, как несколько сотен евреев, выживших в гетто Куренца, Долгиново, Постав, нашли сначала убежище в лесах вокруг озера Нарочь. В сентябрь–декабре 1942 г. они были выведены и переправлены через линию фронта в районе Суражских ворот и направлены в глубокий советский тыл – в Башкирию. Спасенные евреи направили в Центральный штаб партизанского движения коллективное письмо на имя П.К. Пономаренко, в котором благодарили «сталинского» политрука Киселева за свое спасение и просили представить его к правительенной награде⁸⁰.

В целом мотивы, по которым партизаны помогали евреям выходить с оккупированной территории, предстоит еще выяснить. Скорее всего, они делали это для евреев как части мирного советского населения, подвергшегося репрессиям, а не потому, что те были главной мишенью нацистского геноцида. Беженцы-евреи были беззащитными и небоеспособными – женщины, старики и дети, большая часть евреев-мужчин к тому времени уже была уничтожена немцами⁸¹.

Большинство партизан относились к евреям-бойцам с чувством солидарности, видели в них надежных товарищей,

⁸⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 155, лл. 166-168.

⁸¹ *Известия*, 1995 г., 1 марта; *Sefer ha-Partizanim ha-Yehudim*, vol.1, Merchavia, 1958, p. 462; YVA, Testimony of Yaakov Segalczyk, 1628/63; Testimony Avraham Klorin, 3185/265-K.

разделяли их стремление защитить родных и близких. Когда становились известными случаи преследования евреев на национальной почве, к виновникам принимались строгие меры вплоть до высшей меры наказания. В отряде Михаила Ледяева бригады «За Советскую Беларусь» воевал Хаим Подберезкин, которого за высокий рост и богатырскую силу прозвали Петром Первым. Родом он был из Городка Витебской области. Хайма ценили за умение ориентироваться на местности, профессиональные качества подрывника и добрый нрав. Осенью 1943 г. Подберезкин в числе группы из 10 партизан совершил удачную диверсию на железной дороге. На обратном пути партизаны заехали в деревню и на радостях выпили. Потом продолжили путь на свою базу. Подберезкин сидел впереди и правил лошадью. На телеге было еще трое. Один из них, Козлов, предложил «кокнуть жида». Не встретив возражений, он приставил дуло к затылку возницы и выстрелом снес ему пол-головы. Все соскочили с телег и вмиг отрезвили. Большинство возмущалось диким поступком Козлова, но решили сказать по возвращении в лагерь, что напоролись на немецкую засаду. Подберезкина закопали на обочине. Однако партизаны из Городка Соломон Рубель, Михл Лицкий, Баше-Голде и Брайне заподозрили неладное. Они провели собственное расследование. Местные жители не подтвердили, что в момент прохождения группы подрывников там произошли бой или перестрелка. Командир взвода доложил в особый отдел бригады. Оттуда поступил приказ: найти виновных, судить и наказать перед строем. Суд был скорым. За сокрытие преступления командира отделения подрывников расстреляли перед строем, а Козлова повесили⁸². В тех случаях, когда подобные расправы получали огласку и пресекались партизанскими командирами (включая публичную казнь), они больше не повторялись. Однако подобных примеров придания суду военно-полевого трибунала за убийство евреев в годы войны среди партизан известно крайне мало.

⁸² А. Рубенчик. Указ. соч., с. 138-139.

В целом, межнациональные отношения позволяли лучше понять политику советского государства на оккупированных территориях. Партийное и военное руководство не предпринимало мер для спасения узников гетто. Центральный штаб партизанского движения не реагировал на сообщения своих уполномоченных об убийствах евреев на оккупированных территориях. В то же время, когда белорусское население страдало от немецких операций возмездия, партизаны вставали на их защиту даже без особого разрешения из Москвы.

Положение евреев и неевреев на оккупированной территории принципиально отличалось. Уход в лес и присоединение к партизанам были для большинства евреев единственной возможностью спасения. Нееврейское население, как правило, начинало массовую вооруженную борьбу, когда оккупационный режим переносить становилось невозможно.

Наличие антисемитизма в партизанском движении Беларусь можно считать установленным. Наибольшую трудность составляет выяснение конкретных причин антисемитизма среди партизан, установление его обусловленности определенным стечением обстоятельств в том или ином месте. Нельзя объяснить враждебность к евреям на национальной почве бескультурьем или малограмотностью партизан, поскольку антисемитские выпады допускали и бывшие партийные и советские работники, возглавлявшие отряды, имевшие среднее и высшее образование. Скорее всего, решающей становилась личная неприязнь, основанная на опыте антисемитизма предшествующих лет.

Антипатию к евреям подогревала нацистская пропаганда, утверждавшая, что именно они развязали Вторую мировую войну, тогда как Германия борется за избавление славян от господства иудао-большевизма. Охота, устроенная нацистами на евреев, сделала их уязвимыми и среди товарищей по оружию других национальностей. Однако обидеть еврея-партизана в лесу уже было небезопасно – он имел личное оружие и знал, к кому апеллировать. Большим препятствием для антисемитов являлись евреи – командиры отрядов, комиссары, начальники

штабов и особых отделов (контрразведки), командиры разведывательных групп и подрывников⁸³. Евреи, участвовавшие в боевых операциях, отличались храбростью и непримиримостью, готовностью к самопожертвованию. Им некуда было отступать из леса, почти все они хотели отомстить нацистам и их пособникам. Несмотря активное участие в сопротивлении оккупантам, самое большое, на что могли рассчитывать евреи, был статус советского человека. Однако в действительности советская родина была мачехой: не могло быть и речи об уважении партизанского руководства к иудейской традиции и религии, а цена европейской жизни была значительно ниже по сравнению с неевропейской.

Нельзя утверждать, что противодействие участию евреев в движении сопротивления существовало на государственном уровне. Однако Белорусский партизанский штаб, например, не разрешал организовывать самостоятельные еврейские отряды, как в Литве: отряды «Некама» («Месть», *иврит*), «Кадима» («Вперед», *иврит*)⁸⁴. Исключение составляли семейные лагеря (отряд № 106 Шолома Зорина и братьев Бельских и др.), сами себя охранявшие, которых привлекали к боевым операциям наряду с другими отрядами⁸⁵. Партизанские формирования Беларуси, где евреи преобладали или составляли не менее одной трети личного состава, как правило, объединяли с неевреями, а еврейских командиров и комиссаров переводили в отряды с большинством белорусов и т.д.

⁸³ В Беларуси в годы войны партизанские бригады возглавляли 2 еврея, комиссарами партизанских бригад были 4 еврея, начальниками штабов бригад 7 евреев, партизанскими отрядами командовали не менее 18 евреев, комиссарами отрядов были 32 еврея, начальниками штабов отрядов – 21. См.: И.А. Альтман. *Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР*. Москва, 2002, с. 254.

⁸⁴ А. Файтельсон. *Непокорившиеся*. Тель-Авив, 2001 г.

⁸⁵ P. Duffy. *The Bielski Brothers. True Story of Three Men, Who Defied the Nazis and Saved 1200 Jews*. New York, 2003.

Еще предстоит выяснить, в какой мере обвинения евреев в предательстве, навет о евреях-отравителях, якобы засланных в лес по заданию гестапо, обусловлены антисемитизмом. На наш взгляд, с одной стороны, это свидетельствовало о недопонимании партизанами трагедии геноцида, а с другой – об их перестраховке. В любом случае чаще всего евреи не встречали у партизан сопереживания своей национальной трагедии, хотя во время карательных операций страдало все население, но нацисты никогда поголовно не уничтожали белорусов и русских по национальному признаку.

Трудно рационально объяснить и многочисленные случаи антисемитизма в партизанской среде на бытовой почве. Они приводили к межнациональным трениям, порой перераставшим в серьезные конфликты с человеческими жертвами. Показательным является отношение к подобным проступкам командиров отдельных подразделений, отрядов, полков и бригад. Отсутствие непредвзятого отношения и объективной оценки бытового антисемитизма, как и своевременной разъяснительной работы, не позволяло искоренить эту беду, сказывалось на воинской дисциплине и авторитете Белорусского штаба партизанского движения.

В чем состояла логика решений партизанского командования, покрывавшего виновных и не боровшегося решительно с проявлениями национальной розни? В годы войны советское руководство сделало ставку на русский патриотизм, что усилило национальный антагонизм в идеологии. Апеллируя к чувствам национального большинства, оно использовало его агрессивность и неприязнь к «другим», включая антисемитские традиции, подогретые нацизмом, что, безусловно, нашло отражение в деятельности партизан на территории Беларуси в 1941–1944 гг.

Опубликовано:

L. Smilovitsky. “Antisemitism in the Soviet Partisan Movement, 1941–1944: The Case of Belorussia” // *Holocaust and Genocide Studies*, 2006, issue 20(2): pp. 207-234.

Холокост как военное преступление

Военные преступления нацистов на временно оккупированной территории Советского Союза и трагедия Холокоста нашли свое отражение в переписке между членами почти каждой еврейской семьи. Насколько обстоятельно и подробно она освещалась, зависело от целого ряда причин: осведомленности участников переписки, их общего культурного уровня, умения выразить свои чувства и способа обойти цензуру. Официальные средства массовой информации не называли причин геноцида евреев. Как известно, советские газеты, радио и устная пропаганда говорили о жертвах среди евреев только как о «мирных жителях» или «советских гражданах», старательно обходя вопрос антисемитизма.

Сведения о Холокосте впервые встречаются в письмах советских военнослужащих и членов их семей с конца октября 1941 г. после публикации в газете «Известия» сообщения о трагедии в Бабьем Яре (29–30 сентября 1941 г.) и затем как реакция на январскую (1942 г.) ноту В.М. Молотова¹. При этом нота передавала только фактическую сторону события: когда и где произошло массовое убийство, количество жертв, где были захоронены погибшие. Подробности о преступлениях нацистов против мирного населения приводились, как правило, для того чтобы подчеркнуть жестокость иноземных захватчиков, но при этом не говорилось о пособниках врагу из местного населения. Считалось, что публичное признание советской стороной геноцида евреев подтвердит тезис нацистской

¹ *Документы обвиняют:* Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Б.м., 1943 г. Вып. 1.

пропаганды о том, что Германия ведет войну не с русским народом, а с иудеобольшевиками, поработившими Россию. Кроме того, выделение евреев из «общей семьи советских народов» нарушило бы концепцию сталинского интернационализма, утверждавшую формальное равенство всех народов Советского Союза.

Подобная позиция не выдерживала критики, поскольку именно евреи были первоочередной мишенью расовой политики Адольфа Гитлера, которая обрекала евреев как народ на тотальное уничтожение. Масштаб нацистских преступлений и Холокоста долго оставался неизвестным. Это делалось для того, чтобы избежать дискуссии об ответственности советского государства за непродуманную, недальновидную политику накануне войны, дружбу с «заклятыми друзьями», пакт Молотова-Риббентропа 23 августа 1939 г. и о цене победы Красной армии в ходе долгой и кровопролитной войны.

Советские евреи в годы войны получали только отрывочные сведения о нацистских преступлениях. Не существовало единого еврейского информационного центра, куда поступала бы необходимая информация, где бы отслеживалась общая ситуация, подводились промежуточные итоги, делались аналитические обзоры и строились прогнозы. Еврейский антифашистский комитет (далее – ЕАК), образованный в начале 1942 г. при Совинформбюро, не представлял все советское еврейство. Печатный орган ЕАК газета «Эйникайт», выходившая на идише, рассказывала о мужестве евреев на войне, их самоотверженном труде в тылу, страданиях на оккупированной территории, но не более того. Ее целью было заручиться поддержкой стран Запада и мобилизовать ресурсы для борьбы с Гитлером. Газета распространялась главным образом за границей и была малодоступна советскому читателю. Более конкретная, но далеко не полная картина нацистских преступлений стала складываться только с возвращением еврейских семей из эвакуации.

Настоящее исследование основано на материалах коллекции писем и дневников периода Второй мировой войны,

собранных автором в последнее время (2012–2020 гг.) и хранящихся в архиве Центра диаспоры при Тель-Авивском университете. На сегодняшний день эта коллекция содержит письма, документы, фотографии и различные личные предметы 307 солдат и офицеров Красной армии (28 тыс. 62 документа, включая 8 тыс. 352 письма). Данные материалы впервые вводятся нами в научный оборот². Все письма сканированы, набраны в текстовом редакторе и каталогизированы. К письмам подобраны ключевые слова, которые позволяют без труда ориентироваться в их содержании.

Переживание причастности к трагедии Холокоста евреями кардинально отличалось от отношения к ней представителей других этнических групп. Кроме того, евреи в Красной армии вынуждены были постоянно доказывать свою полноценность как патриотов и бесстрашных бойцов, но, несмотря на это, они все равно становились жертвами антисемитских стереотипов – в них видели слабаков, сомневающихся интеллигентов, трусов, прячущихся за спинами других, хитроумных врачей. Если один еврей проявлял недобросовестность, допускал служебное нарушение, был уличен в воровстве, неисполнительности, трусости или неопрятности в быту, то окружение немедленно переносило это на всех евреев. Многие из них, лишенные традиций, оторванные от религии, не знавшие идиша (или отказавшиеся от него), искренне считали себя равными со всеми советскими людьми. В то время как государство, соседи, друзья, знакомые, сослуживцы, однополчане продолжали относиться к ним с предубеждением. В годы войны набиравший силу в Советском Союзе государственный антисемитизм, подкрепленный бытовым антисемитизмом как в тылу, так и на фронте, делал евреев одинокими в своей обособленности и в значительной степени уязвимыми.

² Л.Л. Смилович. «Советские евреи пишут в Красную армию, 1941–1945»: Опыт формирования коллекции военных писем в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете // *Русский архив*. 2014 г. № 4, с. 236–252.

Старший сержант Георгий Яковлевич (Зорик) Эпштейн в переписке с родителями неоднократно касался этой темы. Юноша требовал отправки на передовую, в чем ему неоднократно отказывали. Весной 1942 г. он сообщал, что был включен в маршевую роту для отправки на фронт, но вместо этого направлен в Бухару, где формировалась новая воинская часть: «Вот обида. Я в своем полку считался лучшим пулеметчиком, на маневрах мне доверяли быть командиром пулеметного взвода. На фронте, увидите, я стану командиром роты. Сюда приехал из-за нехватки командиров. Ненавижу свою национальность <...> сколько бы пользы принес...»³ Летом 1942 г. Зорик получил очередной отказ и был очень огорчен – «узнал несчастье своей национальности»⁴. Наконец, мечта юноши сбылась, летом 1943 г. Эпштейн писал: «У нас здесь наступление. “Фриц” уходит, но бои жаркие. Я жив, здоров, шныряю на своем броневике в разведку. Мы ходим впереди всей группировки, засекаем немцам в тыл, наносим панику и целехонькие приезжаем назад»⁵. И снова Зорик возвращался к наболевшей теме, которая не давала ему покоя: «Самым тяжелым разочарованием было понимание, что некоторая национальность – паразит. Я ненавижу свою национальность. Мне стыдно за нее»⁶. Осенью 1943 г. после очередного ранения Зорик Эпштейн сообщал своим родным, что раны его заживают и скоро опять предстоит ехать на фронт: «У меня три золотые и четыре красные полоски⁷, наверное, будут еще – вот оправдание моей жизни и национальности»⁸.

³ Из письма Г.Я. (Зорика) Эпштейна отцу Якову Абрамовичу Эпштейну от 13 марта 1942 г.

⁴ Из письма Г.Я. (Зорика) Эпштейна матери Нине Яковлевне Эпштейн (Должанской), находившейся в эвакуации в Киргизии, от 21 августа 1942 г.

⁵ Из письма Г.Я. (Зорика) Эпштейна матери от 19 августа 1943 г.

⁶ Там же.

⁷ Число нашивок указывало на количество ранений и их степень. К легким ранениям (красного цвета) относились ранения мягких тканей без повреждения внутренних органов, костей, суставов,

Если о расправах нацистов с евреями солдаты Красной армии писали открыто, то об антисемитизме, исходившем от советских властей и советских солдат и офицеров, рядовых граждан, – с большой оглядкой. В этом отношении показательны записи, которые вносил в свой дневник военный корреспондент газеты «Правда» Михаил Адольфович Печерский⁹. Дневник Печерского подкупает своей искренностью. Многие его страницы проникнуты трагическим лиризмом. В литературном отношении дневник Михаила Адольфовича напоминает «Разные дни войны» Константина Симонова¹⁰. Обращает на себя внимание смелость и откровенность в изложении событий. Автор не боялся критиковать собственных начальников и коллег, давал им нелестные характеристики, отмечал их недостатки, искал причины неудач и при этом оставался достаточно самокритичным. Вместе с тем, официальные публикации во фронтовой печати Печерского не шли ни в какое сравнение с его личными записями. Внутренний цензор автора требовал отвечать заданным стандартам советской публицистики. Разница между дневниками записями и публикациями в газетах у Печерского настолько велика, что трудно поверить, что это писал один и тот же человек. В дневнике все, что касалось советского антисемитизма, Михаил Адольфович зашифровывал, оставляя для памяти только замечания общего характера: «Разговор об антисемитизме. Факты, факты... Тяжело» (Дневник, с. 93), «Город Щучин. Заняли его 12 июля 1944 г. Рассказ Суздаля о семилетней девочке-еврейке, просидевшей три года в подвале у польского крестья-

нервных стволов и крупных кровеносных сосудов, ожоги I и II степени; к тяжелым (желтые или золотые) – повреждения костей, суставов, внутренних органов и крупных кровеносных сосудов, ожоги и обморожения III и IV степени.

⁸ Из письма Г.Я. (Зорика) Эпштейна матери от 17 октября 1943 г.

⁹ Дневник был предоставлен архиву Центра диаспоры Диамаром Печерским, сыном М.А. Печерского, в августе 2013 г.

¹⁰ К.М. Симонов. *Разные дни войны. Дневник писателя*. Москва, 1982 г.

нина. У девочки спрашивают, где бы она хотела теперь жить? – «Там, где люди добрые”», «Рассказ Суздаля о гетто – Виленском, Варшавском и т. д.» (с. 94), «Чаусы – моя родина. Точнее – крохотный еврейский хуторок Вилейка в 3–4 км от Чаус» (с. 100). И ни слова о евреях, родных и знакомых, которые были поголовно уничтожены нацистами.

Источники сведений о геноциде

Сведения о нацистских преступлениях, убийствах мирных граждан и массовых убийствах евреев поступали из разных источников. Мы читаем об этом в письмах из районов глубокого советского тыла (Урал, Закавказье, Сибирь, Средняя Азия, Казахстан, Дальний Восток), куда были эвакуированы или бежали семьи, спасавшиеся от военных действий. В свою очередь солдаты и командиры действующей армии описывали то, что им открывалось при освобождении оккупированной территории. Много подробностей сообщали в письмах бывшие узники гетто, вступившие в Красную армию. Трагические известия поступали от белорусских, украинских и русских соседей и из ответов работников исполнкомов сельских, поселковых, районных, городских Советов на запросы из Красной армии и районов эвакуации. О пережитой трагедии советские евреи писали своим родным и знакомым за границу. Это были сообщения о массовых убийствах невинных людей, часто с описанием того, как именно случилось несчастье, кто и как убивал – расстреливал, вешал или сжигал. Крайне редко встречаются письма, допускавшие обобщения и поиск ответов на вопрос, как мог стать возможным геноцид евреев и кто был в этом виноват?

Первые месяцы войны почта по инерции еще продолжала работать, хотя фронт надвигался очень быстро. Понятие «прифронтовая полоса» означало линию боевых столкновений на расстоянии 100–150 км. Сводки Совинформбюро были неточные и внушали оптимизм, хотя часто оказывались правы скептики. В архиве Центра диаспоры хранится уникальное письмо

из Турова Мозырского района Полесской области, отправленное человеком, только что пережившим приход немцев, которых временно выбили из местечка партизаны и пограничники. В июле-августе 1941 г. Туров несколько раз переходил из рук в руки. Реувен Шифман сообщал Ноте Чечику в Крым о пережитом за 18 дней немецкой оккупации, когда военная позиция была в каждом огороде: «Описать эти дни невозможно. Всех наших евреев выгоняли на работу, а хлеб давали только фашистам, а евреям нет. Весь городок ограбили, сожгли все магазины и дома. Слава богу, что нас не убили, а мне срезали бороду»¹¹. Реувен Шифман надеялся, что Красная армия больше не покинет Туров и евреям не придется видеть «трефные лица немцев»¹². Однако действительность оказалась иной: третий и последний раз противник занял Туров в ночь на 23 августа 1941 г. Немецкие бронекатера, появившиеся со стороны Давид-Городка, зажигательными минами вызвали пожар, высадили десант и овладели городом¹³.

В ноябре 1941 г. Геннадий Грабовский сообщал своей семье, эвакуированной на Урал, что у 80% его сослуживцев родители оказались на территории, занятой немцами, или пропали без вести, и делал вывод: «Поэтому еще наше общее счастье, что вы успели выехать из Харькова»¹⁴. Этую же мысль мы находим в переписке Исаака Кагана с женой и детьми в январе 1942 г.: «Какие вы счастливые, что вырвались из его рук. Я был в отбитом у немцев городе Ефремове¹⁵. Сердце

¹¹ Из письма Реувена Шифмана Ноте Чечику в Крым от 2 августа 1941 г.

¹² Трефной – «недозволенный», «грязный», «некошерный», «нечистый».

¹³ Л. Смилович. *Евреи в Турове. История местечка Мозырского Полесья*. Иерусалим, 2008 г., с. 636.

¹⁴ Из письма Геннадия Яковлевича Грабовского семье в Магнитогорск от 24 ноября 1941 г.

¹⁵ Ефремов – город в Тульской области РСФСР, освобожден от немецкой оккупации 13 декабря 1941 г. в ходе Елецкой операции Юго-Западного фронта.

закипает кровью, когда видишь кровавые следы фашизма. Одного десятилетнего мальчика расстреляли за то, что он черный и был похож на еврея. 3-го дня детей повесили на улице за то, что пели советские песни. Деревни многие сожжены, жители ограблены. Сонечка, вы живы, много натерпелись и теперь еще немало переживаете, но вы на нашей территории и в безопасности»¹⁶. Однако далеко не все успели бежать от врага. Из второго письма Кагана мы узнаем о судьбе родственников его жены Сони: «Я вспомнил твою мать, какую даже и среди матерей... не сыскать. Фашисты прервали ее еще не старую жизнь, и ее труп еще, может быть, долгое время лежал непогребенным. Я вспомнил тетю Этту, добродушную и правильную, которую мы оставили на произвол судьбы (сторожить дом и имущество в Бобруйске. – Л.С.). Я вспомнил Славу, которая, если не сгорела, то умерла с голоду. Я вспомнил своих родителей, братьев и сестер, которых, если смотреть правде в глаза, никогда не придется увидеть»¹⁷.

Сообщения о массовых убийствах евреев нашли отражение в частной переписке между теми, кто был на фронте, и теми, кто находился в тылу, после того как все советские газеты опубликовали ноты от имени советского правительства главы МИДа СССР В.М. Молотова¹⁸. В еврейской среде под употребленным в них усредненным понятием «советские граждане» понимались евреи, которые преследовались нацистами и

¹⁶ Письмо Исаака Кагана Григорию Грайзеру в Пензу от 7 января 1942 г.

¹⁷ Письмо Исаака Кагана Григорию Грайзеру в Пензу от 12 апреля 1942 г.

¹⁸ Ноты народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях», 6 января 1942 г., и «О повсеместных грабежах, о чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления», 27 апреля 1942 г.

составляли подавляющее число жертв среди мирного населения. Евреи открыто писали, что понимают, против кого именно направлена нацистская машина террора. В письмах приводились многочисленные имена и фамилии родных, не сумевших выбраться из прифронтовой полосы или введенных в заблуждение официальной советской пропагандой, скрывавшей действительное положение на фронте, и оставшихся на верную гибель.

Сергей Крюков в феврале 1942 г., обращаясь к жене Дине и дочери Нонне, спрашивал: «Вы, должно быть, читали ноту тов. Молотова¹⁹, что творят с населением Харькова и других городов подлые фашистские мерзавцы. В действительности картина во много раз ужаснее – голод, холод, насилие и грабежи немцев с массовыми расстрелами стали обычным делом»²⁰. В апреле 1942 г. Менаше Вайл писал своей жене Бэле о впечатлении, которое произвела на него нота Молотова²¹, подчеркивая, что многое из перечисленного он видел собственными глазами и делал вывод: «Вопрос ставится о полном *нашем* истреблении. Пока будет существовать на свете фашистский изверг, жизни на земле не быть» (курсив мой. – Л.С.)²². Школьница из Ленинграда, Лия Ратнер, эвакуированная в Пермскую область, записала в дневнике 30 ноября 1942 г.:

¹⁹ Имеется в виду нота В.М. Молотова от 6 января 1942 г. «О по всеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях», опубликованная в газете «Правда» 7 янв. 1942 г.

²⁰ Из письма Сергея Михайловича Крюкова Дине Михайловне Гулько-Крюковой в поселок Январцево Приуральского района Западно-Казахстанской обл. от 14 февраля 1942 г.

²¹ Речь идет о ноте В.М. Молотова от 27 апреля 1942 г. «О чудовищных злодействиях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления».

²² Из письма Менаше Берковича Вайла Бэле Шлемовне Вайл-Новак в Бугуруслан Чкаловской обл. от 28 апреля 1942 г.

«Сволочи! Что им сделали советские люди, вообще, все нации – русские, украинцы, евреи, белорусы, чехи и т.д. Как бы я хотела собственноручно убить хотя бы одного немчуру»²³.

Евреи, читавшие ноту Молотова, видели между строк лица своих родных, которые остались на оккупированной территории. Исаак Каган в декабре 1942 г. делился с Гришой Грайзером, эвакуированным в Пензу, прочитанной информацией о том, что немцы сделали с евреями в Бобруйске и Минске: «Сердце сжимается от боли. Я там встретил много знакомых фамилий. Помнишь в Минске женщину, врача Гуревич, которая лечила нашу Бебу, а немцы убили и много других. В Бобруйске убили 20 тыс. чел. Несчастные те, которые остались у них в плену»²⁴. Яков Скульский писал своей жене Гене и сыну Моисею, что его мать осталась в Одессе: «Больная, немощная старушка. Она не смогла выехать. С ней осталась сестра. Знаю все и понимаю. Чем крепче нервы, тем ближе час возмездия за совершенные преступления. Падать духом нечего»²⁵.

В письмах говорилось, что дать надежду на спасение может только Красная армия. Каждый еврейский солдат понимал, что речь идет не только о судьбе его семьи, родных и близких, родителях, женах и детях, но и о еврейском народе в целом. В июле 1944 г. Яков Скульский писал, что от рук нацистов погибли его бабушка Сурра Иозифовна, тетя Гитель, тетя Рухль и сестра Двора: «Тысячи людей нашего народа сначала в Германии, а затем во многих других странах Европы варварски уничтожались»²⁶. В конце письма Я. Скульский делал вывод о том, что это забыть нельзя: «Как огонь закаляет

²³ Из дневника ученицы 6-8 класса Лии Ратнер, Урал, с. Осинцево Кишертского р-на Молотовской (ныне Пермской) обл., запись от 30 ноября 1942 г.

²⁴ Из письма Исаака Рафаиловича Кагана в Пензу от 25 декабря 1942 г.

²⁵ Из письма Якова Моисеевича Скульского Эмме Брохман от 18 мая 1942 г.

²⁶ Из письма Якова Моисеевича Скульского Эмме Брохман от 25 июля 1944 г.

сталь, так пытка и муки народа возвеличивают его, народ, если сыны народа любят свой народ, свою культуру, свой язык, историю и великое будущее»²⁷.

Вторым официальным источником после ноты Молотова, сообщавшим о массовых убийствах мирных граждан, были коллективные письма трудящихся освобожденных районов, направленные на имя Сталина как Верховного главнокомандующего и главы советского государства. Это были заранее подготовленные документы, которые зачитывали на общегородских митингах под видом добровольного волеизъявления благодарных жителей. В декабре 1943 г. Менаше Вайл делился с сестрой Басей, что когда он прочел письмо киевлян к Сталину о расстреле 100 тыс. киевлян, то сразу понял, кто в первую очередь был там расстрелян. В письме Сталину, принятом на общегородском митинге 27 ноября 1943 г., киевляне писали, что за годы гитлеровской неволи они пережили такое, чему нет названия ни на одном человеческом языке: «Мы прожили два года, словно два долгих столетия, за гранью закона, за пределами человеческого существования. Нас сопровождали утраты и ежеминутное ожидание смерти, которая разгуливала по нашим улицам, площадям и жилищам, одетая в немецкий гестаповский саван»²⁸.

Шевах Лапидус в августе 1944 г. сообщал своей жене Рае, что на днях он получил центральную газету, где было опубликовано письмо трудящихся Минска Сталину в связи с освобождением Беларуси: «О, ужас! После долгих издевательств немецкие изверги зверски убили знаменитых медиков Ситермана, Хургина, Дворжица, Клумова, детского врача Гуревич и многих других... <...> Я уже не говорю о наших родителях, родных, знакомых. Их участь нам известна. Кровь стынет в жилах и взвывает к мести»²⁹. Эту же тему поднимал Самуил

²⁷ Из письма Якова Моисеевича Скульского Эмме Брохман от 6 июля 1944 г.

²⁸ К. Дубина. Злодеяния немцев в Киеве. М., 1945 г., с. 47.

²⁹ Из письма Ш.В. Лапидуса Р.Д. Баркач от 8 августа 1944 г.

Кац в письме своему брату Лазарю: «Не буду писать тебе о новостях из Минска, ибо там такая тяжелая трагедия, что очень трудно все это переносить. Наши дорогие родители погибли от рук фашистских варваров. Погибли также мой Марик, Циля, Исер и Берл Плоц... <...> брат Калман погиб смертью храбрых за нашу родину 4 января 1943 г. как летчик-истребитель»³⁰. Война застигла Самуила в Литве на самой границе, до августа 1942 г. он воевал на Западном фронте, защищал Москву, а потом был под Сталинградом: «Я командир-артиллерист и все время работаю по своей специальности. Мое военное звание подполковник, награжден орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды и медалью “За оборону Сталинграда”»³¹.

Коллективные письма-обращения к высшему руководству в Москве служили своего рода присягой на верность советской власти. Это делалось для массового воздействия на людей, переживших оккупацию, которых нужно было заставить по-прежнему беспрекословно подчиняться и воодушевить для восстановления после разрухи как результата войны. В письме киевлян в ноябре 1943 г. мы читаем: «Торжественно заверяем Вас, дорогой наш товарищ Сталин, что так же, как наша победоносная Красная армия под Вашим водительством не сложит оружия до полного разгрома и уничтожения фашизма, так и мы не сложим своих трудолюбивых рук, пока не станет наш славный Киев снова полной чашей, пока не исчезнут в нем все следы немецкого разбоя, пока не соберутся все его дети, пока не расцветут пышным цветом все его сады, пока не возродится, не воспрянет во всей своей красе наша великая украинская земля»³².

В то же время в письмах благодарности Красной армии как освободительнице мы не находим ни слова о евреях, антисе-

³⁰ Из письма Самуила Львовича Каца Лазарю Львовичу Кацу от 1 августа 1944 г.

³¹ Там же.

³² К. Дубина. *Злодействия немцев в Киеве*. Москва, 1945 г., с. 47.

митизме и нацистском геноциде. Нет там и намека на то, каким образом миллионы советских людей «вдруг» оказались захвачены противником при наличии многочисленной и хорошо вооруженной регулярной армии. Все страдания людей, потерявших своих близких, списывались на вероломство, коварство и жестокость немцев. Коллективные письма Сталину служили отвлекающим маневром – важно было выпустить пар негодования измученных людей и не позволить им задавать лишние вопросы. Люди понимали, что их спросят, как они выжили в оккупации, не сотрудничали ли с врагом, что они делали для победы?

Из действующей армии

Солдаты и командиры Красной армии становились свидетелями нацистских преступлений. Письма фронтовиков полны тревоги о судьбе своих родных, не успевших эвакуироваться, сообщений о совершившейся трагедии. Шевах Лапидус в письме жене Раисе, сообщал, что из всех их родственников остались только Соля, Адольф и Фира, а об остальных даже думать тяжело: «7 ноября 1941 г. расстреляли Тевеля, Рахилю, Исаака, папу, мама умерла за два месяца до массового расстрела. Руки дрожат. Слезы текут. Нестерпимо больно об этом слушать, читать. Надо иметь железные нервы, чтобы все это перенести!»³³

Сержант Миндель Ратинский зимой 1941/42 г. получил запоздалые письма из Харькова от «мамаши». Письма, полные трагизма и слез, преследовали Минделя, где бы он ни находился. Ратинский заключал, что должен отомстить за страдания, причиненные проклятыми немцами безвинным старикам³⁴.

³³ Из письма Шеваха Вульвовича Лапидуса жене от 1 февраля 1945 г.

³⁴ Из письма Михаила (Минделя) Ратинского своей семье от 13 января 1942 г.

Велвл Рывкин из Челябинска летом 1942 г. сообщал своим родным в Молотовскую (Пермскую) область, что его предположения о судьбе Эстер и Бориса (Боруха) «неважные» – они вряд ли успели эвакуироваться, так как... районы были сданы неожиданно быстро³⁵. Давид Райхман прошел путь от Кавказских до Карпатских гор. Он видел дотла сожженные села, разрушенные города, разгромленные памятники культуры. Но все это, по его словам, кажется мелочью по сравнению с миллионами людских жертв. Из письма Давида мы узнаем, что он видел огромные ямы, где сотнями, тысячами рядами лежат убитые. Старики, женщины, дети – все без разбора. На освобожденной территории Райхман встречал единицы евреев, которым удалось спастись от смерти. Они рассказывали ему страшные подробности массового убийства: «Вот где оно – великое человеческое горе. И мы за это отомстим»³⁶.

Полковник Хаим Мордухович Шклляр отмечал, что в освобожденных районах люди походили на живые тени: «Одни только глаза говорили, что это живые существа, а в остальном смотреть страшно. С некоторыми я беседовал, их рассказы – это кошмар»³⁷. Давид Гам зимой 1944 г. передавал горькую весть, что все евреи в его родном Волковыске погибли.

Михаил Абрамович отмечал, что проехал много городов и областей Белоруссии и Украины, не встретив ни одного еврея. Местные жители из белорусов и украинцев рассказали ему, как нацисты расправлялись с евреями: «Сначала мерзавцы убивали поодиночке и по собственному усмотрению, а потом начались организованные массовые убийства». Михаил сокрушался, что нормальному человеку трудно представить, как это происходило в действительности, и тут же приводил пример,

³⁵ См. письмо В. Рывкина из Челябинска в г. Кунгур Молотовской (ныне Пермской) обл. от 1 июля 1942 г.

³⁶ Из письма Давида Райхмана своей матери в Бухару от 2 ноября 1944 г.

³⁷ Из письма полковника Хaima Mordukhovicha Shklyara Raice Isaakovne Pasternak от 1943 г., без точной даты.

что был в Киеве, где погребены более 100 тыс. чел. – «местность называется Бабий Яр»³⁸. Летом 1944 г. он, будучи майором, допрашивал захваченных пленных: «Говорят все, что надо, жалкие, презренные трусишки, а отпусти их обратно, это будут такие же убийцы и грабители, какими были они все время войны». И как пример он приводил свою встречу с чудом выжившей еврейской семьей: «Все, что мы привыкли называть кошмаром, ужасом, несчастьем и т.п., ничего не значит по сравнению с тем, что они перенесли. Все беды, которые ты пережила, это капля горя, а они выпили ковш. Описать услышанное невозможно. Приеду, расскажу»³⁹.

Посещение родных мест и рассказы об убийствах евреев оставляли неизгладимое впечатление. Солдаты и командиры, посещавшие свои семьи в краткосрочный отпуск (чаще всего после ранения), долго не могли вернуть душевное равновесие. Юрий Марголин писал своей невесте Гене Спевак в Речицу⁴⁰ летом 1944 г., что, после того как побывал дома, стал совершенно иным человеком: «Нехорошие мысли приходят в голову. Причина этому – потеря семьи. Я никак не могу смириться с тем, что никогда больше не увижу никого из родных. Спрашивается, какая радость в жизни? <...>... жизнь нарушена до основания»⁴¹.

Юрий Пинский после посещения освобожденного Чернигова писал, что город сильно разбит и разрушен, особенно в центральной своей части. На ул. Шевченко, Советской и многих других не осталось ни единого целого дома, только немые коробки стен. Соседи Быкадеревы рассказали ему о судьбе знакомых евреев: «Старики Хавины, к которым незадолго до начала военных действий приехали дочки Златка и Рахилька с

³⁸ Из письма Давида Гама от 4 января 1944 г. // Музей истории и культуры евреев Беларуси (Минск). Папка «Холокост», Волковыск.

³⁹ Из письма Михаила Абрамовича своей семье от 6 августа 1944 г.

⁴⁰ Речица была освобождена 18 ноября 1943 г.

⁴¹ Из письма Юрия Исаевича Марголина Гене Абрамовне Спевак в Речицу Гомельской обл. от 23 августа 1944 г.

детьми и там застряли. Остались также старики Алукер, да к ним еще приехали дочь Броня с детьми, остались там также Злата Милявская с семьей – все они были зверски замучены и расстреляны (письмо не позволяет описать подробности этой картины, рассказанные мне старухой)»⁴². Соломон Канцедикас сообщал жене Элишеве весной 1944 г. в Куйбышев, что недавно он побывал в одном литовском городке, где местные жители говорили о страшных зверствах «немецких мерзавцев». Там жило много евреев, и немцы их всех расстреляли, многих закопали живыми: «Земля потом шевелилась на том месте, то же самое рассказывают о Вильно»⁴³.

Эпизодически в частной переписке приводились свидетельства о расправе над карателями по горячим следам после вступления Красной армии. Приговоры военно-полевых судов приводились в исполнение немедленно. Однако главным обвинением служили измена советской власти и сотрудничество с врагом в военное время, а не убийство евреев. Летчик Анатолий Адамович Радзиванович писал зимой 1943 г. своей сестре Анне, эвакуированной из Ленинграда в Тамбов, что у него на пути родной город, куда он хочет попасть, и посмотреть, и вспомнить: «Как и много раз до сих пор, сердце еще больше ожесточится против врага. Воочию видишь последствия хозяйствичанья этих зверей. В газетах это не прочиташь»⁴⁴.

Анатолий Адамович уточнял, что на освобожденной территории не осталось ни одного живого еврея. И добавлял, что ему радостно видеть на виселицах трупы бывших полицаев – русских, продавших свою родину, убивших и замучивших сотни русских людей и евреев, взрослых и детей. Радзивано-

⁴² Из письма Юрия Хацкелевича Пинского Г.И. Пинской в Копейск Челябинской обл. от 3 февраля 1944 г.

⁴³ Из письма С.М. Канцедикаса Элишеве Канцедикас от 30 марта 1944 г.

⁴⁴ Из письма А.А. Радзивановича Анне Радзиванович от 1943 г., без точной даты.

вич присутствовал на суде и казни «одного такого мерзавца», который собственноручно разбил головы о камень пятнадцати еврейским детям и бросил их в общую яму. И делал вывод: «Жаль, что этот предатель мучился очень мало»⁴⁵.

К концу 1943 г. ситуация на фронте кардинально изменилась. События под Сталинградом и на Курской дуге предрешили исход войны. Часть немецких пособников поверила в амнистию, если они явятся в лес с повинной и оружием в руках. Григорий Пугач в ноябре 1943 г. писал матери, сестрам Риве, Броне и брату Левочке, что в Поддобрянке Гомельской области, откуда они эвакуировались, нацисты и их пособники уничтожили все еврейское население: «Реки крови проклятые варвары пролили в нашем селе и больше всего издевались над нашими людьми жители местечка, бывшие друзья. Федька Ковалев был старшим полицейским и насиловал девушек и расстреливал их. Славу и Броню расстреляли, их родителей, Шлему Аронова с Яшой, Голду с Тусей, Янкеля Шухмана со старухой, Шляферов, Бабушкиных, Гохманов, Цыру с Элекой и Ривой». Григорий добавлял, что мог бы привести и описать десятки подобных случаев о зверствах и злодеяниях «наших головорезов», которые с приходом Красной армии были мобилизованы и отправлены на фронт⁴⁶.

Начальник полиции Турова Петр Кресс после тайных переговоров привел с собой в лес 35 полицейских и 6 власовцев, вооруженных до зубов, которые перешли на сторону партизан⁴⁷. Среди них оказались люди, участвовавшие в массовых расстрелах евреев и преследованиях мирных граждан. Однако на тот момент для партизан важно было обескровить немецкие гарнизоны, лишив их поддержки местного населения. Часть

⁴⁵ Из письма А.А. Радзивановича Анне Радзиванович от 1943 г., без точной даты.

⁴⁶ См. письмо Григория Исааковича Пугача от 8 ноября 1943 г. // Архив музея истории и культуры евреев Беларуси.

⁴⁷ Л. Смиловицкий. *Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья*. Иерусалим, 2008 г., с. 656.

полицаев погибли, сражаясь в рядах партизан⁴⁸, другие после начала освобождения Белоруссии были мобилизованы полевыми военкоматами и отправлены на фронт.

В марте 1944 г. отдел контрразведки «Смерш» 61-й армии арестовал новоиспеченных красноармейцев Петра Кресса, Ивана Курбана, Фому Домашкевича, Степана Кохно и Ивана Гольца по обвинению в карательных действиях в Туровском, Лельчицком и Петриковском районах⁴⁹. Дело разоблаченных предателей направили в военно-полевой суд, который приговорил обвиняемых Кресса, Курбана и Кохно к смертной казни через повешение, Домашкевича – к 20 годам, Гольца – к 15 годам заключения. Смертный приговор был приведен в исполнение 29 апреля 1944 г. в районе деревне Миляче Высоцкого района Ровенской области (Украина) по приказу начальника контрразведки «Смерш» 397-й Сарненской стрелковой дивизии в присутствии 500 чел.⁵⁰

Записки из концлагеря Вапнярка

Самыми редкими из источников сведений о Холокосте можно считать письма, переданные из тюрем, концлагерей, гетто или мест заключения. Чаще всего это были короткие записочки без обратного адреса, переданные с оказией, – лаконичные послания, адресованные женам и подругам, детям и родителям. Их размер ограничивался клочком бумаги, который удавалось раздобыть. Информация, которую содержало подобное письмо, сообщалась таким образом, чтобы не подвергать риску человека, согласившегося его передать. Однако значение такой весточки от родного человека трудно переоценить. В 2013 г. в архив Центра диаспоры при Тель-Авивском

⁴⁸ Алексей Черный погиб в партизанском отряде соединения С.А. Ковпака.

⁴⁹ Свидетелями выступили его земляки из Турова, служившие в 215-й запасном стрелковом полку.

⁵⁰ Архив Управления КГБ Гомельской области, д. 9238, л. 226.

университете поступило 5 писем из концлагеря Вапнярка Винницкой области. Это все, что осталось от переписки Федора Михайловича Зильбермана (1906–1943) и его жены Марии Филипповны Рябоконик (1910–1985), которую они поддерживали с 1941 г. по 1943 г.⁵¹

Семья жила в Одессе. Федор Зильберман не подлежал призыву по состоянию здоровья. С началом войны он вступил в народное ополчение и помогал эвакуировать заводы, но сам выехать из города опоздал. Ф. Зильбермана арестовали и поместили в здание местной милиции, откуда ему удалось бежать. Однако при переходе линии фронта Федора арестовали вторично и отправили в тюрьму, а оттуда – в концлагерь станции Вапнярка. Зильберман скрыл свое еврейство и сумел дожить до 1943 г. Мария посещала мужа несколько раз с помощью знакомого, устроившего ей пропуск. На обратном пути она брала записки для жен узников, которые разносила в Одессе по адресам. Таким же образом Мария получала подобные записки от Зильбермана, которые сохранились до наших дней. Для примера приведем два письма из пяти:

«11 мая 1942 г.
Куда: Одесса, Ремесленная, д. 31, Рябоконик Марусе

Здравствуйте мои любимые Марусенька и Валечка!
Я пока жив и здоров, надеюсь, что и вы живы и здоровы. Я вам пишу уже 4-ю записку, которые, наверное, не попадают. Я нахожусь на станции Вапнярка – концлагерь. Я очень нуждаюсь. Я уже все с себя продал и остался без ничего. Теперь я голодаю и обречен, как многие другие, на голодную смерть. Марусенька, я тебя прошу, приедь ко мне, выхлопочи себе пропуск и спаси меня от голодной смерти. Сюда многие женщины приезжают к своим мужьям. Марусенька, я очень жалею, что я с вами не попрощался, меня это мучает. Федя».

⁵¹ Письма были переданы в архив Центра диаспоры Валентиной Беловой (Зильберман) 13 февраля 2013 г.

«21 мая 1942 г.

Здравствуйте Марусенька и Валечка!

Марусенька, я жалею, что нам не дали свидания. Ты, конечно, уехала с болью в сердце. У меня тоже сердце болит не меньше. Кто знает, что будет дальше, увижу ли я с вами? Но, Марусенька, после твоего отъезда допустили свидания пяти женщинам. Я еще больше расстроился после этого.

Ну, я тебе, Марусенька, сочувствуя, ты, конечно, беспокоилась за Валечку, ведь она привыкла только с тобой. Я тебе очень благодарен за это. Я просто глаза открыл, согласен пройти всякие лишения, чтобы пожить еще с вами вместе. Будьте здоровы.

Целую вас очень крепко. Твой Федя».

Когда осенью 1943 г. Мария Рябоконик в очередной раз приехала с передачей, бараков уже не было на месте. О судьбе Федора можно без труда догадаться. Поселок Вапнярка Томашпольского района Винницкой области у станции Одесско-Киевской железной дороги был занят немецкими войсками в конце июля 1941 г. К осени там был организован концентрационный лагерь, куда загнали около 1 тыс. евреев из Одессы. Лагерь состоял из двухэтажных бараков, был окружён тремя рядами колючей проволоки и охранялся солдатами румынской жандармерии. К июню 1942 г. около 200 его узников скончались от тифа, остальные были вывезены в район Очакова и расстреляны. В октябре 1943 г. лагерь был закрыт, а последние заключенные отправлены в румынские тюрьмы⁵².

Письма из мест заключения красноречивы по изложению и содержанию. Признаки формальной цензуры отсутствуют (штампы, разрешающие надписи и пр.), зато налицо следствие самоцензуры. Узники хорошо понимали, что можно и чего нельзя писать, и никогда не нарушали негласные запреты. Главной целью осталось дать знать о себе, сообщить, что жив.

⁵² 100 еврейских местечек Украины. Вып. 2. Подolia. СПб., 2000.

Самым страшным было потерять связь с волей. В письмах нельзя найти никаких жалоб на режим содержания в концлагере, качество питания, насилие или побои, издевательства. Нет там и описания работ, состава узников, взаимоотношений между заключенными и охраной. Вместо этого – сожаление о невозможности свиданий, более частых встреч, описание своего бедственного положения (нехватка продуктов питания и одежды), просьба помочь с питанием.

Из гетто – в Красную армию

Сохранились письма уцелевших узников гетто. Мария Ваганова сообщала в письме своему мужу Давиду Пинхасику после приезда в Минск летом 1944 г., что она услышала об их общих знакомых, замученных нацистами: «Фиру Рахманчик с мальчиком убили. Сперва на ее глазах взяли ребенка за ноги и о кузов машины разбили голову. Фира тут же сошла с ума, и ее пристрелили. Екельчика повесили. Словом, не перечислить»⁵³.

Леня Савиковский писал своему брату Иосифу в Красную армию через месяц после освобождения Беларуси в 1944 г. о том, что ему пришлось пережить в гетто: «Вещи все променяли на пищу, так как приходилось голодать, кушать крапиву... <...>. Гоняли нас на тяжелые работы, грузили торф, папа таскал на складе шкафы. Его хозяину что-то не понравилось, и он отправил его в тюрьму, там папу убили в феврале 1943 г. Тогда я с мамой остался, но ровно через месяц погибла и она. Я остался один и жил с Клионскими с Нехамой у дяди Гриши». 13-летнему Лене удалось бежать в лес к партизанам, где он делал все, что велели, пас коров, ходил в разведку. В конце письма мальчик умолял своего брата-солдата позаботиться о нем: «Юзя, я прошу тебя очень, чтоб ты меня куда-нибудь

⁵³ Из письма Марии Михайловны Вагановой Давиду Шлемовичу Пинхасику от 14 августа 1944 г.

постарался устроить, а то в Минске мне тяжело быть одному из-за воспоминаний о маме и папе»⁵⁴.

Можно понять, что чувствовали люди, пережившие гетто, став солдатами Красной армии. По образному выражению Ильи Эренбурга, «немцы думали, что евреи – это мишень. Они увидели, что мишень – стреляет. Немало мертвых немцев могли бы рассказать, как воюют евреи»⁵⁵. Ефим (Хаим) Израилевич Розиноер, бывший узник Минского гетто, в сентябре 1944 г. писал своему дяде Иосифу, что за два года пребывания в гетто стал свидетелем ужасных преступлений. Он видел, как немцы сжигали живых людей, как душили сапогами детей в возрасте от 3 до 5 лет, находившихся в детском доме, газовые машины-душегубки, в одну из которых сам чуть не угодил. Ефим подчеркивает, что много раз был на волоске от смерти, но «выкручивался», писал, что никогда не забудет тысячи ни в чем не повинных женщин, детей, стариков, грудных младенцев, зверски замученных только за то, что они были евреями. После освобождения города в июле 1944 г. Ефим добровольно вступил в Красную армию и с боями дошел до Берлина: «Сейчас мы находимся перед фашистской берлогой. Мне теперь нисколько не страшна смерть, потому что я знаю, за что отдам свою жизнь»⁵⁶.

Розиноер пал смертью храбрых 17 марта 1945 г., но слово свое сдержал. В наградном листе от 25 октября 1944 г. на присвоение ордена Славы III степени мы читаем, что красноармеец Ефим Израилевич Розиноер, телефонист роты связи 508-го стрелкового Гродненского полка 174-й Борисовской Краснознаменной стрелковой дивизии 31-й армии, отличился при прорыве немецкой обороны в районе Серски-Лясе (Польша). Рискуя жизнью, он устранил неполадки и восстановил связь

⁵⁴ Из письма Леонида Савиковского Иосифу Савиковскому от 13 августа 1944 г.

⁵⁵ И. Эренбург. «Они отомстят за все» // *Правда*, 1944, 2 апр., с. 3.

⁵⁶ Из письма Ефима Израилевича Розиноера от 15 сент. 1944 г. // *Знамя*, 1988 г., № 6, с. 208-209.

между атакующими батальонами, нарушенную в 12 местах. При захвате первой траншеи Ефим спас жизнь раненому командиру роты лейтенанту Вихареву, которого немцы при контратаке хотели взять в плен⁵⁷.

Письма бывших узников гетто, ставших солдатами Красной армии, демонстрировали не только уровень ожесточения, но и самую высокую мотивацию и предсказуемость поведения. Они имели личный счет к нацистам, действовали хладнокровно и решительно.

Письма из районов эвакуации

Евреи, успевшие эвакуироваться, не имели иллюзий. Своих родных и близких, оставшихся на оккупированной территории они оплакивали как погибших. Весной 1942 г. Мария Широкова-Клейн писала из Ташкента в Москву Алесю (Айзику) Евелевичу Кучеру, что ее дети, Анечка, 10 лет, и Галочка, 4 лет, остались в местечке Шатилки Паричского района Полесской области у родителей Широкова-Клейн, к которым приехали на лето: «Что с ними – я боюсь об этом даже думать. Борис прямо с ума сходит. Всех проклятый Гитлер разогнал с насиженных мест. Многие не увидят дорогих людей»⁵⁸.

Меир Цыпин писал из Новосибирска в Ленинград зимой 1944 г.: «Когда мы задушим Гитлера – это будет хорошей новостью. Относительно Мстиславля мы слышали, что когда немец вошел, так он собрал всех евреев и отправил их на Троицкую гору и там всех перестрелял. В нашей семье не хватает 40% людей. Мы надеемся, что с Гитлером рассчитают-

⁵⁷ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО), ф. 33, оп. 686196, д. 2081, л. 144.

⁵⁸ Из письма М. Широковой-Клейн из Ташкента А.Е. Кучеру в Москву от 23 марта 1942 г. // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (далее – БГАМЛИ), ф. 446, оп. 1, д. 232, лл. 12-13.

ся за все»⁵⁹. Мстиславль был оккупирован немцами 14 июля 1941 г. С первых дней начались грабежи и убийства. 15 октября 1941 г. нацисты собрали всех евреев Мстиславля и колонной погнали к Кагальному рву, где накануне ночью были вырыты ямы. Евреев подводили по десять человек, заставляли раздеться догола, отбирали ценные вещи, укладывали плотными рядами лицом вниз и расстреливали. Так были убиты сначала все мужчины, а потом женщины с детьми. Маленьких детей ударяли на глазах у матерей друг о друга и бросали в ямы живыми. Только за один день гитлеровцы убили 1 тыс. 300 евреев – взрослых и детей. Среди них оказались родственники Цыпиных: дед, тетя и маленькая двоюродная сестра. После расстрела вода в ближайшем колодце покраснела. Всего в Мстиславле погибло свыше 2 тыс. евреев, из которых сегодня известны имена только 650 чел⁶⁰.

Первые сообщения из освобожденных районов после наступления Красной армии в конце 1943 г. и начале 1944 г. заставляли беспокоиться о родных, оставшихся на временно оккупированной территории, и опасаться самого страшного. Единственной надеждой, которая еще теплилась, было ожидание чуда, что в последний момент кому-то удалось выбраться с последним эшелоном или окольными путями пройти к линии фронта или к партизанам. Эти переживания и горечь разочарования мы встречаем в частной переписке, передающей эмоциональный фон времени, душевное состояние и настроение людей как на фронте, так и в тылу.

Яков Гузман в ноябре 1943 г. писал сестре Анечке, что районный центр Полесской области город Хойники освобожден нашими войсками, но вряд ли кто сейчас есть из наших родных, «особенно досталось именно евреям, которых эти бандиты нещадно умерщвляют»⁶¹. И продолжал: «Видимо, ото

⁵⁹ Письмо Меера Цыпина племяннику Моизу (Марку) Цыпину в Ленинград от 22 января 1944 г.

⁶⁰ Цыпин В. *Евреи в Мстиславле*. Иерусалим, 2006 г., с. 154-157.

⁶¹ Из письма Якова Ароновича Гузмана от 25 ноября 1943 г.

всех населенных пунктов – “зона пустыни”. Печаль за этот город ложится на сердце, как тяжелый камень. Теперь буду ожидать освобождения Наровли. Что о них слышно? Когда-нибудь еще там побудем, всех увидим, узнаем об их горе»⁶².

Александр Зингерман весной 1944 г. делился переживаниями со своей сестрой Дорой: «Я хожу как сумасшедший. Некому выплакать все то, что накопилось на душе... Нашу бедную мамочку немцы убили, а тело бросили в шахту. Разве она сделала худо кому-нибудь?»⁶³ Бася Евсеевна Зингерман, которая упоминается в письме, осталась в г. Сталино (ныне Донецк) и погибла 1 мая 1942 г. во время ликвидации гетто, тело еебросили в шурф шахты №4/4 бис на Калиновке⁶⁴. Автор письма Александр Хаимович Зингерман прошел почти всю войну, был несколько раз ранен. Последнее письмо сестре он прислал в марте 1945 г., дальнейшая его судьба неизвестна.

Органы местной власти на освобожденной территории начали очень скоро получать многочисленные запросы от эвакуированных и военнослужащих о судьбе их родных в годы оккупации. Однако за редким исключением ответы оказались неутешительными. Лейтенант Михаил Миркин летом 1944 г. писал в Черею Витебской области: «Дорогие папа и мама! Пишу с надеждой, что вас здесь нет. Если же получите письмо, то непременно ответьте, хотя бы два слова: “Мы живы”»⁶⁵. Письмо адресату вернул начальник местной почты. В ответе говорилось, что Миркины погибли от рук немцев 6 марта 1942 г. при истреблении еврейского населения, и среди них родители Михаила Сара и Лазарь, сестра Ася, братья Боря и

⁶² Из письма Якова Ароновича Гузмана от 25 ноября 1943 г.

⁶³ Из письма Александра Хаимовича Зингермана из г. Горького Доне Хаимовне (Доре Михайловне) Самойлович на рудник Кок-Янгак Джалаабадской обл. Киргизской ССР от 12 марта 1944 г.

⁶⁴ Книга скорби Украины. Донецкая область. Т. 2 / Под ред. И.О. Герасимова. Донецк, 2001 г., с. 701-702.

⁶⁵ Письмо Михаила Миркина из Куйбышева Лазарю и Саре Миркиным в Черею от 29 июня 1944 г.

Гриша⁶⁶. В сентябре 1944 г. секретарь Свислочского сельского Совета Осиповичского района Минской области Бурак, отвечая на запрос красноармейца Гельфанда о судьбе Я.Ц. Литвина и Г.З. Баданина, сообщала, что в октябре 1941 г. они и члены их семей были замучены «фашистских извергами» в ходе акции массового уничтожения⁶⁷.

Письма соседей

Одними из самых достоверных считались свидетельства очевидцев-неевреев. Немцы не скрывали от белорусов и русских, украинцев и литовцев планов в отношении евреев и не боялись убивать при них невинных и безоружных женщин, старииков и детей. Рассказы местных жителей содержали подробности жизни в гетто, унижений и надругательств, которым подвергали узников, грабежа их имущества, страданий от голода, холода и болезней. Это касалось не только евреев, но и членов их семей неевреев, включая детей от смешанных браков.

Григорий Жога весной 1944 г. сообщал Розалии Кричевской, что радость освобождения Феодосии была омрачена рассказами о злодеяниях, совершенных «фашистскими зверями, злодеями и варварами». Марию Моисеевну Шик (супругу Г. Жога) 2 февраля 1944 г. румынские жандармы увезли в Симферополь под предлогом отправки в исправительно-трудовой лагерь. Григорий пояснял, что в отношении евреев «переселение» означало расстрел: «Роза и Вова подлежали уничтожению как дети евреек, а заодно и мы, их мужья. Но я твердо решил идти к месту сбора вместе с детьми. Еще день-два, и все бы погибли». Массовые расправы над евреями Феодосии произошли 1 декабря 1941 г., когда каратели и их по-

⁶⁶ М. Миркин. *От Черни до Чикаго*. Иерусалим, 2013 г., с. 7.

⁶⁷ Запрос Гельфанда о судьбе Янкеля Цаловича Литвина и Герусия Зиселевича Баданина в Свислочский сельсовет Минской области от 14 сентября 1944 г.

собники расстреляли 900 чел., и 12 декабря 1941 г., когда погибли 600 крымчаков. Затем, после неудачного десанта Красной армии в январе 1942 г., расстреляли русских мужей и жен, состоявших в браке с евреями⁶⁸. Григорий Жога пытался найти в себе силы, чтобы пережить это горе ради детей: «Это письмо насыщено нашими слезами, нашим невероятным горем. Но падать духом нельзя, нужно жить ради детей. Но мне тяжело»⁶⁹.

Дора Моисеевна, Надежда Моисеевна и Исаи Григорьевич Пекеры, эвакуировавшиеся в Казахстан, получили письмо от своей соседки из Керчи в марте 1942 г. в котором они прочитали: «Как тяжело! Ваших дорогих и незабвенных родных я проводила. Все плакали до изнеможения, хотя они и не знали, что их убют, а думали, что их куда-то вышлют. Бабушка радовалась, что хоть вы все выехали, а Аньота горевала, что ее вылечили для тяжких страданий»⁷⁰. И далее: «27 ноября 1941 г. по городу был расклеен приказ всем евреям Феодосии и окрестностей под угрозой смерти явиться 1 декабря 1941 г. до 12 часов дня на Сенную площадь “для переселения”. С собой можно было взять только личные вещи и запас продуктов на два дня. У Белоцерковской должен был родиться ребенок, и она не пошли на площадь, но ее все равно нашли и увезли в тюрьму, там она родила, и ребенок умер. Всех собранных евреев расстреляли у противотанкового рва в районе завода “Механик”. Похоронить Ваших родственников не представляется возможным – из 7 тыс. трудно выбрать. Им сделана братская могила»⁷¹.

⁶⁸ *Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10, Nuremberg, October 1946 – April 1949 (Green Series)*. Washington, 1951. Vol. 10, p. 1259.

⁶⁹ Из письма Григория Жоги Розалии Кричевской от 17 апреля 1944 г. // Личный архив Григория Рейхмана (Ашдод).

⁷⁰ Из письма соседки (фамилия не сохранилась) из Керчи в Алмату от 3 марта 1942 г. // Из личного архива Биньямина Зельцера (Ашдод).

⁷¹ Там же.

Илларион Селицкий из местечка Зембин Минской области сообщал соседям Абрамовичам, что 18 августа 1941 г. отца, мать, сестру и dochь Абрамовичей забрали «немецкие гады», которые расстреляли все еврейское население местечка – 816 чел.⁷² Ури Финкелью⁷³ правду о трагической судьбе его родных рассказал ксендз Раковского костела Александр Ганусевич: «К сожалению, я напишу только о самых грустных новостях. Отец Ваш и сын Исаак были доставлены в Минск и там убиты. Сестры Ваши Элко и Липши умерли в Ракове. Дочери Ваши также умерли в Ракове, уцелел только один сын Мошка, который живет в семье Каганов»⁷⁴.

Соня Нисенгольц из местечка Городок в Каменец-Подольском районе писала, что в Купине после ухода немцев⁷⁵ не осталось ни одного еврея: «Ужас охватывает смотреть, как уничтожили всех и все. Никто с Купина не эвакуировался и некому возвращаться. Я один раз была в Купине, сердце рвалось на куски смотреть на такое уничтожение, но ничего не можем сделать, зарастет уже для нас дорога в любимое место рождения, нам нет больше куда ехать, ни родных, ни друзей, нет никого. Я так волновалась, когда пишу о нашем несчастье, что руки дрожат»⁷⁶. Миша и Катя Токаренко сообщали

⁷² См. письмо И.Ф. Селицкого от 27 июля 1944 г. // Архив музея истории и культуры евреев Беларуси в Минске. Папка «Холокост». Борисовский район, деревня Лисино.

⁷³ Ури Гиршевич Финкель (1896–1957) – еврейский литературный критик, переводчик и литературовед, в годы войны печатался в газете «Эйникайт».

⁷⁴ Из письма Александра Ганусевича Ури Финкелью от 30 августа 1944 г.

⁷⁵ Купин – село в Городокском районе Хмельницкой области, Украина. По переписи 1897 г. 96,5% (1 тыс. 351 чел.) – евреи, на 1926 г. – 1 тыс. 89 евреев. В августе 1942 г. более 300 евреев были расстреляны и погребены на еврейском кладбище.

⁷⁶ Из письма Сони Нисенгольц из местечка Городок Каменец-Подольского р-на УССР Эстер Розенвасер в д. Алмачи Можгинского р-на Удмуртской АССР от 17 апреля 1945 г.

Мостинским: «Ваш пapa погиб со всеми соседями от варварской руки мерзавца Гитлера, устроившего жестокий смертельный террор по всей Одессе»⁷⁷. Далее шло перечисление семей погибших соседей: Янкелевские, Гомбарины, Юзопольские, Орловы, Глузские, Гольденшлюгер, Гольденурик, Бершанские, Будянские, Свердловы, Элемпорт, Капер, Перемберг, Ленчик и др. Понимая, что случившееся непоправимо, но нужно найти силы жить дальше, Токаренко пытались неумело успокоить Мостинских: «Переживание тяжелое, но не забывайте, что легче читать вам это письмо, чем нам здесь было видеть перед нашими глазами смертельные ужасы. Войдите в наше положение, у нас половина здоровья отнято навеки от переживания и смерти перед нашими глазами»⁷⁸. В самой Одессе во второй половине октября – начале ноября 1941 г. было убито около 30 тыс. евреев. Кроме того, еще примерно 60 тыс. евреев были депортированы из Одессы в конце октября 1941 г. в Богдановку и в первой половине 1942 г. в район Березовки, где почти все они погибли (всего около 90 тыс. одесских евреев)⁷⁹.

Ф.Я. Тарло из поселка Акбулак Оренбургской области в России делился сведениями с Эдди Пивенштейн о судьбе их родных в Виннице: «К великому горю я вам должен писать, что ваши родители, а также Сроил с женой, Инда с мужем, Энца с семьей и Мира с ребенком погибли от рук немецких бандитов. Остался живой только муж Миры – Н. Лахтерман... <...>. Мать Лени тоже убита, все они погибли в один день с моей Фримой 19 августа 1942 г. М... и Бранця, и Арон и их

⁷⁷ В годы оккупации в Одессе, по разным оценкам, погибло от 60 до 80 тыс. евреев. См.: А.А. Черкасов. *Оккупация Одессы. Год 1941: Очерки*. Одесса, 2007 г., с. 88, 129.

⁷⁸ Из письма Михаила и Екатерины Токаренко из Одессы на станцию Или Туркестанской железной дороги, лесозавод Турксиба Алма-Атинской обл., 1944 г., без точной даты.

⁷⁹ A. Kruglov, K. Feferman. “Bloody Snow. The Mass Slaughter of Odessa Jews in Berezovka Uezd in the First Half of 1942” // *Yad Vashem Studies*. 2019. Vol. 47. No. 2, pp. 14-44.

семьи тоже погибли уже 15 октября 1942 г.»⁸⁰ Всего в Виннице за годы немецко-румынской оккупации от рук нацистов и их пособников было убито и замучено не менее 30 тыс. евреев⁸¹.

Одновременно с рассказом о Холокосте нееврейские соседи писали о терроре и преследованиях, которые им самим пришлось пережить во время оккупации. Белорусов и украинцев немцы лишали крова, забирали имущество, вывозили на принудительные работы, унижали и убивали. В июле 1944 г. Илларион Селицкий писал, что в течение трех лет белорусы в Зембине «были блокированы и трижды палены, и каждый... расстрелян»⁸². Н.Е. Богатырева из Витебска сообщала своему сыну А.В. Богатыреву⁸³, что немцы отняли у них все: «Они убили папу Василия Дмитриевича, который умер от разрыва сердца после избиения сапогами. Нет крова, дом и все имущество сгорело, в лагерях отняли последнюю одежду и обувь. Мы с бабушкой возвратились с лагерей из-под Лепеля. Шли пешком 150 км голые и босые, жить очень трудно, много тяжелых воспоминаний»⁸⁴. В августе 1944 г. Мария Ваганова из Минска писала в Красную армию своему мужу Давиду Пинхасику о гибели племянницы Веры. Каратели арестовали

⁸⁰ Из письма Ф.Я. Тарло из поселка Акбулак Чкаловской (ныне Оренбургской) области Эдди Пивенштейн, г. Анжерка Кемеровской обл. от 19 июля 1944 г.

⁸¹ А. Круглов. *Катастрофа украинского еврейства 1941–1944 гг.* Харьков, 2001 г., с. 68.

⁸² Из письма И.Ф. Селицкого от 27 июля 1944 г. // Архив музея истории и культуры евреев Беларуси в Минске. Папка «Холокост», Борисовский район, деревня Лисино.

⁸³ Анатолий Васильевич Богатырев (1913–2003) – белорусский советский композитор и педагог, в годы войны эвакуирован в Свердловск, работал проректором консерватории, написал канканы «Ленинградцы» (1942 г.) и «Белорусским партизанам» (1943 г.), в августе 1944 г. вернулся в Минск.

⁸⁴ Из письма Н.Е. Богатыревой из Витебска А.В. Богатыреву в Москву от 24 июля 1944 г. // БГАМЛИ, ф. 190, оп. 2, д. 273.

девушку 24 июня 1944 г., а 27 июня 1944 г. в этом районе уже не было немцев. Далее в письме приводились подробности истязаний, которым она была подвергнута: «Веру избили настолько, что она собственной кровью написала записку. Потом на нее натравили собак, которые... (зачеркнуто. – Л.С.), затем выломали руки и, не добившись ни слова, распяли на стене сарай. Так она и скончалась. Боже мой, какая сила таится в человеке! Осталась девочка пяти лет, которую я забрала к себе»⁸⁵. Однако ни в одном письме не говорилось о том, что каратели подвергали преследованиям гражданское население титульной нации не за их национальное происхождение, а в качестве возмездия за поддержку партизан. Сотни сожженных деревень, десятки тысячи убитых мирных жителей Беларуси, включая стариков, женщин и детей, вывоз молодежи в Германию – вот цена, которую заплатили невинные люди в качестве возмездия за действия партизан против нацистов.

Однако далеко не все соседи выражали сочувствие евреям, потерявшим своих родных и близких. Песя Йохельсон писала своему мужу Овадию осенью 1944 г.: «Наши леса и поля орошены кровью невинных людей, убитых не на поле брани, а обдуманно и расчетливо немецкими извергами. Соседи в письмах не выражают этого страшного несчастья. Нет у литовцев к нам ни сочувствия, ни внимания»⁸⁶.

По свидетельству Элеоноры Тубеншляк, с приходом немцев 16 октября 1941 г. сестру ее отца Бусю с двумя дочками Софочкой и Дорочкой приютила одна женщина, жившая на лимане, выдав за свою племянницу. Однажды перед самым освобождением Одессы ее случайно встретил бывший дворник, который выдал Бусю с детьми, и они погибли⁸⁷. В Ново-

⁸⁵ Из письма Марии Вагановой Давиду Пинхасику от 25 августа 1944 г.

⁸⁶ Из письма Песи Йохельсонене из с. Дебесы Удмуртской АССР Овадию Натановичу Йохельсону от 10 октября 1944 г.

⁸⁷ Письмо Элеоноры Тубеншляк из Галле (Германия) Л. Смиловичкому от 13 февраля 2013 г.

украинке⁸⁸ осталась в живых только одна Фира Сухолидко, которая вышла замуж за украинца. Сразу после прихода немцев она отнесла годовалого сына к родителям мужа в деревню. У Фиры были густые черные волосы, карие глаза и белое лицо. Ничего семитского. Родители мужа отдали все ценное, что у них было, и получили для Фиры «настоящий» аусвайс, с которым женщина решила уехать. Но в поезде к ней подошел бывший соученик и спросил, что здесь делает «жидовка Фира». Женщина бросилась бежать, спрыгнула с поезда на полном ходу и стала калекой, но выжила⁸⁹.

Знание о трагедии было необходимо эвакуированным и солдатам Красной армии, чтобы строить планы на будущее, например, возвращаться в родные места или нет? Узнавать об этом было очень трудно, но горькая правда все же лучше, чем неизвестность и неопределенность. Давид Райхман в ноябре 1942 г. писал своей матери в Бухару, что получил известие от сестры Ханы о том, что в Турове у них больше ничего нет и туда незачем ехать: «Дорого место, где прожили столько лет. Но война научила нас не жалеть о таких вещах. Слишком многое мы все потеряли, чтобы жалеть о доме»⁹⁰.

Элишева Канцедикас сообщала своему мужу, старшему лейтенанту Соломуну Канцедикасу, что она получила письмо от их общего знакомого Шера, который в Москве встречался с Сусанкой и Суцкевером⁹¹. Они писали, что ужасы, которые стали известны, не пересказать и не понять человеческим умом. Шер заканчивал письмо словами: «Я считаю, что в Вильно нам нечего ехать, там кладбище»⁹². В сентябре 1944 г.

⁸⁸ Село Новоукраинка Бильмакского р-на Запорожской обл.

⁸⁹ См. письмо Э. Тубеншляк Л. Смиловичкому 3 февраля 2013 г.

⁹⁰ Из письма Давида Райхмана матери в эвакуацию в Бухару от 2 ноября 1944 г.

⁹¹ Авром (Абрам Герцевич) Суцкевер (1913–2010) – идишистский поэт, участник подполья в Вильнюсском гетто, в сентябре 1943 г. с отрядом участников он добрался до Нарочанских лесов в Беларуси, в 1946 г. выступал свидетелем на Нюрнбергском процессе.

⁹² Слова «евреи», «гетто», «геноцид» в письме не упоминаются.

Шер в письме Элишеве выражал сомнение, стоит ли вызывать отца из Башкирии, поскольку у него исчезла охота ехать в Вильно⁹³. Еще через два месяца Элишева сообщала в письме Соломону, что в их квартире живут теперь люди, прибывшие из эстонского лагеря смерти Клоога⁹⁴: «Они спаслись благодаря тому, что советские войска были уже близко и немцы удрали, не успев их дожечь на кострах, как они сделали со всеми остальными. Многое непонятно, страшно»⁹⁵.

Возвращение из эвакуации приводило к поиску ответов на вопрос: как вели себя при немцах нееврейские соседи? Кто из них сочувствовал и помогал, а кто проявил равнодушие или выдавал, кто расхищал имущество и присваивал себе чужие вещи или получал еврейское добро как вознаграждение за помочь нацистам в поиске и избиении евреев? В отличие от стран Западной Европы, советских евреев никуда не депортировали, а убивали на месте, в окрестном лесу, на кладбище, в колхозном поле, а их нееврейских соседей заставляли доставлять узников к месту гибели, а потом закапывать трупы.

⁹³ Из письма Д.З. Шкляринского Элишеве Канцедикас от 14 сентября 1944 г.

⁹⁴ Клоога – концентрационный лагерь недалеко от поселка Клоога, в 38 км от Таллина. В 1943–1944 гг. в лагерь были доставлены несколько сот евреев из гетто Каунаса, Вильнюса и концлагеря Саласпилс в Латвии, которые впоследствии трудились на торфоразработках, строительстве и производстве. Здесь также содержались военнопленные, угнанные советские граждане, эстонские политические заключенные. Когда 19 сентября 1944 г. части Красной армии неожиданно прорвались почти к самому лагерю, немецкое командование приказало расстрелять все 2 тыс. узников, которых погнали на ж-д. станцию Клоога, куда накануне привезли дрова. Узникам было приказано взять по одному полену и нести к месту расстрела, где потом из трупов разожгли костры. Немцы покинули лагерь в ночь на 20 сентября 1944 г.

⁹⁵ Письмо Элишевы Канцедикас Соломону Канцедикасу от 6 декабря 1944 г.

Судьба присвоенного имущества и жилищ была очень важна для тех, кто собирался вернуться на родину. Для людей, переживших личную трагедию, потерявших всех близких, это означало не только восстановление справедливости, но и возможность скорее отстроить разрушенный очаг, выжить в условиях послевоенной разрухи и всеобщей нехватки предметов первой необходимости, одежды, обуви, предметов гигиены, лекарств. Любая сохранившаяся вещь обладала повышенной стоимостью. Ее можно было продать, обменять, рассчитаться ею за услугу, использовать как вознаграждение или в качестве взятки. Вот почему в письмах так много внимания уделяется этой теме: сохранился ли дом (квартира), целы ли вещи, и если да, то у кого они? На этом основании предстояло принять главное решение – стоит ли возвращаться вообще, нужно ли тратить силы, чтобы вдохнуть жизнь в старое место, превращенное в пепелище и кладбище, или покинуть его навсегда и начать все сначала в другом городе или даже республике?

Пекеры, эвакуированные в Казахстан, узнали от земляков, что нацисты опечатали все еврейские квартиры, сараи и дома и объявили, что все, кто их вскроет, будет публично расстрелян, а потом туда вселялись немцы и грабили: «Стыдно сказать, но и наши жители не стеснялись и позорно грабили. Из ваших вещей у меня стол, кровати, шифоньер, буфет, пианино и гардероб разобран и лежит в коридоре. Буду жива, все сохранию»⁹⁶. Ф.Я. Тарло писала Эдди Пивенштейн: «Дома все разобраны, ваш дом и дом Лейбы, и мой. Было бы хорошо, чтобы кто-то из вас приехал сюда, поговорим обо всем, а также относительно вещей»⁹⁷. Марлена Константиновна Мисник сообщала в письме своей знакомой Бэле, что деревня Чернявка (Могилевская область), откуда она эвакуировалась, сгорела, но улицы Заборецкая, Каровченская и Алютинская остались целы. И далее: «В вашем доме кто-то поселился из чернявских

⁹⁶ Из письма соседки (фамилия не сохранилась) из Керчи Доре Моисеевне Пекер от 3 марта 1942 г.

⁹⁷ Из письма Ф.Я. Тарло Эдди Пивенштейн от 19 июля 1944 г.

мужиков. Полицаи Егор Лександрин (сосед) и Роман Шашков хозяйничали в Чернявке. Старостой волости был Гаравой – мерзавец ужасный. Если бы ты знала, как он издевался над Хавой Ноткиной. Свет не слышал такого зверства. Писать много можно, но пока хватит, сердце не выдерживает, когда все припомнишь»⁹⁸.

Григорий Исаакович Пугач сообщал матери, сестрам Риве, Броне и брату Леве, что побывал в Поддобрянке, которую стало трудно узнать. Очень многих домов не стало, одни сгорели, а другие перевезены в Марковичи, Галичево и другие села: «Наш дом уцелел, но без хозяев осунулся. Живут в нем крестьяне из Гадичева. Купили они дом за 650 руб. у местных (немецких. – Л.С.) властей. Сарай наш был разобран и пошел на дрова, но сейчас новые хозяева дома построили два сарая и кирпичный погреб. Мною составлен акт на сохранение дома и других построек, которые будут принадлежать нам. Акт этот я посыпаю вам в этом письме»⁹⁹. И далее: «Нардом разобран и распродан, магазины также, школы обе тоже проданы и увезены. Самые лучшие дома увезены из Поддобрянки, а осталось очень мало домов. На нашей улице дом Нарынских, Фукиных (одна половина) свезены в Марковичи, Хрыстин дом, другая половина дома Рукиных и все остальные дома до Сиротина сгорели. Дом Левитиных, Телешевских, Родиных, Ханиных, Гандлиных и бывшая почта – стоят. Кое-что из нашей мебели у Хрысти, которая живет в Цыпином доме; но одно ясно – никто не надеялся на возвращение советской власти и поэтому не ожидал, что мы отзовемся, и почти все, а вернее, все барахло пропало»¹⁰⁰.

Имущество Литвина и Баданина в Свисочи Минской области было разграблено, но жилые постройки сохранились.

⁹⁸ Из письма Марлены Константиновны Мисник из Горького от 1944 г., без точной даты // Архив музея истории и культуры евреев Беларуси.

⁹⁹ Из письма Григория Исааковича Пугача от 8 ноября 1943 г.

¹⁰⁰ Там же.

В доме Литвина разместился сельсовет, а дом Баданина был занят частными жильцами¹⁰¹. Юрий Пинский делился с женой Гисей, что их дом в Киеве сохранился, как и сам город, только Крещатик и прилегающие к нему улицы разбиты: «Город, как до войны, многолюден и живет полной жизнью, все есть, всего вдоволь можно достать и относительно недорого, нет только евреев»¹⁰². Крещатик представляет собой центральную улицу Киева, которая начинается от Европейской площади и до площади Независимости и заканчивается Бессарабской площадью¹⁰³. Согласно справке бывшего начальника инженерной службы штаба обороны г. Киева майора М. Чукарева «Инженерное обеспечение обороны Киева в 1941 г.», здания в городе минировали отступавшие части Красной армии¹⁰⁴. Взрывы были настолько мощными, что центр города выгорел полностью. Через несколько дней, 27–29 сентября 1941 г., немецкий комендант Киева Курт Эберхард воспользовался поджогом Крещатика как формальным поводом для уничтожения евреев Киева в Бабьем Яру.

Жажда расплаты

Трагедия Холокоста требовала возмездия. Полковник Хаим Мордухович Шкляр писал в 1942 г. жене Раисе Исааковне Пастернак, что его разбирает страшная злость и хочется бить немцев за все разрушенное и уничтоженное: «Лично о себе могу писать одно, что свою роль я выполняю и свою фамилию

¹⁰¹ Из ответа на запрос М.Б. Гельфанд о судьбе Янкеля Цаловича Литвина, Герусия Зиселевича Баданина, Свислочский сельсовет от 14 сентября 1944 г.

¹⁰² Из письма Юрия Хацкелевича Пинского из Киева Г.И. Пинской в г. Копейск Челябинской обл. от 19 июля 1944 г.

¹⁰³ Сообщение ЧГК СССР «О разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Киеве» // *Красная звезда*. 1944 г. 29 февр., с. 2.

¹⁰⁴ Центральный государственный архив общественных объединений Украины, ф.166, оп. 3, д. 372, л. 22.

никогда не осрамлю»¹⁰⁵. В 1943 г. Хаим, поздравляя с днем рождения своего сына Володю, которому исполнилось 8 лет, отмечал, что в этот день он постарается организовать дело так, чтобы убить больше немцев, так как теперь это самый лучший подарок: «Уничтожая немцев, мы создадим для наших деток такие условия, что они сумеют в нашей свободной стране расти счастливыми, для них будут снова открыты все дороги будущего»¹⁰⁶. Шевах Лапидус в августе 1944 г., обращаясь к родным, писал: «Где наши родители, братья, сестры? ...кровь стынет в жилах, и пальцы невольно сжимаются в кулаки при одном воспоминании, что наших дорогих и близких нет больше среди нас. После перенесенных горя и страданий мне смерть не страшна, и не боюсь я ее. Но я хочу жить, чтобы мстить, пока последний фашистский головорез будет уничтожен»¹⁰⁷.

Моисей Гинзбург сообщал родителям в Баку в феврале 1945 г., что он уже находится в Германии: «Мы пришли, чтобы покарать злодеев за все, что они сделали у нас. Мы должны заставить этот народ ползать в ногах и повиноваться нашему знаку. И мы это сделаем. Мы отобьем у них охоту воевать, охоту делать это навсегда»¹⁰⁸. В марте 1945 г. Моисей продолжал писать, что не было семьи, не потерявшей своих близких: «Тем больше у нас ненависти к противнику – это оружие можно приравнять к артиллерии»¹⁰⁹. Ненависть – это тяжелое оружие «Мы не дадим немцам жить. Только некоторые из них останутся существовать (а не жить), чтобы отработать награбленное. Дохлых фрицев я рассматриваю на дорогах как какой-

¹⁰⁵ Из письма Хайма Мордуховича Шкляра Раисе Исааковне Пастернак от 1943 г. и 1944 г., без точной даты.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Из письма Шеваха Львовича Лапидуса от 17 августа 1944 г.

¹⁰⁸ Из письма Моисея Гинзбурга родителям в Баку от 2 февраля 1945 г.

¹⁰⁹ Из письма Моисея Гинзбурга в Баку от 7 марта 1945 г.

нибудь камень, в то время как убитая собака вызывает жалость»¹¹⁰.

Понять авторов этих писем нетрудно. У каждого из них был собственный счет к нацистам. Однако, оказавшись в Германии, советские евреи в военных шинелях не поддавались слепой ненависти. Сводить счеты с мирным населением, безоружным и беззащитным они не стали. Гражданское население Германии не оказывало сопротивления, оно было духовно сломлено. В письмах фронтовиков появились строки, в которых звучали не только злорадство, но и сочувствие. 5 февраля 1945 г. Моисей Гинзбург писал, что «герры» и «фрау» дрожат, когда советские солдаты входят в их деревни и города. Наслушавшись гебельсовской пропаганды, они ожидали встретить орду грабителей и убийц... Но солдаты Красной армии – это не немцы, они не убивают детей, стариков, женщин¹¹¹.

Таким образом, в годы советско-германской войны в обыденном сознании современников между словами «немец» и «фашист» стоял знак равенства. Военные преступления – это не только многочисленные человеческие жертвы, но и разрушенные гражданские объекты, уничтоженная инфраструктура, сожженные жилые дома. Германский нацизм оказался не в состоянии осуществить свои планы, не прибегая к военным преступлениям. Однако в народной памяти они были связаны прежде всего с массовыми убийствами и индивидуальным насилием, часто немотивированным, сопровождавшимся садизмом. Народная память не нуждается в официальной статистике, она имеет свое видение человеческой трагедии. Она дает объяснение военным преступлениям как явлению антигуманному, аморальному, не имеющему precedента по масштабам и жестокости. Частная переписка 1941–1945 гг. между фронтом и тылом помогает почувствовать войну изнутри через переживания людей, понять психологический надрыв, крушение судеб, проявления геройства и человеческой низости.

¹¹⁰ Из письма Моисея Гинзбурга в Баку от 7 марта 1945 г.

¹¹¹ См. письмо Моисея Гинзбурга от 5 февраля 1945 г.

Письма будят эмоции и вызывают размышления. Свидетельства о военных преступлениях, нашедшие отражение в письмах, дневниках и воспоминаниях солдат Красной армии и членов их семей, представляют собой бесценное дополнение архивных документов.

Опубликовано:

Л. Смиловичский. «Холокост – как военное преступление». На материалах писем и дневников советских евреев // *Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века: Сборник научных статей*. Москва, 2021 г., с. 79-105.

Судьба Минского гетто

Минское гетто стало символом Катастрофы всего белорусского еврейства – самое большое гетто (около 100 тыс. узников, включая беженцев) на территории Беларуси, которое просуществовало дольше других (до 21 октября 1943 г.). Минск был захвачен 28 июня 1941 г., а приказ о создании гетто вышел уже 19 июля. Переселение закончилось к началу августа 1941 г. Сначала оккупационные власти планировали возвести кирпичную стену вокруг гетто, но потом только окружили его рядами колючей проволоки. Двое ворот охраняли белорусская и еврейская полиция. Площадь гетто в Минске составляла 2 кв. км, включая 40 улиц и Юбилейную площадь, где в бывшем здании Советского районного отдела милиции находился юденрат. Здания в гетто были одноэтажными и деревянными. С 1942 г. номер дома, где жил узник, вписывали в его желтую лату, которую нашивали на одежду спереди и сзади.

В начале осени 1941 г. в гетто Минска уже находилось уже около 80 тыс. чел. (55 тыс. из Минска и 30 тыс. из окрестных местечек). Жилая площадь на одного человека составляла 1,5 кв. м. За 28 месяцев в Минском гетто прошло 5 массовых акций уничтожения, после каждой из которых его численность постепенно уменьшалась.

Повседневная жизнь в Минском гетто отличалась большими трудностями и опасностями, чем во многих маленьких гетто Беларуси. К зиме гетто выглядело ужасно: вокруг Юбилейной площади здания разрушены, деревянные заборы разобраны, столбы выкопаны и использованы для отопления. В большинстве домов стекла выбиты и закрыты тряпками, бумагой или старыми газетами. Продовольствие доставлялось нерегу-

лярно, почти каждую ночь узники подвергались нападениям, которые часто заканчивались убийствами. Время подачи электричества было ограничено, водопровод часто не работал, узники брали воду из колонок, а зимой растапливали снег. У многих были обмороженные лица¹.

Юденрат

В Советском Союзе в силу известных причин передвойной отсутствовала сплоченная еврейская община, поэтому в юденрат, назначенный немцами, попали случайные люди. В Минске юденрат возглавил Илья Мушкин, знавший немецкий язык. Это был бывший работник горпромторга (городской администрации торговли непродовольственными товарами), который поддерживал связь с партизанами, за что в апреле 1942 г. его расстреляли. Мушкина сменил Моисей Иоффе, бывший управляющий фабрики, переведенной в Минск из Вильнюса в 1940 г. Нацисты расстреляли его 18 июля 1942 г. Третьим председателем юденрата стал Эпштейн, польский еврей, который, как считали многие узники, хотел любой ценой спасти самого себя. Юденрату подчинялась еврейская полиция, насчитывающая 200 чел. под началом Залмана Серебрянского. До войны Серебрянский сидел в советской тюрьме за растрату, но остался патриотом, и в гетто он сотрудничал с подпольем. Однако выжившие вспоминали, что еврейские полицейские были не менее жестокими, чем белорусские².

Главной заботой в гетто стало продовольствие. Запасы отброшенных накануне прихода немцев советских складов и

¹ L. Smilovitsky. “The Minsk Ghetto: An Issue of Jewish Resistance” // *Shvut*, Studies in Russian and East European Jewish History and Culture. New Series, No 1-2 (17-18), 1995, pp. 177-199 (Tel Aviv University) <https://drive.google.com/file/d/0B6aCed1Z3JywOEVNTHg5UnZaTUU/view?usp=sharing>

² *Міnsкае гета 1941–1943. Трагедыя. Гераізм. Памяць*: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі 24 кастрычніка 2003 г. Менск, 2003 г.

магазинов быстро кончились. Неработающим узникам продовольственные карточки не выдавали; кормили только тех, кто работал на немецких предприятиях. Юденрат открыл общественную кухню для наиболее обездоленных, где можно было получить подобие супа (баланду) и ломтик хлеба. Возле военных кухонь подбирали картофельные очистки, объедки. Помогал натуральный обмен. Белорусы, которые хотели приобрести в гетто «драгоценные» вещи (рубашка или серебряная ложка), подходили к забору и бросали съестные припасы через колючую проволоку. Обмен продолжался во время работы в «русском» районе. Бывали случаи воровства³.

Нацисты делили евреев на «полезных» и «бесполезных». В ходе селекции они отделяли специалистов и «трудоспособных», а остальных немедленно уничтожали. В Минском гетто отсутствовали фабрики и заводы, но рабочие колонны ежедневно направлялись за пределы гетто. Евреи работали на железнодорожном узле, в строительстве, в швейных, сапожных, химических, оружейных мастерских, которые обслуживали вермахт.

Когда евреи поняли, что нацисты уничтожают в первую очередь тех, кто не работает, матери стали брать с собой на работу маленьких детей, которых прятали возле рабочих мест. Дети все понимали и вели себя тихо. Другие узники пытались переправить детей в русских приютах вне гетто. Когда немцы это выявляли, то детей возвращали в гетто или убивали на месте⁴.

³ Память и время: Сборник воспоминаний и материалов. Под редакцией В.Н. Акопяна / Музей истории и культуры евреев Беларуси. Минск, 2014 г.

⁴ B. Epstein. *The Minsk ghetto 1941–1943: Jewish Resistance and Soviet Internationalism*. Berkeley: University of California Press, 2008.

Иностранные евреи

Осенью 1941 г. в Минск начали привозить евреев из Германии, Австрии, Голландии, Чехии, Венгрии, Франции, Польши (7 тыс. чел.), а всего к маю 1942 г., по разным оценкам, от 26,5 до 55 тыс. евреев из 7 стран Европы. Первый транспорт прибыл в Минск из Гамбурга, и, хотя следующие транспорты с евреями были из Дюссельдорфа, Франкфурта-на-Майне, Берлина, Брно, Бремена и других мест, иностранное гетто в Минске продолжали называть «гамбургским». Вскоре выяснилось, насколько привезенные евреи беспомощны, ведь они не знали русского или белорусского языка и, значит, не могли вступить в общение и попросить помощи у местного населения, мало кто из них был приспособлен к физическому труду, они не имели запасов вещей для обмена на продовольствие, страдали от незнакомых болезней, воздействия климата и пр. При этом немецкие евреи, подвергнутые нацистской пропаганде, относились свысока к белорусским соплеменникам, обвиняли последних в сотрудничестве с советской властью и считали их виновниками войны Гитлера против СССР⁵.

Вместе с тем были примеры успешной совместной борьбы – Ильза Штейн и Лиза Гуткович организовали побег к партизанам 25 узников с оружием при помощи гауптмана Вилли Шульца⁶.

Сопротивление в Минском гетто

Меньше известна другая, героическая страница народной трагедии. Евреи приняли самое активное участие в партизанском движении Беларуси, которое нацисты не без основания считали еврейским (большую часть первых партизан составля-

⁵ К. Хеккер. *Немецкие евреи в Минском гетто* / Пер. с нем. Историческая мастерская. Минск, 2007 г.

⁶ Л. Смиловичский. *Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944*. с. 62.

ли коммунисты, партработники, военнопленные и евреи). Подполье, возникшее в Минском гетто, было уникальным. Первая подпольная организация сформировалась уже через три недели после создания гетто и активно действовала до его последних дней.

На начальном этапе еврейское подполье существовало самостоятельно, поскольку советское и партийное руководство республики, покинувшее город тайно вечером 24 июня 1941 г. без объявления эвакуации, не оставил себе замены.

Сопротивление в гетто возглавили члены Коммунистической партии Западной Беларуси (КПЗБ), имевшие богатый опыт подпольной работы в Польше накануне войны. Гирш Смоляр был секретарем КПЗБ в Барановичах, Слониме и Белостоке, Яков Киркаешта из Румынии, Меир Фельдман – из Вильнюса. Они нашли поддержку у «советских» евреев – жителей Восточной Беларуси, среди которых были лидерами Борис Хаимович, Нотке Вайнхойц, Шай Шитман. Еще одну группу возглавил Наум Фельдман, старый коммунист, участник гражданской войны.

Основное внимание уделялось не вооруженному сопротивлению, а сохранению жизни в условиях геноцида:

- спасение узников и перевод их в лес для участия в партизанской войне;
- борьба с паникой и поддержание веры в победу Красной армии;
- налаживание связи с коммунистами «русского» района Минска;
- сбор разведывательных сведений и распространение сводок Совинформбюро;
- поиск оружия, одежды и лекарств с целью помочь узникам оставить гетто и при первой возможности перейти в лес к партизанам.

Минск находится среди больших лесных массивов, что вселяло надежду на спасение. В декабре 1941 г. Исаи Пинкусович Казинец и Гирш Давидович Смоляр создали объединен-

ный городской подпольный комитет «русского» района и гетто Минска. Юденрат помогал с продовольствием, теплой одеждой, регистрировал узников, уходивших к партизанам, как умерших или уничтожал регистрационные карты. По поддельным документам можно было жить, постоянно опасаясь разоблачения, в сельской местности. Не все евреи готовы были отважиться на тяжелую и опасную жизнь в лесу. Многие из тех, кто решился на побег, столкнулись с антисемитизмом и нежеланием протянуть руку помощи со стороны участников движения сопротивления из местных жителей⁷. Последние группы узников покинули обреченное гетто весной и летом 1943 г. В конце октября 1943 г. Минское гетто прекратило свое существование⁸.

Участие евреев в партизанском движении Беларуси

С образованием под Москвой Белорусского штаба партизанского движения (сентябрь 1942 г.) сопротивление приобрело более организованный характер. Евреи, бежавшие из гетто, пополнили целый ряд отрядов белорусских партизан, которые получали помощь с Большой земли. Евреи участвовали в боевых операциях, «рельсовой войне», засадах, выполняли агентурные задания, собирали разведывательную информацию, занимались пропагандистской работой, были врачами, оружейниками, радиистами, заготавливали продукты, работали в партизанских прачечных, сапожных и портняжных мастерских, ухаживали за ранеными. Одной из форм этой борьбы стали еврейские семейные лагеря и отряды, не имевшие анало-

⁷ L. Smilovitsky. “Anti-Semitism in the Soviet Partisan Movement, 1941–1944: The Case of Belorussia” // *Holocaust and Genocide Studies*, 2006, issue 20(2): pp. 207-234.

<https://drive.google.com/file/d/0B6aCed1Z3JywcXN4VWJKQjdURUk/view?usp=sharing>

⁸ Abram Rubenchik, *The Truth about the Minsk Ghetto*, Tel Aviv, 1999.

гов в других странах Европы. Наиболее известными оказались отряд № 106 Шолома Зорина и отряд братьев Бельских⁹.

Только на базе одного Минского гетто были созданы и в значительной степени пополнены 9 партизанских отрядов и партизанский батальон: отряд им. Кутузова, отряды им. Лазо, им. Буденного, им. Фрунзе, 25-летия Октября, им. Пархоменко, им. Щорса, отряды № 106 и 406, первый батальон 208-го отдельного партизанского полка. После освобождения Беларуси в июле 1944 г. многие евреи-партизаны добровольно вступили в Красную армию и воевали до окончания Второй мировой войны¹⁰.

В 1943–1944 гг. евреи входили в состав большинства партизанских формирований Беларуси. В Барановичской области из 695 бойцов и командиров бригады им. Ленина 202 были евреи; в бригадах «Вперед» и им. Чкалова соответственно: 579 и 106, 1 тыс. 140 и 239 чел. Всего в 15 бригадах Барановичской области воевало 8 тыс. 493 партизана, из которых белорусы составляли 46,8%, евреи – 12,4%, а поляки – 1,3%¹¹.

В республике в годы войны партизанские бригады возглавляли 2 еврея, комиссарами партизанских бригад были 4 еврея, начальниками штабов бригад – 7 евреев, комиссарами отрядов – 32, начальниками штабов отрядов – 21, партизанскими отрядами командовали не менее 18 евреев¹².

К моменту освобождения республики в июле 1944 г. в Лидской партизанской зоне насчитывалось 4 тыс. 852 партизана, из которых 48,9% составляли белорусы, 28% – евреи, 0,5%

⁹ P. Duffy. *The Bielski Brothers: The True Story of Three Men Who Defied the Nazis, Built a Village in the Forest, and Saved 1,200 Jews*, Harper Perennial, New York, 2004.

¹⁰ Z. Barmatz. *Heroism in the Forest: The Jewish Partisans of Belarus*. Anna Mowszowski (translation from Hebrew). Israel, 2013.

¹¹ НАРБ, ф. 3500, оп. 4, д. 241. Т. 2, л. 311 (проценты подсчитаны автором).

¹² И.А. Альтман. *Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР*. Москва, 2002 г., с. 254.

– поляки. Показателен и анализ источников пополнения партизанских формирований: 67 чел. прислали из-за линии фронта, 225 чел. вышли из окружения, 505 чел. бежали из плена, 313 чел. дезертировали из полицейских формирований и перешли на сторону партизан, 2 тыс. 404 – окрестные жители, 124 пришли «из леса и от хозяев», а 1 тыс. 196 – из гетто¹³.

Правду об участии евреев в партизанском движении в годы войны скрывали. Советская историография даже не отмечала такого явления. Об этом рассказали бывшие еврейские партизаны и историки в Израиле, США, Европе. Они опубликовали свои дневники, воспоминания, написали монографии. Моше Каганович издал в Италии в 1946 г. свою книгу на идиш, а в 1952 г. в Аргентине на английском. О партизанах из Минска писали Гирш Смоляр и Яков Гринштейн, о партизанах в Налибокской пуще¹⁴ – братья Бельские (Тувья, Асаэль, Зусь и Арон), о еврейском сопротивлении писал израильский историк Шолом Холавский из Несвижа. О восстании в гетто в Лахве – Копель Колпаницкий и Бен-Цион Даган¹⁵. На русском языке в Беларуси издана только книга «Встали мы плечом к плечу...»¹⁶ и перевод с английского языка книги Джека Кагана о партизанах из Новогрудка¹⁷.

В ряде гетто существовали подпольные организации, узники запасались холодным и огнестрельным оружием. Восстание в гетто – это кульминация сопротивления и чаще всего было приурочено к акции массового уничтожения или депортации в

¹³ YVA, M-41, file 124, p. 35 (проценты подсчитаны автором).

¹⁴ Тувья и Зусе Бельские. *Еврейский лес*. Тель-Авив, 1946 г. (идиш).

¹⁵ Ben-Zion Dagan, *We are from the Lakhva Uprising*, Tel Aviv, 2001.

בן-צ'יון דגן, אנו ממרד ל'חבה, תל-אביב 2001

¹⁶ «Встали мы плечом к плечу ...»: Списки евреев-партизан по материалам Национального архива Республики Беларусь / Сост. И.П. Герасимова. Минск, 2005 г.

¹⁷ Д. Каган, Д. Коэн. *Холокост и сопротивление на родине Адама Мицкевича*. Москва, 2011 г.

лагеря смерти. Не менее важно знать: что этому предшествовало? Кто были люди, поднявшиеся на восстание, понимая, что шансов на успех нет или почти нет? Что ими двигало: стремление выжить или дорого продать свою жизнь? Кто им помогал и кто мешал? Всего на оккупированной территории СССР таких восстаний было несколько десятков, в Беларуси известно не менее 9: Слоним – 29 июня 1942 г., Клецк – 21 июля 1942 г., Несвиж – 22 июля 1942 г., Копыль – 24 июля 1942 г., Мир – 9 августа 1942 г., Лахва – 3 сентября 1942 г., Белосток – 16 августа 1943 г. и Глубокое – 29 августа 1943 г.¹⁸

Ликвидация гетто

Акции уничтожения евреев проводились айнзацгруппами и зондеркомандами, полицейскими частями СС, вермахтом и их пособниками уже летом 1941 г.

К началу 1942 г. в Беларуси погибли 250 тыс. евреев. Из них 120 тыс. евреев было убито в зоне военной администрации Беларуси, 60 тыс. чел. – в районах, включенных в рейхскомисариат Остланд, и 70 тыс. чел. – в районах Западной Беларуси, округе Белосток и рейхскомисариате Украина.

Карательные отряды игнорировали позицию немецкой гражданской администрации приостановить расстрелы в гетто как «экономически нецелесообразные». Гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе докладывал в Берлин, что ликвидация евреев наносит экономический ущерб рейху и проводится «недостойными методами». В этой связи остается открытым вопрос о необходимости и своевременности убийства Кубе по заданию Сталина в Минске в октябре 1943 г., ускорившего ликвидацию Минского гетто.

С осени 1943 г. до освобождения республики в июле 1944 г. нацисты расправлялись с евреями, уцелевшими от погромов в гетто и рабочих лагерях (в Колыдчево под Барановичами последних узников расстреляли в марте 1944 г.). Жертвами

¹⁸ Sh. Cholawski. *The Jews of Belorussia During World War II*. Harwood Academic Publishers. Amsterdam, 1998.

каратель стали тысячи евреев, скрывавшихся в лесных семейных лагерях и у партизан.¹⁹

Отношение к истории Холокоста в Беларуси

После провозглашения независимости в 1991 г. отношение к Холокосту в Республике Беларусь значительно изменилось. С одной стороны, был признан геноцид евреев (а не абстрактных «советских граждан» или «мирных жителей»), активное участие евреев в сопротивлении нацистам, сняты запреты на научные публикации о Холокосте, открыты архивы, разрешены конференции, симпозиумы и защита диссертаций. С другой – сохранилась прежняя концепция о геноциде белорусского народа. Это принципиально неверно, поскольку нацисты не убивали белорусов по этническому признаку.

Вместо концептуальных исследований по истории Холокоста выходили книги описательного характера, без объяснения сути явления. Тиражи научной литературы, посвященной трагедии евреев в годы войны, сборников документов, монографий остаются мизерными. При этом белорусские учебники истории посвящают этой теме от нескольких строк до одного абзаца в виде простого упоминания, избегая анализа и объяснения причин. Отсутствуют спецкурсы «История Холокоста в Беларуси», не проводятся научные конференции под эгидой государственных ведомств. Обратным примером могут служить соседи Беларуси – Россия, Украина, Молдова, страны Балтии, не говоря уже о Германии, Польше, Болгарии, Румынии, Чехии и Словакии, где на исследования по Холокосту выделяют средства из государственного бюджета. Без сомнения, уроки прошлого влияют на будущее Беларуси и ее народа, и оставлять без внимания этот непреложный факт неразумно²⁰.

¹⁹ И.А. Альтман. *Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945 гг.* Москва, 2002 г., с. 87-90. |(Сер. *Анатомия Холокоста*).

²⁰ L. Smilovitsky."Attitude to the Holocaust in the Soviet Union and Present-day Belarus" // *Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska*,

Необходимые шаги в изучении Холокоста

Самое главное – необходимо признать, что Холокост является составной частью трагедии Беларуси в годы войны, и его проблематику необходимо включить в общий комплекс изучения истории Великой Отечественной войны. Эта работа должна иметь не только научный, но и образовательный характер, что невозможно без финансового обеспечения на государственном уровне. На мой взгляд, в Беларуси следует:

- основать научный журнал и книжную серию «История Холокоста»;
- подготовить и издать учебники по истории евреев Беларуси, истории Холокоста и еврейского сопротивления для средних школ, как это сделано в России;
- ввести учебные курсы в университетах;
- открыть кафедры истории евреев Беларуси;
- организовать постоянные экспозиции Холокоста в районных и областных музеях республики;
- открыть зал Холокоста в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны;
- проводить конференции и «круглые столы» с привлечением лучших научных сил республики и за ее пределами;
- основать государственные музеи еврейской истории Беларуси, истории Холокоста Беларуси, истории Минского гетто;
- начать издание энциклопедии евреев Беларуси, энциклопедии Холокоста, энциклопедии праведников народов мира;
- учреждать гранты, стипендии ученым, занимающимся исследованиями по теме Холокоста.

Планы научного сотрудничества историков

В настоящее время в Беларуси есть три научных учреждения, которые изучают историю Холокоста: Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны

sectio M – Balcaniensis et Carpathiensis. Vol.1, № 1-2, 2016, pp. 205-2012. <http://journals.umcs.pl/bc/issue/view/322/showToc>

(Минск, проспект Победителей, д. 8), Музей истории и культуры евреев Беларуси (Союз белорусских еврейских общественных организаций и общин, ул. Веры Хоружей, д. 28), Историческая мастерская в Минске (ул. Сухая, д. 25). Все они располагают тысячами экспонатов, документов, материалов и фотографий и других свидетельств трагической судьбы евреев Беларуси, их активного участия в сопротивлении нацизму в годы войны и боевого пути в рядах Красной армии.

Центр диаспоры при Тель-Авивском университете выступил с инициативой образования Международного центра по изучению истории евреев Беларуси, который бы объединил и скординировал усилия всех исследователей, работающих в этом направлении.

В Центре диаспоры с 1995 г. существует проект «Евреи Беларуси», созданы архив и библиотека, архив писем и дневников евреев – бойцов и командиров Красной армии и членов их семей, с 2014 по 2017 г. проведены три международные конференции «Еврейские солдаты».

Таким образом, память о войне – чувствительное место каждого народа, а для евреев в еще большей мере, и не только потому, что из 1 млн.овоенного еврейского населения Беларуси уцелело менее 150 тыс., но и потому, что судьба евреев была уготована другим народам. Необходимо продолжить эту работу на государственном уровне и воздать должное памяти 800 тыс. евреев республики, сыгравших значительную роль в истории Беларуси XV–XX вв. Что может быть важнее чувства уважения со стороны соседей? Своим отношением к истории Холокоста республика подтвердит, что она развивается в рамках европейского мышления. Нравственные, политические и экономические усилия неизбежно окуют все затраты.

Опубликовано:

Л. Смиловичский. «Холокост в Беларуси и судьба Минского гетто»: Международный круглый стол «Минское гетто: 75 лет спустя». Москва, 2 ноября 2018 г. // *Труды исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. Москва, 2019 г. Вып. 153. Сер. II, с. 24-42.

Геноцид евреев или белорусов?

Взгляд в прошлое представляет собой интерес не только для историков. Отношение к прошлому активно используется политиками и способно даже привести к международным осложнениям. Примеров достаточно, стоит хотя бы вспомнить недавние события между Польшей и Израилем в связи с принятием в Варшаве закона об ответственности за обвинение поляков в геноциде евреев. В этой связи отношение к памяти о Холокосте в Беларусь имеет свои особенности. Утверждение белорусской стороны: «Нас тоже убивали, поэтому незачем говорить об особом отношении нацистов к евреям» – долгое время препятствовало объективному освещению событий Холокоста в Беларусь.

Беларусь является единственной страной в Европе, где официально ставится знак равенства между террором и геноцидом, где эти совершенно разные понятия подаются как тождественные. Идея геноцида белорусского народа в годы нацистского нашествия пронизывает в Беларусь всю тему советско-германской войны, начиная от школьных учебников, вузовских курсов лекций и кончая диссертациями. Без этого не обходится ни одно популярное издание, художественное произведение, спектакль или кино. Этот тезис был воспринят от советской истории и продолжает использоваться после распада СССР и обретения Беларусью независимости в 1991 г., безраздельно господствуя в наши дни. Любое сомнение в его верности воспринимается в республике крайне болезненно¹.

¹ А. Литвин. «Нацистская политика геноцида на территории Белоруссии: общие черты и особенности» // *Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы:*

Когда же родился это миф и почему он до сих пор жив? Постараемся разобраться в этом вопросе.

С началом советско-германской войны смертельная угроза нависла не над белорусами как титульной нацией Белорусской ССР, а над евреями, которые вместе с беженцами из Польши в июне 1941 г. составили более 1 млн. чел., или 10% от общего населения республики². По другим данным, в Беларуси накануне немецкого вторжения проживали 7 млн. 880 тыс. белорусов (74,3%), 935 тыс. евреев (8,8%), 925 тыс. поляков, 590 тыс. русских (5,6%), 162,5 тыс. украинцев (1,5%), 90 тыс. литовцев (0,9%) и 6,5 тыс. немцев (0,06%)³.

Нацисты никогда не убивали белорусов по национальному признаку, тогда как еврейский младенец в колыбели самим фактом своего рождения был обречен на уничтожение⁴. Вот несколько коротких примеров.

Пример первый. Летом 2019 г. я приехал в деревню Красное Молодечненского района Минской области, собирая материал для своей новой книги «По следам еврейских кладбищ Беларуси». В Красном в годы войны нацисты убили 2 тыс. 340 евреев, как из самого местечка, так и тех, кого сюда пригнали на работу в военно-ремонтные мастерские “Heeresfeldzeugpark II” из Городка, Вилейки, Радошковичей, Молодечно, Ильи, Лебедево, Ракова, Лиды и Барановичей. Я подошел к памятнику жертвам Холокоста. По соседству на крыльце деревенского дома пожилая женщина перебирала на зиму лук. Мы разговорились, я спросил, помнит ли она войну. Елизавете Григорь-

Материалы международной научной конференции (Москва, 26-28 апреля 2010 г.). Москва, 2010, с. 67-86.

² Статистический справочник состояния народного хозяйства и культуры БССР к началу Великой Отечественной войны. Москва, 1943 г., с. 25.

³ Д.А. Кривошей. Судьбы народов Беларуси под оккупацией (июнь 1941 – июль 1944). Москва, 2017 г., с. 5; НАРБ, ф. 510, оп. 1, д. 108, лл. 45-46.

⁴ Илья Альтман. Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941–1945 гг. Москва, 2002. (Сер. Анатомия Холокоста).

евне Крайко в 1941 г. было 8 лет. Отец ее лежал прикованный к постели. Дома пять ртов, есть нечего. Пришли немцы, и отец Лизы взмолился: «Убейте скорее, все равно умирать от голода». Немцы его пожалели, детей угостили конфетами, сказали отцу, что он должен поправиться и вырастить своих детей, оставили продукты⁵. Можно представить, что произошло бы, если бы это была еврейская семья.

Пример второй. В деревне Засковичи Лебедевского сельсовета Молодечненского района мне удалось записать рассказ Ивана Михайловича Рутковского, последнего живого свидетеля трагедии евреев в Засковичах. Будучи одиннадцатилетним мальчиком, он видел, как евреев из гетто убивали за мостом реки Беничанка. По сведениям ЧГК СССР, в ноябре 1942 г. гестапо и жандармерия расстреляли в Засковичах 74 еврея, в основном стариков, женщин и детей⁶. Сергей Старикиевич в 2014 г. опубликовал список этих жертв в своей книге «Просім у вас прарабачэння...»⁷ Иван Михайлович рассказал, как родители посыпали детей на немецкую кухню, где повар отдавал им остатки солдатского обеда, ведь немцы были люди рачительные и выбрасывать «добро» не могли. Но еврейских детей среди них не было⁸.

Пример третий. Летом 2019 г. я побывал в гостях у Генуэзы Матвеевны Шиманович из деревни Жупраны Ошмянского района Гродненской области. Генуэза Матвеевна рассказала, как в 1942 г. мама водила ее в полицейский участок, где немецкий врач сделал ей операцию – состриг волосы и вскрыл

⁵ Из беседы с Елизаветой Григорьевной Крайко в д. Красное 28 июля 2019 г. // Архив автора.

⁶ Shmuel Spector and Bracha Freundlich, eds., *Pinkas ha-kehilot. Encyclopaedia of Jewish Communities: Poland*, vol. 8, Vilna, Bialystok, Nowogrodek (Jerusalem: Yad Vashem, 2005), pp. 350-351.

⁷ С.В. Старикиевич. *Просім у вас прарабачэння...* Молодечно, 2014 г., с. 281; ГАРФ, ф. 7021, оп. 89, д. 9, лл. 21–22.

⁸ Из беседы с Иваном Михайловичем Рутковским в д. Засковичи 29 июля 2019 г. // Архив автора.

воспалившийся фурункул⁹. Я знал, что в конце 1942 г. из гетто Жупраны 128 евреев депортировали в гетто Ошмяны, где их убили¹⁰. Белорусской девочке немцы помогли.

Пример четвертый. Профессор Лешек Беднарчук в Кракове в 2016 г. поделился со мной детскими воспоминаниями, которые до сих пор встают у него перед глазами, когда он слышит о Холокосте. 21 сентября 1942 г. в д. Кобыльник (ныне – Нарочь) в Мядельском районе Минской области нацисты убили 120 чел., включая 51 ребенка¹¹. Утром следующего дня к Лешеку домой пришли голодные кошки из еврейских домов, которых некому было накормить. По словам Лешека, он тогда подумал: что же происходит, если его друзей, с которыми он играл, убили, а кошечки не тронули? Белоруса никто и не думал убивать¹².

Оставим за рамками нашего разговора советско-германский пакт о ненападении 23 августа 1939 г. и договор о дружбе и границе между Советским Союзом и нацистской Германией от 28 сентября 1939 г., подписанный в Москве Риббентропом и Молотовым, вследствие которых старую границу демонтировали, а новую не успели устроить. Отметим только, что эти договоры привели к полному замалчиванию в СССР политики Германии в отношении евреев. С началом войны Белоруссия оказалась на главном – московском направлении армий «Центр», местом жестоких сражений. Стремительное наступление немецких войск помешало эвакуации и бегству большинства евреев. В незадолго до этого в присоединенных областях Западной Белоруссии и Западной Украины, Прибал-

⁹ Из беседы с Генуэфой Матвеевной Шиманович в д. Жупраны 4 авг. 2019 г. // Там же.

¹⁰ I. Guzenberg et al., eds., *The Ghettos of Oshmyany, Svir, Švenčionys Regions: Lists of Prisoners, 1942*. Vilnius: Valstybinis. Vilniaus Gaono žydu muziejus, 2009, s. 635.

¹¹ Y. Siegelman, ed., *Sefer Kobylnik*. Haifa: Va’ad Yozei Kobylnik b’Is-rael, Committee of Former Residents of Kobylnik in Israel, 1967, p. 274.

¹² Из беседы с профессором Лешеком Беднарчуком в Кракове 12 августа 2016 г. // Архив автора.

тики и Бессарабии советские пограничники препятствовали населению в пересечении «старой границы». Для евреев, как вскоре выяснилось, это означало смертный приговор. Очень важную роль играл фактор времени, помогавший осознать угрожавшую опасность. Минск был оккупирован 28 июня 1941 г., руководство же тайно покинуло город уже вечером 24 июня 1941 г. без объявления эвакуации. В результате там погибло почти 100 тыс. евреев, в Витебске – около 20 тыс. из 37 тыс. евреев (оккупирован 11 июля 1941 г.), в Могилеве – 10 тыс. из 20 тыс. евреев (оккупирован 27 июля 1941 г.), в Гомеле – 4 тыс. из 40 тыс. евреев (оккупирован 19 августа 1941 г.).¹³

Советские органы власти не предупреждали евреев прифронтовых областей о грозившей им смертельной опасности со стороны нацистов по двум причинам:

– теория советского интернационализма отвергала преимущество одной нации перед другой. По этой логике смертельная опасность угрожала всем, *каждому* народу в стране, подвергшейся агрессии;

– советское правительство опасалось, что своими действиями в поддержку евреев оно подтвердит тезис нацистской пропаганды о том, что Германия ведет войну не против русского народа (белорусов и украинцев), а с евреями и большевиками, узурпировавшими власть в СССР.

Красная армия имела на вооружении доктрину наступательной, а не оборонительной войны, предполагая театр военных действий на чужой территории, поэтому система эвакуации населения отсутствовала. Напомним, кто отправился в эвакуацию: советские активисты, партийные работники и их семьи, члены семей военнослужащих, квалифицированные

¹³ Л. Смиловичский. *Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944*. Тель-Авив, 2000 г., с. 13.

рабочие и специалисты вместе со своими предприятиями, мужчины, призванные по мобилизации, и евреи¹⁴.

Принятые в научной литературе оценки количества эвакуированных из БССР (1–1,5 млн. чел.) не имеют под собой серьезного документального обоснования¹⁵ и все чаще ставятся под сомнение¹⁶. По подсчетам профессора Иоффе, изучившего именные списки эвакуированных, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ), эти данные оказались завышены, по меньшей мере, в 2–3 раза¹⁷. Историк Олег Лицкевич считает, что если бы из областей Восточной Беларуси выехали 1 млн. 500 тыс. чел. (включая 500 тыс. чел., призванных в Красную армию), то города бы обезлюдили¹⁸.

По оценке Вадима Дубсона, общая численность эвакуированного из Беларуси населения не превышала нескольких сот тысяч человек¹⁹. Анализ списков эвакуированных, хранящихся в НАРБ и составляющих 120 тыс. чел., показывает, что при-

¹⁴ Неизвестная эвакуация. Воспоминания еврейских беженцев СССР, 1941–1945 гг. / Союз ученых-репатриантов Израиля. Иерусалим, 2015, с. 445–470.

¹⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Энциклопедия. Москва, 1985 г., с. 802; Г.И. Олехнович. Трудящиеся Белоруссии – фронту. Минск, 1972 г., с. 25; Экономика советской Беларуси. 1917–1967 гг. Минск, 1967 г., с. 287.

¹⁶ В 1941 г. все население Гомельской, Могилевской, Полесской и Витебской областей, из которых в основном и происходила эвакуация гражданского населения и мобилизация призывников, составляло около 4,3 млн. чел.

¹⁷ Э.Г. Иоффе. «Эвакуация из БССР в 1941 году и вермахт» // Беларусь и Германия: история и современность: Материалы международной научной конференции (Минск, 2 мая 2006 г.). Минск, 2007, с. 15–16.

¹⁸ О. Лицкевич. «Людские потери Белоруссии в войне» // Белорусская думка, 2009 г., № 5, с. 94, 96.

¹⁹ V. Dubson. “Toward a Central Database of Evacuated Soviet Jews’ Names, for the Study of the Holocaust in the Occupied Soviet Territories” // Holocaust and Genocide Studies, 2012. Vol. 26, № 1, pp. 95–119.

мерно половину от всех эвакуированных составляли евреи²⁰. Из списков следует, что число выехавших евреев с начала войны насчитывало от 150 до 180 тыс. чел. Следовательно, всего из БССР успели эвакуироваться до начала осени 1941 г. около 360 тыс. чел., что в 5 раз меньше, чем считалось ранее²¹.

Подавляющее большинство белорусского гражданского населения осталось в местах своего дооценного проживания. Люди не хотели бросать имущество и испытывать лишения и трудности эвакуации, так как не чувствовали угрозы для своей жизни, полагая, что война – дело кратковременное²². Советские средства информации скрывали правду о положении на фронте. Путь в эвакуацию был связан с риском для жизни. Эшелоны с эвакуированными и беженцами обстреливались с воздуха.²³.

К концу лета 1941 г. был образован так называемый генеральный комиссариат Белоруссии (Generalkommissariat

²⁰ НАРБ, ф. 7, оп. 3, д. 1963-1989.

²¹ Д. Поль. «Так сколько же?...» // *Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем: Дебаты о демографии и geopolитике Холокоста* / Сост. А. Кох, П. Полян, Москва, 2008, с. 167; M. Altshuler. “Ha-pinuy ve-ha-menua shel yehudim mi-Belorussia ha-Mizrakhit bi-tkufat ha-Shoa, yuni-ogust 1941” // *Yahadut zmanenu*. 1986, № 3, pp. 119-158.

²² Спецсводка НКГБ БССР, направленная секретарю ЦК КП(б)Б Г.Б. Эйдинову «О положительных и отрицательных настроениях населения в связи с военными действиями» от 17 июля 1941 г. Гомель // *Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941 г.): Документы и материалы*. Минск, 2006 г., с. 216-219. Подлинник хранится: НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 2, лл. 9-14.

²³ Докладная записка секретаря ЦК КП(б)Б П.З. Калинина секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину «О ходе эвакуации материальных ценностей и людей из Белорусской ССР». Гомель, 22 июля 1941 г.; Докладная записка первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко заместителю председателя СНК СССР В.М. Молотову «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР» от 18 авг. 1941 г. // ГАРФ, ф. 6822, оп. 1, д. 422, лл. 89-90, 93-96; *Белорусы в советском тылу. Июль 1941–1944 гг.: Сб. документов и материалов*. Минск, 2010 г., с. 9-15.

Weißruthenien), входивший в рейхкомиссариат Остланд (Reichskommissariat Ostland). К 1942 г. все земли к востоку от Бобруйска и Борисова включили в состав армейского тыла группы армий «Центр». На юге все районы Гомельской и Брестской областей присоединили к рейхкомиссариату Украины (Reichskommissariat Ukraine), а северо-западную часть бывшей БССР включили в состав Восточной Пруссии. Это все уже считалось Германией. Северо-восток края (Гродно–Браслав) вошел в генеральный округ Литва (Generalbezirk Litauen).

Генеральный комиссариат Белоруссии был разделен на «гебиты», те, в свою очередь, на поветы, а последние – на волости. Гебитами руководили немцы или фольксдойче, а поветы подчинялись зондерфюрерам. Местному населению разрешалось выбирать городские, местечковые и волостные управы. Укрепляя свой тыл, немецкие власти открывали не только промышленные предприятия, учреждения, но и учебные заведения²⁴.

Тезис о геноциде белорусского народа берет свое начало в «Генеральном плане Ост», идея которого была высказана в Берлине в 1940 г., а подробная разработка выполнена к концу 1941 г. Текст самого плана утерян. Сохранился только конспект протокола заседания по «Вопросам германизации» от 4 февраля 1942 г. и меморандум оберфюрера СС профессора Конрада Мейера «Генеральный план Ост» от 28 мая 1942 г. Сам документ, приобщенный американцами к материалам следствия по делу Мейера, долгое время был недоступен немецким историкам. В 2009 г. второй раз его полностью опубликовали на сайте Берлинского университета имени Гумбольдта²⁵.

²⁴ Л. Смілавіцкі. «Невядомыя старонкі беларускай школы. Гады нямецкай акупацыі (1941–1944)» // *Полымя*, № 12, 1994, с. 192-198.

²⁵ «Генеральный план Ост: Правовые, экономические и пространственные принципы обустройства на Востоке» представлен оберфюрером СС проф. Конрадом Мейером (Берлин - Далем, 28 мая 1942 г.) Реконструкция и электронная публикация документа впер-

«План Ост» предусматривал принудительное выселение с оккупированных областей СССР от 75 до 85% населения и размещение его в Западной Сибири, на Северном Кавказе и в Южной Америке и был рассчитан на 30 лет. К его реализации предполагалось приступить после победы рейха в войне, но уже в 1943 г. в Германии от этого плана отказались. О геноциде белорусов, как и славян в целом, в «Плане Ост» не сказано ни слова. В то же время уничтожение еврейской части населения захваченных территорий БССР началось немедленно после оккупации республики.

Правительство СССР отводило Беларусь роль буферной зоны на пути к Москве. Эта небольшая в общесоюзных масштабах республика (225,7 тыс. кв. км) с населением 10 млн. 454 тыс. 900 чел. должна была любой ценой задержать продвижение врага²⁶. БССР в рамках Советского Союза фактически была искусственным государственным образованием, интересы которого принимать во внимание не спешили. Все руководство республики (партийное, советское и военное) присыпали из союзного центра или его состав подлежал обязательному утверждению в Москве. Отказ от политики белорусизации и идишизации в начале 1930-х гг. и репрессии 1936–1939 гг. уничтожили и без того тонкий интеллектуальный слой в крестьянской стране, какой являлась БССР²⁷.

ые была осуществлена в 2002 г. в рамках проекта (координатор Маттиас Бурхард): <http://gplanost.x-berg.de>

²⁶ Беларусь в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / Под ред. А.А. Коваленя, А.М. Литвина, В.И. Кузьменко и др. Минск, 2005 г., с. 37.

²⁷ Правда истории: Память и боль / Сост. Н.М. Жилинский. Минск, 1991 г.; Страницы истории Компартии Белоруссии: Суждения, аргументы, факты / Под ред. Р. Платонова. Минск, 1990 г.; Репрессивная политика советской власти в Беларуси: Сб. науч. работ / Сост. И. Кузнецков, Я. Басин, Вып. 1-3. Минск, 2007 г.; История имперских отношений. Беларусы и русские, 1772–1991 гг. / Под ред. А.Е. Тараса. Минск, 2008 г.

С началом войны из Москвы было выдвинуто требование не оставлять врагу ни грамма зерна, топлива, оборудования, средств производства. При этом судьба гражданского населения Беларуси, вынужденного остаться в оккупации (миллионы людей), во внимание не принималась. Как они должны были выживать? Однако этот приказ в республике не был выполнен, как не произошло и массовое народное сопротивление оккупантам.

До лета 1942 г. немногочисленные партизанские отряды в лесах Беларуси состояли из партийных активистов, советских работников, милиционеров, сотрудников госбезопасности, людей, специально оставленных для подпольной работы, военнопленных, окруженцев и евреев, бежавших из гетто. Первые 14 партизанских отрядов (1 тыс. 162 чел.) были созданы уже 26 июня 1941 г. на территории Минской, Могилевской и Витебской областей. Они насчитывали 539 работников НКВД и 623 милиционера. Финансирование партизанской борьбы осуществлял Народный комиссариат внутренних дел вплоть до середины 1942 г., когда эти функции были переданы Центральному штабу партизанского движения, созданному в Москве. Представители органов государственной безопасности принимали непосредственное участие в работе Центрального и местного штабов партизанского движения: 5 из 6 фронтовых штабов партизанского движения Белоруссии возглавляли чекисты²⁸. 1 мая 1942 г. вышел приказ Сталина развернуть массовое партизанское движение на оккупированной территории. В урочище Гороваха возле г. Мурома Владимирской области была создана партизанская школа, названная Особым белорусским сбором, в которой с 1 мая по ноябрь 1942 г. прошли обучение 2 тыс. 865 чел. Из них было сформировано и направлено в тыл противника Минской, Могилевской и Витебской областей 15 отрядов и 100 боевых групп. Каждый партизанский отряд состоял из 50 чел. во главе с командиром,

²⁸ Высшее партизанское командование Белоруссии. 1941–1944 гг.: Справочник / Под общей ред. Э.Г. Иоффе. Минск, 2009 г., с. 12-13.

комиссаром и начальником штаба. Это были подготовленные группы диверсантов, инструкторов-подрывников, хорошо вооруженные и снабженные портативными радиостанциями²⁹.

Действия советских кадровых военных в белорусских лесах должны были спровоцировать немцев на карательные акции, чтобы разжечь пожар партизанской войны и заставить белорусов сопротивляться. Последствия партизанской войны для гражданского населения во внимание не принимались³⁰. Более того, никто не ожидал, что масштабы коллaborации достигнут в Беларуси таких размеров. Сотрудничество с врагом подавалось исключительно как антисоветское проявление³¹.

Если положить на одну чашу весов успехи партизан за три года войны в тылу врага, а на другую – последствия операций возмездия со стороны нацистов для мирного населения Беларуси, то соотношение окажется несопоставимым. Что стало поводом для уничтожения Хатыни? 22 марта 1943 г. партизаны отряда «Мститель» бригады «Дяди Васи» устроили засаду в лесу. В перестрелке каратели потеряли 3 человека, включая

²⁹ НАРБ, ф. 753, оп. 1, д. 3, л. 11.

³⁰ Д. Каров. *Партизанское движение в СССР, 1941–1945* / Институт изучения истории и культуры СССР. Мюнхен, 1954 г.; *Soviet Partisans in WW2* / Edited by John A. Armstrong. With a Foreword by Philip E. Mosely. University of Wisconsin Press, 1964; Harrison Evans Salisbury. *The Unknown War*. Bantam Books, 1978; Kenneth Slepian. *Stalin's Guerrillas: Soviet Partisans in World War II*. Lawrence: University of Kansas, 2006.

³¹ С.В. Жумарь. *Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны*. Минск: БелНИИДАД, 1996 г.; И.Ю. Сервачинский. *Коллаборационизм на оккупированной территории Белоруссии (июль 1941 – август 1944)*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1999; А.М. Ліцвін. *Антисо-вецкія ваенна-паліцэйскія фармаванні на тэрыторыі Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзеінасць*: Аўтарэферат дысс... доктара гіст. навук. Мінск, 2000 г.; M. Dean. *Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944*. MacMillan Press. Hampshire, London, 2000.

гауптмана Ганса Вёльке, который в 1936 г. стал чемпионом Олимпийских игр в толкании ядра и был лично знаком с Гитлером. В ответ солдаты из 118-го украинского полицейского батальона и каратели СС Оскара Дирлевангера согнали все население Хатыни в колхозный сарай, заперли и подожгли. В огне сгорели 149 жителей, из них 75 детей младше 16 лет. Спасти тогда удалось двум девушкам – Марии Федорович и Юлии Климович, которые чудом выбрались из горящего сарая и допозли до леса, где их подобрали жители деревни Хворостени Каменского сельсовета (позднее и эта деревня была сожжена оккупантами, и обе девушки погибли). Единственным человеком, выжившим в сгоревшем сарае, оказался кузнец Иосиф Каминский, который вынес на руках своего умирающего сына Адама. Этот образ был использован архитекторами Ю. Градовым, В. Занковичем, Л. Левиным и скульптором С. Селихановым для создания мемориального комплекса «Хатынь» в 1969 г.³²

В Беларуси в годы войны целые районы и области были превращены в «зону пустыни». За время оккупации БССР проведено свыше 140 карательных экспедиций с использованием артиллерии, танков и самолетов, уничтожено 630 населенных пунктов со всеми жителями, 5 тыс. 454 населенных с частью жителей³³.

К июлю 1944 г. вся территория республики была разорена, большинство городов и населенных пунктов сожжены. Промышленность и сельское хозяйство перестали существовать, население республики уменьшилось за годы войны с 10 млн. до 6,5 млн. чел. Успехи партизан Беларуси, которые в годы войны должны были парализовать тыловые части вермахта и затруднить доставку подкрепления к фронту, как оказалось,

³² *Хатынская стена памяти: документы и материалы / Сост. В.Д. Селеменев и др. Минск, 2016 г.*

³³ *Нямецка-фашистыкі генацыд на Беларусі (1941–1944): Дакументы і матэрыялы / Пад агульной рэд. Ул. Міхнюка. Мінск, 1995 г., с. 30.*

были намного преувеличены. Утверждается, что численность белорусских народных мстителей к концу войны превышала 1 тыс. 108 партизанских отрядов (374 тыс. чел.)³⁴. Однако на самом деле это не итоговое, а суммарное количество партизан за три года оккупации Беларуси. Если верить белорусским историкам, то с июня 1941 по июль 1944 г. партизанами было убито, ранено и взято в плен свыше 500 тыс. немецких солдат, офицеров и их пособников, разгромлено 948 штабов, подорвано 11 тыс. 128 вражеских эшелонов, 34 бронепоезда, 305 самолетов, 1 тыс. 355 танков, 18 тыс. 700 автомашин, взорвано 939 складов с боеприпасами³⁵.

Даже поверхностный анализ сведений, направленных в Москву партизанскими командирами из белорусских лесов в виде отчета об их боевой деятельности, показывает, насколько эти данные преувеличены. Разделим 11 тыс. 128 немецких военных эшелонов на 1 тыс. 580 дней (4 года войны) и получим, что партизаны ежедневно (!) устраивали крушение 7 поездов с военной техникой и живой силой противника, уничтожали 12 военных машин, убивали, ранили и пленили 316 карательей, полицейских, солдат и офицеров вермахта. Ежедневно? Бывшие мирные жители, дети, старики и женщины, взявшие в руки оружие, расстреливали, как в тире, профессиональных военных? Стоит ли удивляться, что немецкие данные о потерях в белорусских лесах в разы отличаются от сведений народных мстителей.

Партизанская агентура вела скрупулезный подсчет передвижения сил противника к фронту через территорию Белоруссии. Эти сведения накапливались в Белорусском штабе партизанского движения, созданном в 1942 г. при Ставке Верховного главнокомандования под Москвой. Архив БШПД

³⁴ А.И. Залесский. *Героический подвиг миллионов в тылу врага*. Минск, 1970 г., с. 14.

³⁵ *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944)*: В 3 т. Минск, 1967 г., т. 3, с. 19.

сегодня хранится в Национальном архиве Республики Беларусь в Минске. По его материалам можно вычислить количество, масштабы и интенсивность движения сил противника к линии фронта через оккупированную БССР и понесенные при этом потери и составить объективное представление об эффективности действий партизан, а парадные реляции начальству в Москву отложить в сторону. Следует сделать вывод, что советская статистика времени войны многократно завышена и поэтому общенародный характер партизанской войны остается под вопросом.

После 1945 г. в Беларуси родился миф о том, что войну выиграли партизаны, которые нанесли непоправимый урон врагу и обеспечили победу Красной армии³⁶. При этом страдания и потери гражданского населения республики списывали на жестокость коварного врага. В действительности советское руководство использовало мирных жителей на оккупированной территории в качестве живого щита.

Исход войны решался не в лесах Беларуси партизанами, какими бы самоотверженными они ни являлись, а регулярной Красной армией под Москвой, в Сталинграде, под Курском, на Волге и Кавказе. Для того чтобы скрыть истинные причины потерь гражданского населения Беларуси в годы войны, советские историки придумали миф о геноциде белорусского народа. Другими словами, белорусов на партизанскую борьбу никто не провоцировал – у них не оставалось выбора. Исходя из «Плана Ост», они должны были сопротивляться. Но это не так, сопротивление оккупантам белорусам навязали. Немцы никогда не убивали тех, кто им не сопротивлялся. Конечно, кроме евреев.

³⁶ Л.С. Мальцев. «Военное искусство в партизанской борьбе» // *Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 гг.: Материалы международной научной конференции / Национальная Академия наук Беларуси, Минск, 25-26 июня 2009 г.* Минск, 2009 г., с. 24-31.

Евреев Беларуси постигла настоящая катастрофа: из 1 млн. чел. было убито 800 тыс. чел.³⁷ Кроме того, на территории республики погибло свыше 800 тыс. советских военнопленных и 300 тыс. мирных жителей-неевреев. Профессор Э.Г. Иоффе уточняет, что в дополнение к тем, кто умер на оккупированной и прифронтовой территории от голода, бомбежек, артиллерийских обстрелов, тяжелых условий жизни, непосильного труда, были и другие категории нееврейского населения. Из числа угнанных в немецкое рабство погибли 173,2 тыс. чел. На фронте сложили голову 327 тыс. 108 чел., в партизанских отрядах – около 45 тыс. чел. Еще 336 тыс. уроженцев Беларуси погибли в немецком плену. От рук партизан нашли смерть около 55 тыс. полицейских и немецких пособников из местного населения³⁸.

Вместо этого в белорусской научной и популярной литературе, включая школьные и даже вузовские учебники, утверждается, что за годы войны в республике погиб каждый четвертый белорус (2,5 млн. чел.), именно «белорус», а не «житель Беларуси», куда можно было бы включить и евреев. Теперь пошли еще дальше, и говорится, что за годы войны погиб каждый третий (!) «белорус». Неудивительно, что все послевоенные годы трагедия Холокоста в Беларуси, как и в целом по СССР, замалчивалась. Оправданию этой несправедливости хорошо служит миф о геноциде белорусского народа³⁹.

³⁷ L. Smilovitsky. “A Demographic Profile of the Jews in Belorussia from the Pre-war to the Post-war time” // *Journal of Genocide Research* (New York), vol. 5 (1) 2003, pp. 117-129.

³⁸ Э.Г. Иоффе. «Ах, война, что наделала, подлая» // *Беларуская думка*, 2000 г., № 8, с. 147-152.

³⁹ L. Smilovitsky. “Attitude to the Holocaust in the Soviet Union and Present-day Belarus” // *Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska, sectio M – Balcaniensis et Carpathiensis*. Vol. 1 (1-2), 2016, pp. 205-2012.

В современной Беларуси возможностей освещения событий войны несравненно больше, чем в 1991 г., когда распался Советский Союз. Однако до сих пор следы советского подхода к истории Беларуси в прочтении истории военных лет совершенно очевидны. Память о войне не только отражена в устной истории (что люди помнят на уровне семьи, что им рассказывали их родители и деды), но и хранится в архивах, музеях, библиотеках, учебниках. В Белорусской ССР все исторические и краеведческие музеи без исключения (школьные, районные, областные, республиканские) носили военно-патриотический характер. В них увековечивался подвиг народа в борьбе с врагом, но при этом всегда умалчивалась *цена победы*, не могло быть и тени критики в адрес руководства партии и правительства, приведшего к этой трагедии.

Тема Холокоста в музеях Беларуси в 2019 г., как и европейской истории в целом, отражена поверхностно или вообще отсутствует. Трудно представить, что это происходит спустя почти 80 лет после окончания Второй мировой войны и спустя почти 30 лет после обретения Беларусью своей независимости! В экспозиции современных музеев республики вы не встретите таких понятий, как «гетто», «Холокост», «нацистский геноцид», «праведники народов мира», «оккупационная политика в отношении евреев», «массовые расстрелы евреев» или «роль евреев в партизанском движении», «антисемитизм среди партизан».

Подчеркнем при этом отсутствие прямых официальных запретов на использование темы Холокоста, как в музеях, так и в средствах массовой информации Беларуси. Касаясь европейской темы, вам скажут, что в нашем местечке или городе до войны 50%, а то и 70% населения составляли евреи. Как это возможно? В музеях мне объясняли: старая концепция экспозиции, нет места, нет времени, нет сведений, нет специалистов, нет средств на перестройку экспозиции, приходится заниматься посторонними вопросами (поручения районной власти), много текущей работы и т.д. Евреев забыли, не вспоминают, будто они вовсе не существовали. Поэтому не нужно удив-

ляться, что до сих пор в Беларуси на местах массовых расстрелов евреев как жертв Холокоста вы прочитаете слова «советские граждане» или «мирные жители». Если там увидите шестиконечную звезду, слово «евреи», надпись на идише или иврите, то это памятники, установленные на средства, собранные родными жертв нацистского геноцида и их потомками.

Последний пример – это государственный мемориальный комплекс «Малый Тростенец», открытый в июне 2015 г. на немецкие и австрийские деньги. В годы войны лагерь смерти к юго-востоку от Минска стал крупнейшим местом убийства мирного населения, главным образом евреев, не только в Беларуси, но и на всей территории Советского Союза (свыше 260 тыс. чел.)⁴⁰. После освобождения города здесь были обнаружены 34 братские могилы, которые достигали в длину от 20 до 50 м, а также кремационные ямы-печи, где палачи сжигали на кострах тела своих жертв – расстрелянных, отправленных газом и даже живых. Обугленные скелеты утрамбовывали гусеничным трактором⁴¹. На мемориале посетители читают: «жители» Минского гетто, а слова «узники» нет. Написано «иностранные евреи», а «евреи Беларуси» не упомянуты. И нет ни одного магендавида... Металлические рельсы, которые нацисты использовали для устройства кремационных печей, создатели мемориала в 2015 г. сдали на металломолом⁴².

⁴⁰ В.И. Кошман. «Урочище Благовщина в системе лагеря Малый Тростенец как одно из мест уничтожения узников Минского гетто: взгляд археолога» // *Минское гетто: 75 лет спустя / Труды исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: Науч. сборник*. СПб., 2019 г., с. 90-105.

⁴¹ Г. Багданава. «Ахвяры і злачынцы нацысцкага лагера Малы Трасцянец: малавядомыя факты» // *Беларускі гістарычны часопіс*, № 6, 2019 г., с. 2-13.

⁴² Л. Смилович. *Холокост – неотъемлемая часть трагедии Беларуси: Интервью* // Radio Free Europe/Radio Liberty, RFE/RL November 23, 2018 (Prague)

https://www.svaboda.org/a/premium_no_12/29616574.html

Вся белорусская государственная история, наконец, должна отвечать достижениям исторической науки других стран и общемировому опыту. В Беларуси должны появиться концептуальные научные исследования по истории Холокоста, открыться государственный еврейский музей, музей Минского гетто, необходимо издать энциклопедию евреев Беларуси, энциклопедию праведников народов мира, в высших учебных заведениях следует читать спецкурс «История Холокоста», проводить научные конференции с участием государства, выдавать гранты, стипендии, написать учебники. Все это станет возможным только при условии, что на официальном уровне трагедия евреев в годы войны будет признана составной частью трагедии белорусского народа.

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Холокост в Беларуси – геноцид евреев или белорусов?»: Сборник докладов международной научной конференции *Сохранение памяти о Холокосте на постсоветском пространстве, 21–22 ноября 2019 г.* / Центр диаспоры им. Гольдштейна-Горена. Тель-Авив, 2020 г., с. 93-111.

H l g h r _ g b _ d O h e h d h k l

В течение всего послевоенного периода вплоть до начала горбачевской перестройки в СССР о геноциде евреев, пострадавших от нацизма в годы Второй мировой войны, ничего нельзя было найти в советской справочной литературе, энциклопедиях, учебниках, научных изданиях. Масштаб трагедии евреев, жестокость и садизм нацистов и коллаборационистов и, наоборот, героизм одиночек, которые, пренебрегая смертельной опасностью для себя и своих семей, спасали евреев, замалчивались. О геноциде евреев не имели ясного представления ни учителя истории, ни их ученики, ни студенты исторических факультетов и их преподаватели, ни просто советские люди.

За пределами Советского Союза источники информации о Холокосте общедоступны, однако и сегодня на Западе многие не понимают, почему советское государство не было заинтересовано в распространении правды о Холокосте, если евреев убивали нацисты, а Красная армия их защищала? Почему нужно было умалчивать о героизме советских евреев в тылу и на фронте, не упоминать о них с официальных трибунах, в публистике или в исторических исследованиях? Неудивительно, что на уровне советского обыденного сознания надолго закрепился миф о том, что евреи «воевали в Ташкенте».

Ответ на эти вопросы я нашел, когда начал свое вхождение в израильскую науку в начале 1990-х гг. Для этого мне потребовалась некая совокупность знаний, знакомство с разными подходами к освещению истории Второй мировой войны. Но самым главным в понимании этой проблемы оказался опыт собственных исследований. Итак, в чем же дело?

Правда о Холокосте бросала тень на весь советский режим. Неготовность страны к войне с Германией, отступление и миллионы военнопленных, некомпетентность командования, неудачи в начале боевых действий и проигранные сражения, пренебрежительное отношение к гражданскому населению (вывоз в первую очередь материальных ценностей, оборудования и сырья и только потом людей) и т.д.

Вслед за этим возникали дополнительные вопросы: что представляла собой национальная политика советского государства? Почему в СССР был взят курс на русификацию, подавление европейской национальной культуры, традиции, преследование религии, запрет иврита и отказ от языка идиш? Насколько испытание войной выдержала «сталинская дружба народов»? Нужно было объяснить, почему нацисты избрали именно евреев своей главной мишенью. Не случайно руководители Третьего рейха утверждали, что они ведут войну не против России и русского народа, а против ее руководителей, попавших в подчинение к евреям. Поэтому, мол, в интересах русского народа сбросить иго жидобольшевиков, т.е. коммунистов, и добровольно присоединиться к освободительному движению Гитлера.

Советская пропаганда отреагировала на этот тезис Геббельса совершенно неожиданным образом. Евреев никто не собирался спасать. Они как народ были обречены на поголовное уничтожение по национальному признаку. Со стороны советского государства для его спасения не было сделано ничего, поскольку в обратном случае косвенно подтвердился бы тезис нацистов о том, что Германия воюет исключительно с евреями, а не против русского народа. Сталин попал в умело расставленную ловушку, поскольку выделить евреев как группу риска означало поставить под сомнение принцип интернационализма, провозглашенный советской идеологией.

Советское руководство опасалось, что особое отношение к евреям среди всех советских народов, за исключением цыган, которых нацисты уничтожали наряду с евреями, качнет маятник национализма внутри страны и приведет к нежелательным

последствиям. Напомним, что в начале сентября 1941 г. вся территория Беларуси была захвачена немцами, а планы по эвакуации мирного населения и материальных ценностей не были готовы. Миллионы людей оказались на оккупированной врагом территории, совершенно не представляя свое будущее. Вместо этого советская пропаганда призывала при отходе сжигать и разрушать за собой все что можно, ничего не оставляя врагу. При этом совершенно не принималось во внимание, что тем самым людей обрекали на голодную смерть.

Что означало для советского государства признать правду о Холокосте? Обнародовать подлинную цену победы и объяснить, почему она так велика. Признать ошибки во внутренней и внешней политике, массовые репрессии и неготовность к войне, несостоятельность национальной политики – все это неизбежно поднимало вопрос о законности советской власти. Это была мина замедленного действия. Правда о Холокосте обнажала широкие масштабы коллаборации. Как могло случиться, что десятки тысяч советских людей, в том числе комсомольцев и коммунистов, бывших партийных работников, солдат и офицеров Красной армии, перешли на сторону врага, выдавали и убивали евреев, захватывали их имущество и дома?

Для чего советское государство скрывало Холокост? Чтобы и дальше сохранять тоталитарный строй, видимость интернационализма, соблюдения демократии, свобод личности и прав человека, формального равенства перед законом. Понятно, что в таких обстоятельствах правда о Холокосте становилась неудобной, и поэтому продолжалось умалчивание масштаба потерь (миллионы загубленных жизней и итогов созидательного труда в течение десятилетий), борьба с инакомыслием, обеспечение закрытости советского общества и полного контроля над сознанием и поведением своих граждан. Трагедия Холокоста слишком велика, нацистские идеи, по сути, и по форме исполнения совершенно чудовищны. Мы до сих пор не знаем всю правду о ней. В то же время можем безошибочно

указать причины, по которым эта правда долгие годы замалчивалась в СССР.

Советская власть относилась к евреям pragmatically: за послушание полагались материальные блага и должности, но только на начальном и среднем уровне; как только кадры из титульных наций подрастили, евреев отодвигали на задний план под надуманными предлогами. В то же время формально на их права никто не покушался. Обществом европейская молодежь воспитывалась в духе интернационализма, в отрыве от национальной традиции, культуры, религии и языка. Евреи, несогласные с этим, вынуждены были жить двойной жизнью (на работе и дома). В 1970-е гг., когда началась волна эмиграции из Советского Союза под предлогом воссоединения семей, появился анекдот: «к двум евреям подходит третий и говорит – не знаю, о чем вы говорите, но ехать надо» (имелось в виду в Израиль).

В наши дни на постсоветском пространстве правду о Холокосте не скрывают. Она доступна всем, кто хочет понять природу этого страшного явления, найти ответы на волнующие вопросы. Важность этого признана на мировом уровне. Неслучайно ООН с 2005 г. отмечает Международный день памяти жертв Холокоста, приуроченный к освобождению советскими войсками концлагеря Освенцим в январе 1945 г. Инициаторами принятия этого важного решения выступили Израиль, США, Канада, Австралия, Россия, Украина, а поддержали их более 90 государств мира.

Однако если говорить о Беларуси, то в республике, одной из наиболее пострадавших в годы Второй мировой войны, до сих пор отсутствует государственная концепция отношения к Холокосту. Официально считается, что белорусы евреев не убивали, а спасали, что евреи были жертвами только нацистов, что евреи и белорусы одинаково пострадали от нацизма и поэтому преувеличенное внимание к истории Холокоста в Беларуси неуместно. Отметим, что отношение к проблеме Холокоста – это камертон, который показывает, насколько наука независима от политики, насколько она способна делать

выводы, которые не всегда соответствуют устоявшимся канонам, в какой мере она может влиять на общественное мнение и заставить прислушаться политиков.

Приходится сожалеть, что в современной Беларуси до сих пор на уровне исторического истеблишмента и государственных структур (Институт истории Национальной академии наук, научные исследовательские центры, университеты, музеи, министерства и ведомства, имеющие отношение к гуманистической сфере) отказываются принять различие между такими понятиями, как «террор» и «геноцид». Напомним, что белоруссов никогда не убивали по национальному признаку (геноцид). Все карательные операции нацистов в республике (террор) являлись акциями возмездия за поддержку партизанского движения или для того, чтобы лишить партизан их базы. И в этом заключается принципиальная разница, которую, наконец, необходимо признать.

До сих пор в республике отсутствуют плановые научные темы по изучению истории Холокоста в Институте истории Национальной академии наук, исследовательских центрах и университетах, не проводятся ежегодные официальные государственные церемонии поминовения жертв Холокоста (на уровне парламента и правительства). Президент Лукашенко за 20 лет посетил мемориальный комплекс «Яма» памяти Минского гетто (100 тыс. жертв) всего три раза (1995, 2000, 2005 гг.).

Как ни странно, но в современной Беларуси до сих пор не открыты государственные Еврейский музей, музей Катастрофы евреев Беларуси, музей Минского гетто, не выходит ни один научный журнал, посвященный геноциду евреев Беларуси, не издана энциклопедия истории Холокоста в Беларуси, энциклопедия праведников мира – уроженцев Беларуси, тематика гетто не находит отражения в краеведческих музеях республики (правда, сделана слабая попытка восполнить этот пробел в новом Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны) и т.д.

История Холокоста не входит в учебные программы. Не исследованы отличительные особенности трагедии евреев Беларуси. Не изучен вопрос, как повлиял Холокост на демографическое, экономическое, научное и культурное развитие республики в послевоенный период, насколько его последствия ощущимы до сих пор, судя по тем лакунам, которые не устранены в сфере людских ресурсов, интеллектуального и экологического потенциала Беларуси. Обо всем этом давно пора сказать в полный голос с официальной трибуны, поскольку позиция государства необыкновенно важна. Неудивительно, что первые серьезные исследования, посвященные истории Холокоста на территории Беларуси, выполнены за ее границами: это сборники воспоминаний и свидетельств очевидцев и участников событий, научные статьи и монографии (иврит, идиш, польский, немецкий и английский языки).

За последние 20 лет белорусские историки внесли немалый вклад в изучение названной проблемы. На сегодняшний день мы имеем обзорные работы по истории Холокоста в Беларуси Эммануила Иоффе, Давида Мельцера, Евгения Розенблата, Ирины Еленской, Геннадия Винницы. Важные сборники документов и материалов были изданы при участии Раисы Черноглазовой, Марата Ботвинника, Вячеслава Селеменева, Инны Герасимовой, Кузьмы Козака и др. Однако не будем скрывать, что все эти работы (статьи, книги, сборники документов и даже диссертации) стали возможными только благодаря личной инициативе самих исследователей. Государство не инициировало их, не выдавало грантов, не включало в исследовательские программы, не спонсировало научные конкурсы. В учебных заведениях отсутствуют спецкурс или специализации по истории Холокоста на территории Беларуси, не проводятся научные конференции под эгидой государственных ведомств.

Все это удручет на фоне того, что уже сделали соседи Беларуси – Россия, Украина, Молдова, страны Балтии, не говоря уже о Германии, Польше, Болгарии, Румынии, Чехии и Словакии. В этих странах на исследования, посвященные

Холокосту, выделяются немалые государственные средства. Причем никого уговаривать не нужно, это заложено в бюджет. Есть чему поучиться. Вопрос, почему в Беларуси не учатся: не могут или не хотят? Скорее всего, потому что современное белорусское руководство не видит связи между трагедией евреев Беларуси и нынешним состоянием республики (духовным, культурным, экономическим). Нет понимания того, как уроки прошлого влияют на будущее Беларуси и ее народа. Это стоит принять, это стоит признать, это стоит исправить.

Проблематику Холокоста в Беларуси необходимо включить в общий комплекс изучения истории Великой Отечественной войны в республике. Эта работа должна иметь не только научный, но и образовательный характер, а финансирование обязано взять на себя государство. Предвижу ответ – денег нет... Не могу согласиться. Прежде всего, необходима политическая воля, а решение найдется. Нужно начать, появятся и спонсоры, но им важно отношение государства, четкое определение позиций, признание приоритетов.

Своим отношением к истории Холокоста Беларусь подтвердит, что республика развивается в рамках современного европейского мышления. Что может быть важнее уважения со стороны соседей? Ощущать себя равным и полноценным членом семьи европейских народов. Нравственные, политические и экономические дивиденды, которые неизбежно последуют, окупят все затраты. Изменение отношения в республике к истории Холокоста воздаст должное памяти 800 тыс. евреев республики, которые так много сделали для Беларуси.

Опубликовано:

L. Smilovitsky. “Attitude to the Holocaust in the Soviet Union and Present-day Belarus” // *Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska, sectio M – Balcaniensis et Carpathiensis*. Vol. 1 (1-2), 2016, pp. 205-212.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Израильский «десант» в Москве

В Москву я приехал по приглашению российского фонда «Историческая память» для участия в международной конференции, посвященной итогам Второй мировой войны. 65 лет со дня Победы над нацистской Германией заставили людей по-новому взглянуть на многие старые истины, которые прежде казались незыблемыми. Прошло время, и аксиомы стали теоремами, которые приходится снова доказывать. На конференцию приехали ученые из 11 стран мира: России, Беларуси, Украины, Германии, США, Англии, Франции, Финляндии, Норвегии, Латвии и Израиля. Заседание секции «Холокост в системе нацистской истребительной политики на Востоке» запланировали в синагоге на Поклонной горе, где открыт музей памяти жертв Холокоста и героев еврейского сопротивления.

Конференция

Пленарное заседание и первые два дня конференции проходили в здании Музея истории Великой Отечественной войны на Поклонной горе, а третий – в синагоге, где развернута экспозиция «Памяти евреев – жертв Холокоста».

Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – главный объект парка Победы на Поклонной горе. На входе – магнитная рамка. У девушки-милиционеров поверх формы надеты бронежилеты. Гостей проверяют палочкой-металлоискателем. Так заведено теперь во многих местах, включая четыре московских аэропорта (Домодедово, Шереме-

тьево, Внуково, Быково), железнодорожные и автовокзалы. Само собой разумеется, и при входе в Кремль, Госдуму, Дворец съездов, Государственный банк, все главные присутственные места. Послушно вынимаю из карманов ключи, мобильный телефон, открываю сумку и предъявляю портативный компьютер. Ах, какая знакомая процедура. Рука террора дотянулась и до Москвы. Никогда раньше такого не было. И кто? Те же исламские фундаменталисты. Только в Израиле это ХАМАС, а в России – «чеченцы». В Москве ХАМАС – легитимный «партнер по переговорам» в ближневосточном урегулировании. Грустно.

В Музее три основных зала: полководцев, славы, памяти и скорби, а также экспозиция «Путь к Победе», отдел «Книга памяти», выставка военной техники, залы проведения мероприятий и диорамы. Огромное пустое здание, явно незаполненные залы. Редкие одиночные посетители, немногочисленные групповые экскурсии, скучающие смотрители. Самые красочные – диорамы. Их шесть: «Контрнаступление под Москвой», «Битва под Сталинградом», «Курская битва», «Форсирование Днепра», «Штурм Берлина». На человека неискаженно это производит нужное впечатление – демонстрирует мощь советского оружия, поверженного и бегущего врага, торжество победы! Ни одного подбитого советского танка, убитого красноармейца, сбитого самолета, вместо них – сожженная немецкая техника и трупы вражеских солдат.

Возраст участников конференции порадовал – 30 лет «плюс», значит, преемственность сохранится. Значит, не одним ветеранам важны уроки войны. «Большое видится на расстоянье», как сказал поэт, и чем дальше мы удаляемся от военной поры, тем более возможны объективные выводы и оценки. Участники из-за рубежа, даже не владея разговорным русским, читают по-русски, работают в архивах с документами на языке оригинала. На конференции синхронный перевод на английский, французский, немецкий и русский языки обеспечивает общее взаимопонимание.

Не буду перечислять тематику выступлений. Она охватывала ведущие аспекты советско-германского противостояния. Сделать доклад – только часть задачи, все равно за 20 минут не дать полного представления об исследовании (в перспективе публикация его полной версии). Ответы на вопросы, участие в дискуссии – вот настоящий экзамен для участников. Знакомство с коллегами, обмен мнениями в кулуарах – это своеобразная подводная часть «айсберга».

Российская наука зависит от государства, как и в любой другой стране. Вопрос только, в какой степени. Мой дедушка любил повторять на идише: «На чём возике сидишь, того песенку и пой», поэтому наиболее зависимые авторы не афишируют своих спонсоров.

Больше всего на конференции досталось украинским и прибалтийским коллаборационистам. И это правильно, масштабы геноцида никогда бы не приняли таких размеров, если бы не добровольные пособники из местного населения. Сначала они помогали оккупантам, а потом представили это как борьбу с советским господством. Участников конференции познакомили с последними изданиями фонда «Историческая память» и Российского фонда «Холокост», которые можно найти и скопировать в формате PDF здесь:

<http://www.historyfoundation.ru/ru/publication.php?page=1>

«Уничтожить как можно больше...» Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944 гг.: Сборник документов. Москва, 2009 г.

А.Р. Дюков. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». Москва, 2009 г.

Нацистская война на уничтожение на северо-западе СССР: региональный аспект: Материалы международной научной конференции, Псков 10–11 декабря 2009 г., Москва, 2010 г.

Повседневность террора: Деятельность националистических формирований в западных регионах СССР. Кн. 1. Западная Украина, февраль-июнь 1945 г. Москва, 2009 г.

А.Р. Дюков. *Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике*. Москва, 2009 г.

Общая трагедия. Блокада. Холокост. Москва, 2009 г.

Историческая память. Противодействие отрицанию Холокоста: Материалы 5-й международной конференции, Калининград 16–18 ноября 2008 г. Москва, 2010 г.

Трудно выделить, какие доклады были наиболее содержательными, интересными и продуманными: западных или постсоветских историков? Язык исследований во многом играл определяющую роль. Немцы предпочитают изучать немецкие архивы и англоязычную литературу, «русские» – наоборот. Чужой язык – объективное препятствие, но не он определяет уровень исследования. Западные историки больше ездят, больше общаются, больше видят. Они чувствуют себя свободнее в рассуждениях и предположениях по избранной теме. Наконец, у них больше финансирования. Ученые из СНГ и стран Балтии часто могут проводить исследования только с помощью иностранных фондов. В конце 1990-х гг. многие НИИ Украины и России даже не обеспечивали ученых зарплатой, при этом никого не увольняли, и люди работали бесплатно. На израильян финансирование из Европы и США часто не распространяется под предлогом, что Израиль – демократическая страна, где само государство поддерживает науку.

Что привезли из Сорbonны?

Исследовательский проект «Новые фотоисточники о войне на Восточном фронте и оккупации СССР (1941–1944 гг.)» представил Георгий Шепелев из Парижского университета.

В Германии передвойной у населения на руках было 7 млн. любительских фотоаппаратов, и многие из военнослужащих взяли их с собой на службу. Цель проекта – поиск, исследование и публикация таких фотоматериалов. География снимков – Западная и Центральная Россия, Беларусь, Украина, Северный Кавказ, Прибалтика, Молдавия… Уже собрано и

идентифицировано свыше 4 тыс. снимков, сделанных в 300 населенных пунктах. Они отражают многие сюжеты, которые отсутствуют в советской военной фотолетописи (поражения начального периода войны, судьба военнопленных, карательные акции против партизан, Холокост). Это позволяет реконструировать события на микроуровне, идентифицировать участников, как жертв, так и военных преступников. Собранный материал вводится в базу данных, которая будет доступна через интернет. Копии снимков передаются в местные музеи и архивы.

Откуда иврит?

В кулуарах между заседаниями я услышал несколько фраз на иврите. Это озадачило, значит, кроме меня, Анатолия Кардаша и АRONA Шнеера из Яд ва-Шем в Москву пригласили еще кого-то? Таль Брютман представлял Парижский мемориал по изучению истории Холокоста. Его доклад «Нацистская истребительная война в Западной и Восточной Европе: сравнительный анализ» обратил на себя внимание доказательной базой и выводами. Мы разговорились. Таль не знает русского, я – французского, но зато есть иврит! Новый знакомый рассказал, что он родился в Израиле и до 6 лет жил в Хайфе, а потом его родители вернулись в Париж. С кем во Франции Таль говорит на иврите? Ни с кем, только в семье. Так язык у него сохранился, хотя Брютман уже не читает и не пишет на первоначальном языке. Как это знакомо по второму поколению эмигрантов из России/СНГ!

В синагоге на Поклонной горе

Работа секции «Холокост в системе нацистской истребительной политики на Востоке» проходила в синагоге на Поклонной горе. Мемориальная синагога – это часть общего историко-архитектурного комплекса, посвященного победе советского оружия над нацистской Германией. В 1998 г. ее строительство финансировал Российской еврейский конгресс.

Здесь же и единственный в России Музей еврейского наследия и Холокоста. За 2009 г. его посетили 10 тыс. чел. из 21 страны мира. Музей и синагога существуют на пожертвования, содержание и обслуживание которых составляет 40 тыс. руб. в день.

Темой обсуждения стало место Холокоста в нацистской истребительной политике: соотношение общего и особенного, механизм осуществления массовых убийств евреев и участие в этом националистических формирований. Вел заседание профессор Илья Альтман, заместитель председателя Российского научно-просветительного фонда «Холокост», автор монографии «Жертвы ненависти. Анатомия Холокоста» (Москва, 2002 г.), впервые на русском языке обобщивший масштабы еврейской трагедии в годы войны на территории СССР. Перечислю только темы сделанных сообщений:

Анатолий Кардаш (Израиль). «*Катастрофа евреев глазами неевреев*».

Аарон Шнеер (Израиль). «*Холокост и геноцид: допустимость сравнения*».

Антон Вейс-Вендт (Норвегия). «*Убийство без ненависти: объяснение эстонского коллаборационизма в Холокосте*».

Анна Антик (США). «*Полицейские формирования в период оккупации: сербская государственная гвардия и добровольческий корпус в Холокосте*».

Анна Абакунова (Украина). «*Спасение евреев на оккупированных территориях Украины, России и Белоруссии: историографический аспект*».

Леонид Смиловицкий (Израиль). «*Еврейские беженцы и эвакуация: нераскрыта страница Холокоста*».

Кристофер Закрофф (США). «*Трагедия Бабьего Яра в восприятии современников*».

Наряду с мэтрами выступали новички, которые делают первые шаги в науке. Им было, у кого поучиться. Доктор Анатолий Кардаш (Аб Мише) познакомил присутствующих с проектом Вашингтонского музея Холокоста по сбору свиде-

тельств очевидцев-неевреев о событиях Второй мировой войны. Проект существует уже несколько лет, начав свой путь на Украине и переместившись затем в Россию и Беларусь. Часто можно услышать, что евреи – неполноценные свидетели, так как являются заинтересованной стороной. Но когда о Холокосте рассказывают неевреи, их свидетельство не подвергается сомнению, поэтому сбор таких сведений имеет особую ценность. Проект фиксирует информацию путем видео- и аудиозаписи не только о евреях, но и обо всех пострадавших от государственного террора. Существует только одно ограничение – свидетелям на момент описываемых ими событий должно быть не меньше 10 лет.

Доктор Арон Шнеер обратил внимание на несопоставимость понятий «геноцид» и «тотальная война на уничтожение». План поголовного уничтожения существовал у нацистов только в отношении евреев и цыган. Тот же конец ожидал и евреев, сотрудничавших с немецкими властями, и выкрестов. Для нацистов христианство было «жидовским» обманом. В сознание покоренных народов сознательно внедрялся антисемитизм, даже когда все гетто были уничтожены. Д-р Шнеер подчеркнул, что правомерно говорить не об уникальности, а о беспрецедентности Холокоста в Восточной Европе во время Второй мировой войны. Массовые убийства отличались по своим целям. Турки (1915 г.) не ставили своей целью полное уничтожение армянского народа, несмотря на массовые убийства, изгнание, ассимиляцию. Голодомор на Украине (1931–1933 гг.) также неправомерно сравнивать с Холокостом. С евреями – наоборот, они были *все* обречены...

Страшные цифры привел профессор Алексей Литвин из Минска: в Беларуси в карательных операциях против партизан в 1941–1944 гг. участвовало от 150 до 200 тыс. немецких военнослужащих, не считая полицейских формирований из местного населения и других народов СССР. Им противостояли 373 тыс. партизан в суммарном исчислении (не более 150 тыс. в январе 1944 г.). Из Беларуси в Германию на принудительные работы было вывезено 400 тыс. чел. Всего в годы войны на

территории республики было уничтожено 5 тыс. 295 населенных пунктов, и 628 из них вместе с жителями. 186 не были восстановлены после войны. 4 тыс. 342 населенных пункта нацисты уничтожили вместе с жителями частично, и из них 325 не восстановлены.

Профессор Литвин подчеркнул, что практику карательных операций нацисты отрабатывали на евреях уже в самом начале войны. «Обезлюживание» в Беларуси в июле-августе 1941 г. (операция «Припятские болота») привела к уничтожению 34 населенных пунктов. В августе-сентябре 1941 г. было убито 14 тыс. мирных жителей и еще 10 тыс. чел в сентябре-октябре 1941 г. только в Минской области.

Я в своем докладе обратил внимание на соотношение понятий «беженцы» и «эвакуированные» в годы советско-германской войны, на вину государства в потерях среди мирных жителей в результате допущенных просчетов, на национальный состав эвакуированных и взаимоотношения между ними, на судьбу еврейских беженцев как разоблачение мифа о том, что евреи прятались в советском тылу, а не воевали. Эвакуацию пережили свыше 12 млн. чел. всех национальностей. Долгое время уроки выживания в советском тылу не были подведены. Физическое истощение, психологический стресс, разочарование в нравственных устоях, утрата веры в торжество справедливости – вот цена, которую заплатили люди, пережившие эвакуацию.

О новом хранилище документов

В Подольске по инициативе министерства обороны и министерства культуры России решено к 2015 г. открыть Объединенный архив документов по Великой Отечественной войне с миллионами единиц хранения. Об этом заявил на конференции руководитель Федерального архивного агентства Андрей Артизов. В настоящее время эти документы хранятся по разным ведомствам. В новый архив планируется передать 9 млн. дел из Центрального архива министерства обороны в Подольске, трофейные архивы на пленных и интернированных

– 4 млн. дел, наградные документы и сведения на погибших воинов – 20 млн. записей, а также 3 млн. записей на иностранных военнопленных. Из государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) поступят 45 тыс. единиц хранения по материалам Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений нацистов и их пособников (ЧГК СССР). Для этой цели планируется построить комплекс современных зданий с хранилищами, компьютерной базой и информационным обеспечением, реставрационными мастерскими и читальными залами. Так появится самый большой архив в мире по объему документальной информации.

Вокруг Сталина

Какую роль сыграл Сталин в победе над нацистской Германией? Каковы были масштабы допущенных им просчетов? Разгром Красной армии летом 1941 г. оказался настолько сокрушительным, что за первые полгода войны СССР утратил территории с населением в десятки миллионов жителей, а количество советских военнопленных составило 3,8 млн. чел.! Или победителя не судят? Очевидно, что так. В России продолжается оживленная дискуссия о Сталине. Символику с образом генералиссимуса можно встретить на книгах о войне, в фильмах, на открытках. Киоск Центрального музея ИВОВ переполнен сувенирами с обликом Верховного главнокомандующего. «Окопные спички», кружки, значки, жетоны, наклейки. Но больше всего поразили книги, изданные в 2009 г. в серии «Жизнь замечательных людей»: первая – «Сталин», а вторая – «Окружение Сталина». Причем киоскер расположил книгу о Сталине рядом с книгой о Тухачевском из той же серии – палач и его жертва. Вечером в сувенирной лавочке Москвы я увидел импровизированные часы, изготовленные из оригинального томика сочинений Сталина 1949 г. Обложка книги была выбрана для циферблата, а на нем две стрелки, часовая и минутная. И часы на ходу!

Утром следующего дня иду на завтрак, беру газету, разворачиваю, а там – продолжение дискуссии. Мэр Москвы Луж-

ков собирается 9 мая украсить город портретами Сталина. Президент Медведев – против, следуют отклики. На другой странице – подробный рассказ московского профессора о посещении под Минском «Линии Сталина» – оборонительного рубежа, демонтированного в 1939 г. советской стороной в одностороннем порядке. Границу по приказу Сталина отодвинули на 400 км на запад. Старую сломали, а новую построить не успели. Последствия этого шага оказались катастрофическими.

От теории к практике

На метро «Третьяковская», около 19:00 – встреча с фашистом. Молодой человек 18 лет в пятнистой форме цвета хаки. Высокие ботинки, сумка-планшетка на боку, явно пустая, для форсус. На поясном ремне шариковой ручкой очень выразительно выведены свастика и знак «СС». Смотрю внимательно: не почудилось? Он никуда не торопится, дефилирует со стороны в сторону, подходит к прохожим, что-то говорит. От него отмахиваются и спешат. В Москве – все бегом, а прадедушка его должно быть, воевал... Подходить я к нему не стал, хотя очень хотелось. Не исключено, что товарищи молодчика поджидали за углом в поисках приключений...

Назавтра на том же месте вижу трех молодых людей с георгиевскими ленточками в руках. Их раздают накануне парада всем желающим без ограничения. От фашиста ни слуху, ни духу. Случайно?

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Израильский “десант” в Москве» // *Семь искусств: Сетевой интернет-портал* / Под ред. Евгения Берковича, № 6 (7), июнь 2010 г.

<http://7iskusstv.com/2010/Nomer6/Smilovicky1.php>

В Варшаву с любовью

Впервые лечу на «нееврейскую» конференцию. По почте из Польши получил письмо:

«Шаноўны спадар Смілавіцкі,

Інстытут грамадзянскай прасторы і публічнай палітыкі пры Універсітэце Лазарскага, які з'яўляецца адным з вядучых прыватных універсітэтаў у Польшчы, мае гонар запрасіць Вас да ўдзелу ў міжнароднай канферэнцыі “Вяртанне ў Еўропу: мінулае і будучыня Беларусі”, якая адбудзеца 12–14 лістапада 2010 г. у Варшаве. У канферэнцыі возьмуць удзел даследчыкі, практикі ў галіне гістарычнай адукацыі, грамадскія актыўісты і выдаўцы з Беларусі, краінаў Еўрапейскага Саюза і Злучаных Штатаў Амерыкі».

Ну, как было не откликнуться согласием? На пленарных заседаниях конференции должны были быть представлены современные методики, концепции, образовательные проекты и последние публикации по теме «Беларусь и Европа». В дополнение к этому на пяти рабочих секциях планировалось рассмотреть исторические тексты, которые имеет смысл перевести с английского на белорусский язык, представить презентации международных проектов по итогам научных стажировок, информацию о стипендиях и издательских инициативах, обсудить возможности сотрудничества между белорусскими и зарубежными историками, а потом опубликовать на белорусском и английском языках.

Полет

Наш самолет взлетел точно по расписанию. Салон «Боинг-777» оказался заполненным менее чем наполовину, и пассажиры не замедлили этим воспользоваться, заняв вакантные места. Стюардессы олицетворяли немеркнущий образ женственности и обаяния, были предусмотрительны и внимательны. После солидного завтрака кто-то вздрогнул, взял газету, включил персональный компьютер. Среди пассажиров – группа паломников, несколько бизнесменов, средний возраст – старше 45. Для того чтобы не коверкать польский язык, я подключил свой английский.

Польша – небогатая страна, а вся ее история – это борьба за национальное самоутверждение. В XII веке в роли недругов выступали немецкие рыцари, потом литовские князья, шведы, Наполеон, русские цари, нацисты и советские узурпаторы до и после Сталина.

До войны Польша считалась центром мирового еврейства. На 1 сентября 1939 г. здесь проживало 3,3 млн. евреев из общего населения страны 35,1 млн. чел., или 9,4%. Однако сегодня осталось всего 5 тыс. чел., а неофициально – от 10 до 30 тыс. евреев.

Беларусь при всем своем внешнем сходстве с Польшей: та же природа, климат и география – получила совершенно другой опыт. Если Польша – это часть Европы, пусть даже на окраине, то Беларусь – проходной двор из Европы в Россию, здесь шли все иноземцы, собирающиеся завоевывать русское государство. Поэтому главной целью для белорусов было уцелеть, а не думать о собственной независимости. Беларусью владели в разные исторические эпохи ее соседи: Польша, Литва, Россия. Ее рассматривали как плацдарм, буферную зону, вассала, но никогда как самостоятельного союзника. До 1917 г. это был северо-западный край Российской империи, до 1939 г. – западная часть Беларуси, или восточные «крессы» Польши, а после 1944 г. возродилась мимо самостоятельная БССР как неделимая часть СССР, а фактически полигон для советских экспериментов.

Современная, постсоветская Беларусь по-прежнему цепляется за старый опыт, которым уже не прожить.

Начало знакомства

Через час после прилета я уже был в гостинице “IBIS”, которая расположена совсем рядом с историческим центром Варшавы, где происходили главные события в жизни города и страны.

Профессор Захар Шибеко из Минска познакомил меня с доктором Катериной Ващинской из Института этнологии и культурной антропологии при Варшавском университете. Она говорила по-белорусски, и это оказалось прекрасным решением, поскольку я не знаю польского, а она – русского. Мы нашли много общих тем. Катерина в течение 8 лет возила на полевую этнографическую практику в Беларусь студентов из Варшавы, участвует в конгрессах белорусистов. В прошлом году вместе с тремя коллегами она целый месяц путешествовала по Китаю. И это тоже было мне близко, так как мой старший сын Алеша поступил на китайское отделение факультета Восточной Азии в Еврейском университете Иерусалима. Кстати, в Польше на первую степень (бакалавр) учатся бесплатно, а отличники даже получают стипендию 500 злотых (2,8 зл. = 1 \$). Это не так много, третья часть минимальной заработной платы, а средняя – это 3 тыс. злотых. Словом, с таким провожатым я успею посмотреть очень многое.

Варшава расположена по обоим берегам реки Вислы, в самом сердце Польши – центре Мазовецкой низменности. Свое название город получил от имени *Варша* из рода Равичей, живших неподалеку. В 1596 г. король Сигизмунд III Ваза перенес свой двор из Кракова в Варшаву. Огромный монумент перед Королевским дворцом со скульптурой на вершине – это памятник, который поставил в 1644 г. в честь короля Сигизмунда III его сын, провозгласивший, что город будет существовать до тех пор, пока стоит эта колонна. До войны в Варшаве проживало много евреев. По переписи 1897 г. из 638

тыс. ее жителей 219 тыс., или 34%, составляли евреи. До 1939 г. в Варшаве жило более 300 тыс. евреев, а сегодня официально зарегистрированы всего 400 чел.

Времена меняются

Наблюдаю группу школьников из Израиля. Они ведут себя шумно, галдят. Мне это не нравится – все-таки не у себя дома. «Ничего, – замечает Катерина, – зато их не сопровождают, как раньше, люди с автоматами». В начале 1990-х гг. первые молодежные группы израильтян, прибывавшие в Польшу, находились под неусыпным контролем спецслужбы. Катерина просто не знает, сколько нападений осуществили палестинские террористы в Израиле и за его пределами. Дети – легкая цель, поэтому, выезжая за границу, государство обеспечивало их защитой, которая в спокойной Польше кажется совершенно лишней. Теперь необходимость в этом отпала.

…Вы идете с кем-то рядом и ведете беседу. Вдруг ваш спутник останавливается и извиняется – нужно ответить на звонок. Достает из кармана телефон и отвечает. Но звонка не слышно, потому что аппарат в режиме вибрации. На улице визуально трудно заметить человека, разговаривающего на ходу по телефону. То же самое и в транспорте, разговоры короткие. Как это отличается от Израиля, где все кричат.

Чуть в стороне от Старого города, по пути к вокзалу на площади Юзефа Пилсудского, находится памятник полякам, погибшим в войнах, – всем, кто отдал свою жизнь за Польшу. Идея возникла сразу после Первой мировой войны. Мемориал возвели в 1925 г. под колоннадой Саксонского дворца, куда поместили прах безымянного солдата из-под Львова. В 1944 г. могила была серьезно повреждена в результате взрыва, но восстановлена в 1946 г. Горит вечный огонь и круглосуточную службу несет почетный караул. В праздничные дни руководители государства возлагают сюда венки.

Музей Варшавского восстания

Этот музей предложил мне посмотреть д-р Марек Вержбицкий (Institute of Political Studies, Polish Academy of Sciences). Мы познакомились с ним два года назад в Вене на одной конференции¹. Марек живет в 100 км от Варшавы, но согласился приехать повидаться. В музее, который открыли в помещении бывшего трамвайного депо и который считается одним из самых современных, поразили три вещи:

– панорама разрушенной Варшавы в 1945 г. с высоты птичьего полета. Зрители, будто облетают один район города за другим, методично превращенные нацистами в сплошные руины;

– большая комната – реконструкция прихожей в старой квартире. На столиках и трюмо – довоенного образца телефонные аппараты. Сними трубку – и услышишь записанный на пленку рассказ участника тех событий, перед глазами – его портрет;

– отрывной календарь, где на каждом из листков записаны события 63 дней восстания. По одному листку на день, и все желающие могут отрывать их себе на память.

Жители Варшавы, или, как они сами называют себя, «варшавяки», добивались создания музея долго, но только после 1989 г. это стало возможным. Строительные работы начались в апреле 2004 г. и велись в 3 смены 24 часа в сутки. Постоянная экспозиция занимает 3 тыс. кв. м. Это около 750 экспонатов и 1 тыс. фотографий. В натуральную величину представлен макет британского бомбардировщика “Liberator B-24J”, который снабжал повстанцев оружием и продуктами питания. Рядом с музеем – Стена памяти с именами 10 тыс. павших повстанцев.

¹ Л. Смиловицкий. «Вена: здравствуй и прощай» // *Мы здесь*, № 186, 14-20 ноября 2008 г.

<http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=810>

Трагедия Варшавского восстания (1 августа – 2 октября 1944 г.) заключалась в том, что польское правительство в изгнании в Лондоне опасалось, что Красная армия войдет в Варшаву первой и навяжет полякам сталинскую диктатуру. Расчет делался на помочь Англии и США, но этого не случилось. Восстание было жестоко подавлено регулярными немецкими войсками, но стало символом мужества поляков в борьбе за независимость. При этом не будем забывать, что в свое время Армия крайова не поддержала восстание евреев в Варшавском гетто (19 апреля – 16 мая 1943 г.), которое СС тоже потопило в крови.

Немцы гарантировали защитникам Варшавы статус военнопленных. За 63 дня боев погибли 10 тыс. бойцов и 150 тыс. гражданского населения, 17 тыс. чел. попали в плен, 7 тыс. чел. пропали без вести. Большую часть города разрушили, а 520 тыс. жителей изгнали из Варшавы². Советская пропаганда трактовала эти события как плохо подготовленную авантюру. Вся ответственность за провал Варшавского восстания возлагалась на эмигрантское правительство в Лондоне.

Краков

Когда я только собирался в Польшу, знакомые в один голос советовали мне побывать в Кракове. Этот город не пострадал в годы войны и по сравнению с Варшавой старина там настоящая, не восстановленная. Марек Вержбицкий вызвался меня сопровождать. Мы сели на экспресс «Костюшко» в семь утра. До Кракова 300 км, время в пути – 3 часа. Вагоны комфортабельные, очень удобные, мягкие, кресла, как в салоне самолета, кондиционер, прозрачная дверь. Билет стоит 55 долл., но это предполагает бесплатное угощение. За время поездки дважды появляется девушка с тележкой, которая с приятной

² При подавлении Варшавского восстания немцы потеряли около 10 тыс. солдат убитыми, около 6 тыс. пропали без вести, 300 танков, пушек и бронеавтомобилей.

улыбкой предлагает на выбор кофе, чай, соки, воду, булочки, печенье, конфеты. Мне об этом не сказали, и я вежливо отказался, но на обратном пути эту свою ошибку исправил.

Нам повезло. Сегодня 11 ноября – День независимости Польши. Настроение у всех праздничное, звучит музыка, дома и улицы красиво украшены. Не мешала даже пасмурная погода, свинцовое небо и накрапывающий время от времени дождик.

К вечеру я покидаю Краков, но впечатления догоняют меня. Необыкновенный город на левом берегу Вислы, население составляет 1,2 млн. чел. с ближайшими пригородами. Неофициальная культурная столица, польская «Мекка», место паломничества туристов, 39 костелов (в том числе готический костел св. Марии, костел св. Анны с гробницей Коперника), 25 монастырей, 7 синагог. Громадный замок XIII в., резиденция польских королей, архиепископский дворец. Ягеллонская библиотека – 300 тыс. томов и 5 тыс. рукописей. Краковский университет, Академия наук, школа изящных искусств, семинария, консерватория.

...Мы идем по Королевской дороге через весь Старый город с севера на юг, минуем Рыночную площадь и попадаем к замку Вавель – жемчужине Кракова. Здесь комплекс архитектурных памятников, в том числе важнейшие: Королевский замок и Кафедральный собор святых Станислава и Вацлава – усыпальница польских королей, епископов и героев. Кароль Войтыла, будущий папа римский Иоанн Павел II, был рукоположен здесь в епископы в 1958 г., а 18 апреля 2010 г. в Вавельском замке похоронили президента Польши Леха Качиньского и его супругу Марию, трагически погибших в авиакатастрофе под Смоленском.

Краков в прошлом город со значительным еврейским населением. Евреи жили здесь уже в XII ст. и управляли монетным двором. Кровавые наветы вызывали погромы, юдофобские настроения подогревались литературой, привозимой из Германии монахами. После пожара в 1494 г. евреев обвинили в поджоге и изгнали из города. Они поселились в пригороде Кази-

меж, где до этого обосновались еврейские беженцы из Чехии, Венгрии и Австрии. В XVI веке Краков стал крупным центром европейской учености и книгопечатания. Там жили знаменитые еврейские врачи, личный хирург королевы Боны Сфорца (жены Сигизмунда I Старого), личные лекари Сигизмунда II Августа и Стефана Батория. В XVII веке в Краков бежало много евреев из Германии, а в годы резни Богдана Хмельницкого – с Украины. После перенесения столицы Польши из Кракова в Варшаву в 1596 г. еврейская община постепенно пришла в упадок.

До начала Второй мировой войны в Кракове жили 60 тыс. евреев (около 23% населения), из которых треть была занята в промышленности и ремеслах, почти половина – в торговле и страховом деле. В марте 1943 г. нацисты согнали краковских евреев в гетто и уничтожили всех их одновременно. После освобождения Кракова сюда вернулись всего около 1 тыс. евреев. Сегодня в городе менее 500 евреев (большей частью пожилые). В старинной городской синагоге «Казимеж» открыт Еврейский музей. В Кракове работает Еврейский исторический институт, один из крупнейших в мире центров хранения документов и материалов по истории евреев Польши, при Ягеллонском университете – Центр по изучению иудаизма. Во всех сувенирных лавочках стоят фигурки еврейских музыкантов из дерева. Ходовой товар – явно рассчитано на туристов. Однако продавец представил их мне, как... «польских» музыкантов.

В городе сохранилась единственная действующая синагога «Темпл». В 2004 г. ее отреставрировали за счет государственной казны, городских средств и еврейских спонсоров. Не знаю, выглядела ли она когда-нибудь столь великолепно? Или это стилизация, уж больно шикарно. Мы зашли, в передней на столике – стопочка кип. Ни души. Навстречу поднялась смотрительница, оказывается, вход платный. В синагогу за деньги? И для евреев тоже? И не потому, что жалко пяти золотых (2\$). «Зато можно фотографировать», – успокоила смотрительница.

Язык общения

Рабочий язык нашей конференции – белорусский, что было принципиально важно для организаторов. Ко мне обращаются, как «спадар Смилавіцкі», а если на польском, то – «пан». Польша – одна из немногих в Европе мононациональных стран, в ней 96,74% населения – этнические поляки. Из национальных меньшинств самые многочисленные – немцы (0,4%), а белорусы и украинцы занимают второе место (по 0,1%).

После окончания войны, по предложению Сталина, немцев из Данцига и Судетской области волевым решением всех переселили в историческую часть Германии, а «немецких» поляков – в Польшу. То же проделали с поляками из БССР и белорусами из Польши.

Если до 1939 г. национальные меньшинства Польши составляли 38%, в основном белорусы, украинцы, евреи и русские, то с присоединением «крессов всходних» (западных районов Беларуси и Украины) к СССР в 1939 г. и гибели большинства еврейского населения в Холокосте, демографическая ситуация навсегда стала другой.

До начала 1980-х гг. Польша прочно находилась в орбите советского влияния, почти полвека оставаясь за «железным занавесом». В это время Европа приняла план Маршалла и активно восстанавливалась свою экономику с помощью дешевого труда гастарбайтеров из мусульманских стран, не понимая, какую угрозу это таит для нее в будущем.

Потом была шокотерапия начала 1990-х гг. Страна перестраивалась на западный лад. В Польшу из государств третьего мира никто на заработки не поехал. Работы не было, платили мало. Поляки сами разбрелись по разным уголкам Европы и Америки в поисках тех, кому понадобится их труд. По польским законам статус беженца дает право находиться в стране, но нельзя работать, получать от государства социальное пособие. Помогают только благотворительные организации, поэтому для беженцев Польша – только страна транзита.

Ну, и конечно, не последнюю роль в этом вопросе играет

католический костел. Так Польша осталась без арабов и африканцев, а в последующие годы и без китайцев с вьетнамцами. За редким исключением здесь можно увидеть мусульманские головные уборы, не говоря уже про чадру, бурку или минареты. Сейчас европейцы завидуют полякам – не было счастья, да несчастье помогло.

Не слышно в Польше и русской речи. Первое время это удивляет, принимая во внимание общую историю и близость славянских языков. Но все объяснимо. Сначала на поляков дала Российская империя, а потом – Советский Союз. Путин, унаследовав Россию после Ельцина, вернулся к негласной конфронтации с Варшавой. Польша нашла защиту на Западе и вступила в НАТО. В итоге все культурные контакты рухнули, и через 20 лет после распада СССР русская речь окончательно исчезла из обихода. Ее не слышно физически – туристов нет, а в коробейниках нужда отпала.

Молодежь в Польше предпочитает английский (так было и со мной в гостинице, транспорте, на улице). То же самое на конференции: по-польски, на английском, но не на русском... Новая реальность, приходится принимать. В университете Лазарского студенты из Беларуси и Украины встали перед выбором – польский или английский, хотя между собой общаются по-русски.

На конференции

Университет – самая подходящая аудитория для конференций, тем более в Польше, стране вольнодумцев и бунтарей. Средний возраст участников составляет 35 лет, и это внушает оптимизм. Сегодня они стоят на начальной ступени научной лестницы, а завтра будут определять будущее науки. Много аспирантов и недавно защитившихся докторов наук, представителей общественных организаций и движений, редакторов научных журналов и вузовских преподавателей.

Конференция организована в выходные дни, чтобы никому из белорусских коллег не нужно было отпрашиваться с работы. В Беларуси при Лукашенко с этим строго. Мое выступле-

ние было поставлено на пленарном заседании (всего четыре доклада) в первый день конференции. Тема: «История Беларуси, отраженная в Израиле: обзор архивных коллекций документов и материалов». В связи с ограниченным регламентом я излагал тему конспективно в надежде, что доклад опубликуют и каждый с ним сможет детально познакомиться.

Я говорил, исходя из личного двадцатилетнего опыта работы в научных учреждениях Израиля, где белорусский материал рассыпан в многочисленных больших и малых архивах и исследовательских центрах, библиотеках, музеях, издательствах, энциклопедиях моей страны. Однако внушительное количество «белорусского» материала, отложившегося в архивах Израиля за полвека, никак не отражается на развитии научных контактов между нашими странами. Не было ни одного совместного научного белорусско-израильского проекта, нет обмена студентами, преподавателями. Первая и последняя научная конференция по еврейской истории состоялась в Минске в мае 1994 г.³

Это особенно очевидно на фоне достижений России, Украины и стран Балтии, и Молдавии, которые активно разрабатывают еврейский пласт своего исторического прошлого. Необходимость нового прочтения нашей общей истории давно назрела. Было бы разумно создать межгосударственную комиссию, готовить и выпускать сборники документов, монографии, открывать выставки и музейные экспозиции, сайты в интернете.

Способы презентации на конференции отличались. Не все зачитывали домашние заготовки, в основном предпочитали свободное изложение. Сразу было видно, кто с опытом, владеет материалом, излагает, не комкая слова и предложения, не «жует». Одна гостья из Америки предложила оригинальный вариант. Видеоряд своих тезисов она высвечивала на экране,

³ «Еврейская культура и ее взаимодействие с белорусской и другими культурами»: Материалы научной конференции, май 1994 г. // *Беларусіка-Albaruthenica*, Минск, 1995 г.

одновременно озвучивала текст через микрофон, не отрываясь от компьютера, который стоял перед ней на столе. Правда, делала в быстром темпе на английском языке, и внимание рассеивалось. Синхронный перевод на белорусский оставлял желать лучшего. В итоге восприятие притупилось, не поспевало за оратором. Куда лучше наметить основные тезисы и сообщить их аудитории устно, следя за реакцией зала.

Про евреев ни слова

Кроме меня, о евреях никто говорить не собирался, но не от злого умысла. С одной стороны, чужое не болит, с другой – не было специалистов. Вместе с тем представить историю Беларуси за последние 300 лет без европейской составляющей невозможно. Белорусам и евреям нечего было делить, так как до 1917 г. власть одинаково пренебрежительно относилась ко всему, что выходило за пределы великорусской державности.

Если на Украине евреи «делали» деньги, то белорусские литвакес⁴, запертые в границах черты оседлости, боролись за выживание и отдавали предпочтение европейской учености. Вопиющее имущественное неравенство между евреями и белорусами отсутствовало, и это позволило избежать межнационального антагонизма, эксцессов, сотрясавших империю во время первой русской революции.

Некоторые коллеги обнаружили полное непонимание современной ситуации в Израиле. Профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси в Гомельском университете, удивлялся: зачем вы, израильянне, продолжаете строить на Западном берегу Иордана и в Самарии, ведь уже договорились. Как объяснить человеку, что нельзя насилино тащить за стол мирных переговоров того, кому это не нужно?

⁴ *Литвакі* (от идиш *לִיטוֹאַקְ* – *літвэ́к*) – группа ашkenазских евреев и исторически связанное с ними ортодоксальное течение в иудаизме на территории большей части современной Беларуси, Литвы, Латвии, в отдельных прилегающих районах России, Украины и Польши, обладали собственным менталитетом.

Неожиданные встречи

Оказавшись в Варшаве, я получил еще один повод задуматься, что в нашей жизни случайно, а что закономерно. На конференцию приехали коллеги, встреча с которыми стала для меня сюрпризом.

Христиан Ганзер (*Geschichtswerkstatt Europa, Germany*) год назад позвонил мне в Тель-Авивский университет и сообщил, что мою книгу на русском языке «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.» украли из публичной библиотеки в Берлине. Не курьез? Христиан спрашивал, где найти еще один экземпляр? Он приехал из Германии преподавать немецкий язык в Киевский государственный университет, работает над диссертацией на тему «Отражение темы Холокоста в краеведческих музеях Украины и Белоруссии».

Мария Паола Сурвилла (*Southwestern College*), Центр белорусских исследований в штате Канзас (США), два года назад обещала помочь с переводом на английский язык и изданием моей книги «Евреи в Турове. История местечка Мозырского Полесья», которая вышла в Иерусалиме на русском языке... Мария вновь обнадежила и объяснила, что существует очередь на перевод и что поиски спонсора требуют времени. Хочется верить: все получится.

Ирина Кашталян из Свободного университета в Берлине (*Free University of Berlin, Germany*) пишет диссертацию «Повседневная жизнь в БССР, 1944–1955 гг.», подготовила аналогичную работу в Минске, но ВАК (высшая аттестационная комиссия при Министерстве высшего образования Беларусь) ее не утвердил под надуманным предлогом. Тогда завершать диссертацию Ирина уехала в Берлин. Готовит свое исследование на английском языке, свободно владеет польским, говорит исключительно на белорусском. Ирина «отвесила» мне комплимент, которого я раньше не слышал: «Приятно познакомиться с человеком, на работы которого я постоянно ссылаюсь».

По дороге домой

Прохожу проверку багажа, не разрешают взять в самолет бутылку с водой. Следят, чтобы в ручной клади не оказалось режущих или колющих предметов. Потом свободное время, иду подкрепиться в кафе. Там подают те же самые «режущие и колющие» – столовые ножи и вилки, но ведь из кафе их легко пронести на борт самолета. Абсурд??!

Вылетели по расписанию. Салон снова заполнен только на треть. Обслуживание замечательное. Я клевал носом, пытался читать – словом, коротал время. Строил планы, как лучше организовать работу, когда буду дома. Объявляют сначала на польском, а потом и по-английски, что через 20 мин. ожидается посадка в Тель-Авиве, и просят пристегнуть ремни. Обычная процедура. Но вдруг через названный промежуток времени командир экипажа сообщает, что из-за погодных условий мы летим... в Египет. Я сразу пожалел, что фотографировать не придется, так как батарейки разрядились. Но вскоре начали поступать подробности: над Тель-Авивом туман, со вчерашнего дня аэропорт закрыт.

В Каире из самолета никого не выпускали. Так мы и «прокувовали» 45 минут. Потом все-таки вылетели в Израиль. Полетное время – 1 час. Не страшно, еще немного, и окажемся дома. Однако вместо этого через час всех пассажиров ставят в известность, что мы... возвращаемся в Варшаву. Теперь я понял, почему самолет так долго кружил над аэропортом Бен-Гурион.

Итак, 8 часов в воздухе вместо четырех! Кто-то из пассажиров начал возмущаться. Но польские летчики предпочитают перестраховываться после случившегося 10 месяцев назад авиакрушения под Смоленском, когда погиб президент Лех Качиньский со всей своей свитой, тоже из-за тумана...

Стюардессы проворно выкатили тележку с напитками, потом в ход пошли шоколадные конфеты. Улеглись спать. Пользуясь тем, что в моем ряду соседей нет, я занял горизонтальное положение и ненадолго уснул.

Обратная дорога всегда кажется короче. Вот и Варшава, откуда мы вылетели, ничего не подозревая. В самолете успел познакомиться с группой израильтян (слышно было, как они возмущались на иврите). Мы начали держаться вместе – Рон, Дрор и Лимор. Обменялись мобильными телефонами, позвонили домой в Израиль, объяснили, почему задерживаемся.

Непонятным осталось только, почему нас не посадили на Кипре, в Омане или не подождали в том же Каире, ведь туман исчезает с рассветом. Я обратил внимание, что, когда наш самолет второй раз за сутки коснулся земли в Варшаве, пассажиры не аплодировали, как это обычно бывает. По завершении рейса стюардесса произнесла в микрофон стандартные слова о том, что экипаж и авиакомпании “LOT” благодарны пассажирам за выбор и выразили надежду, что полет прошел приятно. Это звучало двусмысленно, но все пропустили мимо ушей.

Международные авиалинии – это такой конвейер! Билеты без разговоров поменяли и даже выдали талон на бесплатный обед. Летим домой с пересадкой в Вене. Из Польши до Австрии – 1 час 15 мин., самолет другой, но тоже авиакомпания “LOT”. Свободные места есть, но только в бизнес-классе. Мы ничего не доплачиваем. Скорее всего, между авиакомпаниями существует система взаиморасчетов.

Переоформив билеты, отправляюсь перекусить, используя талон, который вручили в “LOT” как компенсацию за моральный ущерб. Надеясь хорошо подкрепиться, зашел в ресторан (или кафе) аэропорта. Оказалось, мой аппетит заранее ограничили 30 злотыми. Мало того, супы, салаты и любые напитки (чай, кофе, соки, пиво) отпускали только за дополнительную плату. Чашка черного чая в пакетике стоила 7,5 зл. (3 долл.). Тарелка картошки с мясом, жареным луком, брокколи, соленым помидором и огурчиком – 30 злотых, а заваренный примитивно чай в бумажном стаканчике – треть этой суммы. Ну и крохоборы!

Приключение с багажом

После повторного приземления в Варшаве я старался не терять из виду израильтян. При этом не обратил внимания, что они имели только компактные чемоданчики на колесиках с длинной ручкой. Вот и паспортный контроль позади. И тут только я заметил, что все остальные остались внизу у багажной стойки, а мне туда дорога закрыта. Назад не пустят – границу перешел.

Сообщаю в справочном бюро о своей проблеме. Слышу в ответ: не страшно, получите чемодан в Израиле – доставляют на другом самолете. Но когда? Не придется ли мне специально для этого ездить в Бен-Гурион? Не соглашаюсь и слышу, что есть другой вариант. Нахожу бюро “Lost and Found”, показываю старые и переоформленные авиабилеты и уже в сопровождении девушки в красивой форме на каблучках мы отправляемся на поиски несчастного чемодана. Спускаемся на лифте в цокольный этаж. Моя добрая фея открывает пластиковой карточкой запасную дверь. Так, минуя границу (она наверху для пассажиров), мы почти у цели. Еще немного, и находим мой чемодан в комнате дежурного.

Уже в Вене при посадке на самолет «Эль-Аль» слышу стандартный вопрос: кто, где и когда собирал мои вещи? Отвечаю, что делал это лично и передач мне никто не предлагал. И тут проверяющий обращает внимание на то, что у меня не одна, а две багажные квитанции – новая и старая. Почему? Рассказываю, как я бегал за оставленным по ошибке чемоданом. Объяснения приняты, пускают в самолет.

Все пассажиры в салоне, последние приготовления к взлету. Вдруг ко мне обращается стюардесса – опишите свой чемодан. Называю приметы. Тут же при мне связываются с багажным отсеком. Потом уже в Тель-Авиве я обнаруживаю следы досмотра и печать службы безопасности «Эль-Аль». Решили на всякий случай проверить сами, так вернее.

«Эль-Аль» – это «Эль-Аль»!

Когда в Вене я пересел, наконец, в израильский самолет, то, без преувеличения, почувствовал большое облегчение. Эти обратно в Варшаву не повезут. Принесли ужин. Все как положено – на тарелочке вместе со столовым прибором «теудат кашрут» (свидетельство о кашруте). Рядом вежливое письмо о том, что если в карманах осталась мелочь, то опустите ее в конвертик, который приготовлен в спинке кресла напротив. В конце полета стюардесса соберет их – и вы примете участие в кампании по сбору средств для нуждающихся детей.

Все сообщения, которые транслируются в эфир в салоне самолета, заранее записаны на пленку лучшими дикторами, а не произносятся скороговоркой на ужасном английском, комкая фразы и глотая слова. На этот раз предчувствие не подвело, и мы вовремя приземлились. Скорее в Иерусалим! После завтра у моего младшего сына Моше в синагоге бар-мицва.

* * *

Варшава и Краков – это, конечно, не вся Польша, но в моем сознании они теперь не абстрактная величина. Одна неделя в этой стране показала мне, что не такие уж мы чужие. Нельзя понять историю Израиля без Беларуси и Польши – главный вывод, который я сделал по итогам поездки. Чем больше людей в это поверит, тем скорее удастся распутать узлы исторического прошлого и увидеть общие перспективы.

Опубликовано:

Л. Смиловичский. «В Варшаву с любовью» // *Секрет* (Тель-Авив), № 872, 16 января 2011 г.

<http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=2939>

<http://isrageo.wordpress.com/2012/10/26/poleskasmil/>

Первый раз в Берлине

Очередная конференция, на этот раз Берлине. Германия – непростая страна, а Берлин непростой город. Моя память отягощена знанием истории. Нет на свете другой страны, которая бы вызывала у меня столько эмоций. Долгое время я удивлялся: как немцы едут в Израиль? А теперь сам еду в Германию. Другое время, другое поколение. Никто не будет спорить, что сегодня Германия – страна номер один в Европе. Израилю нужен такой партнер в политике, экономике, науке. Федеральное правительство в Берлине после окончания Второй мировой войны проводит разумную, взвешенную политику по отношению к евреям и еврейскому государству.

Симпозиум организован при поддержке Европейского научного фонда при участии Парижского центра изучения России, Кавказа и Центральной Европы, Гейдельбергского университета, Центра Марка Блоха в Берлине и Гамбургского института социальных исследований (European Science Foundation, CERCEC, Paris, France, Ruprecht-Karls Universität Heidelberg, Germany, the Centre Marc Bloch, the Hamburger Institut für Sozialforschung and the Ruprecht-Karls Universität Heidelberg).

Тема симпозиума: «Судебное преследование нацистских военных преступников в Советском Союзе». Место проведения – Берлин, Германия, 27–29 марта 2014 г.

В интернете можно познакомиться с его программой:
http://www.uni-heidelberg.de/md/zegk/sog/forschung/ew13-093_programme-2.pdf

Состав приглашенных участников вызывал уважение. Это были 25 исследователей из 10 стран: Франция (Центр изучения

России, Yahad in Unum, Париж), Германия (университеты Йены, Гейдельберга и Гамбурга, Центр Марка Блоха, Берлин), США (университеты Центральной Флориды, Калифорнии, Беркли, Вашингтонский музей Холокоста), Финляндия (университет Хельсинки), Дания (Королевский колледж изучения военных проблем), Швеция (университет г. Лунд), Россия (фонды «Холокост» и «Мемориал»), Украина (Институт истории Академии наук, Киев), Молдова (государственный университет, Кишинев), Израиль (Тель-Авивский университет).

Интерес к обсуждаемой проблеме не праздный. У каждого приглашенного написаны диссертации, книги, статьи о военных преступлениях национал-социалистов. Я предложил тему доклада: «Нацистские преступления в Советском Союзе на материале писем, дневников и воспоминаний советских евреев (1941–1945 гг.)», который подготовил по источникам личного происхождения (военные письма, фотографии, документы из семейных архивов), собранным в рамках проекта «Невостребованная память» в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете.

Язык общения

Рабочий язык симпозиума – английский, хотя 80% его участников свободно изъясняются по-русски. Остальные 20% читали и понимали русский как необходимое условие для проведения своих исследований. Тем не менее, открылась прекрасная возможность послушать, сравнить, проверить понимание на слух родной и выученный английский моих коллег.

Носители родного русского языка, перед которыми стояла задача сделать научные сообщения на английском, были представлены новым и старым поколениями. Первые прошли длительную стажировку в США, Англии, Германии и владели английским свободно. Вторые (выпускники советских вузов) изучали английский самостоятельно. Им пришлось труднее

всего. Потребовалось мобилизовать все внутренние резервы, чтобы быть понятными англоязычным коллегам. Однако доброжелательная атмосфера на симпозиуме помогала сократить разрыв. Этой цели служили подготовленные заблаговременно презентации со слайдами и предварительная рассылка текстов докладов на английском языке, что сэкономило время для дискуссии.

Немцы и евреи

Евреев и немцев связывают столетия совместной жизни, успешной и плодотворной настолько, что накануне Второй мировой войны, евреи Германии наименовали себя немцами Моисеева закона. Потом были Гитлер и Холокост, всего 12 лет (1933–1945 гг.), но это время омрачило отношения между двумя народами, казалось, навсегда. Понадобились мудрость президентов США Гарри Трумэна, Дуайта Эйзенхауэра, первого канцлера ФРГ Конрада Аденауэра и премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона, план Маршалла по восстановлению послевоенной Европы, чтобы сломать лед предубеждения.

Еще до 1956 г. израильтяне, получавшие паспорта для выезда за границу, имели письменно предписание МИДа в Иерусалиме, которое гласило, что они могут путешествовать по миру, но только без права посещения Германии. Менахем Бегин выступал против получения израильтянами компенсации от немецкого правительства («кровь нельзя взвесить»). Тем временем Федеративная Республика Германии, восстановленная на американские деньги, была включена в НАТО, а затем одновременно с ГДР принята в ООН. Израиль же в это время в одиночку противостоял арабским режимам, которые негласно исповедовали идеи нацизма («хороший еврей – мертвый еврей»).

Сама жизнь толкала Израиль и Германию друг к другу. Немецкое руководство объявило политику особой ответственности в отношении еврейского государства. Чего стоит заявление канцлера Ангелы Меркель: враг Израиля – это враг Германии.

Кто покажет Берлин?

Берлин лучше увидеть с помощью того, кто там живет. Мои знакомые в Германии разбросаны по разным городам: Мюнхен, Франкфурт, Регенсбург, Крефельд, Ганновер, Хайлигенхаус и др., но никого в Берлине. Наконец, настойчивый поиск дал результаты. Берлин согласились показать мне Алекся Беланович-Петц и Алексей Жбанов.

Алесья родом из Беларуси, но с октября 2012 г. живет в Берлине, а ее родители – в Столбцах на Нёмане. Алесья пишет диссертацию о том, как принудительные работы во время Второй мировой войны повлияли на дальнейшую жизнь «восточных работниц» в советской и постсоветской Беларуси.

Алесья Жбанов, минчанин, тоже живет в Берлине. Любопытно, насколько неожиданными бывают цепочки знакомств. Мой коллега и друг профессор Ежи Гарбинский из Люблиńskiego университета написал своему знакомому, Алесю Астрауху, автору фундаментального идиш-белорусского словаря, в Минск. Астраух посоветовал обратиться к Алесю Жбанову, с которым они вместе организовали тематические экскурсии «В поисках идиша». Два Алесья и Алесья – любители истории и культуры евреев Беларуси. Алесья Жбанов за последние три года перевел с идиша на беларускую мову около 15 песен.

Ах, какой город

В Берлине есть что посмотреть. Это давний перекресток Европы. Без преувеличения будет утверждать, что здесь происходили события, которые не раз меняли карту мира. Можно съездить в район Шпандау, который известен как «старый город» Берлина. Целое созвездие знаменитых берлинских музеев расположено на так называемом Музейном острове. Например, музей Боде, в котором размещаются экспозиции Скульптурного собрания, Музея византийского искусства и Монетного кабинета. Или Новый музей, построенный в 1855 г., – образец музейной архитектуры XIX в. Не оставит

равнодушным дворец Шарлоттенбург, возведенный по распоряжению супруги Фридриха I, королевы Софии Шарлотты. Можно совершить прогулку на кораблике по реке Шпрея...

Алеся Беланович-Петц ведет нас с супругой по Унтер-ден-Линден (нем. *Unter den Linden* – «под липами») – наиболее известному бульвару Берлина. От Парижской площади мы доходим до Дворцового моста через реку Шпрее, где Унтер-ден-Линден переходит в улицу Карл-Либкнехт-штрассе.

Скоро нам открывается знаменитый рейхстаг («здание государственного собрания»). Слово настолько привычное русскому уху, что вряд ли нуждается в пояснении. С 1999 г. здесь заседает Бундестаг объединенной Германии. В рейхстаг пускают экскурсантов, подобно израильскому кнессету. Тут прозрачный намек на открытость и подконтрольность власти народу (избирателям). Вижу стайки туристов, которые ждут своей очереди, чтобы осмотреть это историческое место.

Потом мы знакомимся с грандиозным Берлинским кафедральным собором – крупнейшей протестантской церковью Германии династии прусских королей Гогенцоллернов. После Второй мировой войны была проведена реконструкция серьезно пострадавшего собора (1993 г.), и теперь он поражает своим пышным внутренним убранством. В очертаниях послевоенного Берлина, поднятого из руин после 1945 г., я с удивлением для себя обнаружил знакомые очертания Минска, Варшавы и даже Вашингтона.

Берлинская стена

Едем смотреть на Берлинскую стену, о которой я слышал со школьной скамьи. В 2012 г. состоялось открытие мемориального комплекса «Берлинская стена», который занимает 4 га (Сенат Берлина не пожалел на это 28 млн. евро).

Официальное название стены в ГДР – Антифашистский оборонительный вал. Это была хорошо спланированная военная операция – Западный и Восточный Берлин разделили за одну ночь 13 августа 1961 г. Протяженность стены поражает:

155 км, в том числе в черте Берлина 43 км. Серьезное инженерное сооружение включало в себя 100 км бетонного забора высотой более 3 м, 65 км металлической сетки, 127 км под электрическим током, 105 км земляных рвов и противотанковых укреплений, 302 сторожевые вышки и контрольно-следовая полоса.

Стена стала символом ненависти демократического лагеря к коммунистическому режиму, границей двух миров, которые пугали друг друга ядерным оружием. Только в 1989 г. участь пограничного монстра была предрешена. Сначала открыли все пограничные переходы. Каждый житель ГДР мог в течение суток гулять по Западному Берлину, получив на карманные расходы в качестве подарка 50 западногерманских марок. Окончательно стена пала с выводом Группы советских войск в Германии, который завершился в 1994 г. Событие это было признано настолько значимым, что фрагмент стены 2 х 3 м был установлен в Храме Гроба Господня в Иерусалиме.

Память о войне

Берлин переполнен историческими памятниками, мемориальными знаками, монументами, архитектурными сооружениями, музеями, связанными с событиями последней войны и Холокоста. Самое большое впечатление, конечно, оставляет Мемориал памяти убитых нацистами евреев Европы в центре Берлина между Бранденбургскими воротами и тем, что осталось от бункера бывшего руководства нацистской Германии. Это огромное поле из почти 3 тыс. серых плит. С момента открытия мемориала в 2005 г. и до сегодняшнего дня здесь побывали 3 млн. чел.

Сильное впечатление оставляют латунные таблички 10 x 10 см, замурованные в тротуар у порога домов, откуда евреев депортировали в лагерь уничтожения. На них указаны имена, фамилии, профессии, возраст и конечный пункт депортации евреев – Освенцим, Равенсбрюк, Майданек, Маутхаузен, Треблинка, Прага, Минск, Рига...

Наступит ли время, когда в этом отпадет необходимость? В обозримом будущем, скорее всего, нет. Насколько восприимчивы современные немцы к трагедии Холокоста? Считают ли они историю прошедшей войны «своей»? Или трагические события 1933–1945 гг. удалены от них так же далеко, как эпоха наполеоновских войн в XIX в.? В Берлине я задавал это вопрос не только коллегам на конференции, но и в гостинице, где остановился, на улице, в магазине, автобусе, станции метро. В Израиле каждый еврей, независимо от возраста, знает, что нацисты не оставили бы его в живых, если бы им это позволили. Отсюда гордость за свое государство, любовь и уважение к Армии обороны Израиля. А в Германии? Я слышал такие ответы: «в то время», «в этой стране», «на этой территории»... Как мне показалось, существует большая разница между тем, как воспринимают уроки войны этнические и «новые» немцы – дети эмигрантов из Турции, стран бывшей Югославии, Азии и Африки, родившиеся в Германии. Последние слушают все, что им рассказывают о Холокoste, очень внимательно.

Помнить уроки истории, но жить сегодняшним днем, а как иначе? Демократическая страна, правовое государство, нормативные отношения. Пора прощаться со стереотипами? Но не все так безоблачно. В одном из центральных парков Берлина вблизи от Александрплац по дороге на заседание конференции я увидел неонацистское граффити на памятнике еврейским детям, убитым в годы войны нацистами.

Красной краской неизвестные намалевали шестиконечную звезду. И той же краской вымазали глаза на детских лицах. Посып более чем ясный – заплачете кровавыми глазами. Чьих рук дело? Местных неонацистов или арабских «друзей», когда это случилось? Скорее всего, накануне ночью, уж больно место людное.

Неподалеку служащие муниципалитета были заняты самым мирным занятием – проверяли, как раскрываются почки (каждое дерево пронумеровано). На дворе конец марта. Мы с женой заявили об антисемитском граффити, подчеркнув,

что приехали из Израиля и крайне возмущены. Тут же получили заверения, что об этом ЧП они немедленно сообщат куда следует и краску смоют. Скорее всего, так и будет, немцы народ исполнительный. Но проблема остается, и недоброжелатели евреев никуда не делись. Трусливый способ выражения этой ненависти очередной раз напоминает – прошлое вернется, если делать вид, если о нем забудут.

По итогам симпозиума

Судебные процессы над немецкими военными преступниками и их пособниками, проведенные в Советском Союзе в 1940–1980 гг., имели общие закономерности. По итогам докладов на симпозиуме я сделал для себя следующие выводы:

- для всех процессов без исключения был характерен обвинительный подход, а не поиски истины – кто виноват и каковы были мотивы преступлений;
- обвинения в измене родине (советской власти) превалировали над преступлениями против граждан;
- обвинение в убийстве советских людей (но не евреев);
- демонстрация неотвратимости наказания, чтобы неповадно было предавать государство.

Отличительной особенностью большинства советских уголовных процессов против военных преступников была их закрытость. Вместе с тем делопроизводство велось в соответствии с принятой юридической процедурой. Для кого это было предназначено? Скорее всего, для так называемого внутреннего потребления. Советский режим, присвоивший монополию государственной власти, нуждался во всестороннем контроле общества и личности, а для этого были необходимы: постоянная осведомленность, сбор и систематизация компрометирующих материалов, преследование всех, кто покушался на власть государства и использование итогов процессов в пропагандистских целях. И только в последнюю очередь – возмездие за преступления против личности. При этом истинная шка-

ла приоритетов в СССР скрывалась. Важно было избежать огласки информации, которая бросала тень на политику советского руководства в годы войны, вызывала ненужные ассоциации и сравнения, порождала неудобные вопросы. В противном случае все процессы против военных преступников и их пособников должны были быть гласными.

Как мы улетали

Если вы не летали из Германии самолетом авиакомпанией «Эль-Аль», то вам будет интересно. По крайней мере, в первый раз это производит сильное впечатление. Терминал, который обслуживает израильскую авиалинию, намеренно удален. Сразу замечаю три-четыре немецкие патрульные машины. Мы с женой катим свой чемодан к входу. У стойки регистрации авиабилетов стоят еще два полицейских, в бронежилетах, с автоматами и собакой. Долго и нудно нас расспрашивают (на иврите), кто и когда паковал багаж, не оставил ли он без присмотра? Не предлагал ли кто-то подарки или передачи в Израиль? Внимательно сверяют фото на паспортах.

Чемодан просветили и забрали. Потом проверка ручной клади и прохождение через рамку металлоискателя, паспортный контроль. Оказалось, что и это не все, впереди личный досмотр. Каждого пассажира, мужчин и женщин.

Наконец, объявили посадку, и по специальному коридору-рукаву мы переходим из здания аэропорта в самолет. Успеваю бросить последний взгляд в окно на взлетную полосу. Наш самолет расположен таким образом, что подобраться к нему незамеченным невозможно. Единственный проход запирает броневик. У трапа самолета стоят, расставив широко ноги и не шевелясь, как статуи, несколько полицейских. В руках автоматы, палец на спусковом крючке. И так провожают каждый рейс на Тель-Авив. В самолете одни туристы, нет государственных деятелей, официальной делегации. Меня, прожившего 25 лет в Израиле, это не удивляет. После угонов наших авиалайнеров

палестинскими террористами, трагедии на Мюнхенской (1972 г.) олимпиаде немцы решили, что в Германии это не должно повториться никогда. От слов к делу – результат налицо.

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Первый раз в Берлине» // *Мы здесь*: международный интернет-портал, №446, 17–23 апреля 2014 г.

<http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=7052>

<http://isrageo.com/2014/05/02/berli045/>

Еврейские солдаты в годы Второй мировой войны

Будет преувеличением сказать, что мы все знаем о Второй мировой войне (1939–1945 гг.), а ее опыт и знание не нужны современному поколению. Когда вскоре после разгрома нацистской Германии мировое сообщество оказалось разъединенным противостоянием Востока и Запада, каждая из сторон по-своему подводила ее итоги.

Переоценка ценностей требует отказа от стереотипов. Одним из наиболее устойчивых мифов является тот, что евреи не воевали, – не умели, не хотели, боялись. И это, несмотря на существующую статистику, свидетельствующую об обратном. В годы Второй мировой войны в – армиях антигитлеровской коалиции сражалось не менее 1,5 млн. евреев, в том числе 556 тыс. чел. в армии США и 500 тыс. чел. – в Красной армии. Сотни тысяч евреев-солдат погибли, более 350 тыс. были ранены, каждый третий – тяжело. Десятки тысяч евреев получили правительственные награды, занимали высокие командные должности, составляли значительную часть офицерского корпуса... Почему же тогда «не воевали»?

Разгадка в том, что они воевали не как евреи, а как солдаты тех армий, в которых служили. Национальная идентификация не подчеркивалась. Солдат-еврей Красной армии считался «русским», американской – «американцем», французской – «французом», канадской – «канадцем», австралийской – «австралийцем» и т. д. Единственным исключением стала Еврейская бригада в армии его Величества, короля Великобритании Георга V из Палестины (5 тыс. чел.), сформированная в сентябре 1944 г. Однако все они служили добровольно.

Каким же в действительности был вклад еврейских солдат в победу во Второй мировой войне? Этой проблеме была посвящена международная конференция «Еврейские солдаты в годы Второй мировой войны», состоявшаяся в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете 8–10 декабря 2014 г.

Состав участников

На конференцию «Еврейские солдаты» в Тель-Авив прибыли 18 исследователей из 8 стран: Израиль, США, Канада, Великобритания, Франция, Россия, Германия, Словения. Это не считая гостей, студентов и слушателей, вход был свободный.

Участники конференции представляли Тель-Авивский университет, университет Бар-Илан, Открытый университет Израиля, Яд ва-Шем, Музей еврейских солдат (Латрун), Центр документоведения североафриканских евреев в годы Второй мировой войны, университеты Торонто, Оксфорда, Мичигана, университет Гумбольдта в Берлине, университет Сассекса.

Рабочий язык – английский. С одной стороны, это подчеркивало статус научного собрания, с другой – имело практическую значимость, поскольку не все участники конференции и гости понимали иврит. Одновременно это свидетельствовало о широком участии израильских исследователей в жизни международного научного сообщества. В кулуарах, наряду с ивритом и английским, была слышна и русская речь.

Ход конференции

Конференция была посвящена двум крупнейшим событиям 1944 г., повлиявшим на исход Второй мировой войны: 70 лет высадки американо-английского десанта в Нормандии 6 июня 1944 г. и самой масштабной операции всей войны «Багратион» 23 июня – 29 августа 1944 г. Открытие союзниками второго фронта стало реальностью. В результате была освобождена территория Беларуси, восточной Польши и часть Прибалтики. Красная армия перешла государственную границу СССР,

перенеся военные действия на европейскую часть, оккупированную Германией.

Ряд участников конференции подготовили сообщения с иллюстрированным материалом в виде презентаций. Пошел по этому пути и я. Мой доклад «Советские евреи пишут в Красную армию. Опыт формирования коллекции военных писем в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете» был построен на живом рассказе с демонстрацией слайдов писем и дневников военных лет. Часть этих писем была отправлена из действующей армии, а другая – из районов эвакуации. Письма дополняли рассказы о судьбе людей на войне и то, что у исследователей называется источниками личного происхождения, – справки по месту работы и службы, наградные листы, благодарности и грамоты, автобиографии, солдатские и офицерские книжки, мобилизационные предписания, похоронки, фотографии и др.

Советские конверты и почтовая бумага времен войны изобиловали надписями с требованием разгрома Германии. Они оставляют неизгладимое впечатление, когда читаешь фамилии, участников переписки: Иоффе, Айзенштат, Лившиц, Эпштейн, Авин, Шварц, Рабинович, Каганович, Либерман, Пинхасик и др. Начиная с 1942 г., немецкая политика тотального уничтожения евреев перестала быть тайной, поэтому призывы советских властей «отомстить», «убить немца» и другие приобретали для советских евреев особенно глубокий смысл.

В целом письма с войны передавали глубокие переживания, чувства, надежды, а также новости повседневной жизни, реакцию на известия с полей сражений, рассказы об учебе, работе, быте эвакуации и в свою очередь свидетельствовала о буднях фронтовой жизни. Письма содержат много важных деталей и примеров, позволяющих ощутить эпоху военного времени.

Атмосфера на конференции в Тель-Авивском университете была дружеской. Слушатели делали записи не только от руки в блокнотах, которые раздали организаторы, но и с помощью

портативных персональных компьютеров и даже мобильных телефонов. Никто не просил выключать диктофон или не фотографировать. Мы знаем, что современные технические средства позволяют не только максимально фиксировать происходящее, но и немедленно выставлять услышанное и увиденное в интернет.

Кстати, накануне конференции организаторы поместили в Twitter сообщение о ней на иврите. Как известно, возможности социальных сетей для публичного обмена короткими сообщениями необозримы. Они используют веб-интерфейс, SMS, средства мгновенного обмена информацией для пользователей интернета любого возраста. И тут же посыпались отклики от второго и третьего послевоенных поколений. Это дети, внуки и правнуки солдат-евреев Красной армии, сражавшихся с нацистами. Они уже не говорят и не пишут по-русски, но на сообщение в социальных сетях отреагировали мгновенно. И каждый спешил поделиться эпизодами семейной истории, предлагал свое участие в сохранении памяти о евреях-солдатах на войне, рассказывал о фотографиях и документах личного происхождения из семейных архивов.

Вот один пример. Натан Каган из Гродно в 1941 г. накануне прихода немцев бежал из города, несмотря на то, что все его родные остались. Они не верили, что им грозит смертельная опасность. В 1942 г. молодой человек вступает в Красную армию. При взятии Будапешта в 1945 г. он видит синагоге и микве трупы евреев, сложенные доверху штабелем, как дрова. Советские солдаты, его товарищи, выводят Натана под руки: «Твои собратья лежат здесь убитые – тебе нельзя на это смотреть. Твой народ погиб, но мы тебя защитим, ты должен жить». После окончания войны Натан уезжает в Израиль. До 1989 г. его дети и не подозревали, что папа понимает по-русски. Потом вдруг «прорвало». Сегодня Натану за 90. Он один уцелел из всей своей семьи Каганов в Гродно. Возраст дает себя знать. Натан не вспоминает детские годы и то, что было после войны, говорит только о своей службе в Красной армии и войне с немцами.

Главные идеи конференции

х Еврейское сопротивление. Евреи не только страдали, но и активно сопротивлялись, прежде всего, в составе армий стран антигитлеровской коалиции.

Мотивация евреев, надевших военные шинели. Только в одну Красную армию призвались или вступили добровольно от 490 до 520 тыс. молодых евреев. Большинство из них воевали не столько за социалистическую родину, советский строй, товарища Сталина, сколько за родной очаг, своих близких и родных.

х Проблема национальной самоидентификации. Многие евреи, лишенные традиций, оторванные от религии, не знавшие идиша (или отказавшиеся от него), искренне считали себя советскими людьми. В то же время государство и окружавшие их славянские и неславянские соседи (друзья, знакомые, сослуживцы, однополчане) продолжали выделять их как евреев.

Отношение к солдатам и командирам-евреям командования и товарищей по оружию. Антисемитизм, набиравший в годы войны силу (в тылу и на фронте), делал еврейское население в значительной степени уязвимым.

Вклад в общую победу над нацистской Германией.

Освещение героизма евреев в художественной литературе, публицистике, театре и кино, изобразительном искусстве.

Одним из наиболее содержательных докладов закономерно стало выступление профессора Мичиганского университета Цви Гительмана «Почему они сражались? Советские и другие еврейские солдаты Второй мировой войны». Свободно владея английским, ивритом, идишем, русским и польским языками, профессор Гительман убедительно показал общее и особенное американских и советских евреев, воевавших с нацистами, и отношение к ним их командиров и сослуживцев.

Представитель Министерства обороны Израиля генерал Гершон га-Коэн рассказал о становлении Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ), воспринявшей традиции евреев-ветеранов Второй мировой войны, влившихся в боевые отряды в войне за независимость Израиля в 1948 г.

В кулуарах

Объявляют перерыв, выхожу в коридор. Завожу разговор о своих научных интересах и спрашиваю: у кого семейные корни из Беларуси? От профессора из Канады я слышу, что его прадедушка эмигрировал в конце XIX в. в Палестину из Минска, а другой прадедушка из Волковыска. Надо ли этому удивляться? Отец моего директора Центра диаспоры д-ра Симхи Гольдина – уроженец Волпы Гродненской области. Родные профессора Цви Гительмана уехали в США из Пинска. Дедушка Цви Кантора, директора Музея еврейских солдат в Латруне, был раввином в Слониме, а дедушка профессора Дерека Йонатана Пенслера из Оксфорда – уроженец местечка Круглое Минской губернии.

Непосредственно Беларуси посвятила свой доклад д-р Лея Прайс из Яд ва-Шема. Она рассказала о еврейских семейных лагерях в лесах Западной Беларуси, уникальном и не имевшем аналогов явлении в истории Второй мировой войны. Наконец, мой докторант Леон Гершович готовит диссертацию о еврейской жизни в Юго-Восточной Беларуси на примере Гомеля.

Вместо заключения

Тема вооруженного сопротивления евреев в годы Второй мировой войны отнюдь не праздная и выходит далеко за рамки академического интереса. Я слушал доклады выступавших участников о вкладе еврейского народа в вооруженную борьбу с нацизмом и думал о том, насколько все это актуально для Израиля. Исход Второй мировой войны не только позволил появиться на карте мира еврейскому государству, но и посто-

Международные конференции

янно напоминает о себе в повседневной жизни. Почти все наши студенты (юноши и девушки) прошли службу в ЦАХАЛ и два раза в год продолжают являться на военные сборы. На территорию всех без исключения университетов Израиля допускается вход с личным оружием при условии, что владелец имеет разрешение на его ношение. Знаю об этом из личного опыта, поскольку мой сын, будучи студентом факультета Юго-Восточной Азии Еврейского университета в Иерусалиме, приходил на экзамен с пистолетом в кобуре, и никого это не смущало. Страна, оставаясь во враждебном окружении, вынуждена себя защищать, а сколько людей с оружием на улицах Израиля? И никто, кроме туристов и гостей, этому не удивляется.

Конференция закончилась. Итоги подведены, участники расходятся. Выхожу из зала заседания и смотрю вокруг – жизнь продолжается.

H i m [e b d h \ Z g h

Leonid Smilovitsky. “Jewish Soldiers in WW-2”: Remarks on the Tel Aviv University conference. December 8-10, 2014 // *Belarusian Review* (Prague). Vol. 27 (1), 2015, pp. 19-20.

Барселона – двери настежь

Лечу в Барселону для участия в международной научной конференции «Советские дети, война и Холокост». Оказаться в Испании – обычное дело, сейчас этим никого не удивить. Мир вообще меняется стремительно. Молодым при этом легко, они быстро впитывают новое. Мне и моему поколению, для которых авторучка, тетрадь и энциклопедия служили главными инструментами познания, труднее. Нужно приспособливаться. Делаю усилие над собой и я. Сейчас передо мной не блокнот, а диктофон и портативный компьютер.

Если выбран утренний рейс, чтобы раньше прилететь, то бессонная ночь обеспечена. Мой вылет в половине седьмого утра, значит, если в аэропорту им. Бен-Гуриона нужно быть за 3 часа, то такси заказываю на половину второго ночи. Из Иерусалима, где я живу, маршрутное такси следует прямо в аэропорт. Удобно. Водитель собирает пассажиров по дороге, заезжаем в деревню Абу-Тор, это теперь район Иерусалима. В такси подсаживаются двое арабских юношей, коротко стриженые, в джинсах, энергичные... В аэропорт я прохожу свободно, а их досматривают. Израильская служба безопасности знает свое дело.

Впервые я лечу на конференцию зимой. Совсем отвык от холода за много лет жизни в Израиле. Нет теплых вещей и обуви, организм забыл, что такое минусовая температура. Но какая в Испании зима? Это в России морозы, а в Испании в декабре + 15, как в Израиле. Можно жить, хотя те, у кого снега нет, завидуют. Но это не про меня.

В ожидании своего рейса в аэропорту смотрю по сторонам. Вот три девушки-подростка 14–15 лет сидят прямо на полу, скрестив ноги. Напротив стойка для подзарядки мобильных

телефонов и компьютера. Если забыли шнур, не беда, положите на специальную полочку, и ваш электронный носитель будет заряжен автономно. Можно сделать это с помощью обыкновенной розетки или входа USB. Невольно становлюсь свидетелем любопытной сценки. Разговор у девушки идет на английском. В руках одной немецкий паспорт.

- Ты немка? – спрашивает у нее новая знакомая.
- Нет, я еврейка из Германии, – слышу в ответ.
- А я русская, еврейка из России.
- Правда? – удивляется «немка», – тогда я тоже русская.
- Да? – в свою очередь удивляется вторая девушка.
- Да, – продолжает «немка», – у меня родители из Москвы.
- А у меня папа и мама из Кишинева, – поясняет «русская».

При этом разговор, как начался, так и продолжался по-английски. Объявили посадку. Читаю на иврите надпись на борту самолета: «За границей государство – это ты». Ну, как после этого не гордиться своей страной?

Прибытие

Полет прошел незаметно благодаря аудиокниге, кинофильму и записи в дневнике путевых впечатлений. В справочнике я вычитал, что Барселона - столица автономной области Каталония, порт на Средиземном море, крупнейший промышленный и торговый центр Испании. Это один из важнейших туристических перекрестков Европы. Население Барселоны почти 1,8 млн. чел., это второй город в Испании по численности после Мадрида и десятый в Европейском союзе. В его пригородах проживает 3,2 млн. чел. В 1992 г. Барселона принимала летние Олимпийские игры, в 2013 г. здесь проходил чемпионат мира по водным видам спорта.

Английский не в почете. Кругом все надписи сделаны на испанском, английской речи не слышно. По дороге из аэропорта в Барселону не только указатели, но и реклама игнорируют английский. Водитель такси, когда я попытался

обратиться к нему на английском, стал объясняться жестами. Устроившись в гостинице, пошел знакомиться с городом. И вскоре обнаружил ту же картину: одна испанская речь, только испанские вывески. Когда приходилось спрашивать дорогу, ситуация не менялась. Гостеприимные и участливые испанцы силились помочь, но... Если вы обращаетесь к прохожему на английском, то первая реакция – это удивление. Потом человек надувает щеки, выкатывает глаза (испанцы очень эмоциональны) и начинаются догадки: о чем же вы спрашиваете? Очень скоро вы сами жалеете, что не владеете испанским, но на иврите в Барселоне точно не говорят.

Знакомство с городом

Моя гостиница расположена недалеко от исторического центра Барселоны, и поэтому очень удобно осматривать достопримечательности. Конечно, я знаю, что здесь жило много евреев. Еврейская община Барселоны – одна из древнейших в Испании и впервые упоминается в документах IX в. Место, где находилось старое еврейское кладбище, до сих пор называют Montjuich (Еврейская гора), а главная улица в старом еврейском квартале – Calle del Cal (Квартал кагала). В 1492 г. через порт Барселоны Испанию покинули многие евреи. Их присутствие возобновилось в стране только в начале XX в., когда в Барселону приехали евреи из Марокко и Турции, Греции и других балканских стран, а потом и из Польши, Румынии. Община содержала воскресные школы и талмудтора, летние молодежные лагеря и дом для престарелых. В Барселонском университете читались лекции по еврейской истории и литературе. Во время Второй мировой войны испанских евреев не депортировали в лагеря смерти. Наоборот, в Барселоне существовал пункт «Джойнта», где помогали беженцам. В наши дни местная еврейская община продолжает оставаться одной из самых больших в Испании и насчитывает 3 тыс. 500 чел. В Барселонском университете работает кафедра иудаики, в Барселоне действует консульство Израиля.

Сегодня выходной день, офисы закрыты, но транспорт, в отличие от Израиля, работает. Кругом новогодние базарчики – испанцы готовятся к Рождеству. Магазины и магазинчики, киоски и лавочки полны сувениров. Выигрывают те, кто продает съестное – пирожки, сахарную вату, жареные орешки и семечки, кукурузу. Предлагают настоящие, а не пластмассовые елки и елочки. Причем не такие, которые вырубают в результате прореживания леса, и если не купят, то не жалко на дрова. Нет, это отборные елки, которые несколько лет выращивали в специальных питомниках. Ровненькие, аккуратные, пушистые. Каждое деревце просто хоть на выставку, жалко, что срок жизни у него такой короткий. Настоящие, большие, выше 3 м, живые елки были установлены в холле моей гостиницы и вестибюле Барселонского университета, где проходила конференция. Насколько серьезно и трогательно относятся испанцы к традиции католического Рождества, не жалея денег, времени и сил вырастить такие красивые деревья, чтобы украсить свой праздник.

На улицах спокойно, нет вооруженных людей. Не видно полиции и солдат. Правда, в нескольких местах скопления туристов я заметил 3 полицейских, которые больше напоминали наряженных франтов. Особенно один, с бородкой, в берете и бронежилете. Кобура с пистолетом на боку и автомат на груди. Ботиночки начищены, оружие новенькое, которым явно еще не пользовались. Какие-то опереточные герои, а не полицейские. Интересно, как они себя будут вести, когда возникнет нештатная ситуация? Успеют ли отреагировать как нужно или это просто красивый жест государства, чтобы успокоить граждан и напомнить, у кого власть. После Израиля, где полицейские натренированы не только в ходе учений, но и терактами, я смотрю на местную полицию, как на артистов кино, которых только что переодели в костюмерной.

На одной из уличек в центре Барселоны мое внимание привлек яркий плакат с серпом и молотом. До боли знакомая символика заставила остановиться. Надпись на каталонском языке гласила: «Голосуйте за рабочий класс, и мы все сделаем

для вас!» Какие знакомые призывы, какое влияние они имели на людей поколения моих родителей, скольким вскружили головы! И чем все кончилось? Сколько жертв, сколько крови. Сегодня в Испании коммунисты – это редкое исключение, а раньше было совершенно по-другому. Отойдя в сторону, я вижу магазин с броской вывеской, название которой покоробило. На витрине большими черными буквами на пурпурном фоне написано: «Тотальная ликвидация». По-испански это обозначает «распродажа», однако у меня, как еврея и историка, возникают совершенно определенные ассоциации.

Конференция

Тема «Война и дети» мало кого оставляет равнодушным. Дети не имеют отношения к войне, они не виноваты в том, что войны происходят. Война – это мир взрослых, а дети – только страдающая сторона. Детское сознание не успело сформироваться и поэтому воспринимает войну как страшное явление, которому психика ребенка не находит объяснения. Война калечит детство, лишает крова, заставляет покинуть родные места, пугает картинами ужасов и разрушений, которые сознание не готово принять. Война отнимает у детей родителей.

Свидетельства детей о войне по своей искренности, охвату событий и глубине личных переживаний ни с чем несравнимы. Они не только отражают окружавшую их действительность, но и показывают детские переживания, страхи и сомнения.

Судьба детей во время войны давно привлекает внимание историков. Все послевоенные годы на многих языках и в разных странах издавались дневники и сборники писем, воспоминания и записи личных историй. Однако до сих пор на академическом уровне все еще нет исследований, которые показали бы годы войны через призму детского восприятия. Это с одной стороны, а с другой – спустя 70 лет после окончания Второй мировой войны почти не осталось в живых ее участников. Память о войне несут в себе их дети, которым сегодня самим под 80 и больше.

Состав участников конференции оказался очень представительным. На форум в Барселону прибыли исследователи из 11 стран: Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Германии, Израиля, Австрии, Франции, России, Украины, Беларуси, Румынии, Испании. Научные центры, университеты и институты, которые заявили о своем желании участвовать в этом проекте, вызывали уважение. И среди них Yahad – In Unum (Франция), Барселонский университет, Гамбургский, Университет Гумбольдта в Берлине, Вашингтонский музей Холокоста, Национальная школа политических исследований в Бухаресте, Центр изучения антисемитизма в Техническом университете Берлина, Тель-Авивский университет, университет штата Теннеси, университет Чикаго, фонд «Историческая память» в Москве, фонд «Сожженные деревни Беларусь» в Минске и некоторые другие научные, политические и общественные организации.

Доклады, с которыми выступили участники конференции, охватывали самый широкий спектр проблем, связанных с судьбой детей в годы советско-германской войны с 1941 по 1945 г. Не секрет, что большинство малолетних жертв составили еврейские дети, которые, как и их родители, стали главной мишенью нацистской политики геноцида. О проявлениях насилия и массовых убийствах детей на Украине, в Беларуси, России и странах Балтии в годы Второй мировой войны рассказала доктор Уэнди Лоэр (Клермон Маккен Колледж, США). Ее дополнили своими выступлениями Андрей Уманский и Алексей Косаревский (Yahad – In Unum, Франция), которые говорили о методах убийств еврейских детей на оккупированных советских территориях. Доктор Пауль Шапиро из Вашингтонского музея Холокоста посвятил свое выступление судьбе маленьких узников гетто Кишинева, а д-р Александр Круглов из Украинского института изучения Холокоста в Днепропетровске привел потрясающую историю, которая случилась в г. Белая Церковь в Киевской области.

В августе немецкие солдаты, расквартированные в Белой Церкви, обратили внимание на дом, откуда в течение суток

доносились постоянный детский плач и стоны, что мешало им спать. Вскоре выяснилось, что это были около 200 еврейских детей в возрасте от нескольких месяцев до 6–7 лет, отобранные у уже расстрелянных родителей и ожидающие такой же участи. Детей никто не кормил и не поил и, чтобы утолить голод, они соскребали со стен известку и ели ее, за ними не ухаживали, они лежали на полу и на подоконниках в собственных экскрементах, облепленные навозными мухами. Немецкие солдаты пожаловались своему военному священнику, который, в свою очередь, сообщил об этом в штаб своей дивизии. Старший штабной офицер, подполковник Гельмут Гроскурт, запретил расстреливать детей до решения штаба 6-й армии (к этому времени половина детей уже была расстреляна). Однако командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал фон Райхенау решил иначе – оставилшихся детей расстрелять, поскольку часть их и их родители и так уже расстреляны, но сделать это поручили украинским пособникам.

Д-р Даниэла Розенберг из Института политических исследований Парижского университета рассказала, как поступали нацисты с потомками от смешанных браков в Днепропетровске. Д-р Мартин Холер из Университета Гумбольта в Берлине – о трагедии, которая разыгралась в Пушкинских Горах в Псковской области в 1942 г., где убили цыганских детей, а д-р Петру Матей из Национальной школы политических наук в Бухаресте – о депортации цыганских детей в Транснистрию. Наталья Кириллова, куратор проекта «Сожженные деревни Беларуси» в Минске, – об убийстве детей в ходе карательных операций нацистов в Беларуси.

Д-р Ирина Реброва из Центра изучения антисемитизма Технического университета Берлина поделилась результатами своего исследования о том, как на Северном Кавказе местные жители помогали спасать еврейских полукровок, а профессор Никита Ломагин из Европейского университета Санкт-Петербурга – о судьбе детей в блокадном Ленинграде.

С большим интересом был выслушан доклад Луизы Карс Ярдакэ из Института политических и социальных наук

университета Барселоны о том, как в годы войны сложилась судьба детей испанских эмигрантов, привезенных в Советский Союз после разгрома республики в Испании и прихода к власти генерала Франко.

Брэдли Николс из университета Теннеси в США рассказал о судьбе 50 тыс. детей, похищенных в 1943 г. нацистами в странах Восточной Европы для того, чтобы ассимилировать в Германии и таким образом пополнить потери немецкого генофонда в результате кровопролитной войны. По приказу Гиммлера из семей покоренных народов забирали не только годовалых малышей, но даже детей дошкольного возраста с признаками арийской расы (голубые глаза, русые волосы). Их вывозили в Германию, чтобы воспитать согласно немецким ценностям. Для вывоза детей была использована политика этнической чистки в Словении и Югославии. То же самое происходило на оккупированных советских территориях. Для процесса германизации планировалась депортация детей из СССР. Сохранился немецкий документ о том, как в Бобруйске десятки детей белорусов с русыми волосами и голубыми глазами при живых родителях были отобраны для отправки в Германию.

В Прибалтике ситуация была другой, детей предпочитали забирать в семьях, где родители погибли или умерли. Процесс поиска детей «бандитов» (так нацисты называли партизан и всех, кто участвовал в сопротивлении им) продолжался на всех оккупированных нацистами территориях. В России и Польше в их число детей включали мальчиков и девочек дошкольного возраста из семей, которые не сопротивлялись немцам, но были все равно вывезены. Если с расовой точки зрения такие дети не представляли интерес для нацистов, то участь их становилась плачевной.

Олеся Орленко из московского фонда «Историческая память» обратила внимание на детали в рассказах свидетелей, чтобы определить их достоверность. Она привела в пример историю о том, как на глазах ребенка в одном из гетто Беларуси в 1942 г. яйца в корзинке – все, что осталось от съестных

припасов в семье, – разбились. Они медленно текли на землю, и девочке казалось, что с ними пропадает последняя надежда на спасение. Или ответ на вопрос другого малолетнего узника в прошлом о том, на чем он спал в концлагере. На голом полу – матраса не давали, потому что от страха у ребенка возникло недержание мочи.

Д-р Наталия Бельская из университета Чикаго поделилась итогами своих исследований по теме «Эвакуация еврейских детей в годы войны в СССР». Наступление нацистов привело в движение огромные массы людей, которые устремились в советский тыл. Например, в Саратове (Куйбышеве) в годы войны оказалось около 1 млн. евреев. Эвакуированные должны были приспосабливаться, многие прибыли из крупных городов, таких как Киев, Ленинград или Москва. Пока еврейские дети жили в своей среде (до эвакуации), они не испытывали дискомфорта из-за национальности. Открытие ими своей чужеродности принесла эвакуация. Тысячи евреев неожиданно оказались в местах, где таковых раньше не видели. На евреев смотрели, как на что-то необычное, вроде чертей, а потом первый интерес обернулся враждебностью местных жителей.

Рост антисемитизма, с которым столкнулись еврейские дети в эвакуации, имел свои причины. В частности, он был связан с мифом о том, что евреи боялись воевать. Известие о том, что немцы преследуют евреев, привело в районах эвакуации к росту отрицательного отношения к евреям, вместо того чтобы вызвать сочувствие и жалость. Польские евреи в 1939 г., попавшие в СССР, не желали принять новые порядки и ассилироваться, вызывая неприятие местного населения.

На росте антисемитизма в тылу сказывались дефицит рабочих мест, жилья, а нехватка продовольствия и услуг добавляла напряжение. Многие еврейские дети впервые ощутили свое еврейство именно в эвакуации. Еврейская молодежь была поражена таким отношением местного населения. Они слышали, что война, мол, возникла из-за евреев. Им давали понять, что быть евреем зазорно, несмотря на то, что их отцы и старшие братья воевали на фронте.

Опыт эвакуации для всех евреев был связан с антисемитизмом. Дети спрашивали своих мам, бабушек и дедушек (папы были в Красной армии), как перестать быть евреем? Родители отвечали, что нужно быть умными и сильными, сделать так, чтобы заставить других уважать себя или даже бояться. У мальчиков доказать свое мужество, добиться признания позволяли драки. С девочками это происходило реже. Одна девочка из интеллигентной семьи умела рассказывать сказки, и местные дети приняли ее в свою компанию. Другую девочку подружки били только за то, что ее звали Сара, и тогда в школу родители записали ее как Ирину. На вопрос, еврей ли он, еще один мальчик отвечал, что нет, потому что его отец родился большевиком.

Вне сомнения, поведение детей – лишь отражение мира взрослых, след противоречий в экономической, социальной, культурной, военной сферах жизни. Евреи оставались другими, несмотря на желание быть «своими», несмотря на патриотизм. После войны вспоминать о трагическом опыте евреев, с одной стороны, было не принято, а с другой – просто невозможно, ведь у многих евреев осталось ощущение, что государство их бросило, и поэтому они предпочитали не вспоминать собственный опыт и войну вообще. В преклонном же возрасте многие люди склонны переосмысливать события прошлого и позволяют себе быть откровенными.

Тему «Дети и война» я открыл для себя еще 20 лет назад, когда начал свою научную карьеру в Израиле. В 2000 г. в Тель-Авиве я выпустил книгу «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.», которая в 2003 г. была переведена на английский язык, и сегодня каждый желающий может читать ее в интернете: www.jewishgen.org/Yizkor/belarus/belarus.html

Отдельная глава этой монографии рассказывала о судьбе детей в годы оккупации (дети и гетто, спасители детей, антисемитизм, дети от смешанных браков и поведение нееврейских супругов, отличие статуса еврейских детей от нееврейских, влияние Холокоста на судьбы детей и др.).

Мой доклад на конференции в Барселоне был посвящен переписке еврейских детей со своими родителями, военнослужащими Красной армии в 1941–1945 гг. Я подготовил его на основе коллекции военных писем и источников, собранных мной в рамках проекта «Невостребованная память». Письма детей по искренности, подробностям отражения событий и глубине личных переживаний можно считать особым явлением в частной переписке периода Второй мировой войны. Это своеобразный исторический источник, важность которого трудно переоценить. С помощью военных писем можно составить психологический портрет как отдельного человека или семьи, так и всего поколения в целом. Детские письма отличают доверительный характер, откровенность, правдивость изложения событий, убедительность, неискаженность. Свидетельства детей нельзя сфальсифицировать, они убедительно дополняют письма взрослых, в основном посвященные событийной стороне дела. Родители понимали детей как свое продолжение, а дети родителей – как пример для подражания и силу, на которую можно опереться. Письма военных лет – свидетель эпохи, ведь когда человек спустя много лет вспоминает о том, что было с ним в детстве, он уже хорошо знает последующий ход исторических событий и поэтому бессознательно допускает коррекцию воспоминаний. Все это позволяет сделать вывод о том, что детские письма являются самостоятельным направлением в эпистолярном жанре военного времени.

Наиболее трогательным моментом на конференции стало «живое» интервью с пережившим Холокост румынским цыганом. 90-летний старик очень подробно поведал свою ужасную историю. Цыган из Румынии перевезли на оккупированную Украину и там заставили работать, но не кормили, а фактически морили голодом: «Иногда мы ели трупы». Рассказ был очень эмоциональным и откровенным. Чувствовалась, что память войны не отпускала этого человека, что он не в силах от нее избавиться и успокаивается только тогда, когда об этом рассказывает. Речь старика на цыганском языке переводил на

Международные конференции

французский его племянник, с которого делался английский и русский синхронные переводы. Таким путем все присутствовавшие в зале конференции получили возможность сопереживать этой трагедии.

Подводя итоги, участники конференции пришли к единому мнению о важности изучения истории Холокоста, донесения опыта переживших его до сознания потомков. Опыт европейской трагедии очень нужен не только для евреев. Сочетание эмоциональных переживаний и научного осмысления случившегося с детьми в годы войны – залог того, что эта задача будет решена.

Опубликовано:

Леонид Смиловицкий. «Война и Холокост глазами детей»: Заметки с международной конференции в Барселоне // *Время евреев: Приложение к газ. «Новости недели»* (Тель-Авив), 24 марта 2016 г., с. 26-27.

Вильнюс вчера и сегодня

Меня пригласили в Вильнюс, где Белсат (Belarusian Satellite), спутниковый телеканал польского ТВ, готовил передачу, посвященную истории евреев Беларуси. Я дал себя «уговорить» не только потому, что последние 25 лет занят историей белорусского еврейства и мне есть что сказать. Подкупало, что инициатива исходила от неевреев, которые хотели услышать ответы на вопросы по такой извечно большой теме, как судьба евреев в диаспоре. С Вильнюсом у меня многое связано. И не только как историка, который неоднократно упоминает его в своих работах. Вильна, как исконно назывался город до всеобщих потрясений, вызванных в мире в 1917 г., в XIX в. и начале XX в. по праву считался культурной столицей Беларуси, как белорусской, так и еврейской. Да и самих белорусов часто называли литвинами, а белорусских евреев – литvakами.

Первый раз я приехал в Вильнюс 12-летним мальчиком с мамой, когда мы отдыхали в Друскининкае. Мама показала хоральную синагогу в центре Вильнюса, которая произвела на меня большое впечатление. Несмотря на полу заброшенный вид, она сохраняла следы прежнего величия и была действующей. Никто тогда не говорил о Холокосте и гетто, об этом предпочитали не вспоминать советские власти и местные жители. И это, несмотря на то, что времени, когда еврейскую общину Вильнюса нацисты и их пособники утопили в крови, прошло совсем немного – шел 1969 год.

Потом я приезжал в Вильнюс неоднократно, это всего 184 км от Минска. Дорога на поезде занимала три часа (на машине – два), а границы не было. Купил билет, сел и поехал. Но Литва была уже другой планетой для неискушенного советского человека. Это проявлялось во всем: архитектуре, быте, людях,

языке, хотя порядки оставались советскими, а русский понимали все без исключения.

Когда я женился, то привез свою супругу показать ей Вильнюс. Мы осмотрели Тракай, архитектурную жемчужину Литвы, тогда еще не приведенный в порядок, но очень запоминающийся. В 1989 г. я поехал в Вильнюс, чтобы своими глазами увидеть ту Литву, которая первой из республик СССР провозгласила свою независимость. И был немало удивлен, что в магазинах продукты и товары оставались на полках. Горожане вели себя спокойно – никакого ажиотажа, безумия, разрухи и голода. Это противоречило тому, что писала центральная пресса и вещали Всесоюзное радио и телевидение. «Как же можно так врать», – подумал я, всегда до этого доверявший печатному слову.

В 1991 г. я отправился в Вильнюс на семинар, который организовала Минская синагога для активистов общины. Три дня общения с историками, писателями, этнографами, краеведами из Литвы, Москвы и Ленинграда раскрыли глаза на мир еврейства, который, казалось, в СССР давно не существовал. Впервые я почувствовал не досаду, а гордость, что родился евреем. Мир менялся на глазах, и я вместе с ним. В 2003 г., будучи уже научным сотрудником Центра диаспоры при Тель-Авивском университете, я решил показать Вильнюс и Литву старшему сыну. Мы ходили по старому городу, посещали бывшие еврейские места, музеи. Я всматривался в лица на улицах и думал, что они знают о тех, кто жил здесь раньше? Существует мнение о том, что в Литве всегда относились к евреям лучше, чем к russkим. В russких (советских) местные патриоты видели оккупантов, лишивших страны Балтии независимости в 1940 г. по тайному сговору с Германией (пакт Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 г.). Рикошетом это ударило по евреям, многие из которых с энтузиазмом встретили советский переворот. Принято считать, что это послужило одним из предлогов для еврейских погромов, устроенных литовскими националистами накануне вступления немецкой армии в Вильнюс в июне 1941 г.

После окончания войны в Литву вернулись малочисленные еврейские партизаны, и узники гетто, горстка евреев, чудом выживших на оккупированной территории, бывшие ссыльные из Коми, демобилизованные Красной армии и те, кого московские власти послали из других районов страны для восстановления советских порядков и экономики республик Балтии. Последние были ассимилированными евреями, не имевшими представления об общинной жизни и истории края. Манипулировать ими было легко. Ужасы войны и Холокоста заслонили на время межнациональные противоречия. Во всем винили немцев.

Цели и задачи

История Беларуси неразрывно связана с евреями, но что известно об этом в наши дни? В Советском Союзе белорусы и евреи были оторваны от внешнего мира. Вся советская история предназначалась для «внутреннего потребления», а любая критика ее изложения подавалась как ревизионизм, оппортунизм или буржуазная фальсификация. За это время традиция взаимодействия белорусской и еврейской культур была утрачена. Трагедия Холокоста уничтожила большинство еврейского населения республики, и сегодня можно утверждать, что история евреев в Беларуси мало известна, точно так же как не определено место евреев в белорусской истории.

Следовало найти ответ на вопрос, что представляло собой наследие евреев в Беларуси до и после Второй мировой войны, почему все, что связано с евреями, включая научные исследования, продолжает носить столь деликатный характер, не мешает ли это пониманию роли евреев в истории Беларуси? Почему до сих пор историки уделяют основное внимание в еврейской истории трагедии Холокоста и насколько она изучена? Кем были белорусы в годы Холокоста: соучастниками нацистских преступлений, праведниками или жертвами? Если говорить о главных событиях XX века: репрессиях, советизации, насилиственной коллективизации, индустриализации

и сталинской культурной революции, то какую в этом роль сыграли евреи? Можно ли считать белорусов XX – начала XXI века антисемитами?

Участники телепередачи

Получив приглашение, я задумался: почему в Варшаве и Вильнюсе историей моего народа интересуются больше, чем в Минске? Ведь в истории евреев, лишенных родины, которые столетиями вынуждены были скитаться и жить на чужбине, так много поучительного. Или уроки, которые можно извлечь из совместного прошлого, покажутся неудобными? И можно узнать такое, что не обрадует, а разочарует или подведет к переоценке ценностей, отказу от привычных стереотипов. Наконец, каждое новое поколение молодых людей, которое вступает в жизнь, пробует узнать, как жила страна и их родители прежде, какое наследство им досталось. Все это требует правдивого разговора, потому что время информационных технологий позволяет людям общаться напрямую, без посредников. Мысли и поведение в современном мире контролировать становится все труднее. Выход один – откровенный разговор, и лучше, если он ведется с участием профессиональных историков, а не людей, ангажированных властью. С этой целью из Польши, Литвы, Беларуси и Израиля были приглашены:

Тамара Вершицкая – директор краеведческого музея в Новогрудке, инициатор и вдохновитель создания первого в Беларуси музея еврейского сопротивления;

Ева Рогалевская – доктор наук, старший научный сотрудник Института Национальной памяти в Польше, автор книги о трагедии евреев в гетто Белостока;

Алвидас Никжентайтис – доктор наук, старший научный сотрудник Института истории Академии наук Литвы, специалист по теме национальной идентичности и политических стереотипов, автор книг по истории Великого княжества Литовского;

Александр Пашкевич – главный редактор журнала «APXE», специалист по проблемам формирования белорусского национального самосознания первой половины XX в., а также по истории белорусов в составе Польши до 1939 г.;

Леонид Смиловицкий – доктор наук, руководитель проекта «Евреи Беларуси» в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете.

Всех нас поселили в Польском народном доме в Вильнюсе. Это трехзвездочный отель “Pan Tadeusz” на улице Наугардуко (или Новогрудская), который расположен в районе Науяместис, в 2 км от Старого города. К нашим услугам – удобные номера, меблированные в классическом стиле, с кондиционером, доступом в интернет и мини-баром. Каждое утро в ресторане отеля сервируется «шведский стол» с блюдами польской и литовской кухни.

Теледебаты

Вопросы, предложенные для обсуждения, оказались настолько злободневными, а атмосфера в студии демократичной, что вскоре после обязательной заставки с трансляцией архивной хроники еврейской жизни в Беларуси до и после 1917 г. все участники забыли о телекамерах. Ведущий умело озвучивал темы, делал выводы, передавал слово от одного историка другому. Языковой барьер отсутствовал, хотя беседа шла на польском, белорусском и русском. Конечно, приглашенные ученыe без труда могли перейти на литовский, английский или иврит (с моей стороны), но это было уже лишним, поскольку язык, прежде всего, средство коммуникации.

Все участники теледебатов соглашались, что история белорусских евреев – это составная часть национальной истории Беларуси. Память о прошлом – неотъемлемая составляющая национальной идентичности любого народа, включая Литву, Польшу, Украину, Германию, Америку, Россию или Беларусь. Однако евреи всегда составляли меньшинство среди тех нар-

дов, где они жили, а значит, оставались наиболее уязвимыми, а их права не были всегда защищены. Вот почему Шимон Дубнов, автор 10-томной «Истории еврейского народа», не уставал повторять истину из Талмуда о том, что все *евреи ответственны друг за друга*. От того, как себя вел отдельный еврей, окружающие судили обо всех евреях в целом.

Большевизм как идеология, теория и практика являлся антиподом национального развития. Советская власть сначала засыпала с национальной интеллигенцией (политика идишизации и белорусизации), потом делала ее «беззубой» (борьба с мнимым национал-демократизмом и роспуск еврейского бюро Компартии Беларуси) и наконец ликвидировала ее (репрессии 1936–1938 гг.). Народ, лишенный собственной интеллигенции, культуры, истории, религии, а потом и языка (закрытие школ на идише, роспуск еврейских творческих союзов, общественных организаций, научных отделов АН БССР и пр.), оказался перед выбором: ассимиляция или обвинение в еврейском буржуазном национализме, а то и сионизме, объявление «врагом народа», «иностранным агентом», антисоветчиком и т.д.

Известно, что когда тема перестает быть закрытой, она теряет свою злободневность. С распадом Советского Союза в 1991 г. советология как наука умерла. Более того, даже в Израиле один за другим стали закрываться журналы, посвященные жизни евреев в России, СССР и Восточной Европе. Эта же тенденция проявилась и в других странах мира. Но разве историю евреев не нужно изучать? На сегодняшний день, по сравнению с 1991 г., в Беларуси многое сделано в этом направлении, однако по-прежнему это только инициатива исследователей-одиночек, а не государственная политика.

История евреев в Беларуси не представляет собой самостоятельного направления в академической науке республики, нет финансирования еврейских учреждений из государственного бюджета, не поддерживаются газеты, школы, не читаются спецкурсы, а истории Холокоста в школьных или вузовских учебниках посвящен один абзац, в лучшем случае – одна страница. В современной Беларуси отсутствует то, что давно есть

у ее соседей – России, Польши, Литвы, Латвии, – государственные музеи по истории евреев, истории Холокоста, Минского гетто. Почему?

Конечно, дело не только в финансировании. Внимание к национальному развитию предполагает изменение шкалы приоритетов в государственной политике. Нужно выбрать, что важнее – гражданин или государство, кто кому служит? В авторитарном обществе граждане – это материал для государства, а в демократическом, правовом обществе – наоборот: государство служит гражданину. Соблюдение прав национального меньшинства – не только евреев – означает здоровье титульной нации в целом. Если говорить о Беларуси, то по отношению к евреям можно судить, как белорусы относятся к собственной культуре и истории. Это не государственный антисемитизм, а ложная концепция, в основе которой лежит упорное нежелание утвердить приоритет правовых демократических норм, открытость общества, ответственность руководства перед гражданами.

У каждой нации есть память историческая, академическая или научная, семейная, но есть еще память народная. Как люди запомнили своих соседей, как они оценивают свое прошлое, как к нему относятся. Евреев в Беларуси почти не осталось, но их историю сегодня с большим интересом пишут белорусы, что является отрадным явлением и заслуживает всемерной поддержки. Все чаще жители бывших местечек и небольших городов по собственной инициативе, без приказов и команды сверху, восстанавливают еврейскую историю своего края. Они ищут еврейские артефакты, собирают фотографии, приводят в порядок еврейские кладбища, создают даже частные музеи.

Назову только некоторые имена: Семен Бородич (Дараганово), Тереса Кудрик (Волпа), Станислав и Ирина Сильванович (Лунно), Николай Анисовец, Александр Гребенок и Ксения Семашко (Лоев), Ромуальда Соболевская (Рубежевичи), Анатолий Синило (Богушевичи), Лина Цивина (Городок), Ирина Вабищевич (Червень), Людмила Драпезо (Смиловичи),

Михаил Мацкевич (Столбцы), Валентина Адамович (Ивенец) и др. Власти на местах сначала относятся к этому нейтрально, но потом признают правомерность подвижнической инициативы и даже иногда помогают.

Знакомство с городом

«Корыстная» часть моей поездки состояла в том, чтобы обновить свои знания о Вильнюсе, о Литве и литовцах в целом, ведь последний раз я был здесь 15 лет назад. Понятно, что за это время изменилось многое. Согласились мне помочь Настя и Неринга. Я всегда предпочитаю смотреть новые места с помощью коллег или знакомых. Можно, конечно, взять карту и путеводитель, но они никогда не заменят живого общения с товарищами по профессиональному цеху. В подарок я привез свои книги, которые написал и издал в Израиле. В дополнение к ним – еврейский спецвыпуск журнала “Belarusian Review”, в котором мы с профессором Захаром Шибеко опубликовали обзорную статью¹.

Настя Юркевич приехала из Гродно и сейчас живет в Вильнюсе. Она имеет три высших образования: филологическое, юридическое, специалист по культурному наследию/белорусистике (Европейский гуманитарный университет). Обучаясь в ЕГУ, Настя встретила своего будущего мужа (белорус из Эстонии), осталась в Литве, пишет диссертацию по социологии.

Наш путь пролегал по маршруту: железнодорожный вокзал – рынок Хале/Hales Turgūs – Острая Брама/Aušros Vartai – костел Св. Терезы – собор Св. Духа – церковь Св. Троицы и ворота базилианского монастыря – барбакан – Заречье (кон-

¹ Leonid Smilovitsky, Zakhar Shybeko. “Jewish Studies in Belarus Judaic: history, current state and prospective” // Belarusian Review. Special Jewish Issue in cooperation with Diaspora Research Centre. Prague, 2016, pp. 7-12.

ституции на улице Raipio, Ангел, улица Malunç, сквер Тибета) – памятник Адаму Мицкевичу. Затем улица Literatų – улица Замковая/Pilies – памятник фонарщику и Ратушная площадь, потом улица Stiklių – улица Университетская – Алумнат – Университет – Резиденция президента Литвы, Кафедральная площадь (колокольня, Кафедральный собор, Нижний и Верхний замки, памятник Гедимину, Старый и Новый арсенал, памятник Миндовгу).

Захожу в сувенирную лавку купить кружку с символами Вильнюса. Говорю хозяину, куда повезу свою покупку, и он пакует кружку так, чтобы с ней ничего не случилось в дороге.

Вильнюс (Вильна) – с 1323 г. столица Великого княжества Литовского; с 1795 г. в составе Российской империи; в 1920–1939 гг. – часть Польши; в 1940–1991 гг. – столица Литовской ССР. Крупнейший центр еврейской культуры до Второй мировой войны. Первые сведения о евреях в Вильне относятся к 1568 г. Община увеличивалась за счет выходцев из Чехии, Польши и Германии и достигла 3 тыс. чел. к XVII в. Христианское население относились к евреям враждебно под влиянием иезуитов и католиков. С Вильной связано имя Элияху бен Шломо Залмана (Виленского гаона), который сделал город выдающимся центром раввинской учености. Влияние Вильны как еврейского культурного центра сохранялось на протяжении всего XIX в. По переписи 1897 г., число евреев в Вильне составляло 41,5% от всех жителей города. Перенаселенность и рост безработицы привели к массовой эмиграции, в основном в США, Южную Африку и Палестину.

Настя – прекрасный рассказчик. Она знает, что в начале XX века Вильна стала центром сионистского движения в России. В 1903 г. сюда приезжал Теодор Герцль, а сионистский лидер Шмарьяху Левин был избран депутатом от Вильны в Государственную думу России (в Иерусалиме его именем названа улица, на которой я жил). Ортодоксальные круги под руководством раввина Хайма Озера Гродзенского объединились в партию «Агудат Исраэль».

Между двумя мировыми войнами Вильно по праву считался международным центром еврейской культурной и литературной жизни. Здесь выходили многочисленные утренние и вечерние газеты на идише, вели оживленную жизнь общественно-политические, литературные, педагогические, научные клубы, общества, союзы и объединения. В октябре 1939 г. Вильнюс отошел к Литве. Многочисленные беженцы из Польши, находившиеся в городе, пытались спастись от надвигающейся войны. Среди них были раввины и ученики иешив из Западной Беларуси – Мира, Барановичей, Воложина и других городов, городков и местечек, члены сионистских организаций, писатели, журналисты, общественные деятели, которые искали выхода из создавшегося положения. В июне 1940 г. Литва была присоединена к СССР. Советские власти закрыли еврейские культурные учреждения и наложили запрет на деятельность сионистских организаций. Все некоммунистические издания на идише были запрещены. Сионисты, бундовцы и «буржуазные элементы» как потенциальные враги нового режима были принудительно выселены вглубь СССР накануне войны с Германией, но благодаря этому многие из них остались живы.

Изучение Холокоста

Совершенно ясно, что только независимое государство Израиль смогло открыть миру правду о Холокосте. Это одинаково важно для всех народов, поскольку то, что в годы Второй мировой войны произошло с евреями, может случиться и с любым другим народом. Несмотря на то что исторический путь евреев на протяжении веков сопровождали насилие и страдание, никогда раньше не было злодеяний, подобных тем, которые совершила нацистская Германия. Нацисты готовились и приводили в исполнение свои планы по убийству евреев хладнокровно, педантично и последовательно. В окончательном решении еврейского вопроса участвовали образованные люди: политики, юристы, историки, врачи, инженеры, кото-

рые, называя себя санитарами человечества, стремились избавить мир от «еврейской заразы». Высокоразвитая современная техника в руках убийц стала беспримерным средством массового уничтожения людей.

Еврейское гетто Вильнюса мне показывала Неринга Латвите-Густайтене, заведующая научным отделом Еврейского музея им. Виленского гаона, где она работает уже 18 лет. Вместе мы пошли в сторону Старого города от улицы Наугардуко. До войны в этом районе жили преимущественно евреи. 6 сентября 1941 г. немцы приказали евреям перебраться в старую часть Вильнюса, и туда потянулись колонны беженцев. С собой разрешалось брать только то, что можно унести в руках, перевозить запрещалось. Сначала было много вещей. Потом постепенно имущество бросали. Вещи остались, людей не стало. Кто об этом сейчас помнит? Мемориальных табличек на ул. Наугардуко я не увидел.

В Вильнюсе до войны проживало около 57 тыс. евреев, а всего Катастрофа европейского еврейства лишила Литву 200 тыс. евреев. К окончанию войны в Вильнюсе в живых их осталось около 2 тыс. евреев. В 1949 г., когда по всей стране развернулась кампания по борьбе с «бездонными космополитами», Еврейский музей в Вильнюсе закрыли. Это совпало с тайным убийством Соломона Михоэлса в Минске в январе 1948 г. и роспуском Еврейского антифашистского комитета в Москве в ноябре 1948 г.

Экспозиция современного музея Холокоста развернута в старом деревянном здании, которое до этого служило филиалом музея Октябрьской революции в Вильнюсе («Зеленый дом»). В 1989 г. это помещение передали Еврейскому музею как временное, которое оказалось постоянным почти на 30 лет. Музей очень компактный и расположен в центре города. Рядом – памятник Тиунэ Сугихаре, вице-консулу Японии в Каунасе, который в 1940–1941 гг. выдал более чем 6 тыс. транзитных виз польским и литовским евреям для проезда на Дальний Восток. В 1985 г. Израиль присвоил Сугихаре почетное звание праведника народов мира.

Чтобы попасть в музей, нужно позвонить. Как я понимаю, это мера безопасности. Вход стоит 2 евро (2 автобусных билета или чашка чаю в кондитерской). 85% посетителей музея составляют приезжие из Европы, Германии, Польши, России, Америки и Израиля, и те, кто ищет свои корни. Еще 10% – это учащиеся школ или университетов Литвы, которых в организованном порядке приводят учителя, а также потомки семей, переживших Холокост. У музея есть сайт в интернете, он включен в экскурсионный маршрут Литвы, всего около 10 тыс. посещений в год.

В экспозиции много фотографий, газет и другой хроники о нацистском геноциде в Литве. Четыре года назад под крышей «Зеленого дома» открыли стилизованное убежище, или *малину* – в таких прятались во время облавы в гетто. Там же можно увидеть документальный фильм на английском или литовском языке, проецируемый на экран, устроенный прямо на стене, затянутой мешковиной.

В музее меня ожидал сюрприз. Я встретил там двух молодых людей: волонтера из Австрии и студента из Национального университета Сингапура. Дуглас Онг приехал в Вильнюс на полгода по обмену студентами. У себя на родине он проходил срочную военную службу в Вооруженных силах, которые были созданы по образу и Армии обороны Израиля. Дуглас изучает историю Холокоста в Восточной Европе, поскольку считает, что это показывает, как маленький народ борется и побеждает в борьбе за выживание, добиваясь выдающихся успехов в науке и технике.

Грегори Ладлер из Вены приехал в рамках программы альтернативной службы. Он признался, что только в Вильнюсе понял универсальный характер, который имеют знания по истории Холокоста для всех народов мира без исключения. Грегори помогает разбирать и систематизировать архивный материал, проводит экскурсии на английском языке. Его слушают не только иностранные туристы, но и литовские школьники.

Историческое здание на территории бывшего Вильнюсского гетто на улице Жемайтиос, 4 (перед войной Страшуну, 6), где в довоенное время находилась еврейская публичная библиотека «Мефицей хаскала», а потом библиотека Вильнюсского гетто, пока не используется, оно принадлежит Государственному еврейскому музею имени Виленского гаона, но нужен серьезный ремонт. В этом здании планируется открыть музей Холокоста в Литве и музей Вильнюсского гетто, чтобы рассказывать не только историю Холокоста, но и об утерянном богатом наследии еврейской культуры, созданной в течение столетий несколькими поколениями. Недаром Вильно называли северным Иерусалимом.

Как разные народы и страны проявили свое отношение к трагедии евреев в годы Второй мировой войны? С одной стороны, Холокост никогда не получил бы таких масштабов, если бы у нацистов не нашлись добровольные пособники из местного населения. Но, с другой стороны, ни один еврей не смог бы уцелеть на оккупированной территории без помощи местных жителей. Извечная дилемма добра и зла, праведника и палача. Когда мир прекратит об этом умалчивать, тогда тема Холокоста перестанет быть такой острой.

Почему литовцы убивали евреев? Чтобы захватить имущество, добиться влияния, показать свое превосходство, свести счеты, понравиться новой власти. Тогда ведь думали, что немцы пришли навсегда. У каждого литовца была возможность не участвовать в погромах, это не грозило смертью, в концлагерь таких не отправляли. Можно вспомнить, что католическая Литва апеллировала к мифу об убийстве Христа и взывала к мести евреям как потомкам племени Иуды Искариота. Но как быть с личной ответственностью литовцев как соседей евреев? 16 февраля 1918 г., День литовской независимости, до войны отмечали вместе – литовцы и евреи. Неринга считает, что не нужно прикрываться стереотипом активного участия евреев в советизации Литвы в 1940–1941 гг., которым оправдывают литовский антисемитизм во время войны. Евреи действительно с приходом Советов появились в администра-

тивной структуре литовского государства, чего раньше не было. Но сколько литовцев оказалось среди коммунистов? Их семьи не терзали, не громили. Другими словами, сыграл роль образ чужака – прибывшего из СССР еврея, который перенесли на литовских евреев.

В 2016 г. в Литве вышла книга журналистки Руты Ванагайте «Наши» (*Mūsiškiai*), в которой рассказывается о литовцах, участвовавших в Холокосте на территории Литвы в годы немецкой оккупации. Эта книга вызвала жаркие дискуссии. Многие обвиняли Ванагайте в отсутствии патриотизма. В 2017 г. увидела свет книга Аркадиуса Винокураса «Мы не убивали» (*Mes nežudėme*). Она уже повествует об отношении потомков коллаборационистов к преступным действиям предков, принимавших участие в расправах над евреями. В основу издания были положены 35 интервью с детьми и внуками тех, кто принимал участие в геноциде евреев Литвы.

Считается, что в годы войны пособников нацистов с кровью на руках в Литве были сотни человек. Ассоциация литовских евреев в Израиле приводит свой список литовских коллаборационистов, состоящий из более 4 тыс. 200 фамилий. Литовские историки проверяли этот список 3 года, в итоге существенно сократили и передали правительству. Что с ним делать – обнародовать или нет, до сих пор не решили. Сторонники оглашения списка призывают к исторической справедливости. Противники опасаются, что это негативно отразится на судьбе людей, чьи родственники там упомянуты.

Неринга рассказывала мне, как она сама, ее коллега Милда и 6 еще молодых жителей Вильнюса задумали преодолеть формальные рамки церемонии поминования. По долгу службы в ней ежегодно участвуют члены парламента, руководители Литвы, представители дипломатического корпуса. Как донести до сознания современников, что жертвы геноцида – реальные люди, а не только фамилии в списке расстрелянных. Мало произносить заклинание «Никогда больше», нужно оживить чувства. Перестать делить Литву на «мы» (этнические литовцы, русские, белорусы, поляки) и «они» (евреи). Холокост –

это общая травма, а не только еврейское горе. Была уничтожена целая цивилизация, а если бы этого не произошло, то Литва сегодня была бы другой.

В день ликвидации Вильнюсского гетто 23 сентября 1943 г. по предложению инициативной группы Неринги (учительница, журналист, движение «зеленых», сотрудница Института литовского языка и литературы, а также два историка Еврейского музея) начали читать списки жертв. Их составили по приказу немцев в 1942 г. Списки включали фамилию, имя и отчество, год рождения, профессию, род занятий, образование, адрес. Целые семьи: родители, дети, внуки...

Первое чтение списков состоялось в 2011 г. в костеле святой Екатерины, одном из красивейших памятников архитектуры в старом городе. Чтение планировалось с 7:00 до 9:00, а продлилось оно до 22:00. Никого не заставляли прийти, организаторы просто сообщали время и место. И люди пришли.

Сначала в Вильнюсе думали, что это одноразовое мероприятие, но спустя год люди сами напомнили и предложили свое участие и помочь. В 2012 г. списки из гетто читали на проспекте Гедимина, в 2013 г. – во дворе юденрата, в 2014 г. – во дворе библиотеки гетто. Эта инициатива снизу была подхвачена и распространилась на всю республику. Вслед за Вильнюсом и Каунасом списки расстрелянных читали уже в 24 городах, городках и mestечках Литвы. После Литвы так же поступили в Латвии, где читали списки под Ригой в память о расстреле 25 тыс. евреев в лесу Румбула 30 ноября и 8 декабря 1941 г.

Излишне говорить, что начинание рядовых граждан всегда важнее, чем даже самое правильное решение, спущенное по административной вертикали. Одно дело, когда имена жертв нацистского геноцида в день памяти Холокоста читают в Яд ва-Шем или в кнессете, а другое дело в республике бывшего СССР. Так не происходит в Беларуси, изучению европейской истории которой я посвятил почти 30 лет. Не сложилось до сих пор такой традиции и на Украине, в Молдове, почему?

23 сентября 2011 г., в день ликвидации Вильнюсского гетто, работники Еврейского музея вместе со своими добровольными помощниками раздавали желтые звезды членам парламента Литвы. Более того, прикрепив эти знаки к своей верхней одежде, они поехали на общественном транспорте, пошли на работу. И это возымело свое действие. По словам Неринги, мало кто из окружающих остался равнодушным. Люди так или иначе выражали свое отношение – одни с пониманием, а другие с недоумением и даже протестом. Можно читать документы, книги, воспоминания, записывать свидетельства тех, кто пережил Холокост, но даже в наши дни требуется мужество прикрепить желтую латку и выйти на улицу, где несколько десятков лет назад убивали евреев...

Известно, что люди могут вести себя экстравагантно, чтобы подчеркнуть свою индивидуальность. Одни надрезают джинсы, другие красят волосы в зеленый цвет, делают пирсинг или татуировки. К этому уже привыкли, ничего особенного. Разрекламировано артистами, ТВ или шоуменами. Но появиться в общественном месте с желтым магендавидом на груди под силу немногим. Слабо... Неринга считает, что, только пропустив чужую боль через себя, можно добиться, чтобы память современников о Холокосте перестала быть формальной. Возможно ли подобное в современной Беларуси? И почему даже в Международный день Холокоста 27 января, в день уничтожения гетто в Минске 21–23 октября 1943 г. или в день расстрела в Бабьем Яру в Киеве 29 сентября 1941 г. никому это не приходит в голову?

В Вильнюсе получили распространение латунные таблички, которые я впервые увидел в Берлине в 2014 г. Их монтируют у порога домов, откуда уводили евреев на расстрел. В столице Литвы я насчитал 8 таких табличек в память о владельцах вегетарианского ресторана Фани и Лазаря Левандо, врачей Самуэля Марголиса и Якова Выгодского, Лейбы, Хай и Леи Шемяевичей, подростка Ицика Рудашевского, которого называют летописцем Вильнюсского гетто. «Камни преткновения» установил автор международного проекта, известный

немецкий художник Гюнтер Демниг. Всего на литовских тротуарах появится 19 «камней памяти». В августе 2017 г. их открыли в Каунасе и Шяуляе. Литва – первая страна Балтии, которая приняла участие в этом проекте.

Геноцид евреев в Литве не исчерпан одним гетто в Вильнюсе, Каунасе или Девятым фортом, Понарами. По всей республике специальным знаком отмечено свыше 230 мест памяти об этой трагедии.

Судьба русского языка

Русский язык стремительно теряет свои позиции в Литве. В отличие от Израиля, здесь редко звучит на улице русская речь. Ее еще можно услышать в Вильнюсе, который всегда был многонациональным. Меньше в Каунасе или Клайпеде, а в остальной Литве – не так уж часто. Нельзя, например, прочитать объявление, продублированное по-русски параллельно литовскому, тогда как в Израиле даже инструкцию по применению лекарства пишут на пяти языках: иврите, арабском, английском, русском и амхарском. Но это не свидетельство национальной нетерпимости или отсутствие толерантности, как может показаться. В этом вопросе позиция государства и общественное мнение совпадают.

Территория Литвы в три раза больше территории Израиля (65,3 кв. км, а протяженность с севера на юг – 280 км, с запада на восток – 370 км), но имеется отрицательный прирост населения. С 1991 г. Литва – член Европейского союза, а с 2004 г. – НАТО, входит в Шенгенскую и еврозону. Литва – правовое государство, где есть свобода слова, печати и собраний, автономия в университетах и независимая наука. Однако при этом существует добровольный отказ от сближения с северным соседом. Люди старше 35 лет ответят вам по-русски, если вы вышли из гостиницы и забыли карту, а молодежь предпочитает английский, видя в нем свое будущее.

Даже в музее Холокоста в Вильнюсе почти нет текстов на русском. Правда, при входе присутствует уведомление

к экспозиции на 4 языках: литовском, английском, иврите и русском. Кроме того, в музее можно заказать экскурсию на русском языке, как и в Паняряй (12 км от Вильнюса, место гибели 100 тыс. евреев). При этом персонал музея говорит по-русски. Спросите, и вам ответят. Прибавит ли отсутствие русского языка знаний о геноциде евреев в Литве? На какой-то ступеньке бюрократического механизма Министерства культуры Литвы решили, что если русские в республике составляют 5,4% (кстати, меньше, чем поляки – 6%), то незачем тратиться на русский язык. Формально правильно, а если по сути? Важно сохранить и донести правду о Холокосте в Литве как можно шире и глубже. Между прочим, в музее ведется статистика посещений, которая дает представление о родном языке посетителей. Я не уверен, что в министерстве ею интересовались. Неужели даже правда о Холокосте имеет политическое значение, ведь это общая беда для всего человечества.

Так происходит потому, что маленькая Литва с населением 2,75 млн. чел. даже с помощью языка пытается дистанцироваться от могущественного соседа. В сознании литовцев опасность вновь оказаться в зависимости от России продолжает существовать. Литовцы не верят в добровольное сотрудничество с Россией и предпочитают отказаться от опыта совместной жизни, общей истории и выгоды экономического сотрудничества. По всей Литве вы не встретите улицы Пушкина, Гоголя, Горького, Толстого, Калинина, Чапаева, не говоря уже Ленина, точно так же как в Беларуси – улицы Сталина. Английский язык здесь фактически исполняет роль эсперанто, снимает языковый барьер, позволяет быть услышанным, понятым, востребованным. Коллеги из стран Балтии отвечают на мои письма, пользуясь клавиатурой с латинским шрифтом, объясняя это тем, что писать латинскими буквами проще и скорее.

* * *

Мое путешествие в прошлое евреев Литвы и Беларуси закончилось. Я понял это, когда наш лайнер, выполнивший полет Вильнюс–Тель-Авив, начал заходить на посадку. Три часа утра, солнце еще не поднялось. Но море огней под крылом самолета уже обнаруживало огромный мегаполис, раскинувшийся на берегу Средиземного моря. Здесь живут евреи из Европы, Литвы, Беларуси, Украины, России и Польши, которые спаслись от нацистского геноцида. Их родители, бабушки и дедушки выжили, они родили детей и построили новый дом, а потом и процветающую страну. Люди, которые спаслись, всегда считают, что произошло чудо. Религиозные евреи понимают это как промысел божий, а неверующие считают, что заслужили шанс на жизнь своей борьбой, смелостью, непреклонной волей и самоотверженным трудом. Здесь в Израиле мой дом, моя семья, мои дети и, надеюсь, будут жить внуки. В моем сознании соединились финал европейской жизни в Литве и Беларуси и продолжение ее там, откуда все началось две тысячи лет назад. Но оба эти начала составляют единое целое, имя которому – европейская история. То, что случилось с евреями, – пример всему человечеству, и хорошо, если оно извлечет из этого уроки.

Опубликовано:

Леонид Смиловичский. «Вильнюс. Вчера и сегодня» // *Мост*, № 936, 16 мая 2018 г., с. 22-23, № 937, 23 мая 2018 г., с. 24-25, № 938, 30 мая 2018 г., с. 22-24.

ИНТЕРВЬЮ

Треугольники памяти

Одно фронтовое письмо – семейная реликвия. Тысяча – пласт сведений о Великой Отечественной войне, предмет исторического анализа. Так считает историк *Леонид Смилович*, который о письмах военных лет знает, наверное, все. Вопросы историку задавал *Сергей Нехамкин* из «Вечернего Минска».

Уходящая натура

Наш разговор начался со спора. Мой собеседник заметил, что военные письма – это «уходящая натура». Они пропадают, теряются... Я усомнился: как так, эти письма в любой нормальной семье – святыня. Их хранят, перечитывают, передают следующим поколениям ... Но Леонид пожал плечами: увы, не везде хранят, не всегда передают. Спрашиваешь – и выясняется: тут давно выбросили равнодушные внуки (или уже правнуки), там просто «где-то затерялись»... Проблема стоит остро, писем тех лет осталось очень немного.

Леонид – израильский историк, работает в Тель-Авивском университете. Бывший минчанин. Фронтовые письма – один из его научных проектов. Начиналось все на израильском материале, сейчас Леониду пишут и белорусы, и русские, и татары, и кто угодно. Война-то была одна на всех, и люди нередко просто благодарны, что нашелся человек, занявшийся этой темой.

Технологии XXI в.

Слово « коллекция » просим понимать правильно. Речь не только об оригиналах писем. Каждое такое письмо – личная реликвия, на нее никто не посягает, место ей в семейном архиве. Но на дворе XXI век. Переснять или отсканировать пожелавшие, исписанные торопливым почерком фронтовые « треугольники » не составляет труда. Ну а дальше... Как правило, потомки писавших просто шлют Леониду снимки или сканы по электронной почте, так начинается переписка.

Зачем эти письма нужны? Да потому что они – а также справки, фотографии, дневники, грамоты, извещения и так далее – являются, выражаясь профессиональным языком историков, «источниками личного происхождения», предметом исследования, систематизации, анализа. По ним выходят сборники, монографии, проводятся научные конференции. Леонид работает в Израиле, его коллеги занимаются тем же в России, в Европе, в США, в Канаде...

В чем-то это можно сравнить с работой археологов. Черепок из раскопа вам или мне не скажет ничего. Но специалист глянет – и определит по типу глины, характеру обжига, особенностям орнамента, к какому периоду относится керамика, для какого народа характерна, о чем находка свидетельствует. Вот и здесь: частные письма военных лет – сегодня отдельная научная тема. И мой собеседник о них может рассказать, наверное, все.

Полевая почта №...

За годы войны, по данным Управления военно-полевой почты Красной армии, адресатам было доставлено около трех миллиардов писем. Гигантский объем! Когда фронт был стабилизирован, письма доходили в среднем дней за десять. Неплохо даже для нашего времени. « Визитная карточка » той эпохи – знаменитые « треугольники ». У испанского листка примерно тетрадного формата верхний край загибался к боко-

вому. Получался треугольник, его снова складывали пополам. Оставшуюся снизу полоску бумаги, подогнув уголки, заправляли внутрь.

Леонид замечает, что это было чисто советским изобретением, в армиях других стран такого не наблюдалось, хватало конвертов. Но у нас фронтовики знали: письма и так вскроет военная цензура. И вообще, конверт – тоже бумага, а она на фронте дефицит. Писали ведь на чем угодно: обрывках газет, каких-то ведомостей, вырванных книжных страницах. Если письмо фронтовика уходило в конверте (чаще самодельном) – значит, в нем или текста было больше, чем одна страница, или что-то вкладывалось (например, фото), или отправлялось не с передовой, а скажем, из ближнего тыла. При этом военно-полевая почта оказывала и вполне традиционные услуги. Что-то важное, например документы, можно было послать заказным письмом. В особо срочных случаях принимались и отправлялись телеграммы. В тыл постоянно шли денежные переводы: ведь человеку на фронте выплачивали положенное солдатское или офицерское обеспечение, наградные, боевые... Но в окопах деньги ни к чему, их предпочитали пересыпать семьям.

Обходя запреты

Любопытно, что советская система военно-полевой почты во многом была скопирована с немецкой. Тут так: сначала она относилась к наркомату связи, но с декабря 1942 г. ее передали армии, и здесь, выстраивая структуру, за аналог взяли трофеинный устав соответствующей службы вермахта – если там дело хорошо продумано, зачем изобретать велосипед? Хотя отличия были – в частности, в вопросе о цензуре.

У немцев цензор вел проверку выборочно – брал из мешка с письмами одно-два наугад. Не то чтобы они своим солдатам больше доверяли, скорее расчет был на немецкую дисциплину: велено лишнего не писать, значит, писать не будут, не захотят же проблем! У нас было жестче. Цензура читала все письма,

что с фронта, что на фронт. Сами военные цензоры тех лет, как правило, молоденькие девчата, они шли на войну, думая, что станут медсестрами или связистками, а попали вот в такие подразделения. Цензоры руководствовались инструкциями: что в письмах не должно указываться. В идущих с фронта – местонахождение отправителя, географические названия, маршруты следования... В тыловых – цены, распорядок работы предприятий и учреждений... Не подлежащее разглашению вымарывалось черной тушью. На каждом письме ставился штамп «Просмотрено. Военная цензура №...» Номер означал персонально цензора, проводившего проверку. Сама по себе служба как служба, как в любой армии. Но советская специфика состояла в том, что еженедельно подавали отчет в «Смерш», если в письмах замечали что-то подозрительное. Например, капитана Солженицына арестовали на фронте именно за письмо с шуточками о Сталине, хотя фронтовику часто хотелось сказать чуть больше, чем позволялось. И шли в ход свои хитрости. Солдат пишет: мы стоим в городе, который – как отчество мамы. Мама – Львовна. Значит, Львов. Или Гриша рассказывает о том, что случилось с Сашей. Только Саши в семье нет, и домашние понимают – пишет про себя.

Отдельная тема – письма на национальных языках. Мой собеседник приводит пример: вот письмо от бойца из советской Литовской дивизии. Писал матери и, конечно, на том языке, на котором дома с ней говорил. Не дошло? Отчего же! Дошло. Но с опозданием на два месяца, потому что подобные письма цензура сначала пересыпала в Москву, где были люди, способные их прочесть, так что раньше или позже все начинали писать на русском.

В двух словах

Как правило, письма военных лет были лаконичными – жив, здоров, воюю... И не потому, что так уж боялись цензуры. Просто человеку на войне не до долгого писания. Да и родных волновать не хотели. Кто-то вообще отсылал пару слов, напи-

Интервью

санных как под копирку, зато часто, поскольку сам факт письма давал знать домашним, что с отправителем все в порядке. Поэтому, когда сегодня историку попадаются письма от человека, литературно одаренного, думающего, пишущего с подробностями, это профессиональная удача...

Как уже сказано, мой собеседник – бывший минчанин. Сейчас в Минске тоже бывает регулярно. Мы давно знакомы, и вот в один из приездов он попросил показать письма моего погибшего в 1942-м деда. Так и вышли на эту тему разговора.

Я, кстати, тогда поинтересовался – а письма твоего отца? Он ведь тоже воевал! Леонид развел руками: понимаешь, их нет. Отец служил на пушках-«сорокапятках», был убежден, что не уцелеет, потому, когда вернулся с войны и домашние спросили, что сейчас делать с его фронтовыми «треугольниками», махнул радостно рукой – в печку! Не нужны больше! Я живой пришел – вот что главное! Потом жалел страшно...

Так что фронтовых писем сегодня немного еще и по вот таким причинам.

«У меня не дрогнет рука...»

«...Пять месяцев, как я нахожусь в рядах РККА. Как я изменился за это время! <...> Ты помнишь, мы фотографировались в школе, на вечере 7 ноября? Как я был тогда счастлив! <...> А на этой фотокарточке стоит совсем другой человек, перенесший столько горя. <...> Могу ли я забыть слезы матери, свой разрушенный дом в Минске? Сейчас, когда я еду на фронт, я уверен, что у меня не дрогнет рука, чтобы убить зверя» – так незадолго до гибели в 1943-м писал любимой девушке минчанин Абрам Виленский. Это одно из типичных писем из научной коллекции Леонида Смиловичского.

Опубликовано:

Сергей Нехамкин. «Треугольники памяти». Письма военных лет глазами ученого // Вечерний Минск, № 29, 19 июля 2018 г., с. 16.

Домачево перед лицом палачей

75 лет назад, 1 ноября 1941 года, в белорусском местечке Домачево нацисты создали гетто, где в годы войны были расстреляны тысячи евреев. “Russia today”¹ побеседовал с доктором исторических наук, автором сотни публикаций по истории Холокоста на территории Белоруссии Леонидом Смиловицким. Он рассказал, как узникам удавалось спастись от неминуемой смерти, в каких условиях в гетто жили женщины и дети и какие воспоминания очевидцев тронули его больше всего. Вопросы задавал Эдуард Эпштейн.

“Russia today”: В чем была особенность гетто в Домачево?

Леонид Смиловицкий: Домачево – одно из тех мест, которое нацисты захватили в первые часы вторжения на территорию СССР. В 7 часов утра 22 июня 1941 г. там оказались немцы. Понятно, что спастись никому не удалось: ни советским работникам, ни военнослужащим, ни евреям. С 1939 по 1941 г. Домачево было частью советской Беларуси. Еврейская община жила здесь относительно полноценной жизнью. В Домачево, как и во всех районах Западной Белоруссии, оставался визовый режим. Даже если бы его жители в первые дни войны хотели бежать, советские пограничники их бы не пустили. Известно множество случаев, когда после 22 июня евреи-«западники» пытались бежать в Восточную Белоруссию, но советские пограничники отправляли их обратно. О трагедии Домачево среди историков бывшего СССР я узнал одним из

¹ “Russia today” («Россия сегодня», англ.) — российский международный многоязычный информационный телеканал, финансируемый правительством России.

первых. Через год после моего приезда в Израиль я начал работать в Яд ва-Шем, где мне поручили разбирать архивные документы, только что поступившие из Беларуси, которые рассекретили после распада СССР в 1991 г. Меня поразило количество жертв в этом местечке – 3 тыс. чел., почти вся община, и то, насколько быстро это произошло.

“Rt”: Когда на территории Беларуси появились первые гетто?

Л.С.: В конце июля 1941 г. после оккупации нацистами населенных пунктов, где проживали евреи, в силу вступал приказ о том, что все беженцы должны вернуться в места своего проживания. Если евреи из Минска оказались в Смолевичах, то им следовало вернуться в Минск. Если евреи из Домачево оказались во время оккупации в Бресте, то они обязаны были вернуться в Домачево. Это делалось для того, чтобы все беженцы – и не только евреи – не смогли нигде затеряться.

Гетто существовали двух типов: открытые и закрытые. Закрытое гетто – это огороженный участок территории, а открытое гетто – место, где евреи жили под охраной, но в своих домах. Их могли переселить на другую улицу, разместить более компактно, но никто не мешал общению с неврейским населением. Открытых гетто в Белоруссии было больше, чем закрытых. Гетто Беларуси отличались от польских тем, что нацисты не нуждались в принудительном труде белорусских евреев, за исключением Минска, где находился штаб группы армий «Центр». Все остальные гетто служили местом сбора евреев перед уничтожением. Нацисты не использовали евреев для труда, поэтому их не кормили, и никто не следил за условиями их заключения. Еще одна отличительная особенность белорусских гетто – статус самих евреев. Белорусские евреи были настолько беззащитными, нищими, что это удивляло даже самих нацистов. В документах мне часто попадались письменные свидетельства нацистов, в которых они

откровенно удивлялись, насколько бедными оказались евреи в Беларуси.

“Rt”: *В каких условиях жили дети в белорусских гетто?*

Л.С.: Дети были самыми уязвимыми и гибли в первую очередь. При этом иногда дети помогали выживать взрослым. Им легче было сбежать из гетто, пойти к местному населению, добыть для себя и других заключенных еду. Например, 13-летний Леонид Окунь из Минского гетто выходил и возвращался в гетто 23 раза. Меня поразил рассказ этого человека, когда он вспоминал, как целовался с девочкой в одном из минских убежищ во время погромов. Жизнь в любых условиях продолжалась, особенно у детей.

“Rt”: *Правда ли, что в гетто не было мужчин?*

Л.С.: Правда. Нацисты изолировали молодых и крепких мужчин от женщин, детей и стариков под любым предлогом (отправка на работы за пределы гетто, переселение в другие города, обслуживание предприятий и транспорта, уборка территории, расчистка завалов) и уничтожали их. Это делалось для того, чтобы они не могли заступаться за своих близких во время расстрелов. Так перед лицом палачей оставались люди, которые физически не были способны к сопротивлению.

“Rt”: *Поделитесь, пожалуйста, другими историями от бывших узников гетто.*

Л.С.: В 1995 г. я принимал участие в проекте Стивена Спилберга по сбору видеосвидетельств людей, переживших Холокост². В середине 1990-х гг. еще многие были живы.

² Survivors of Shoah Visual History Foundation — некоммерческая организация, основанная Стивеном Спилбергом в 1994 г., в январе 2006 г. переехала в Университет Южной Калифорнии (USC) и была преобразована в USC Shoah Foundation Institute — Институт визуальной истории и образования.

Люди впервые рассказывали на камеру о тех ужасах, которые происходили с ними во время войны. Чуть ранее, в 1993 г., в Беларуси по инициативе израильского посольства начались поиски праведников народов мира – людей, которые с риском для жизни спасали евреев от уничтожения. Они тоже сообщили много нового и необычного. Потом я написал и выпустил книгу о трагедии евреев в Беларуси. Со временем начал получать множество звонков и писем от читателей. Они хотели поделиться своими историями о пережитом. Я составил анкету из 100 вопросов и разослав ее всем желающим. Люди присыпали целые сочинения с документами и фотографиями.

“Rt”: *Случалось ли, что немцы спасали евреев?*

Л.С.: Да, такие случаи дошли до нас. Я думаю, их было намного больше, чем сохранилось в народной памяти. В Климовичах Могилевской области во время акции 6 ноября 1941 г. Фаина Маневич убежала из гаража, куда собирали евреев, пока готовили яму. Она уловила настроение пожилого немца (охраняли немцы и полицейские по очереди, когда дежурили «свои», пройти было невозможно) и сумела его упросить.

К вечеру того же дня в Климовичи стала возвращаться молодежь, которую отправили в поле утром. Обычно приводили на работу полицейские, а присматривали немцы. Когда работа закончилась, молодой немец отозвал в сторону 15-летнюю еврейскую девочку Аллу Левину, двух ее сестер, Любу и Басю, и двух подруг, дал каждой по буханке хлеба и сказал: «Домой не ходите, ваших родных уже нет. Идите куда глаза глядят, если хотите жить. Мы вас не видели и не знаем». Когда стемнело, они пошли, выпал снег, и были видны следы. Полицейский Осмоловский на коне догнал девушек и потребовал золото. Привел домой, в печке еще хлеб остался печенный. Алла открыла яму с картошкой: «Вот наше золото!» Осмоловский погнал девушек обратно в город к немцам. В комендатуре обыскивали и отвели в дом напротив скверика у старого банка. Комнатушка была битком набита людьми. Кто молился, кто плакал, кто волосы на себе рвал. Охраняли поли-

цейские. Они бросали булку хлеба на всех, как собакам. Через 4 дня рассортировали по разным работам. Поселили в большом еврейском доме, в котором уже ничего не было, – спали на голом полу. Ночью не охраняли, только сказали, что расстреляют, если кто уйдет. Утром пересчитывали и говорили, куда идти. Алла работала все время у пожарной, доила коров, процеживала молоко, мыла полы. Были там немецкие офицеры, чехи и другие. Ей говорили: «Ты молодая, тебе жить и жить, почему не убегаешь – вас расстреляют!» Через несколько дней приехала команда СС расстреливать, и Левина решилась. Выжила, получила вторую жизнь.

Техник-строитель Эрик Порфштейн оказался свидетелем ликвидации евреев из Чехословакии, привезенных в конце июня 1942 г. в Барановичи. Уроженец Варшавы, он жил в Праге, где был схвачен и вывезен в Барановичи. Его спас немец, проживавший до 1939 г. на бывших польских землях и назвавший себя Янеком. Этот человек стоял в охране гетто и вывел Порфштейна за его пределы. Позже Эрика и жителя Барановичей Абрама Резника Янек привел на квартиру к пожилой польской чете Роману и Софье Малиновским, которые жили напротив вокзала. Оттуда узники бежали в Налибокскую пущу, где встретили партизан. В 1944 г. Порфштейн уехал в Польшу.

Еще одна история спасения в Барановичах связана с именем Цали Гороновского, 1925 г. р., которого в конце 1941 г. привезли в концлагерь Колдычево. На построении полицейские жестоко избивали прибывших. Немецкий кладовщик Ёрун вступился за юношу и вывел из общей шеренги. Он передавал Цале табак, который тот обменивал на хлеб. В январе 1944 г. Гороновский бежал из лагеря в составе группы из 90 чел.

“Rt”: В чем заключался в целом план Адольфа Гитлера по оккупации Беларуси?

Л.С.: Главный тезис Адольфа Гитлера перед началом войны против СССР звучал примерно так: «Мы не воюем

против белорусов, против русских и против украинцев. Мы воюем против Иосифа Сталина и евреев, жидобольшевиков, которые захватили власть». Как только немцы оккупировали Беларусь, на ее территории ввели новое административное деление. Существовала военная и гражданская администрации. Какие-то территории Беларуси стали частью Украины, например, Брест и Пинск. Часть Западной Беларуси отошла Польше и Литве, а другую часть присоединили к оккупированной части РСФСР. От самой Беларуси осталась лишь одна четверть довоенной территории. Нацистское командование назвало ее Weissrussland.

“Rt”: Отличалось ли преследование евреев на территории Беларуси от того, как это происходило на Украине и в РСФСР?

Л.С.: Не отличалось, потому что отношение нацистов к евреям на любой оккупированной ими территории было одинаковым. Всех евреев приговорили к уничтожению. Но выполнять карательные акции на Украине и в России нацистам было значительно проще. Об этом в документах нацисты признаются сами: им никак не удавалось привлечь местное белорусское население к уничтожению евреев. Поэтому главными исполнителями казней являлись специальные айнзацгруппы, которые были переброшены на территорию Белоруссии из Украины и Прибалтики.

“Rt”: Какие знаменитые писатели, поэты и деятели культуры Беларуси погибли в гетто?

Л.С.: Практически все. Например, в Минском гетто погиб знаменитый белорусский скульптор Абрам Бразер. Важно другое. С самого начала нацисты приняли меры по ликвидации наиболее авторитетной части узников, цвета белорусских евреев. Во второй половине июля 1941 г. в Минском гетто нацисты потребовали, чтобы вышли вперед врачи, профессора, инженеры и другие представители интеллигенции. Люди по

своей наивности не догадались о планах нацистов и шагнули вперед. Их уничтожили в первую очередь.

“Rt”: Одним из самых известных фильмов об уничтожении евреев на территории Беларуси является картина Элема Климова «Иди и смотри». Соответствовал ли образ нациста в фильме – глупого и бесчеловечного – реальному?

Л.С.: Без сомнений, в этом фильме больше художественного вымысла, чем реальности. «Иди и смотри» (1985 г.) – одна из первых работ советского кинематографа, где трагедия войны и евреев показана не так, как мы привыкли. Война – это прежде всего трагедия, а потом уже героизм. И именно о трагедии рассказывают создатели фильма. Но образ нациста не совсем, на мой взгляд, правильно здесь показан. В фильме «17 мгновений весны» образ нациста намного реальнее.

“Rt”: Возродилась ли жизнь в белорусских еврейских местечках после войны?

Л.С.: Нет. По некоторым причинам. Белорусское еврейство было почти полностью физически уничтожено (800 тыс. из 1 млн. чел. передвойной). Те, кто остался в живых, не смогли жить в тех местечках, потому что кругом им все напоминало о Холокосте.

Вся послевоенная жизнь евреев осложнялась советской политикой. Приходилось объяснять в НКВД, каким образом они выжили. Власти подозревали таких евреев в сотрудничестве с оккупантами или в том, что они где-то отсиделись, поэтому многие евреи после 1945 г. уехали в Палестину через Польшу или остались в крупных белорусских городах.

После войны евреи оказались предоставленными самим себе: советская власть их не защищала. Их имущество расхитили, школы были закрыты еще до войны. Национальная жизнь полностью замерла. Единственное, что осталось у белорусских евреев, которые не покинули страну (к 1959 г. их насчитывалось 150 тыс. чел.), – это менталитет и генотип.

Интервью

Культуру, религию, язык, традицию они уже потеряли. В 1990-х гг. именно благодаря сохранившемуся менталитету евреи смогли возвратить себя как нация и народ. Но, если говорить о Домачево, то там евреев совсем не осталось. Из 3 тыс. чел. лишь десятерым удалось пережить Холокост и добраться до Палестины. В Домачево поселились другие люди, которые не имели представления о том, кто до них в этом местечке жил до войны. Долгие годы ничто не напоминало о еврейском присутствии в Домачево. Само же государство не торопилось обозначить трагедию народа, который оно обрекло на уничтожение, поэтому памятник жертвам трагедии Холокоста в Домачево поставили только в 1987 г.

Опубликовано:

“Russia today”, 1 ноября 2016 г.

russian.rt.com/science/article/329479-smilovickii-kholokost-getto

Праведница из Орешковичей

Каждый год Беларусь отмечает день освобождения от нацистской оккупации. Но величие победы неотделимо от трагедии войны, от осознания её цены. Понять трагедию белорусов в годы войны возможно только в сравнении с трагедией Холокоста. Долгие годы об этом не вспоминали. Советская традиция истории войны предпочитала говорить о героизме сопротивления, замалчивая масштабы народной трагедии. Это несправедливо по отношению к людям, которые принесли победу. Это ненаучно, поскольку не дает представления о действительных победах Красной Армии и партизанского движения и тех страданиях, которые пережило гражданское население на оккупированной территории.

800 тыс. евреев, ставшие жертвами нацистского геноцида в Беларуси, были белорусскими гражданами, частью белорусской памяти, частью белорусской истории. Ни один еврей на оккупированной территории не мог выжить без помощи белорусов. Память об этом народном подвиге, которая обозначена словами “праведник народов мира” до сих пор не увековечена на государственном уровне. До 1991 г. это вообще не было предметом разговора. С момента обретения Беларусью своей независимости установлено более 900 имён белорусов, которые спасали евреев с риском для жизни.

Один такой случай из моей поездки летом 2019 г. я хочу здесь привести. Из деревни Талька я собрался в Пуховичи и на остановке автобуса спросил у ожидающих людей, что они знают о евреях? Владимир Александрович из деревни Орешковичи рассказал, что в годы войны его мама Виктория (Виктория) Николаевна Курганович (Мартынчик, 1910 г.р.) три года прятала в своем доме молодую еврейскую женщину из Тальки.

Муж Викти в это время был на фронте, а она осталась в оккупации с двумя детьми. От Тальки до Орешковичей 4 км. Кроме того, в 7 км проходит шоссейная дорога Минск–Бобруйск. Немцы, опасаясь диверсий партизан, держали округу под неусыпным контролем и постоянно патрулировали. Однако Викти прятала еврейку в сарае, а на ночь пускала в дом. Сама ткала, а еврейка искусно вышивала, вязала, штопала и научила этому Викти. Готовые вещи Викти продавала, и на эти деньги жили.

В семье Кургановичей сохранились нарядная льняная скатерть, простыня, наволочка – свидетели того страшного времени и подвига белорусской женщины, рисковавшей жизнью своих детей и своей собственной. Этими вещами они продолжают пользоваться, хотя это, по сути дела, музейные экспонаты, которым место в Белгосмузее истории Великой Отечественной войны, пока в Беларуси не открыли музей праведников народов мира. Можно предположить, что подобные вещи в Орешковичах до сих пор остаются и у других жителей.

Все боялись, а Викти взяла. Она была жалостливая, сирота, выросла без родителей. Хлебнула горя. Не смогла отказать. Можно предположить, что хата Викти, куда постучалась еврейская женщина из Тальки, была не первой. Как она уцелела? Постучалась к Викте до или после массового расстрела в Тальке 17 сентября 1941 г.? В деревне знали, что Викти прячет еврейку, но никто не выдал, в том числе полицейские, но и они прикрыли глаза, иначе как объяснить, что не убили? Или не догадывались? Мы можем только гадать. Но женщина выжила и покинула Кургановичей в июле 1944 г. С тех пор следы ее затерялись.

Никто никогда не писал об этой истории. Спрашиваю у Кургановичей, знают ли они, кто такие праведники народов мира? Мне отвечают, что не знают. «И не слышали?» – не унимаюсь я. Супруга Владимира Александровича, Татьяна Иосифовна, дипломатично поясняет, что слышали, но понятия не имеют, кто это такие. Учеба, работа, семья, дети – не до этого.

После окончания войны и до самой пенсии Виктория работала в колхозе, а Александр Сергеевич (1912–1992) – конюхом; хромал всю жизнь после тяжелого ранения на фронте. Владимир Александрович стал радиоинженером, а Татьяна Иосифовна проработала всю жизнь на почте. Живут они в Минске на проспекте Независимости, напротив Национальной библиотеки. Спрашиваю, сохранились ли письма с войны? Нет, папа был безграмотным, тоже сирота. Научили его расписываться, и все. Виктория умерла в 1982 г.

Пример Тальки еще раз убедил меня в том, какие возможности есть у народной памяти. Она существует независимо от нашей воли и является тем камертоном, который определяет моральное здоровье общества. Отношение к прошлому имеет не только нравственную ценность, но и практическую значимость. Память помогает нам не только понять себя самих, но и избежать повторения трагических ошибок. До тех пор, пока сохранение памяти о евреях Беларуси не стало частью государственной политики, народная память будет оставаться тем судьей, который все расставляет по своим местам: зло называет злом, а добро – добром. Дела земные не должны вытеснять духовные. Подвиг праведников мира – это часть народной памяти белорусов, последние носители которой уходят на наших глазах. Мы обязаны запечатлеть эту память и передать ее как эстафету новому поколению белорусов, не знавших войны.

Эта работа ведется давно. Союз белорусских еврейских общественных объединений и общин, Музей истории и культуры евреев Беларуси, Еврейский культурный центр «Мишпаха» осуществили два издания книги «Праведники народов мира Беларуси» (2004 и 2015 гг.). Отдельную книгу о праведниках мира издала Бобруйская еврейская община: Л. Рубинштейн. «Они спасли мир». Минск, 2006 г. В Минске вышла книга о праведниках мира «Война известная и неизвестная...» / Сост. Н.Л. Цыганок – и выдержала уже три издания (2010, 2012 и 2019 гг.). В Тель-Авивском университете 21–22 ноября 2019 г. состоялась международная конференция «Память

Интервью

о Холокосте на постсоветском пространстве как неотъемлемая часть построения гражданского общества (1991–2018 гг.)».

Сохранение памяти о праведниках мира должно стать частью государственной политики, а не полагаться только на общественные организации. Это предмет национальной гордости белорусского народа. Это гимн жизни, высшей справедливости, человеческому благородству. Это надежда на то, что народы перестанут сводить друг с другом счеты и воевать, вместе строить свое будущее. Память о подвиге праведников мира необходима белорусскому народу для восстановления исторической справедливости, для того чтобы понять ход исторических событий, извлечь уроки на будущее, чтобы подобная трагедия не повторилась.

Пришла пора открыть государственный мемориал в честь белорусских праведников мира как в Минске, так и других городах Беларуси, нужно издать энциклопедию праведников народов мира в Беларуси. Это будет достойная память беззатратно мужественным людям и прекрасный урок для нового поколения людей, которое вступает в жизнь.

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Праведница из Орешковичей» // *Мост*, № 1069 от 2 декабря 2020 г., с. 18.

Нацисты не верили в свои мифы

Когда вы попадаете в исторический музей Яд ва-Шем в Иерусалиме, то внимание сразу приковывает фотокомпозиция из жизни довоенных еврейских общин Европы. Пройдя немного вперед, вы видите леденящие душу кадры из концлагеря Клоога (Эстония, сентябрь 1944 г.). На фотографии – штабеля трупов в поленницах дров, а рядом – то, что не успело исчезнуть в пламени: документы, письма, семейные фото...

Но Клоога – лишь небольшой эпизод, попавший в объектив фотографа. Такие костры горели ежедневно круглые сутки с 1942 по 1944 г. в разных уголках Центральной и Восточной Европы, включая Советский Союз. Планомерная программа уничтожения следов массовых экзекуций под кодовым названием «Операция 1005», проводившаяся по приказу Гиммлера, долгое время оставалась вне поля зрения историков. И вот теперь, спустя 75 после Второй мировой войны, этой важной теме была посвящена в Париже международная научная конференция (15–16 июня 2009 г.). Участниками ее стали 22 ученых из 8 стран – историки и эксперты. Израиль представлял доктор исторических наук *Леонид Смилович*. Предлагаем вниманию читателей эксклюзивное интервью с историком, которого расспросил *Григорий Рейхман* (газета «Вести», Израиль).

Григорий Рейхман: *Как состоялся выбор темы конференции и что это была за встреча?*

Леонид Смилович: Тема конференции «Операция 1005» это кодовое название широкомасштабного секретного плана нацистов по сокрытию следов массовых убийств евреев, мирного населения и военнопленных. Уничтожение захоронений в Восточной Европе и Советском Союзе затруднило установление точного количества жертв нацизма и активно используется отрицателями Холокоста. На конференции предпо-

лагалось рассмотреть новые архивные источники и последние полевые находки по следам «Операции 1005». Обсудить такие важные аспекты, как деятельность зондеркоманд на местах преступлений (в лагерях и гетто и за их пределами), свидетельства очевидцев из числа заключенных, попытки бегства и саботажа приказов нацистов об убийстве евреев, технические детали осуществления этой операции и т. д. Предстояло ответить на многочисленные вопросы, обсудить итоги судов над нацистскими преступниками и их пособниками, начиная с Нюрнбергского процесса.

Г.Р.: В чем заключалась главная мысль конференции, и кто был инициатором ее проведения?

Л.С.: Идея конференции состояла не только в разоблачении нацистской программы скрытия следов массовых убийств в годы Второй мировой войны, а намного шире: как противопоставление глобальной идеи антисемитизма и одному из ее самых уродливых проявлений – отрицанию Холокоста.

Отрицатели Холокоста прекрасно знают, что лгут. Ничего нового они сказать не могут. Среди них нет ни одного профессора. Повторяют старые пропагандистские мифы, причем подлог сознательный, цель – укрепить ненависть к евреям. В Иране Холокост отрицают с политической стороны. ХАМАС и режим Асада в Сирии ставят все с ног на голову – это евреи устраивают Холокост палестинскому народу. Председатель Организации освобождения Палестины Абу Мазен защитил в Москве докторскую диссертацию о том, что евреи придумали Холокост, чтобы оправдать образование государства Израиль, вызвать сочувствие мира и добиться репараций от Германии¹.

¹ Махмуд Аббас (известный также как Абу Мазен, 1935 г.р.) – выпускник юридического факультета Дамасского университета и аспирантуры Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. В 1982 г. защитил диссертацию в московском филиале Института

Антисемиты в доказательствах не нуждаются. Образно говоря, отрицатели Холокоста готовят боеприпасы для тех, кто потом стреляет в евреев. До недавнего времени сравнение это было виртуальным. Однако после того, как 11 июня 2009 г. в Вашингтонском музее Холокоста от пули фанатичного последователя Гитлера погиб охранник музеиного комплекса, стало ужасной реальностью. Конференцию в Париже организовали Университет Париж IV Сорbonна и Вашингтонский музей Катастрофы восточноевропейского еврейства при поддержке архиепископа Парижа кардинала Андре Вен-Труа (André Vingt-Trois). Она представляет собой часть программы «Европа для граждан» Главного управления по образованию и культуре Европейской комиссии. Местом проведения стал Колледж бернардинцев в Париже, основанный еще в XIII веке и отреставрированный всего полгода назад.

Г.Р.: *Состав участников был представительным?*

Л.С.: На конкурсной основе были приглашены 22 исследователя из 8 стран: Франции, США, Великобритании, Германии, Италии, Израиля, Чехии, Украины. Это были историки, юристы, философы и эксперты по данной проблеме. О значении этой встречи ученых можно судить хотя бы по тому, что она проводилась одновременно на четырех языках – французском, английском, немецком и русском. Самое активное участие приняла ассоциация «Яхад-ин унум» (Yahad-in Unum), которой руководит католический священник Патрик Дебуа (Patrick Desbois).

Г.Р.: *Отец Патрик Дебуа, получивший в 2005 г. благословление папы римского Бенедикта XVI на исследования*

востоковедения Академии наук СССР по теме «Секретная связь между нацизмом и сионизмом», основные идеи которой позже трактовались как отрицание Холокоста.

истории Холокоста, удостоенный недавно звания почетного доктора Бар-Иланского университета?

Л.С.: Да. Это уникальный человек. Патрик Дебуа отмечен множеством наград за поддержку еврейского народа, увековечение памяти жертв Холокоста, стремление к религиозной терпимости и содружеству между религиями. Дебуа возглавляет национальную службу французских епископов по связям с иудаизмом и является автором книги «Расстрельный Холокост» (*The Holocaust by Bullets*), удостоенной награды Еврейского книжного совета за 2008 г.

Патрика Дебуа привели на Украину рассказы его деда, участника французского Сопротивления, который был арестован и отправлен в концлагерь в Раве-Русской под Львовом. Там Дебуа-старший увидел вереницу семей евреев, которых вели на расстрел. Рассказ об этом произвел сильнейшее впечатление на его внука. Через много лет Дебуа-младший, став священником, захотел увидеть место трагедии. Но, оказалось, что смотреть не на что. Ни в Раве-Русской, ни в многочисленных других городах и населенных пунктах.

Со своими последователями священник посетил Львов, Тернополь, Витебск, Полоцк, Брест, разыскал людей, которые видели, как выкапывали трупы, как горели костры. Этой группой были обнаружены свыше 800 массовых захоронений на Украине и в Белоруссии. Я думал, что свидетелей подобного не осталось, их и раньше-то было немного. На конференцию пригласили двух из них – Адольфа Висловского и Лейбу Абрамовича Велицкера из Яновского лагеря под Львовом. Захватывающим был рассказ Мишеля Мораччини, бывшего наблюдателя на Нюрнбергском судебном процессе. В 1946 г. он несколько раз участвовал в допросах Пауля Блобеля.

Г.Р.: Давайте расскажем нашим читателям немного подробнее о Блобеле, ведь это была ключевая фигура, штандартенфюрер СС, начальник зондеркоманды 4 «А».

Л.С.: Да. Пауль Блобель (*Paul Blobel*), архитектор по образованию и палач по призванию. Он руководил массовыми акциями уничтожения мирного населения на Украине, в том числе расстрелами в Бабьем Яру. В апреле 1942 г. начальник Главного управления имперской безопасности Германии Рейнхард Гейдрих по поручению рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера возложил на Пауля Блобеля непосредственное исполнение «Операции 1005».

Блобель придумал аэродинамическую конструкцию и отработал технологию уничтожения трупов. Динамитом взрывать могилы оказалось непродуктивно, оставалось много следов. Огнеметы – не хватало температуры, которую нужно было равномерно поддерживать. Остановились на импровизированных печах. На бетонные основания, рельсы или пни укладывали решетку. На нее – дрова, затем слой трупов, дрова, трупы. Обливали бензином или другими горючими материалами. Поджигали. Уцелевшие в огне кости дробили кувалдами. Придумали даже мельницы – после сожжения тела оставалось 3 кг костной муки. Пепел ссыпали в ямы или развеивали по ветру. Иногда смешивали с землей и продавали. Люди начинали болеть от подобных «удобрений».

Одну такую мельницу нашли под Киевом, а другую – под Львовом, всего их обнаружили 5. Известен факт, что в гетто Лодзи в Польше евреев обязали заплатить 1 тыс. 500 марок за дизельный мотор для такой мельницы. Если евреев Европы заставляли оплачивать свои железнодорожные билеты в лагеря смерти, то здесь – «технологические» новшества, направленные на сокрытие следов их гибели.

Мельницы в годы войны поставляло предприятие «Шривер» из Германии. В 1960-х гг. в судебном порядке ее владельцы признали свои связи с ведомством Гиммлера.

Г.Р.: *Чьими руками выполнялась «Операция 1005»?*

Л.С.: Помните известное выражение немцев: «Это не мы – это СС!» У этого утверждения были основания. Отряды

зондерманды «1005» считались особо секретными. Большинство распоряжений отдавались устно, документация не велась. Каждый эпизод их деятельности именовался условно: «Разравнивание» (Тростенец), «Умиротворение» (Гродно), «Тайная натура» (Орша и Борисов), «Метеосводка» (Рогачев). В этой операции подразделения СС крайне редко прибегали к услугам не только полицейских из местных жителей, но и солдат вермахта. Полицейским из славян и прибалтов доверяли находиться только в первой (самой дальней) очереди оцепления, в 100–200 м от «раскопок», и они ничего не видели. Непосредственно у места извлечения и сожжения трупов находились эсэсовцы, жандармы или на худой случай фольксдойче. Если этого нельзя было избежать, то по окончании работ полицейских-славян ликвидировали. Уничтожались даже случайные свидетели, оказавшиеся поблизости.

В Яновском лагере (Львов) и Кракове были созданы учебные центры для инструкторов. В первой такой команде насчитывалось 123 еврея. Они направлялись к местам уничтожения передать «опыт», а затем их убивали. Но поскольку эти люди становились «специалистами», то жизнь им ненадолго продлевали. У них появлялась возможность осмотреться и подумать о побеге, поскольку терять было нечего. Отношение к таким «чернорабочим» различалось: в одних местах над ними издевались, в других – кормили лучше, выдавали алкоголь и сигареты, обещали отправить на работу в Германию. Вскоре, однако, евреев заменили советскими военно-пленными, которых ожидала та же участь по окончании «работ»...

Г.Р.: В связи с чем произошла замена? По-видимому, после ряда побегов? Как, скажем, из Яновского концлагеря на Львовщине в сентябре 1943 г. накануне его уничтожения; из Бабьего Яра, о чем в свое время писал Анатолий Кузнецов, а последний свидетель Захар Трубаков успел незадолго до смерти в Израиле описать в своей книге «Тайна Бабьего Яра»; бежали евреи из Девятого форта, из Понар,

о чем рассказал в недавно изданных в России мемуарах Абраам Суцкевер «Из Виленского гетто».

Л.С.: В ряде мест Украины, Прибалтики и Беларуси евреи, поставленные на работы по ликвидации трупов, совершили несколько дерзких побегов, которые увенчались успехом. Бегство из Бабьего Яра под Киевом произошло 29 сентября 1943 г., из Девятого форта в Каунасе – в ночь на 25 декабря 1943 г., из Понар около Вильнюса – в ночь на 15 апреля 1944 г.

В Беларуси в 1943 г. из Тростенца спаслись три человека. Чудом остался в живых партизан Степан Пилунов, который стал свидетелем сожжения свыше 30 тыс. трупов в октябре–ноябре 1943 г. в районе Могилева и Гомеля. Под Минском за два дня до освобождения города (30 июня 1944 г.) прямо с костра сбежала Степанида Савинская, которую считали мертвой. Каждый подобный случай уникален и находится на грани понимания. Большинство беглецов были убиты во время погони, других схватили и замучили. Однако даже малой части живых свидетелей оказалось достаточно, чтобы рассказать страшную правду об «Операции 1005».

Г.Р.: Кто на конференции в Париже представлял Израиль?

Л.С.: Из Израиля был приглашен я один. Такие встречи стали регулярными. В 2003 г. я участвовал в конференции в США с докладом «Общее и особенное в гетто Гомельской области, 1941–1942 гг.». В 2008 г. в Вене на симпозиуме «Единая Европа – разделенная память» я рассказывал об отличительных чертах Холокоста в Белоруссии. В Париже 15–16 июня 2009 г. мой доклад был посвящен тому, как нацисты осуществляли директиву «1005» на оккупированной территории Беларуси.

После выступления ко мне подошел молодой человек, носящий имя и фамилию своего прадеда. Поинтересовался, есть ли у меня знакомые в Могилеве? Оказалось, что в

1941–1942 гг. его прадед служил... в одной из частей вермахта в Могилеве, и сохранилась коллекция из 300 фотографий тех мест. Молодой немец прослушал все доклады конференции. Потомок завоевателей... Самоочищение через познание. Семейная история «срабатывает» таким образом. Были и другие памятные встречи.

Г.Р.: *А Яд ва-Шем?*

Л.С.: Как ни странно, такая авторитетная организация с колоссальными возможностями и опытом, богатейшим потенциалом (архив, музей, библиотека, научно-исследовательский корпус, педагогический центр, издательский отдел и экскурсионная служба), аккумулировавший в себе многолетние результаты сбора свидетельств и материалов о Катастрофе восточноевропейского еврейства, осталась в стороне.

Г.Р.: *Как это понимать?*

Л.С.: У меня нет этому объяснения. Здравый смысл подсказывает, что конференции в познании трагедии, постигшей еврейский народ и человечество в целом в годы Второй мировой войны, быть не может. Каждый обязан вносить свою лепту. Однако на конференцию в Париж, посвященную «Операции 1005», из Яд ва-Шем не приехали. Могли, по крайней мере, послать хотя бы приветствие...

Г.Р.: *Какая атмосфера царила на конференции?*

Л.С.: Трудно переоценить внимание зала в большом амфитеатре Колледжа бернардинцев. Слушатели ловили каждое слово. Перед ними выступали не только ученые и эксперты, но и непосредственные участники событий. На наше счастье, они еще живы. Чисто психологически трудно было участвовать в конференции, слушать новые подробности, несмотря на то, что я сам собирал и изучал этот страшный материал.

Все, о чем говорилось, удивительным образом отвечает современности. Было очевидно, что отрицание Холокоста – это составная часть антисемитизма и расизма. Сожжение трупов в Камбодже (Индокитай), Руанде и Анголе, Судане и Сомали (Африка) шло по тому же сценарию. Встал даже вопрос о сравнении между геноцидом евреев нацистами и армянской резней турками в 1915 г. Доктор Дитер Поль из Мюнхена подчеркнул, что разница лежит в позиции правительства Германии и Турции. Турции не удастся уйти от ответственности, замолчать проблему, пока она не вступит в дискуссию, не откроет архивы.

Очень важно, что инициатива проведения конференции исходила не от европейской стороны. На кострах сжигали не одних евреев. Это помогает сломать стереотип, что Холокост касается только евреев, что другие народы, оставшись в стороне, полностью уцелели. Подспудно на конференции присутствовала идея, которая формально не была озвучена. Но я это почувствовал. Евреи и неевреи, католики и иудеи должны объединить усилия, чтобы противостоять наступлению ислама. Мусульмане не ассимилируются в Европе или любом другом месте, где они оказываются. Это как масло, которое попадает в воду. Заявляя о своей дискриминации, они готовы к агрессии. Отрицание Холокоста для них – это репетиция для захвата власти и расправы над теми, кого они считают неверными.

*Г.Р.: Вернемся к непосредственным свидетелям.
Расскажите о них подробнее.*

Л.С.: Адольфу Висловскому было 18 лет, когда его вместе с еще 120 евреями заставили вскрывать могилы и сжигать трупы. Существовало разделение труда: одни выкапывали, другие складывали человеческие останки на костры, третьи в это время заготавливали, пилили и кололи дрова. «Дантисты» вырывали золотые коронки. Были счетчики трупов и поджигатели.

Работали баграми и вилами, крюками. Экскаваторами пользоваться было неудобно, и от них отказались. Поджигали гранатами, факелами, термитными снарядами. Жидкость, которая стекала под костер, смешивалась с горючими материалами и сгорала. Оставшиеся кости дробили. Пепел и прах просеивали дни напролет, чтобы найти золото.

Висловский рассказал, что видел, как немцы привезли членов польского правительства в элегантных костюмах: обсуждали создание будущего правительства. Поляки отказались, их расстреляли и сожгли. В 1942 г. Висловский бежал и оказался единственным, кто остался в живых из всей «бригады смерти».

Лейбу Велицкера в Яновском лагере в 1943 г. нацисты назначили ответственным за передачу найденного у убитых евреев золота. Когда вскрыли могилы, узники, отправленные на эти работы, думали, что немцы ищут золото, а не уничтожают следы преступлений. Часть драгоценностей эсэсовцы негласно присваивали, вместо того чтобы сдавать.

Лейба вел дневник, который прятал в тайнике. Только у него одного имелись карандаш и бумага. Я спросил у Велицкера, зачем он вел дневник, ведь за это грозила смерть? И услышал в ответ, что ему было все равно, но требовалось себя чем-то занять по вечерам – описывал то, что видел... За три с половиной месяца (июнь–сентябрь 1943 г.) на глазах Велицкера сожгли 70 тыс. трупов.

Г.Р.: Какова география и временные рамки «Операции 1005»?

Л.С.: Она велась практически повсеместно в оккупированной Европе. Россию эта операция затронула на северо-западе, под Ленинградом, в конце 1943 г. – начале 1944 г. Свидетельства об этом сохранились в архиве в Людвигсбурге. В Беларусь, под Минском, сожжения велись до 1 июля 1944 г., а спустя два дня советские войска освободили Минск. Одним из первых об этом сообщил миру Илья Эренбург, который своими глаза-

ми увидел недогоревшие трупы в Тростенце. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны на сегодняшний день – это единственное место в мире, где хранятся вещественные доказательства: колода, на которую укладывали рельсы для сожжения трупов, бочка из-под горючего материала, пепел и прах сожженных узников в концлагере Малый Тростенец. Решение о создании музея было принято по горячим следам уже в 1944 г.

Г.Р.: *В чем особенность этой операции в Беларуси?*

Л.С.: Белоруссия оказалась одним из основных мест проведения «Операции 1005» по сокрытию следов преступлений нацистов против мирного населения и военнопленных. Территория республики, оккупированная к началу сентября 1941 г., оставалась под немецким контролем до середины лета 1944 г. За это время она покрылась густой сетью многочисленных захоронений, в которых находились сотни тысяч человеческих останков, подлежащих ликвидации согласно программе Главного управления имперской безопасности Германии.

Операция проводилась исключительно интенсивно, особенно с осени 1943 г. График осуществления был очень напряженным. Однако в республике, две трети территории которой к началу 1944 г. фактически находились под контролем партизан, а сеть немецких коммуникаций постоянно подвергалась угрозе нападения, выполнение «Операции 1005» в полном объеме стало проблематичным. Все усилия, направленные на сохранение тайного характера ликвидации сотни тысяч трупов, не увенчались успехом. Наконец, случилось то, чего больше всего опасались нацисты: в живых остались свидетели – непосредственные участники проведения самой акции.

Обширный фактический материал, собранный в Беларуси по следам деятельности команд «1005», был широко использован не только в Нюрнбергском трибунале, но и на ряде про-

цессов (открытых и закрытых) над нацистскими преступниками и их пособниками в самой республике. Мы никогда не узнаем точного количества извлеченных из могил и кремированных тел, как и большинства имен ее исполнителей. Однако важно, что нацистским преступникам не удалось скрыть следы массовых злодяйий против человечества, и это ответ всем отрицателям преступного характера нацистского режима.

Мы должны вернуть имена погибших из забвения. Приведу слова доктора Поля Шапиро, директора Центра современных исследований при музее Холокоста в Вашингтоне: «“Операция 1005” нацистов ставила своей задачей лишить голоса тех, кто уже был убит и, казалось бы, молчал. Наша задача – вернуть эти голоса, чтобы они были услышаны следующими поколениями!»

Г.Р.: Неужели до сих пор не существует фундаментальных научных трудов по истории об «Операции 1005»? Работ, где вся «информационная россыпь» собрана и концептуально обобщена? Или хотя бы академических исследований по отдельным регионам? В недавней монографии (перевод с иврита) Ицхака Арада о Катастрофе советского еврейства вопросам сокрытия следов нацистских преступлений посвящено примерно 12 страниц...

Л.С.: Надо испытывать страсть, чтобы заниматься этой темой. Каждый из участников конференции в Париже восстанавливал свой кусочек палитры. Однако полная картина того, что случилось, отсутствует и сегодня, хотя такие попытки делаются.²

² Относительно недавно вышли два тома фундаментального издания Andrej Angrick „Aktion 1005“ – Spurenbeseitigung von NS-Massenverbrechen 1942–1945: Eine „geheime Reichssache“ im Spannungsfeld von Kriegswende und Propaganda. Wallstein, Göttingen 2018

Александр Круглов из Харькова считается ведущим специалистом по «Операции 1005» на Украине. Андрей Ангрик из Фонда науки и культуры (Гамбург, Германия) изучает действия «зондеркоманд 1005» в странах Балтии, германском рейхе и Югославии. Сюзанна Броун-Флеминг анализирует итоги «Операции 1005» по немецким документам и свидетельствам, собранным Государственным музеем Холокоста в Вашингтоне. Стефан Тиас (Сент-Элбанс, Англия) пытается найти ответ на вопрос, что Великобритании известно про «зондеркоманду 1005». Андреас Килиан (Франкфурт-на-Майне, Германия) занимается вопросом ответственности за уничтожение тел жертв в Освенциме и в концлагере Треблинка. Томас Войта (Карлов университет в Праге, Чешская республика) и Дэвид Рич (Департамент юстиции США) много сделали для определения масштабов злодеяний «зондеркоманд 1005» в лагерях уничтожения Польского генерал-губернаторства.

На днях журналист Йенс Хоффманн (Jens Hoffman) из Берлина прислал мне очень интересный материал по «Операции 1005» в Латвии. В октябре 2008 г. в Гамбурге вышла его книга “Das kann man nicht erzählen. Aktion 1005. Wie die Nazis die Spuren ihrer Massenmorde in Osteuropa beseitigten” («Это невозможно рассказать. Акция 1005. Как нацисты устранили следы своих массовых убийств в Восточной Европе»).

Если прошлое будет забыто, оно обязательно повторится в самых уродливых формах. Главное – видеть причинно-следственные связи, а для этого должна сработать «система раннего предупреждения». Тема Холокоста – это наша общая открытая рана, без преувеличения.

Г.Р.: *К каким выводам пришла конференция?*

Л.С.: По итогам встречи ученых состоялся прием у президента Университета Париж IV Сорbonna профессора Жоржа Молинье. Он объявил, что с сентября 2009 г. в этом, одном из наиболее престижных университетов Франции и Европы, под

Интервью

эгидой архиепископа Парижа и ордена бернардинцев впервые начинается преподавание темы Холокоста как самостоятельной учебной дисциплины. На курс уже записалось 40 студентов. Преподаватели будут приглашены из разных стран. Главная цель – обеспечить передачу преемственности памяти о Холокoste. Последние свидетели ее уходят на наших глазах, кто примет эстафету человеческой памяти?

Многое уже известно. Ранее никто не рассматривал «Операцию 1005» как целенаправленную политику, предполагавшую отрицание Холокоста в исторической перспективе. Конференция постаралась восполнить этот пробел. Будем надеяться, что выводы, к которым пришли ее участники, будут иметь далеко идущие последствия. Отрицание преступлений нацистов против человечества в годы Второй мировой войны – это вселенский грех. За него нет прощения. Эту истину сегодня отчетливо понимает все больше людей. У евреев и неевреев – общая судьба. Нельзя допустить, чтобы духовные наследники нацизма, рвущиеся к атомной бомбе, взяли нас на прицел. Атомное оружие у Ирана – это в перспективе «Операция 1005», не только для Израиля, но и для всего мира. Именно поэтому изучение истории Холокоста касается всех.

Опубликовано:

Л. Смиловичий. «Нацисты не верили в свои планы»: Интервью газ. *Вести* (Иерусалим) по итогам международной конференции в Париже: Operation 1005: Nazi Attempts to Erase the Evidence of Mass Murder in Eastern and Central Europe, 1942–1944 // Приложение «*Вести-2*», 16 июля 2009 г., с. 14-15.

Почему нет музея Минского гетто?

75 лет назад (21 октября 1943 г.) было ликвидировано Минское гетто. В связи с этой трагической датой радиостанция «Свобода» попросила доктора исторических наук из Тель-Авивского университета Леонида Смиловицкого, который много лет изучает трагедию евреев Беларуси в годы Второй мировой войны, ответить на вопрос, почему до сих пор в Беларуси нет музея Минского гетто.

Леонид Смиловицкий: К сожалению, последние 75 лет – это время упущенных возможностей сохранить и осмыслить историю Минского гетто, самого большого в Советском Союзе в границах 1939 г. Мы это поняли, когда почти не осталось выживших, которые могли рассказать и показать, где и как все произошло, ответить на вопросы, объяснить... Я жил в Минске с 1955 по 1992 г. и ничего не знал об истории гетто, несмотря на то, что окончил исторический факультет и защитил диссертацию. Сведения о гетто тщательно скрывались, в учебниках об этом не писали, учителя не рассказывали, не говоря уже о проведении спецкурсов, создании фильмов, написании книг, проведении исследований. И это в Беларуси, одной из наиболее пострадавших от оккупации республик бывшего Советского Союза! К июлю 1944 г. население республики уменьшилось с 10 до 6,5 млн. чел. Но о том, что из 3,5 млн. жертв почти 800 тыс. составляли евреи, умалчивали.

После войны все знали, что нацисты убивали евреев, но не могли понять почему? Спросите сегодня прохожего на улице, что услышите в ответ? Потому что ненавидели! Но убили ли нацисты всех, кого ненавидели, включая малых детей? Всегда и везде? Кроме евреев? С 1991 г., когда Беларусь обрела независимость, историки, писатели, журналисты, краеведы, музей-

ные работники и архивисты много сделали для того, чтобы раскрыть самую горькую страницу в истории страны. Перед распадом СССР в Минске нельзя было найти даже упоминания о гетто ни в школьных, ни в вузовских учебниках, ни в Белорусской советской энциклопедии. Евреи, бежавшие из гетто, организовали первые четыре партизанских отряда. В целом до лета 1942 г. партизанское движение в Беларуси состояло почти исключительно из коммунистов и комсомольцев, оставленных для работы в подполье в тылу врага, советских военнопленных, окруженцев и евреев.

Сотрудники Института истории Академии наук БССР впервые начали сбор документов и воспоминаний узников гетто в Минске в связи с 30-летием Победы в 1975 г. Однако позже эта работа была свернута, а результаты закрыты до тех пор, пока эти материалы не попали в Яд ва-Шем в начале 1990-х гг. За последние 25 лет историкам на основе свидетельств очевидцев, участников сопротивления, чудом выживших удалось написать историю гетто в Минске (с июля 1941 г. по октябрь 1943 г.). Гирш Смоляр («Мстители из гетто», 1947), Анна Краснoperка («Письма моей памяти», 1989) и Давид Гай («Круг десятый», 1991) сделали больше, чем другие. Затем последовали книги и сборники документов по истории Холокоста в Беларуси. Свои работы издали Эммануил Иоффе, Вячеслав Селеменев, Инна Герасимова, Геннадий Винница, Абрам Рубенчик, Александр Розенберг, Барbara Эпштейн. Наиболее полным на сегодняшний день можно считать аналитический обзор Минского гетто Даниила Романовского в российской энциклопедии «Холокост на территории СССР».

С 2002 г. в Исторической мастерской в Минске на улице Сухая, 25 проводится большая работа по изучению и сохранению памяти о Минском гетто. В его стенах на немецкие деньги ведется кропотливая работа в научной, образовательной и издательской сфере. В 2011 г. преподаватель Белорусского национального технического университета Сергей Тукало дважды пытался защитить диссертацию по истории Минского гетто, но президиум ВАК Беларуси отклонил ее как

несовместимую с общенациональной концепцией освещения событий в Беларуси в годы войны.

В 2014 г. в Минске на средства частного спонсора вышел сборник «Память и время» о борьбе узников Минского гетто, участии евреев в партизанском движении и Красной армии. Но первый выпуск остался последним в обещанной серии из-за нехватки средств. Когда я слышу в качестве оправдания, что на издание «нет денег», становится горько, потому что до сих пор государственные, научные и образовательные структуры Беларуси остаются в стороне от решения этой проблемы. Чиновники отводят глаза, мол, это нужно одним евреям, так пусть они и позаботятся.

Вопрос не в том, найдет ли маленький Израиль, который и сегодня борется за свое выживание, достаточно средств для восстановления исторической памяти в разрозненных странах (написание истории общин, установка памятников жертвам Холокоста, восстановление еврейских кладбищ в тысячах местечек, разрушенных нацистами в Восточной Европе), а в том, что белорусы, как и другие народы, где жили евреи, пользуются сегодня всем, что евреями сделано. Разве это не основание признать евреев частью национальной истории этих стран, а следовательно, сохранить ее?

Мою первую научную работу после приезда в Израиль я посвятил истории Минского гетто¹. Затем издал книгу «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.» (Тель-Авив, 2000), где отвел отдельный раздел Минскому гетто. Несмотря на то, что за последние 30 лет сделано многое, чтобы пролить свет на историческую правду о страданиях и борьбе узников гетто в Минске, нельзя сказать, что эта работа завершена. Слабые попытки представить историю Холокоста в Белорусском государственном музее Великой Отечественной войны, получив-

¹ L. Smilovitsky. “The Minsk Ghetto: An Issue of Jewish Resistance” // *Shvut, Studies in Russian and East European Jewish History and Culture. New Series*, No 1-2 (17-18), 1995, pp. 177-199 (Tel Aviv University).

шем к 70-летию Победы прекрасное монументальное здание, не увенчались успехом.

До сих пор мы знаем далеко не всю правду об этом. Приведу только один пример – это письма бывших узников Минского гетто, выживших и считавших своим долгом рассказать правду об уничтожении своего народа. Многие стали партизанами, а затем солдатами и командирами Красной армии, освободившей Беларусь, и отправились добивать врага на запад. Некоторые из этих писем, дневников, а также предметы личного происхождения уже собраны в рамках проекта «Невостребованная память» в Тель-Авивском университете. Я использую их в новой книге «Евреи в Красной армии. Переписка фронта и тыла, 1941–1945 гг.», над которой сейчас работаю. Назову лишь некоторые имена авторов этих писем: Самуэль и Лазарь Кац, София Рубинштейн, Леонид и Зиновий Савиковские, Рива Сосланд, Анна Каснаперка, Мендель Левин, Сара Левина, Аркадий (Арон) Лейзеров, Таня Либович, Абрам Юзефович, Ефим (Хаим) Розиноер, Файвл Свержаковский, Наум Фельдман и др.

Сегодня живы лишь немногие из уцелевших в Минском гетто, и будущий музей нужен не им, а молодому поколению людей, вступающих в жизнь. Они имеют право знать, что на самом деле происходило в их родном городе, кто и как вел себя во время Холокоста. У меня есть мечта, чтобы все усилия рассказать о Минском гетто за 75 лет воплотились в открытие Белорусского государственного музея Минского гетто. Подобные музеи есть во всех странах, соседствующих с Беларусью: в таких городах как Вильнюс, Рига, Варшава, Киев, Харьков, Кишинев, Москва. В Беларуси работают талантливые и опытные исследователи, писатели, журналисты, деятели культуры и искусства, а также просто неравнодушные люди, которые обязательно откликнутся. Память о 100 тысячах евреев, погибших в Минске за 28 месяцев существования гетто, требует такого шага. Это не только дань уважения убитым и замученным евреям, гражданам Беларуси, но и назидание потом-

Почему нет музея Минского гетто

кам. Тогда известный лозунг «Никто не забыт и ничто не забыто» перестанет быть формальным и обретет свою плоть.

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Прошло 75 лет, но до сих пор нет музея Минского гетто» // *Radio Free Europe/Radio Liberty*, RFE/RL August 12, 2018 (Prague) <https://www.svaboda.org/a/29447261.html>

Холокост – неотъемлемая часть трагедии Беларуси

Редакцию радиостанции «Свобода» в Праге посетил израильский историк Леонид Смиловицкий, с которым побеседовал Сергей Шупа.

Сергей Шупа: Вы посвятили немало времени анализу и осмыслению ситуации вокруг сохранения памяти жертв Холокоста белорусского еврейства в годы Второй мировой войны. Какие основные моменты нужно иметь в виду при подходе к этой теме?

Леонид Смиловицкий: Я хотел бы начать с того, что мир никогда не узнал бы всей правды о Холокосте, если бы государство Израиль. Второе: это то, что ни один еврей не выжил бы на оккупированной территории, если бы не помочь белорусов. Третье: Холокост никогда не принял бы таких масштабов, если бы не соучастие пособников из местного населения. И четвертое: белорусы никогда не выступали инициаторами погромов и расстрелов, в отличие от того, что происходило в других республиках Советского Союза – в странах Балтии, на Украине, в России. Об этом всегда нужно помнить, когда мы говорим о геноциде евреев в годы Второй мировой войны.

С.Ш.: До распада СССР первый и последний раз правда о Минском гетто и Холокосте в Белоруссии на страницах официальных научных изданий в БССР появилась... в книге «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков», которая увидела свет под авторством Лаврентия Цанавы в Минске в 1949 г. Почему эта тема вообще была затронута?

Л.С.: Случайно я был свидетелем разговора моего отца и его научного руководителя Михаила Ефимовича Шкляра, доктора исторических наук, профессора, старшего научного сотрудника Института истории партии при ЦК КПБ. Он рассказывал, как в 1949 г. руководитель белорусской тайной полиции (МГБ) Цанава собрал белорусских историков и заявил что-то вроде: «Пока не напишете, вы из этой комнаты не выйдете!» У них был месяц срока, чтобы в пожарном порядке быстренько это сделать. И большую часть этих историков составляли евреи. Шкляр был одним из участников этой группы. Упомянутый мной его разговор с отцом происходил где-то в 1975 г. – за столом, за рюмкой, со смешком... Только теперь я понимаю значимость той информации, которую тогда услышал.

Понятно, что когда еврейские историки писали историю партизанского движения, они не могли обойти молчанием гетто, получив карт-бланш. Цанава был человеком номер два после Пономаренко, а может, и номер один в Беларуси. Он дал им в распоряжение все необходимые статистические отчеты, картотеку Центрального штаба партизанского движения – все, что было нужно, поэтому это вообще книга уникальная. И там было сказано о том, что было гетто, что было сопротивление, что было страшное несчастье, преступление. Все эти материалы потом исчезли.

С.Ш.: Почему вскоре эту тему стали обходить стороной?

Л.С.: Дело в том, что после 1946 г. еврейская тема стала ключевой в противостоянии с Западом в условиях холодной войны. Поэтому, если говорить об участии евреев в сопротивлении, надо было отойти от стереотипов, которые уже сложились к тому времени. Тогда как внимание к еврейской теме нарушало гармоничную модель советского интернационализма, которая отрицала фактически, а не на словах значение национальной жизни. Если говорить о евреях, то почему не

говорить о национальной жизни белорусов, поляков, татар в республике?

Тема Холокоста стала неудобной. В связи с ней возникали новые и новые вопросы, она «мешала карты» и нарушала единомыслие. Советское же общество, как мы с вами хорошо знаем, оставалось безальтернативным и закрытым. Наконец, упоминая о трагедии евреев, неизбежно приходилось говорить о цене победы и о том, почему евреев не спасали. Не было такого приказа Ставки верховного главнокомандования, не было приказа Центрального штаба партизанского движения – спасать узников гетто.

Известны отдельные случаи, когда партизаны все же спасали евреев, но это происходило по личной инициативе партизанских командиров: или евреи сами возглавляли отряды или имели жену (подругу) еврейку. Есть пять-шесть примеров, когда партизаны нападали на местечки, разбивали гарнизон, и евреи уходили в лес. Ну и последнее: надо честно сказать, что развивать тему Холокоста означало осложнить отношения с местным населением, которое во время войны оставалось на оккупированной территории. Слишком много было людей, которые присваивали имущество расстрелянных евреев, пришлось бы назвать тех, кто их выдавал, кто помогал нацистам, и не все из них были полицаями. Так что эта тема оставалась нежелательной.

С.Ш.: Какие были подводные течения в попытках сбора и публикации материалов о гетто в советские времена?

Л.С.: Прежде всего, советские историки не могли согласиться с тем, что партизанское движение в Беларуси к лету 1942 г. было преимущественно еврейским. Оно состояло из военнопленных, партийных и советских работников, из которых многие были евреями, и бежавших из гетто. В интерпретации же советских историков партизанское движение Беларуси существовало исключительно под руководством коммунистической партии и планировалось только в Москве, будучи

всеноародно поддержаным. Вместе с тем мы знаем, что в стране многие не любили советскую власть, пострадали от нее, были члены семей репрессированных, обиженных. Некоторые даже ждали немцев как спасителей от советской власти, ненавидели евреев как носителей ее идеологии. И такие были среди партизан.

Ну, а еще о гетто умалчивали потому, что это был позор советской власти, которая практически бросила на произвол судьбы целый народ. Нельзя было упоминать и про особые условия приема евреев в партизанские отряды (только тех, кто приходил с оружием), и об антисемитизме среди партизан. Кроме того, если еврейскую семью встречали в лесу, то в отряд принимали только молодых, здоровых, дееспособных, а всех остальных бросали на произвол судьбы. Куда им было податься? Выйдешь из леса – там немцы... Поэтому часто еврейская молодежь не вступала в партизанские отряды, чтобы не покидать родителей. И поэтому идея семейных еврейских отрядов Шолома Зорина и братьев Бельских оказалась своего рода выходом из положения. А о проявлениях антисемитизма в партизанском движении... все об этом знали, но не писали. Это стало одной из тем моей отдельной научной статьи, которая была опубликована в США в *Holocaust and Genocide Studies* (2003 г.)¹.

Я тут ничего нового не открываю, это все известно. Но научные работники в Беларуси об этом до сих пор молчат, хотя на Западе и в Израиле об этом написаны целые книги. Мои исследования в этом направлении основаны на материалах архива Центрального штаба партизанского движения, которые поступили в Яд ва-Шем в начале 1990-х гг. В дополнение к этому я разыскал людей, которые партизанили во время

¹ L. Smilovitsky. “Anti-Semitism in the Soviet Partisan Movement, 1941–1944: The Case of Belorussia” // *Holocaust and Genocide Studies*, 2006, issue 20(2): pp. 207–234.

войны, и взял у них интервью, так как это было 20 лет назад, они еще были живы.

С.Ш.: Как появился и сохранился памятник на Яме в Минске?

Л.С.: Минск освободили в 1944 г., евреи начали возвращаться из партизанских отрядов и из эвакуации. Они все еще имели такую силу и такой вес, что фактически этот памятник был поставлен по инициативе снизу, которую не смогли запретить. Вообще подобных, почти однотипных памятников с надписями на идише в республике в 1946-1947 гг. было поставлено еще как минимум три: в Узде, Дзержинске и Узлянах. Когда я работал в Центральном архиве КГБ Республики Беларусь 10 лет назад с документами о «еврейских националистах», арестованных в начале 1950-х гг., то в одном из протоколов я прочитал по поводу памятников, что было разрешение Главлита (цензуры), благодаря чему они вообще могли появиться. Однако когда в 1951 г. арестовали создателей этих памятников (как еврейских националистов), то разрешение вроде бы не нашли, а может, и действительно потеряли. Памятник на Яме не тронули, потому что боялись огласки – это было бы слишком очевидно. Напомню, что в руководстве БССР, министерств, советских учреждений республики в то время были евреи, вернувшиеся из эвакуации или участники партизанского движения. Короче говоря, запретить памятник не представлялось возможным, поэтому решили просто не обращать на него внимания, и он так и остался стоять, обозначая место трагедии. Это вообще уникальное явление – единственный памятник евреям как жертвам нацистского геноцида с надписью на идиш в столице союзной республики. Идея сохранения памяти о Холокосте была центральной для возрождения еврейской общины в республике после войны. Синагога в Минске во главе с раввином Яковом Бергером стала признанным местом притяжения всего еврейского населения. Даже письма из Америки приходили на адрес синагоги:

«Минск, синагога». Она размещалась в небольшом деревянном здании на Немиге.

С.Ш.: В советские времена неофициальные митинги памяти на Яме находились под пристальным наблюдением спецслужб, само участие в них было связано с определенным риском. Но советская система отжила свой век, и ситуация изменилась?

Л.С.: После 1991 г. сложился определенный порядок церемонии поминовения на Яме с участием не только еврейской общественности, но и официальных лиц, а сейчас это уже государственная церемония, как в Бабьем Яру в Киеве. И это правильно. Только первые лица государства появляются там редко, в отличие от других постсоветских стран. Президента Беларуси в этом году заменял министр иностранных дел Макей с приветствием от президента, а в странах Балтии, в России, Украине высшие лица государства посещают такие места каждый год. Выросло новое поколение, которое не помнит, как в послевоенные годы – 50-е, 60-е, 70-е и в начале 1980-х – в День Победы к Яме подгоняли автофургоны со звукоусиливающей аппаратурой и на полную мощность включали советские патриотические песни вроде «Хотят ли русские войны», чтобы заглушить спонтанные выступления потенциальных «еврейских националистов». И вот в этом году, участвуя в «круглом столе» в Москве, я вдруг с большим удивлением услышал обратную интерпретацию этого явления, которое исследователи взяли из воспоминаний минчан-неевреев. О том, что «в едином порыве», «чтобы выразить свою горечь» они с помощью тех машин с усилителями вместе пели те песни. НЕ глушили, а проявляли внимание, сочувствие! С ног на голову... Хотя все было совсем иначе, и историки это знают, и еще люди помнят. Так в народном сознании пытаются переписать историю, когда профессиональные историки молчат.

С.Ш.: Вы писали, что еще в 1970-х гг. в АН БССР начали собирать документы и воспоминания узников гетто, но потом эту работу свернули, а результаты засекретили.

Л.С.: Ну, ее не то чтобы засекретили, а просто свернули и положили под сукно.

С.Ш.: А как эта «неудобная» тема всплыла после стольких лет замалчивания?

Л.С.: Очень просто, в 1975 г. пов всей стране готовились отметить 30-летие Победы. В связи с этим рабочая группа Института истории партии при ЦК КПБ и Института истории АН БССР начали собирать свидетельства выживших в гетто. Тогда этим людям было по 40–45 лет, они все хорошо помнили, со всеми подробностями. Материал собрали очень интересный, а потом начали думать, что с ним делать и какие выводы из него следуют.

Дело в том, что в Минске во время оккупации действовал подпольный горком, возглавляемый Иваном Ковалевым, но в результате провокаций и сам Ковалев, и минские подпольщики были объявлены предателями, и вплоть до конца 1970-х гг. это обвинение с них не было снято. Ковалев вместе с Гебелевым и Смоляром поддерживали контакты с евреями-коммунистами в Минском гетто. Фактически сопротивление в гетто было автономным, независимым от московского партийного начальства. После войны советские историки никак не могли этого признать: как это так: борьба с фашистами, но без их участия и руководства! Статья на эту тему стала моей первой научной работой в Израиле², она вышла в академическом журнале в 1995 г., а затем послужила основой для отдельной главы в моей книге о Катастрофе евреев Беларуси. Ну и, конечно,

² L. Smilovitsky. “The Minsk Ghetto: An Issue of Jewish Resistance” // *Shvut, Studies in Russian and East European Jewish History and Culture. New Series*, No 1-2 (17-18), 1995, pp. 177-199 (Tel Aviv University).

повлияли международные события – война Судного дня на Ближнем востоке в 1973 г. Но самое главное, что признание участия евреев в советском партизанском движении вызывало опасения, что оно поднимет национальное самосознание, начнутся просьбы увековечить память жертв геноцида, признать роль евреев в истории Беларуси, станут добиваться разрешения выехать в Израиль и т.д. Лучше бы все это не начинать. Поэтому все, что тогда собрали, лежит сейчас в архиве Института истории Национальной академии наук. Небольшая часть этих материалов в начале 1990-х гг. попала в Яд ва-Шем, но основная до сих пор остается в Минске. Думаю, что это несекретные материалы, и если кто заинтересуется, то сможет их видеть.

С.Ш.: Какие изменения в освещении истории Холокоста произошли в независимой Беларуси после распада СССР?

Л.С.: Перемены глобальные, хотелось бы еще больше, но изменилось многое. Первое и главное – был признан геноцид евреев в Беларуси в годы Второй мировой войны. Не абстрактных «советских граждан» и «мирных жителей», как писали об этом в советские времена, а именно евреев. Мирные граждане, тысячи которых были расстреляны в августе-октябре 1941 г., – евреи, а не кто-то другой. Далее – сегодня уже не вызывает сомнения активное участие евреев в сопротивлении нацистам. Сняты запреты на научные публикации о Холокосте. Открыто большинство архивов. Разрешены конференции, симпозиумы, защиты диссертаций, если есть спонсоры, хотя и без участия государства.

Однако нет концептуальных научных исследований истории Холокоста. На сегодняшний день в Беларуси нет ни одной обзорной научной книги по истории Холокоста или Минского гетто. Ни одной! Есть сборники документов, воспоминаний, статей, а научных книг нет. Тиражи научной литературы мизерные – не тысячи, а сотни экземпляров. Почти все эти

работы носят описательный, а не аналитический характер, без указания закономерностей, объяснения сути явлений. Просто рассказывают, как немцы убивали евреев и как это плохо.

С.Ш.: Как обстоит дело в системе образования? Что знают о Холоксте школьники?

Л.С.: В школьных учебниках теме Холокоста посвящено полстраницы. Я в этом году смотрел самые новые учебники – все то же самое. Нет спецкурса «История Холокоста в Беларуси» в высших учебных заведениях. Не проводятся государственные научные конференции. Одна моя знакомая, историк в одном из ведущих учебных заведений, пришла к своему научному руководителю и предложила читать курс по истории Холокоста. Он сказал: не надо. Тогда она предложила водить студентов по территории Минского гетто и рассказывать. Не надо! Может, будем кооперировать наши усилия с немецкими университетами, создавать международные учебные программы? Не надо! Как это объяснить? И все потому, что до сих пор трагедия евреев в годы войны не считается составной частью трагедии белорусского народа. Евреи сами по себе, белорусы сами по себе. И если кто-то будет это отрицать, пусть тогда мне объяснит, почему НЕТ курсов в университетах, НЕТ учебников, НЕТ музея Холокоста, НЕТ еврейского музея, НЕТ музея Минского гетто, НЕТ энциклопедии евреев Беларуси, НЕТ энциклопедии праведников народов мира. Всего этого НЕТ!

Из этого следует, что утверждение, будто трагедия евреев является частью национальной трагедии Беларуси, голословное. На Яме 21 октября 2018 г. в своем выступлении министр иностранных дел Макей сказал буквально следующее: «Беларусь делает все от нее зависящее, чтобы сохранить память о Холокосте». Я понимаю: он прочитал то, что ему написали, потому что сам не в курсе, а тот, кто написал, хорошо и долго думал, что официальное лицо от имени властей должно произнести.

С.Ш.: Белорусская историческая наука настаивает на тезисе о геноциде белорусского народа. Из этого следует, что геноцид евреев не был единственным. Правильный ли будет так утверждать?

Л.С.: В «Плане Ост», на который ссылаются официальные историки, было прописано, что ждет белорусов: часть онемечить, часть выслать за Урал, часть превратить в рабов. И это якобы является геноцидом. Однако белорусов никогда не убивали за то, что они белорусы. Убийства их были возмездием, террором, тактикой выжженной земли, направленной на подавление сопротивления белорусского народа нацистам, но не геноцид. Это разные вещи. До настоящего времени белорусские академические круги это отрицают.

С.Ш.: Чем отличается позиция белорусских властей в этом вопросе от отношения властей соседних стран?

Л.С.: Самое главное, что нужно, – это признать, что Холокост представляет собой составную часть трагедии Беларуси в годы войны, тогда все остальное станет на свои места. Проблематику Холокоста нужно включить в общий комплекс изучения истории Великой Отечественной войны, и эта работа должна иметь не только научный, но и образовательный характер. Должно быть финансовое обеспечение со стороны государства. Как понимать, что кафедра истории Древней Греции в университетах республики есть, а кафедры истории евреев Беларуси нет. Разве не абсурд?

Нет экспозиции о Холокосте в районных и областных музеях страны. Нет! Был я, например, в прошлом году в Березино, Бресте, Гродно, Ивенце, Круглом, Крупках, Могилеве, Слуцке, Столбцах, где до войны 50-70% населения составляли евреи. Музеи там есть, а о евреях ничего нет.

Знаете, как отражена еврейская тема в Белорусском государственном историческом музее на ул. Карла Маркса?

В государственном музее, посвященном всей истории Беларуси от царя Гороха и до сего дня? Если евреи насчитывали 40% городского населения и 80% интеллигенции, когда в 1941 г. они составляли 10% от общего населения республики, целый миллион, то нужно или нет, чтобы это было отражено в государственном музее? Ничего! Вообще ничего. Если в Государственном музее Великой Отечественной войны есть какой-то проходной зал с тремя стендами, то в историческом музее вообще ничего нет.

С.Ш.: Этим летом Вы посетили Беларусь, были в Минске в мемориале в Малом Тростенце. Поделитесь, пожалуйста, впечатлениями.

Л.С.: На стеле в недавно открытом мемориале в Тростенце написано: «жители Минского гетто», а слов «евреи Беларуси» там нет. И нет ни одного магндаудиа... Вообще остались очень сложные чувства от этой поездки. Показывали мне мемориал два историка, на чьих глазах это происходило. Не хочу называть их фамилии, чтобы не подставлять коллег.

Что же произошло? На этом месте после войны было поле, а затем вырос лес, сосновый бор. И там решили устроить мемориал. Пригнали бульдозеры, экскаваторы, спилили все деревья и затоптали все эти массовые могилы. Неясно, где могила начинается, где заканчивается. Всего там 34 могилы, одна могила 20 м длиной, вторая 40 м и так далее – археологи должны были провести экспертизу, заложить шурфы и установить, где конец одной могилы и начало второй, в одной могиле – пепел, во второй – кости, в третьей – вещи. Ничего этого сделано не было. Спилили все деревья, приблизительно обозначили, где эти могилы, вскрыли их, и то, что там нашли, – те кости – перезахоронили в отдельной могиле. Когда снимали дерн, посыпалась вещи. Тысячи. Нацисты там расстреливали иностранных евреев, которых перед расстрелом не раздевали. И когда в 1943 г. те могилы по приказу Гиммлера начали вскрывать, складывать останки людей на костры, чтобы остал-

ся один пепел, – заметали следы, тогда те вещи посыпались из одежды и из карманов. Сотни перочинных ножиков, монеты, медали, бритвы, очки, коробочки из-под лекарств, ключи...

Вышли статьи на названную тему в научном сборнике Национальной Академии наук Беларуси, где подробно описано, как все было³. Фактически уничтожили археологический памятник, весь культурный слой. Работы производились срочно с октября до декабря 2017 г., в самую непогожую пору – дождь, ветер, грязь. Археологи просто ходили между теми бульдозерами и вытаскивали все, что видели. И это были тысячи находок, даже золотые зубные протезы, серебряные монеты – то, что жертвы спрятали на себе, то, что у них не забрали, не нашли.

Если называть вещи своими именами, то это серьезное преступление против памяти жертв Холокоста, не говоря уже о том, что еврейская традиция запрещает любые механизированные работы в местах захоронения – только вручную, а там просто по костям пустили бульдозеры. Кстати, многие вещи были деформированы – сплющенные ведра, котелки. Это говорит о том, что могилы утрамбовывали еще нацисты – танками, тракторами. Понимаете, какие аналогии... Кроме того, только в 2000 г. закончилась эксплуатация городской свалки, которая размещалась рядом, в Тростенце. Но до сих пор неподалеку продолжает работать завод глубинной переработки мусора ... Вот почему президент Израиля Реувен Ривлин не приехал на открытие мемориала.

Да и построен этот мемориал был на немецкие деньги. Государство взяло деньги от европейских государств, также немного поучаствовало. Но сделано все было без надлежащей

³ См. подробнее: Г. Багданава. «Ахвяры і злачынцы нацысцкага лагера Малы Трасцянец: малавядомыя факты» // *Беларускі гістарычны часопіс*, № 6, 2019 г., с. 1-13; Вадзім Кошман. “Да пытання аб ідэнтыфікацыі ахвяраў лагера Малы Трасцянец (па матэрыялах археалагічных даследаванняў)” // *Беларускі гістарычны часопіс*, № 5, 2020 г., с. 4-11.

археологической, исторической экспертизы, авралом. Это ужасно. Лучше бы не трогали, но с другой стороны – как не трогать? Туда наведывались «черные копатели» с металлоискателями ...

Но больше всего меня потрясло то, что там нашли рельсы, на которых сжигали трупы людей. 34 могилы – значит, там было около 40 костров, может, и больше. Сначала клади рельсы, на рельсы помещали дрова, снова тела и опять дрова, еще тела – для того чтобы была тяга. И знаете, что сделали с этими рельсами? Сдали на металлолом! Можете себе представить? И это происходит в 2017 г., и государство бьет себя в грудь: как хорошоувековечена память жертв Холокоста! Немцы об этом знали, но пошли на это, поскольку белорусские власти поставили условие: не хотите так – тогда вообще никак. А немцы хотели, чтобы этот мемориал был, – им важно сделать «прививку» от нацизма своим гражданам, чтобы не появился новый Гитлер, а в Беларусь такого нет.

С.Ш.: Что Вы увидели в музее Великой Отечественной войны?

Л.С.: Этот музей был когда-то первым местом моей работы после армии, в 1979–1980 гг. У меня к нему личное отношение. Новый музей открылся в 2014 г., в старый я ходил каждый раз, когда приезжал из Израиля в Беларусь, меня еще там много кто из сотрудников помнил. Итак, если вы приедете в Белорусский государственный музей Великой Отечественной войны на проспекте Победителей и спросите, почему там нет зала Холокоста, вам расскажут сказку о том, что экспозицию нового музея монтировали за три месяца и надо было успеть до 3 июля 2014 г., к юбилею освобождения Минска, так как собирался приехать В. Путин. А что, мол, можно успеть за три месяца, какой там зал Холокоста... Быстренко перевезли старое в новое здание в пожарном порядке.

На самом деле это не так, поскольку зал Холокоста планировался задолго до того, как был построен музей. И руководил

этим проектом архитектор Леонид Левин. Я с ним говорил в 2012 г., он мне это рассказывал. Был объявлен конкурс, кстати, выиграли его поляки, а не белорусские архитекторы и историки, те, что делали музей Холокоста в Варшаве, та самая группа. Это подтвердила Галина Левина на проведении нынешнего «круглого стола» в Москве. Левин в 2014 г. умер, и все спустили на тормозах.

В старом здании первый этаж был посвящен оккупационному периоду, второй – партизанской борьбе, третий – фронту, четвертый – Победе (там стояли флаги, выставка Михаила Савицкого «Цифры на сердце»). Сейчас все переделали. В новом музее появился предвоенный зал, воссозданный белорусского народа (кстати, на советско-немецком договоре о ненападении от 23 августа 1939 г. и на том, какую он сыграл роль в развязывании нацистами Второй мировой войны, в экспозиции внимание не акцентируется). Затем следуют полтора зала оккупационного периода, после них идут три зала партизанской борьбы, два зала посвящены Красной армии и в конце – зал Победы, где принимают присягу офицеры, выступают первые лица государства, министр обороны, белорусские воины-интернационалисты (Ливан, Сирия, Ирак, Египет, Афганистан).

При встрече с директором музея я спросил: а где же зал Холокоста? А он мне говорит: «А у нас нет места». Почему нет места? Музей занимает площадь 5,5 тыс. кв. м, из них 1,5 тыс. кв. м. – экспозиция военной техники: три танка, самоходка, два грузовика, три самолета, минометы, диорамы студии Грекова... Откуда же там взяться месту? Все, что в старом музее стояло во дворе подкрытым небом, в новом поставили под крышу – вот и все, на Холокост по-прежнему места нет!

Знаете, сколько посетителей в год приходит в новый музей? 500 тыс. чел. Это самая высокая посещаемость в музеях Беларуси. А сколько было посетителей в 1980 г., когда я там работал? 2 миллиона. Почему такое уменьшение? По разным причинам. Но возьмем только один момент: музей работает на

коммерческой основе, билет стоит 9 руб. Для белоруса это слишком дорого, поэтому музей стоит полупустой. А потом-научный сотрудник, который водил меня по музею, просто сказал: «Ну что вы все про евреев! У нас что здесь, Яд ва-Шем?».

С.Ш.: Вы видите что-либо позитивное в создавшейся ситуации? Что дает основания надеяться на то, что у этой темы есть будущее?

Л.С.: Я вообще по натуре оптимист. Можно подвести итоги. Тема Холокоста вышла из зоны молчания. Слово «еврей» перестало быть зазорным. Информационное пространство сегодня нельзя «запечатать» – оно открыто. Люди получают информацию уже не из учебников, не из газет и не из сообщений радио и телевидения. Кроме того, возник интерес к своей истории, и появились определенные инициативы снизу, и это надо всячески приветствовать. Те, кто начинает заниматься историей малой родины, обязательно натыкаются на еврейскую тему. Они ее не чураются и начинают по своей инициативе создавать частные еврейские музеи или экспозиции в районных музеях, таких случаев я насчитал уже около 20, при этом далеко не обо всех мне известно. Местные жители восстанавливают кладбища, ухаживают за еврейскими могилами, не ожидая разрешения сверху. Конечно, если такое происходит, то никто этому не препятствует. Архивы открыты. Единственное, на чем продолжает настаивать государство, это отсутствие средств для финансовой поддержки научных исследований, а также по-прежнему не признает, и с этого мы начинали, то, что Холокост является неотъемлемой частью трагедии Беларуси. Но в любом случае это движение есть, его уже нельзя запретить, нельзя затормозить.

Кроме того, поскольку Беларусь является членом международного сообщества, не только экономического, но и научного, она вынуждена учитывать то, как к этой теме относятся в Европе, в мире. Самое важное: рядовые белорусы понимают,

что это касается всех, а не только евреев. Но, с точки зрения Европы, тема истории евреев, истории Холокоста, безусловно, это еще и элемент, необходимый для создания гражданского общества, для гарантии прав национальных меньшинств. Когда права национальных меньшинств соблюдаены на уровне титульной нации, то можно строить и развивать правовое общество и демократическое государство. Отношение к евреям в этом смысле – своеобразный камертон, образно говоря, когда врач прописывает лекарство, он учитывает противопоказания, ведь лекарство может и навредить. Как говорят: перед применением посоветуйтесь с врачом. Так вот, еврейская тема и история Холокоста – это такая таблетка, насчет которой стоит посоветоваться. Нужно советоваться с историками.

Опубликовано:

Л. Смиловичский. Холокост – неотъемлемая часть трагедии Беларуси // Radio Free Europe/Radio Liberty, RFE/RL November 23, 2018 (Prague) / <https://www.svaboda.org/a/29611153.html>

Географический указатель

А

Августово – 120
Австралия – 245
Австрия – 108
Акбулак – 201
Алексичи – 96
Ангола – 349
Антверпен – 155
Антоновка – 96
Афганистан – 373

Б

Бабий Яр – 18, 112, 114, 127, 138, 173, 187, 208, 254, 320, 345, 346, 347, 365
Бабичи – 96
Бабуничи – 96
Баку – 209
Барановичи – 43, 44, 51, 124, 216, 220, 225, 314, 333
Барановичская обл. – 90, 103, 159, 163, 218
Барановичский округ – 46
Барановичский р-н – 108, 117
Барселона – 293, 294
Башкирия – 168
Бегомль – 51
Бегомльский округ – 46
Бегомльский р-н – 154
Белосток – 108

Береза-Картузская – 121
Березино – 10, 107
Березовка – 201
Берлин – 71, 104, 106, 120, 194, 215, 220, 231, 271, 276, 277, 281–282, 279, 280, 285, 298, 320, 353
Бессарабия – 228
Благовщина – 110, 111, 126, 240
Бобруйск – 43, 45, 57, 59, 108, 119, 125, 132, 180, 182, 231, 300, 338, 339
Бобруйская обл. – 103, 107
Богдановка – 201
Болгария – 221
Больбиново – 45
Борисов – 24, 43, 119, 122, 125, 154, 155, 194, 231, 346
Борисовский округ – 44, 46
Брагин – 63, 69, 80, 81, 96, 120
Бразилия – 155
Бремен – 215
Брест – 10, 26, 108, 121, 330, 334, 344, 369
Брестская обл. – 90, 102, 108, 231
Брюно – 215
Бронная Гора – 108

- Брынев – 96
Буда-Кошелево – 59, 61, 62, 64, 66, 92
Буда-Кошелевский р-н – 57
Бухара – 204
- 305–306, 308–309, 311–320, 323, 347, 358
Воложин – 314
Волпа – 291, 311
Вязынка – 45
- В**
- Вапнярка – 190, 191, 192
Варшава – 30, 49, 224, 259, 261–264, 266, 268, 271–275, 280, 309, 333, 358, 373
Василишки – 51,
Вашингтон – 107, 254, 277, 280, 298, 343, 352
Великобритания – 130, 287, 298, 343, 353
Велимов – 96
Венгрия – 29, 108, 110, 215, 266
Витебск – 60, 67, 88, 108, 120, 125, 132, 140, 156, 202, 228, 344
Витебская обл. – 26, 86, 87, 90, 91, 102–103, 145, 169, 229, 233
Вена – 263, 273–275, 347, 375
Ветка – 62, 81, 97
Ветковский р-н – 57
Вилейка – 146, 178, 225
Вилейская обл. – 90, 168
Вилейский округ – 44, 45, 46
Винница – 201
Велиж – 167
Великие Луки – 130
Вильнюс (ранее Вильно) – 127, 188, 204–205, 213, 216,
- Галичево – 207
Гамбург – 215
Ганновер – 279
Ганцевичи – 150
Ганцевичский округ – 44
Германия – 8, 9, 12, 19, 29, 43, 49, 51, 53, 103, 107, 109, 123, 135, 139, 154, 159, 170, 174, 182, 209–210, 221, 227, 228, 231, 232, 243, 247, 249, 252, 253, 255, 257, 266, 267, 271, 276–283, 285–288, 290, 294, 298, 300, 306, 309, 313, 314, 316, 342, 345, 349, 353
Глинище – 64, 115
Глубокое – 26, 146, 149, 167, 220
Глубокский округ – 44, 46
Глушковичи – 97
Гомель – 57, 58, 59, 62, 63, 70, 77, 78, 125
Гомельская обл. – 5, 43, 57–59, 61–64, 66–68, 70, 79–81, 85–92, 96, 102–103, 189, 229, 231, 347
Гомельский округ – 62
Гомельский р-н – 57
Голландия – 29, 108, 215
Горваль – 97

Городея – 45, 10

Городец – 66, 92

Городок – 169

Гродно – 43, 108, 121, 122,
124, 231, 289, 312, 346, 369

Д

Давид-Городок – 60, 73

Давляды – 97

Давыдовка – 73, 97

Дальний Восток – 178

Дания – 277

Данциг (ныне Гданьск) – 267

Дзержинск (ранее Койданово)
– 159, 364

Добруш – 62, 64, 66, 78, 92

Добрушский р-н – 57, 59

Долгиново – 168

Домачево – 329, 330, 333, 336

Драбовщина – 149

Дрогичин – 121

Дрозды – 115, 116

Друскининкай – 305

Дубровица – 97

Дюссельдорф – 215

Дятлово – 166

Дьяковичи – 97

Е

Египет – 373

Ельск – 64, 67, 72, 98

Ж

Желудок – 51

Житковичи – 62, 71, 78, 81, 97

Жлобин – 57–59, 63, 64, 66,

70, 78, 80, 93

Жлобинский р-н – 57, 102,
151, 162

Жупраны – 226

Журавичи – 57, 97

Журавичский р-н – 57, 59

З

Закавказье – 178

Засковичи – 226

Зембин – 200, 202

И

Иваново – 120

Ивенец – 157, 159, 163, 312

Ивье – 51

Израиль – 8–10, 245, 252, 254,
262, 272–273, 276–278, 284,
287, 289, 314–315, 330, 341,
342, 347, 357, 360, 367

Илья – 225

Индра – 45

Ирак – 373

Испания – 293–295, 297, 298,
300

К

Казахстан – 178, 199, 206

Калинковичи – 59, 62, 69, 70,
78, 80, 82, 93

Калинковичский р-н – 55

Камбоджа (Кампучия) – 349

Канада – 155, 245, 287, 291,
325

- Каунас – 127, 205, 315, 319, 321, 347
Киев – 114, 127, 130, 138, 184, 187, 208, 301, 320, 345, 347, 358, 365
Кишинев – 277, 294, 298, 358
Климовичи – 332
Клоога – 341
Княгино – 168
Кобрин – 118
Ковтичи – 98
Козловщина – 45
Колбасино – 108, 121
Колдычево – 108, 220
Кольбань – 97
Комарин – 63, 81, 98
Копаткевичи – 63, 64, 67, 81, 98
Копоринко – 97
Копцевичи – 81, 98
Корма – 78, 93
Кормянский р-н – 57
Косов – 45
Кошелево – 45
Краков – 227, 261, 264–266, 275, 346
Красное – 81
Краснодар – 130
Крефельд – 279
Кривичи – 45
Круглое – 369
Крупки – 369
Куйбышев (ныне Саратов) – 188
Купин – 200
Куренец – 168
Курск – 237
- Л**
Латвия – 26, 45, 205, 249, 270, 311, 319, 353
Лебедево – 11, 225
Лельчицы – 81, 82, 98
Лельчицкий р-н – 190
Ленин – 98, 147
Ленинград – 130, 181, 188, 195, 299, 301, 306, 350
Лепель – 145, 202
Ливан – 373
Лида – 51, 108
Лидский округ – 44, 46, 160, 218
Литва – 43, 231, 270, 306–309, 311–323, 334
Ловцевичи – 147
Лоев – 11, 62–63, 98, 311
Лоевский р-н – 57
Лососно – 121
Лондон – 155, 264
Лунинец – 150
Лунно – 11, 120, 311
Луполов – 108
Лучицы – 102
Любань – 80, 146
Люблин – 279
Люденевичи – 99
Ляховичи – 45, 136
- М**
Майданек – 110, 281
Малый Тростенец – 110, 111, 114, 129, 240, 351

- Марковичи – 207
Марьина горка – 45
Масюковщина – 108
Маутхаузен – 281
Мелешковичи – 64
Минск – 44, 48–51, 57, 60, 67, 88, 108–115, 118, 119, 124–132, 140, 148, 153, 156, 160, 182–184, 193–194, 200, 202, 212, 213, 215–216, 219, 220, 223, 228, 237, 240, 258, 269, 271, 279–281, 305, 308, 315, 320, 328, 330, 339, 340, 347, 350, 356, 357, 364, 366, 367
Минская обл. – 79, 87, 90, 102, 103, 108, 154, 159, 207, 233, 256
Минский округ – 44, 46
Минский р-н – 107, 108, 118
Минское гетто – 73, 142, 147, 148, 155, 194, 212, 214, 216–218, 220, 222, 241, 246, 331, 334, 355, 358, 360, 368, 370
Мир – 314
Михалки – 64
Могилев – 12, 45, 57, 58, 60, 67, 88, 108, 118, 128, 152, 156, 347, 369
Могилевская обл. – 85, 87, 90, 102–103, 206, 223, 332
Могилевский р-н – 117, 152
Мозырь – 59
Молдова – 221, 241, 277, 319
Молодечно – 45, 51, 108, 115, 119, 225, 228
Молодечненская обл. – 103, 229
Молодеченский округ – 45
Молодечненский р-н – 125, 226
Молотовская (Пермская) обл. – 186
Москва – 30, 125, 134, 135, 138–143, 148, 154, 162, 170, 184, 195, 204, 217, 227, 232, 233, 236, 237, 249, 250, 253, 257, 258, 294, 298, 301, 306, 315, 327, 342, 358, 362, 365, 373
Мстиславль – 196
Мюнхен – 279, 285, 349
Мядель – 45, 167
Мядельский р-н – 227

Н

- Наровля – 63, 81, 99, 197
Несвиж – 51, 219, 220
Новобелица – 63, 65
Новогрудок – 12, 45, 51, 127, 219, 308
Новогрудский округ – 44, 46
Новогрудский р-н – 165, 166
Новозыбков – 57
Новосибирск – 195
Новоукраинка – 204
Новая Ёлча – 99
Новый Двор – 147
Новый Свержень – 166
Норвегия – 249

О

Огородники – 99
Одесса – 191, 201
Озаричи – 119
Оксфорд – 291
Орешковичи – 338, 339, 340
Орша – 119
Освенцим – 110, 245, 281, 353
Осташкович – 99
Ошмяны – 11, 227

300, 308–309, 311, 313–314,
316, 323, 333–335, 345
Понары (Паняряй) – 127, 321,
346–347
Присна – 118
Прага – 281
Прудок – 64
Поставы – 168
Птич – 99
Пуховичи – 100, 337

П

Палестина – 139, 262, 285–
286, 291, 313, 335–336, 342
Париж – 155, 277, 341, 343,
347, 352
Паричский р-н – 195
Паричи – 61–62, 64, 66, 73, 80,
94, 102
Пашково – 117
Переров – 99
Петриков – 62, 64–65, 67, 71,
78, 81, 94, 102
Петриковский р-н – 190
Печищи – 99
Пинск – 26, 59, 79, 90, 103,
108, 119, 121, 147, 150, 187,
291, 334
Пирки – 81
Погост-Загородский – 150
Поддобрянка – 81, 99, 189,
207
Польша – 18, 26, 29, 53–54,
58, 70, 72, 88, 109, 135, 216,
221, 224–225, 247, 259–262,
264–268, 273, 275, 287, 295,

Р

Рава-Русская – 344
Равенсбрюк – 281
Радошковичи – 45, 147, 225
Раков – 145–146, 200, 225
Регенсбург – 279
Речица – 62–63, 70, 94, 187
Речицкий р-н – 57, 101
Рига – 45
Ридча – 59, 100
Рогачев – 59, 61, 63–66, 70–
71, 73, 75–76, 88, 94, 122–124,
126, 346
Рогачевский р-н – 57, 151
Руанда – 349
Рубеж – 100
Рубежевичи – 311
Румбула – 319
Румыния – 110, 216, 247, 295,
298, 303
РСФСР – 334, 335

С

Свержань – 100
Светиловичи – 57

- Светиловичский р-н – 57, 63
Светлогорск – 62, 100
Свислочь – 207
Селище – 147
Серске-Лясе – 194
Сибирь – 178, 232
Симоничи – 100
Сингапур – 316
Сирия – 342
Ситня – 100
Скригалов – 64, 67
Скидель – 120
Скирмунтово – 147
Слепцы – 59
Словакия – 221
Словения – 287
Слоним – 119, 136, 166, 216, 220, 291
Слонимский округ – 44, 46
Слуцк – 11, 51, 108, 369
Слуцкий округ – 44
Сметаничи – 100
Смолевичи – 119
Смоленск – 126, 130, 265, 272
Сморгонь – 45
Сомали – 349
Сорбонна – 252, 343, 353
Сталинград – 184, 189, 237, 250
Сталино (ныне Донецк) – 197
Столин – 73
Сторожовцы – 100
Стрешин – 59, 61, 64, 66, 71, 75, 95
Стрешинский р-н – 57
Средняя Азия – 178
Судан – 349
Судетская обл. – 267
Сураж – 167
США – 23, 130, 134, 139, 155, 219, 245, 249, 252, 264, 277, 278, 286, 287, 291, 298, 300, 313, 325, 343, 353, 363
- Т**
Талька – 11, 179, 337
Тамбов – 188
Ташкент – 195, 242
Терехово – 62, 63
Тереховка – 100
Тереховский р-н – 57, 190
Тернополь – 344
Тират-Кармелль – 12
Тракай – 306
Треблинка – 281
Туров – 59–60, 62–63, 68, 72–73, 82, 100, 179, 189, 204, 271
Турция – 282
- У**
Уваровичи – 62, 63, 100
Уваровичский р-н – 57
Узда – 334
Узляны – 11, 364
Унеча – 65
Урал – 178–179, 182, 369
Уручье – 115–116
- Ф**
Феодосия – 198, 199
Финляндия – 249

Франкфурт-на-Майне – 215
Франция – 108, 276, 287, 298

Х

Хайфа – 12
Харьков – 130, 179, 181, 185, 352, 358
Хатынь – 235
Хайлигенхаус – 12, 279
Хворостени – 235
Хойники – 61, 63, 73, 196

Ц

Цфат – 12

Ч

Чашники – 145
Челябинск – 186
Черея – 197
Чернигов – 57, 187
Черничи – 59
Чернявка – 206
Чехословакия – 108, 144, 333
Чечерск – 58, 61, 64, 66, 70, 71, 78, 80, 95
Чечерский р-н – 57
Чикаго – 301

Ш

Шатилки – 195
Шашковка – 110, 112, 114
Шауляй – 321
Швеция – 277
Шугали – 101
Шумилино – 145

Щ

Щедрин – 80, 101
Щорс – 57
Щучин – 51, 177

Э

Эстония – 341

Ю

Югославия – 205, 254, 282, 312
Южная Африка – 313
Юратишкис – 51
Юровичи – 64, 67, 73–74, 101

Я

Яма (место расстрела евреев в Минске) – 246, 365, 368
Яново – 344, 346, 350
Япония – 315

Именной указатель

А

Абакунова Анна – 254
Абу Мазен (Махмуд Аббас) – 342
Абрамович Михаил – 186
Адамович Валентина – 11
Азаров А.И. – 126
Айзенштат – 12
Акулич – 73
Альтман Илья – 11, 136, 152, 254
Ангрик Андрей – 353
Анисовец Николай – 11
Антик Анна – 254
Антонов – 149
Апанасевич Антон – 11
Апацкая Наталья – 10
Арад Ицхак – 352
Аргунов – 154
Артизов Андрей – 256
Асташения Андрей – 11
Астраух Алесь – 279
Атлас Е. – 166

Б

Баданин Герусий – 197, 207–208
Балицкий А. – 55
Басин Хаим – 10
Басин Яков – 11

Беднарчук Лешек – 227
Беланович-Петц Алеся – 279
Белова (Зильберман) Валентина – 191
Бельская Наталья – 301
Бельские братья (Тувья, Асаэль, Зусь и Арон) – 20, 165, 218–219, 363
Бергер Яков – 364
Бердичевский Иосиф – 67
Биккель – 120
Блат Исаак – 146
Блобель Пауль – 106, 109, 132, 345
Богатырев Анатолий – 202
Богатырева Н.Е. – 202
Богданова Анна – 12
Богданович М. – 54
Ботвинник Марат – 25, 247
Ботвинник Раиса – 11
Бородич Семен – 10
Бразер Абрам – 334
Броун-Флеминг Сюзанна – 353
Брохман Эмма – 182
Бруд Максим – 73
Брук Борис – 10
Брютман Таль – 253
Быков Василь – 135

В

Вабищевич Ирина – 11
Вавренюк Ирина – 10
Ваганова Мария – 193
Вайл Менаше – 181
Вайл-Новак Бэла – 181
Вайнхойц Нотке – 216
Ванагайте Рут – 318
Ванкевич Галина – 11
Варгавтик Хаим – 151
Васильев – 165
Ващинская Екатерина – 261
Вейс-Вендт Антон – 254
Велицкер Лейба – 344, 350
Величко Регина – 11
Вёльке Ганс – 235
Вержбицкий Марек – 263–264
Верхолевский Юлиан – 12
Вершицкая Тамара – 12, 308
Виленский Абрам – 328
Винница Геннадий – 25, 247, 356
Винокурас Аркадиос – 318
Висловский Адольф – 344, 349
Вихарев – 195
Владыкин А.А. – 121
Войта Томас – 353
Воротынцева Софья – 11
Воронченко В. – 55
Яков Выгодский – 320

Г

Гавrilov – 163
Гай Давид – 356
Гам Давид – 186

Ганзер Христиан – 271
Ганусевич Александр – 200
Гарбинский Ежи (Юрий) – 297
Гарбуз Тевель – 146
Гардер Артур – 111
Гаравой – 207
Герасимова Инна – 25, 247, 356
Гарун А. – 54
Гейдрих Рейнхард – 106, 122, 345, 370
Генихович Бомка – 146
Гельфанд М.Б. – 208
Гершович Леон – 12, 291
Герф Эберхард – 110
Гиммлер Генрих – 106, 112, 122, 341, 345, 370
Гинзбург Моисей – 209–210
Гитelman Цви – 11, 291
Гитлина (Эпштейн) Раиса – 148–149
Глазер Давид – 146
Голанд Рувим – 151
Голец Иван – 190
Гольдап Отто – 111
Гольдин Симха – 11, 291
Гольдман Ошер – 150
Гольдшмидт Мордехай – 163
Гордон Шимон – 147
Гороновский Цали – 333
Гофман Броня – 162
Грабовский Геннадий – 179
Градов Ю. – 235
Грайзер Григорий – 180
Грахоцкий Александр – 12

Именной указатель

Гребенок Александр – 11
Гринбаум – 150
Гринголь Рохим – 146
Гриштейн Яков – 219
Гродзенский Хаим Озер – 313
Гроскурт Гельмут – 299
Гузман Яков – 196
Гулевич – 162
Гулько-Крюкова Дина – 181
Гуминский – 162
Гуткович Лиза – 215

Д

Давидович А. – 158
Давыдовский Дмитрий – 12
Даган Бен-Цион – 219
Дворчанин И. – 54
Дебуа Патрик – 343
Демниг Гюнтер – 321
Дерек Йонатан Пенслер – 291
Дирлевангер Оскар – 235
Долговский Александр – 11
Домашкевич Фома – 190
Драпезо Людмила – 11
Древс Отто – 111
Дубов – 157
Дубсон Вадим – 229
Дулевич Виктор – 11
Дюков А.Р. – 251–252
Дьяков А. – 55

Е

Еленская Ирина – 247

Ж

Жбанов Алексей – 279

Жданович Ирина – 10
Жилунович Д. – 54
Жога Григорий – 199
Жолквер – 72
Жуков Г.К. – 161
Жуковский Игорь – 10

З

Закрофф Кристофер – 254
Занкович В. – 235
Заскин – 157
Зелевич Юрий – 11
Зеекель Фридрих – 109, 111
Зенге – 120
Зингерман Александр – 197
Зингерман Бася – 197
Зингерман Дора (Двора) – 197
Зильберман Федор – 191
Зорин Шолом (Семен) – 171, 218, 363
Зубрицкий Михаил – 151

И

Игнатовский В. – 55
Илинич Наталья – 11
Иоанн Павел II (Кароль Войтыла) – 265
Иоффе Моисей – 213
Иоффе Эммануил – 21–22, 25, 238, 247, 356
Йохельсон Овадия – 203
Йохельсон Песя – 203

К

Каган Джек – 219
Каган Исаак – 180

- Каган Натан – 289
Каганец К. – 54
Казинец Исаи – 216
Калинин П.З. – 141
Каминский Иосиф – 235
Кантор Григорий – 127
Кантор Цви – 291
Канцедикас Соломон – 188
Канцедикас Элишева – 188
Капланы Даниэль – 145
Карпов – 162
Каритачи – 165
Кардаш Анатолий – 253, 254
Кац Лазарь – 183, 358
Кац Самуил – 183, 358
Качанович Леонид – 10
Качиньский Лех – 265
Кашталян Ирина – 11, 271
Килиан Андреас – 353
Кириллова Наталья – 299
Киркаешта Яков – 216
Киселев Николай – 167
Клевко – 163
Клейнер Хаим – 146
Климов Элем – 335
Климович Юлия – 235
Клорин Авраам – 168
Ключник – 157
Ковалев Иван – 366
Козак Кузьма – 25
Козлов – 169
Козак Кузьма – 247
Койфман Ейша – 67
Колесников – 168
Колпаницкий Копель – 219
Корешков Михаил – 126
- Королевич Андрей – 129
Косаревский Алексей – 298
Кохно Степан – 190
Кошман Вадим – 12
Крайко Елизавета – 226
Кранер Макс – 111
Краснoperка Анна – 356, 358
Крепский Станислав – 11
Кричевская Розалия – 199
Кресс Петр – 73, 190
Круглов Александр – 298, 352
Круковская Наталья – 11
Крюков Сергей – 181
Кубе Вильгельм – 28, 43, 48, 51, 105, 220
Кудрик Тереса – 10
Кузнецов Анатолий – 346
Кузнецов Ф.Ф. – 125
Курбан Иван – 190
Курганов – 157
Курганович Владимир – 339
Курганович Александр – 339
Курганович (Мартынчик)
Виктория (Виктория) – 337
Курильчик Жанна – 11
Кутенок Ольга и Сергей – 145
Куртц – 51
Кучер Алесь (Айзик) – 195

Л

- Ладлер Грегори – 316
Лапидус Шевах – 182, 209
Латвите-Густайтене Неринга – 315, 317
Левин Владимир – 11
Левин Леонид – 235, 373

- Левин Мендель – 358
Левин Шмарьяху – 313
Левина Алла – 332
Левина Галина – 373
Левина Сара – 358
Левина Хася – 146
Ледяев Михаил – 169
Лександрин Егор – 207
Лейзеров Аркадий – 358
Лесик Язэп – 54
Леус Евгения – 11
Левандо Фани и Лазарь – 320
Либович Таня – 358
Лившиц Давид – 151
Лисовский Давид – 12
Литвин Алексей – 255, 256
Литвин Янкель – 198,
207–208
Лицкий Михл – 169
Лоер Уэнди – 298
Ломагин Никита – 299
Лужков Ю.М. – 258
Лукашенко А.Г. – 135, 268
Ляхов Е.П. – 157, 159–161
- М**
Макей Владимир – 365
Маленкович – 68
Маневич Фаина – 332
Манько Станислав – 11
Марголина Малка – 82
Марголины Мейшке – 82
Марголины Самуил и
Александр – 147
Марголин Юрий – 187
Марголис Самуэль – 320
- Матей Петра – 299
Маттэ Казимир – 152
Мацкевич Михаил – 11
Михлина Галина – 145
Махоль Вальдемар – 120
Медведев Д.А. – 258
Медник Иосиф – 150
Мейер Конрад – 231
Мельцер Давид – 25, 247
Меркель Ангела – 8
Миколуцкая Юлиана – 12
Милькин Рахиэль – 146
Миркин Леонид – 12
Миркин Михаил – 197
Миркины Ася, Боря и Гриша
– 197
Миркины Сара и Лазарь – 197
Мисник Марлена – 206
Михайлов – 148
Михельман Залман – 146
Михоэлс Соломон – 315
Могильницкий Яков – 145
Молинье Жорж – 353
Молотов В.М. – 138, 173,
180–183, 227, 230, 306
Мораччини Мишель – 344
Морендарх – 120
Мурашов – 162
Муха Борис – 11
Мушкин Илья – 213
Мюллер Герхард – 109
- Н**
Некрасов – 157
Немига Г. – 51
Нехамкин Сергей – 12

Нижнентайтис Алвидас – 308

Николс Брэдли – 300

Нисенгольц Соня – 200

Новик Михаил – 11

Новицкая Анастасия – 11

Норкина Галина – 12

Ноткина Хава – 207

О

Окунь Леонид – 331

Онг Дуглас – 316

Орленко Олеся – 300

Осмоловский – 332

П

Павлов – 148

Пакалевич Софья – 11

Пастернак Раиса – 186, 208

Пашкевич Александр – 309

Пекеры Дора, Надежда и
Исай – 199, 206

Петрашкевич – 157

Печерский Михаил – 177

Пивенштейн Эдди – 202, 206

Пивоваров Н. – 55

Пилинкевич Александр – 11

Пилунов Степан – 118,
128–129, 347

Пинский Юрий – 186, 208

Пинхасик Давид – 193

Платон (Чернышев В.Е.) –
162

Платун А. – 55

Плетц фон – 122

Подберезный Иван – 64, 72

Подберезкин Хаим – 169

Подвойская Ольга – 11

Пономаренко П.К. – 125, 129,
141, 143, 153, 156, 168, 230,
361

Порфштейн Эрик – 333

Прокопович Игорь – 11

Пронягин Павел – 166

Просоловская Ядвига – 11

Пугач Григорий – 189, 207

Путин В.В. – 372

Р

Рабинов Яков – 150

Рабинович Хая – 147

Радзиванович Анатолий – 188

Радзиванович Анна – 188

Райхенау Вальтер фон – 299

Райхман Давид – 186

Ратинский Миндель – 185

Рахманчик Фира – 193

Рашаль Цви – 12

Реброва Ирина – 299

Резник Абрам – 333

Рейнгорт – 120

Рейхман Григорий – 12, 341

Ривин Григорий – 159–162

Ридер (Зайдер) – 112

Рич Дэвид – 353

Рогальская Ева – 308

Рогова Галина – 162

Родионов – 167

Розенвасер Эстер – 200

Розенберг Александр – 356

Розенберг Даниэла – 299

Розенблат Евгений – 25, 247

Именной указатель

- Розиноер Ефим (Хаим) – 194, 358
Романовский Даниил – 356
Рои Яakov – 11
Рубель Соломон – 169
Рубенчик Абрам – 356
Рубенчик Яков – 155
Рубин Анатолий – 149
Рубинштейн Софья – 358
Рудашевский Ицик – 320
Рудерман Яков – 146
Рудницкая Хава-Сейна – 82
Рунич И. – 49
Рутковский Иван – 226
Рывкин Велвл – 186
Рыжков – 157
Рюбе Адольф – 111–112
Рябоконик Мария – 191
- С**
Савиковский Иосиф – 193
Савиковский Леонид – 358
Савинская Степанида – 127, 128, 347
Савицкий Михаил – 373
Сагальчик Яков – 168
Сакова Нина – 11
Самущев К.Д. – 125
Сарычев – 148
Свердлов Самуил – 151
Свержаковский Файвл – 358
Седова Ирина – 11
Селеменев Вячеслав – 25, 247, 356
Селицкий Илларион – 200
Семашко Ксения – 11
- Сенедерук Зеэв – 150
Серебрянский Залман – 213
Сергеев – 162
Селицкий И.Ф. – 202
Селиханов С. – 235
Сигизмунд III Ваза – 261
Сильванович Станислав – 11
Сильванович Ирина – 11
Симонов Константин – 177
Синило Анатолий – 10
Скорина Франциск – 54
Скульский Эдуард – 12
Скульский Яков – 182
Слуцкая Валентина – 11
Смиловицкая Бася – 82
Смиловицкий Алекс – 9, 10
Смиловицкий Борис – 82
Смиловицкий Лейба – 8
Смиловицкий Мотель – 8
Смиловицкий Юда – 81
Смолич А. – 54
Смоляр Гирш – 20, 155, 216, 219, 356–366
Соболевская Ромуальда – 11
Соколов – 163, 165
Спевак Геня – 186
Спилберг Стивен – 331
Сталин И.В. – 8, 28, 54–55, 65, 82, 105, 138–139, 142, 143, 145–146, 156, 158, 183, 184, 220, 230, 233, 243, 257, 258, 260, 267, 290, 322, 327, 334
Старикович Сергей – 11, 226
Страх Аввакум – 73
Стрункевич – 163
Сугихаре Тиунэ – 315

Сузdalь – 177
Сурвилла Паола – 271
Суцкевер Авром (Абрам) – 204, 347
Сухомлинов – 163
Сыромахо Петро – 73
Сыцевич Екатерина – 11

Т

Тамаркины Лейба, Хаим и Цаля – 146
Таращевич Б. – 54
Тарло Ф.Я. – 201, 206
Телеш Т.Я. – 55
Терушкин Леонид – 11
Тиас Стефан – 353
Тищенко – 148
Тодрик – 121
Токаренко Михаил и Екатерина – 201
Торпусман Абрам – 11
Трейхель – 120
Трубаков Захар – 346
Тубенишляк Элеонора – 203
Туровский Кирилл – 54
Туронек Юрий – 45
Тычина Раиса – 11

У

Уманский Андрей – 298

Ф

Федорович Мария – 235
Фейгельман Авнер – 146
Фельдман Моисей – 216

Фельдман Наум – 358
Финкель Uri – 200
Фиттерсон Арон – 148
Фрадкин Шмуэль – 146
Фридман Александр – 12

Х

Хавкин Иосиф – 151
Хаймович Борис – 216
Хансен Эрвин – 123, 124
Хлебников – 157
Хмелевский – 157
Хойзер Георг – 110
Холавский Шолом – 219
Холер Мартин – 299
Хомич Франц – 11
Хофманн Йенс – 353

Ц

Цанава Л.Ф. – 125, 360, 361
Царюк Владимир – 155
Цвикевич А. – 54
Цивина Лина – 10
Цыганок Неонила – 11, 339
Цыпин Меир – 195
Цыпин Марк (Моиз) – 196

Ч

Чаловский – 72
Чаплинский Генрих – 155
Черноглазова Раиса – 25, 247
Черный Алексей – 190
Чечик Нота – 179
Чукарев М. – 208

Именной указатель

Ш

Шалаумов Игорь – 11
Шапиро Борис – 146
Шапиро Моисей – 151
Шапиро Пауль – 298, 352
Шашкин К.Ф. – 159–162, 165
Шашков Роман – 207
Шемявики Лейба, Хая и Лея – 320
Шендель – 122
Шефран – 120
Шепелев Георгий – 12, 252
Шибеко Захар – 11, 261
Шидловская Алла – 11
Шиманович Генуэфа – 226
Шиманович Тевье – 155
Широкова-Клейн Мария – 195
Шитман Шай – 216
Шифман Реувен – 179
Шкляр Михаил – 361
Шкляр Хаим – 186, 208
Шкляринский Д.З. – 205
Шляпинтох Геннадий – 12
Шнеер Арон – 11, 253, 255
Шпилевская Хая – 81
Штампфер Шауль – 11
Штейн Ильза – 215
Штертцингер – 123
Штраух Эдуард – 110

Шукелойц А.А. – 54

Шульц Вилли – 215

Шупа Сергей – 12

Шуракова Валентина – 11

Э

Эверс Дарья – 11
Эберхард Курт – 208
Эйхе Генрих – 112
Элияху бен Шломо Залман – 313
Эльман Фаина – 147
Эпштейн Барбара – 356
Эпштейн Георгий (Зорик) – 176
Эпштейн (Должанская) Нина – 176
Эпштейн Н. – 213
Эренбург Илья – 194, 350
Эрлингер Эрих – 109
Эфелис – 122

Ю

Южук Ицхак и Реувен – 150
Юзефович Абрам – 358
Юркевич Настя – 312

Я

Ярдакэ Луиза Карс – 299
Ярмолик Екатерина – 11

Фотографии получены:

Kurt Wafner. Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht, 1941-1944
Fotografien und Briefe. Hamburger Institut für Sozialforschung 2002.

(Курт Вафнер. Война на уничтожение. Преступление вермахта, 1941-1944 г. Фотографии и письма. Гамбург) 2002 г.

Roman Vishniac. A Vanished World. Publisher: Farrar, Straus and Giroux
1983

Stadtarchiv Salzburg, Fotoarchiv Franz Krieger
(Городской архив Зальцбурга, Австрия. Фотоархив Франца Кригера)

Bundesarchiv
(Федеральный архив Германии в Кобленце)

Yad Vashem Archives in Jerusalem (Архив Яд ва-Шем в Иерусалиме)

Архив Российского научно-просветительного центра «Холокост»

Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны

Государственный архив Российской Федерации

Институт истории Национальной Академии наук Республики Беларусь

Национальный архив Республики Беларусь

Центральный архив Федеральной службы безопасности России

Bundesarchiv, Bild 101I-138-1068-06
Foto: Dreyer | August 1941

Bundesarchiv, Bild 101III-Weiss-046-14
Foto: Weiss | 1943 ca.

Оккупация Минска, 28 июня 1941 г.

Bundesarchiv, Bild 101I-137-1010-37 A
Foto: Wiesemann | August 1941

Bundesarchiv, Bild 101I-137-1008-09A
Foto: Kessler, Rudolf | 1941 Juni - Juli

Bundesarchiv, Bild 101I-137-1010-23A
Foto: Wiesemann | 1941 Juni - Juli

В оккупированном Минске

Bundesarchiv, Bild 146-1981-041-13A
Foto: Weidner | Juli 1941

Bundesarchiv, Bild 101I-137-1010-21A
Foto: Wiesemann | Juli 1941

Bundesarchiv, Bild 146-2008-0043
Foto: Rick | Mai 1943

Bundesarchiv, Bild 146-2008-0044
Foto: Lipke | Mai 1943

Bundesarchiv, Bild 183-B10710
Foto: Sanden, Heinrich | September 1941

Жизнь в оккупации, будни

Kurt Wafner. Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht, 1941-1944
Fotografien und Briefe. Hamburger Institut für Sozialforschung

Bundesarchiv, Bild 146-1980-027-03
Foto: Weidner | 5. Juli 1941

Переселение в гетто Минска

Bundesarchiv, 101_138_1091_7
Foto: Rudolf Kessler, Mogilev Juli 1941

Bundesarchiv, Bild 101I-138-1091-11A
Foto: Kessler, Rudolf | Juli 1941

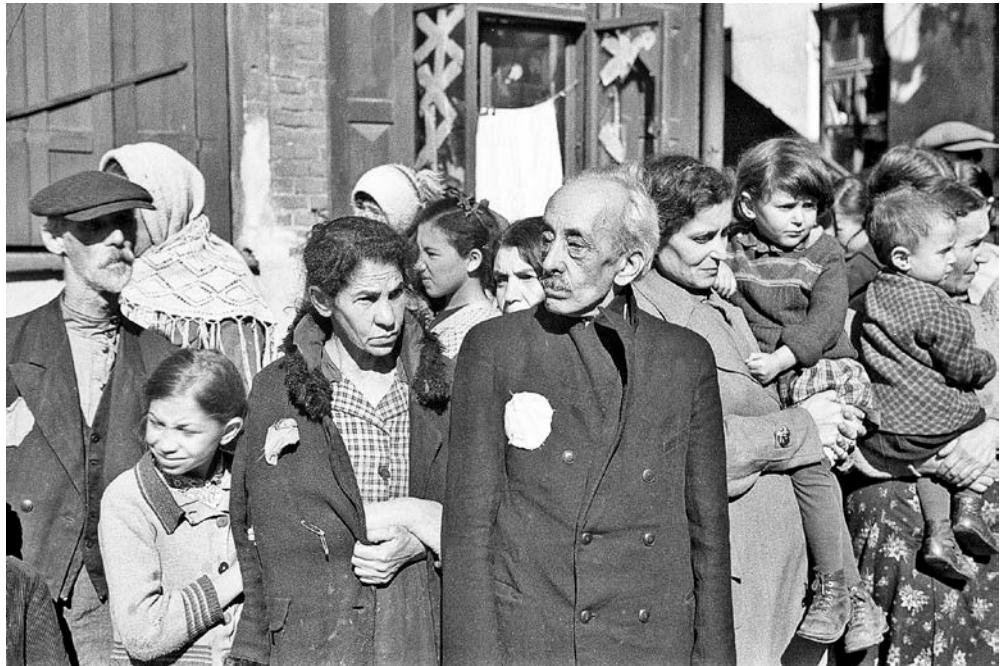

Bundesarchive, 101_138_1091_31
Foto: Rudolf Kessler, Mogilev Juli 1941

Bundesarchiv, Bild 101I-138-1091-10A
Foto: Kessler, Rudolf | Juli 1941

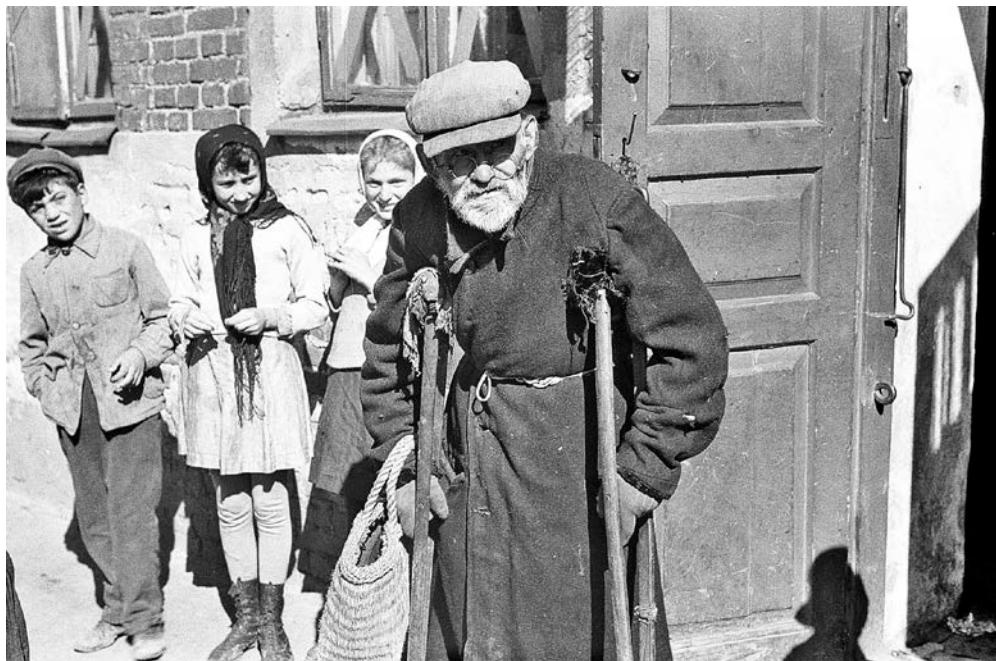
Переселение в гетто Могилева, июль 1941 г.

Stadtarchiv Salzburg, Fotoarchiv Franz Krieger
535_A6_430-1

Stadtarchiv Salzburg, Fotoarchiv Franz Krieger
533_A6_430-1

Stadtarchiv Salzburg, Fotoarchiv Franz Krieger
536_A6_430-1

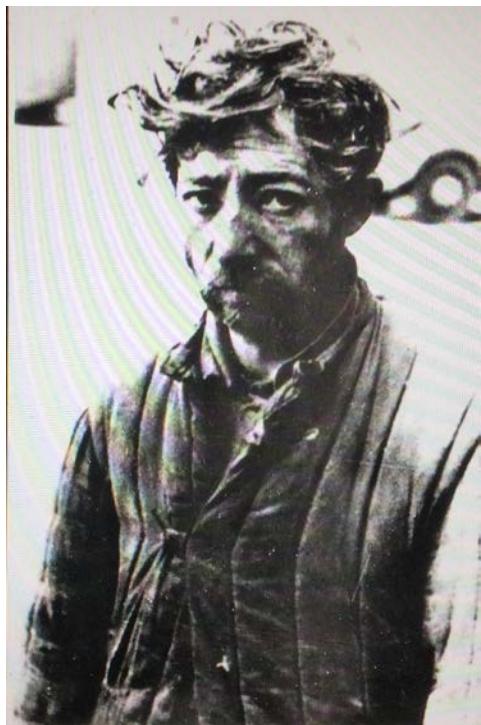
Stadtarchiv Salzburg, Fotoarchiv Franz Krieger
538_A6_430-2

Минское гетто, август 1941 г.

Stadtarchiv Salzburg, Fotoarchiv Franz Krieger 537_A5_430-2

Минское гетто, август 1941 г.

Узники Минского гетто.
Из Архива Яд ва-Шем (Иерусалим)

Минское гетто, религиозные евреи. Лето-осень 1941 г.

Государственный архив Российской Федерации, ф. 7021, оп. 128, д. 260, л. 10-об

Bundesarchiv, Bild 146-1982-077-11
Foto: o. Ang. | 2. Juli 1941

Из фондов Белгосмузея истории Великой Отечественной войны

Bundesarchiv, Bild 101I-138-1083-24
Foto: Kessler, Rudolf | Juli 1941

Bundesarchiv, Bild 101I-138-1083-30
Foto: Kessler, Rudolf | Juli 1941

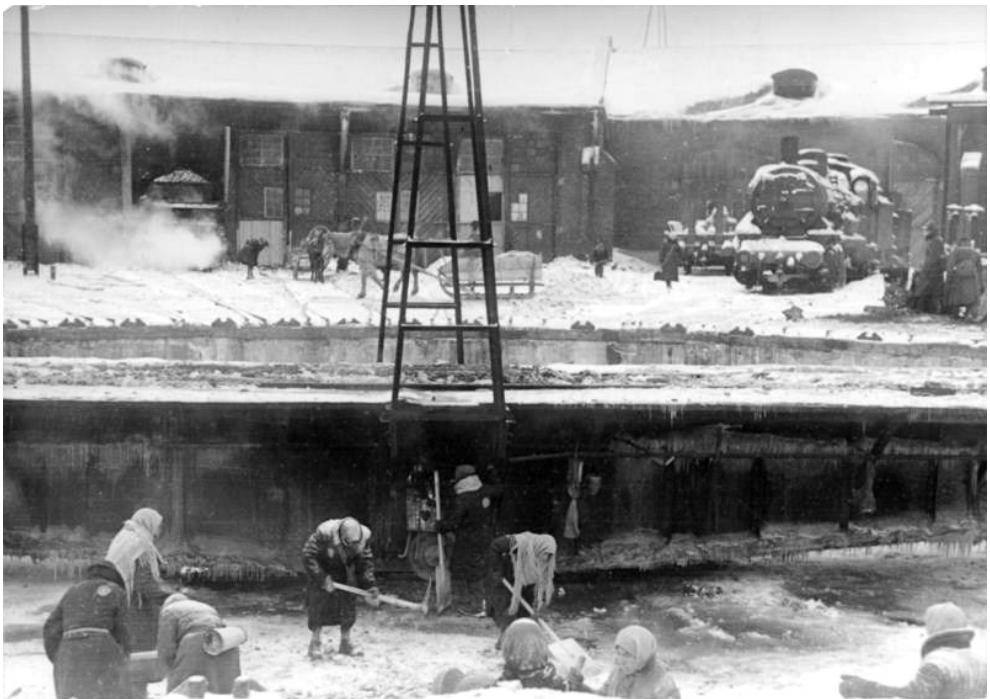

Bundesarchiv, Bild 101I-138-1083-20
Foto: Kessler, Rudolf | Juli 1941

Рабочие колонны

Bundesarchiv Bild 183-N1213-361 Min

Bundesarchiv, Bild 183-N1213-348
Foto: Donath, Herbert | Februar 1942

Bundesarchiv, Bild 183-B07892
Foto: Donath, Herbert | Februar 1942

Bundesarchiv, Bild 183-N1213-368
Foto: Donath, Herbert | Februar 1942

Принудительные работы

Дети в гетто.
Roman Vishniac. A Vanished World.
Publisher: Farrar, Straus and Giroux 1983.

14 Die Kinder in Himmlers Wagen, einer von ihnen trägt eine SS-Schirmmütze. 15. August 1941

Белорусские дети в д. Новинки, 15 августа 1941 г.

Фото Вальтера Френца, фотографа Гитлера,
во время посещения Гиммлером Минска и его окрестностей

(Walter Frentz. Das Auge des Dritten Reiches: Hitlers Kameramann und
Fotograf Walter Frentz, 2007),

Багаж депортированных из Европы евреев в Минское гетто.

Фото из коллекции штурмбаннфюрера СС

Иоахима Ройшера (Joachim Reuscher),

Bundesarchiv, BArch Bild 231

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер в Минске,
16 августа 1941 г.

Оружейная мастерская
в отряде им. Котовского Пинского партизанского соединения.
Первый справа Яков Абрамович Менкин из Старобина,
бежал из гетто в Слуцке, собрал самодельный автомат, лето 1943 г.

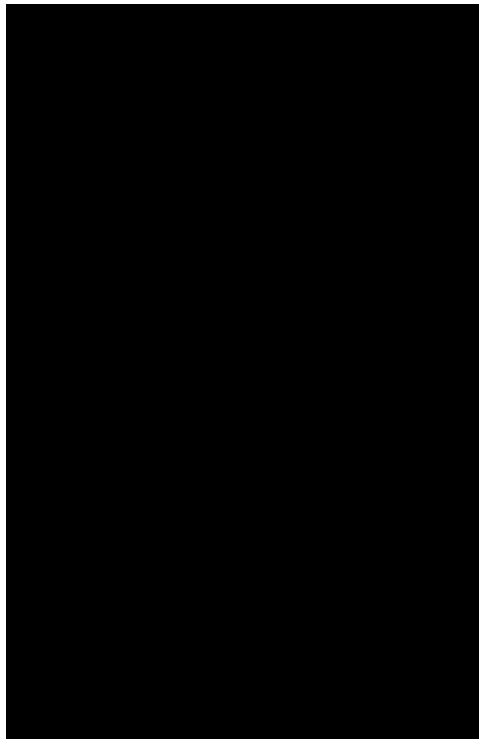

Группа евреев партизан из отряда «Искра»,
бригада им. Кирова в Налибокской пуще, 1943 г.

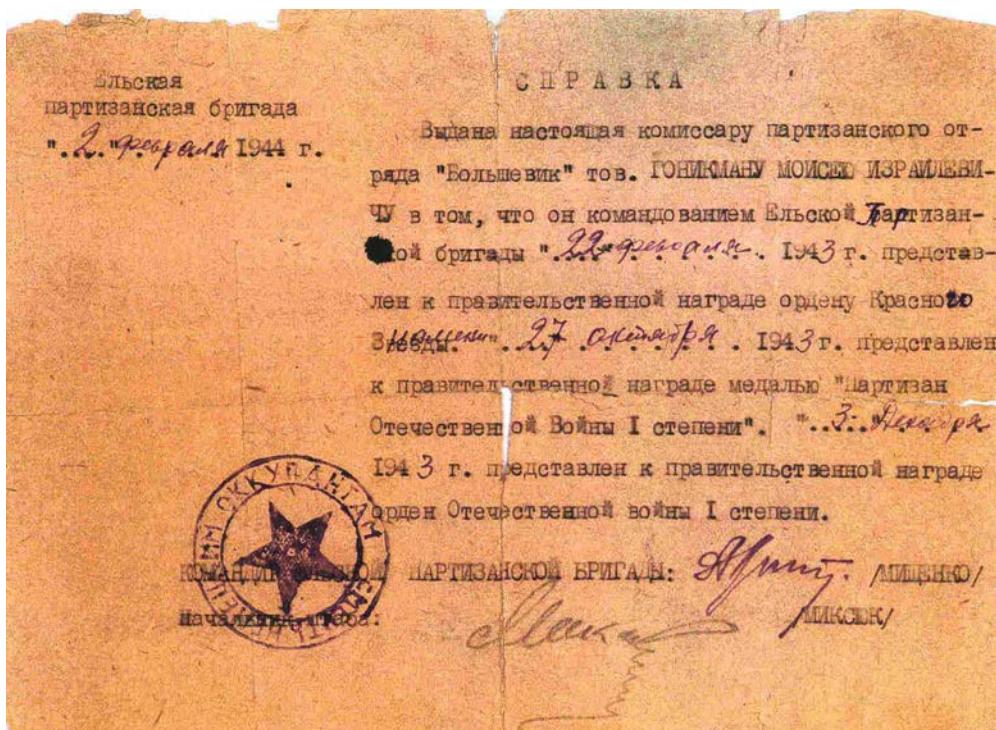
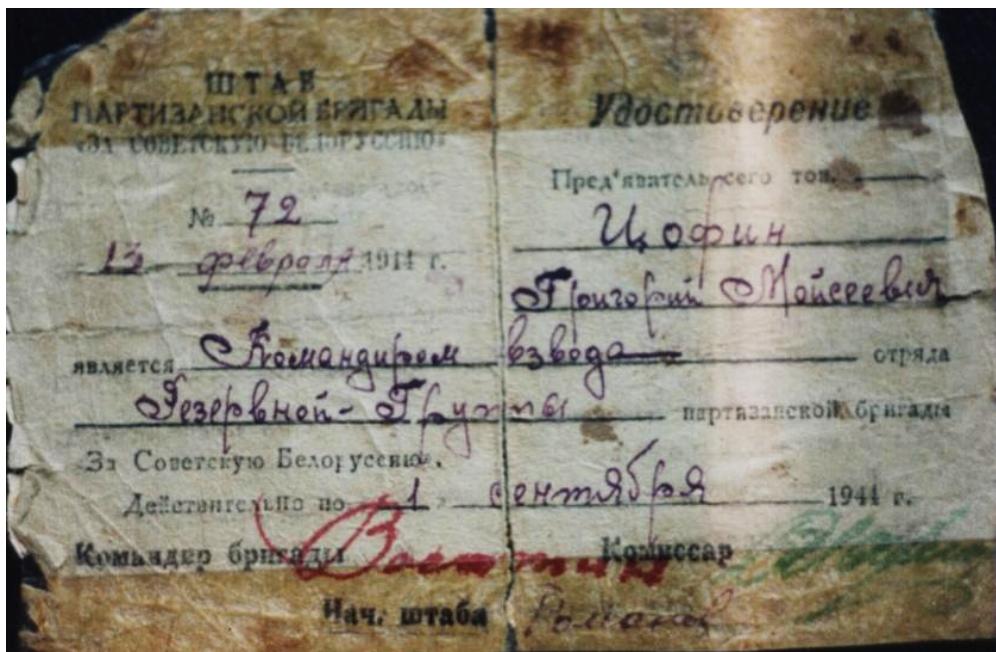
Трейстер Михаил Абрамович, 1927 г.р. – узник Минского гетто, выводил узников из гетто в партизанскую зону, партизан 106-го отдельного еврейского отряда Барановичской области.

Михаил Абрамович Трейстер, узник Минского гетто,
партизан 106-го отряда (Шолома Зорина)
Барановичского соединения

Сарра Леопольдовна Копелянская, 1925, г.р.,
бежавшая из гетто Ивацевичи, партизанка отряда им. Щорса
(1942-1944 гг.) и ее личный листок по учету кадров

13. Нормы (сроки и недели)	<u>Норма</u>
14. Специальное положение (состав и адрес санк.)	<u>в заложенности</u>
<u>М. Стадлер</u> 1941	<u>С. А. Каминский</u> <u>(должность)</u>
<u>Арестован в СИЗО 1925</u>	
15. Время характеристики	
<p><u>В первоначальном отряде с № 82 по № 194 из 194 № 82</u></p> <p><u>Населением в окрестах Тюменской кир. Соколово</u></p> <p><u>около деревни "Белогорка" Покровск, населено в бол.</u></p> <p><u>о земельном участке № 40 скотоматческим</u></p> <p><u>бизнесом племенник Родионов и родители. При доба.</u></p> <p><u>уленко племянник в Покровске. Родил на 1940 год</u></p> <p><u>и по сведениям племянника Покровского Мещеряковой</u></p> <p><u>Рязань, отец по фамилии скотоматческим со</u></p> <p><u>всем земельным участком родом из Тюменской кир.</u></p> <p><u>Помощник судьи по скотоматческим земельным участкам</u></p> <p><u>власти села Белогорка, отец которой Покровский, в связи</u></p> <p><u>с уездной Краснознаменкой</u></p>	
<u>Командир</u> <u>партизанского отряда</u>	<u>Комиссар</u> <u>партизанского отряда</u>
<u>Подпись командира и комиссара отряда</u>	<u>(подпись внизу)</u>
<u>Запечатано</u>	

Б. С. С. Р.
 Гродненская зона
 24 июля 1944 года
 № 24/07/ 44.

С П Р А В КА.

г. Гродно. Дана то... Байгу Марку Торьевичу
 в том, что он - партизан с 7 декабря 1942 года и с 10 декабря 1944г.
 находился при Пол. Уполномоченного НК НК/б/в в Белорусского Штаба Партизанского Движения по Гарановичской области - должности рэдютора
партизана
 Что и упоминается.

Красная пометка: Извините Гродно 21.8.44
 Чем. Уполномоченного НК НК/б/в и
 Белорусского Штаба Партизанского
 Движения по Гарановичской области:
 А.А. Гайдук /Е. Гайдук/

БЕЛОРУССКИЙ
 ШТАБ
 ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

С П Р А В КА

№ 4829 дата 28 июля 1944 г.
 Данна настоящая: Чистуха Илья Григорьевич
 в том, что он действительно состоял в партизанском отряде Фронтовик бригады Дубровичи
 с август 1943 по 29 сентябрь 1944 г.
 в должности партизан

Просьба к местным органам власти оказать
Чистуха Илья Григорьевич содействие в
 устройстве на жительство и работу.

М. П. *
 Начальник Отдела Кадров
 Белорусского Штаба Партизанского
 Движения

Партизанские документы

Облава на евреев Минска, август 1941 г.
Фото Герхарда Марквардта, который участвовал в этой операции.
Центральный архив Федеральной службы безопасности России

209

5.

Dieses Foto-Material gehört mir und es wurde mir dieses
heißt Foto-Material gehört mir und es wurde mir dieses
Durchsuchung der vorliegenden Juden zu einem Moment des
Aufenthaltsraums. Es handelt sich um die Zeit, die die
ihm August 1941 mit seiner Teilnahme an den Kämpfen
gesucht wurden. General Markwardt

Первый с немецкого:

"Национальный фотографий принадлежит мне и этого
отпечатка полученного выше фотографии.

Это я сориентирована немецкой обстановки советских
графикан-серьев в г. Минске, который в августе 1941 года
сможет участием быть участником в бою.

Герхард Марквардт."

Переводчик Герхард
Марквардт.

Облава на евреев Минска, август 1941 г.
Фото Герхарда Марквардта, который участвовал в этой операции.
Центральный архив Федеральной службы безопасности России

Малый Тростенец. Раскопки 2017 г. Найдено В.А. Кошмана.

Благовщина-2017. Траншея-могила №17

Благовщина-2017. Траншея-могила №20

Благовщина-2017. Траншея-могила №17

Благовщина-2017. Траншея-могила №19

Малый Тростенец. Раскопки 2017 г. Найдены В.А. Кошмана.

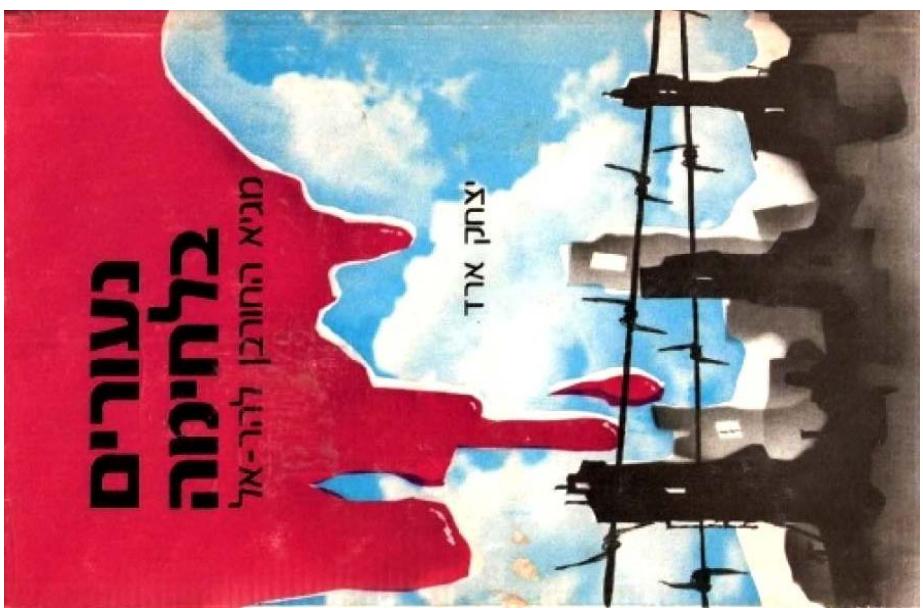

Малый Тростенец. Раскопки 2017 г. Найдены В.А. Кошмана.

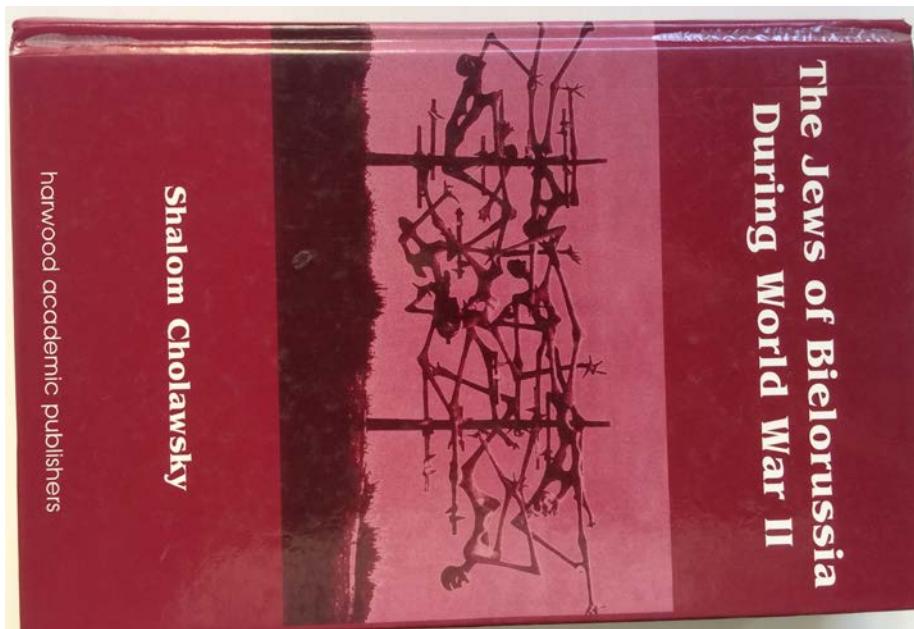

Серебряная монета 5 рейхсмарок с изображением фон Гинденбурга,
1935 г. Малый Тростенец. Раскопки 2017 г.

Книги на иврите

Книги на английском языке

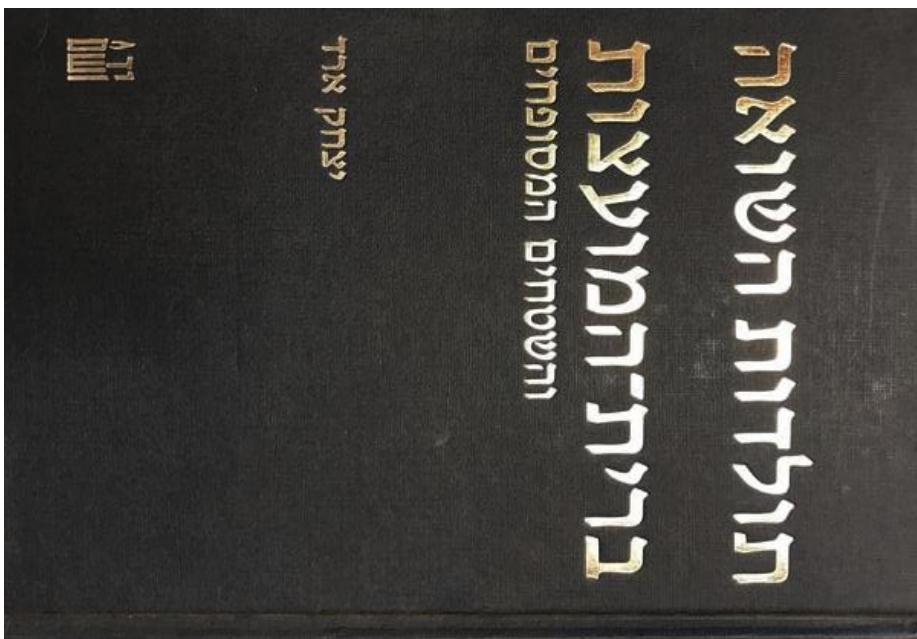
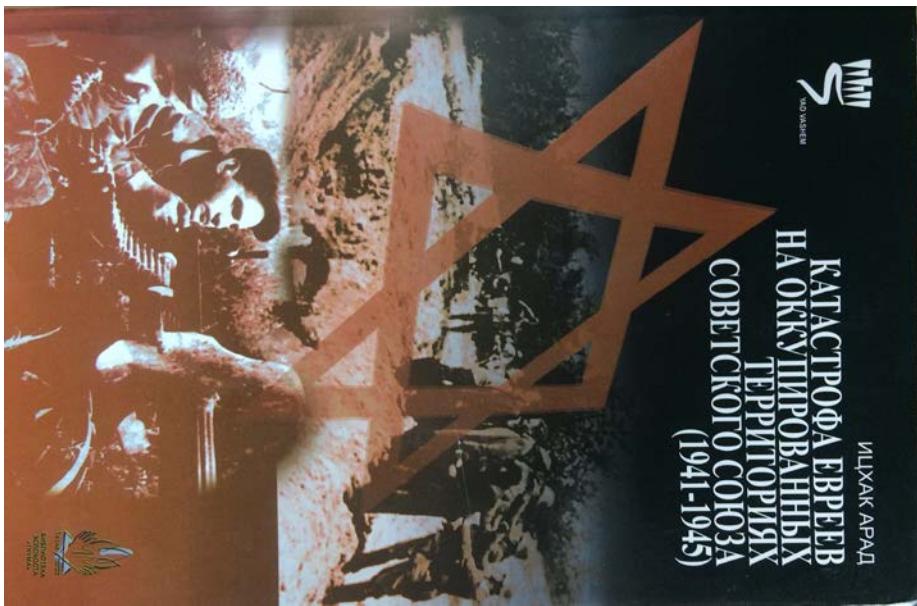

harwood academic publishers

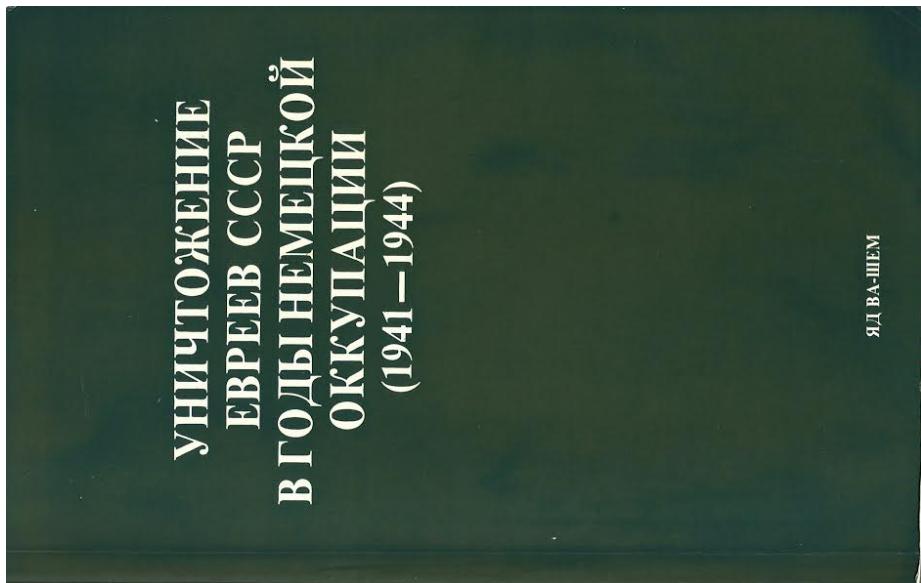
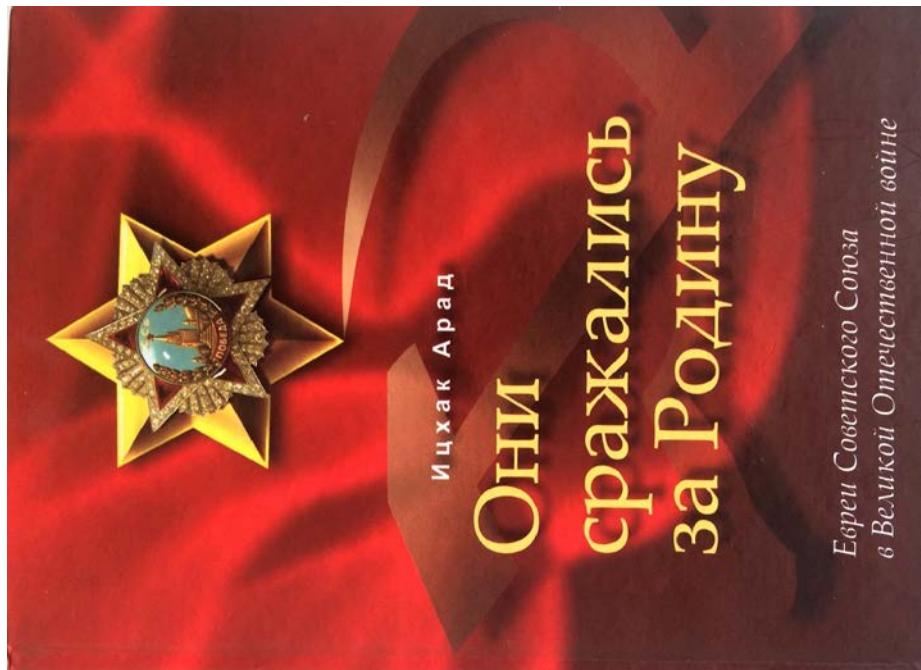
Книги на иврите и английском языке

Перевод с иврита на русский язык

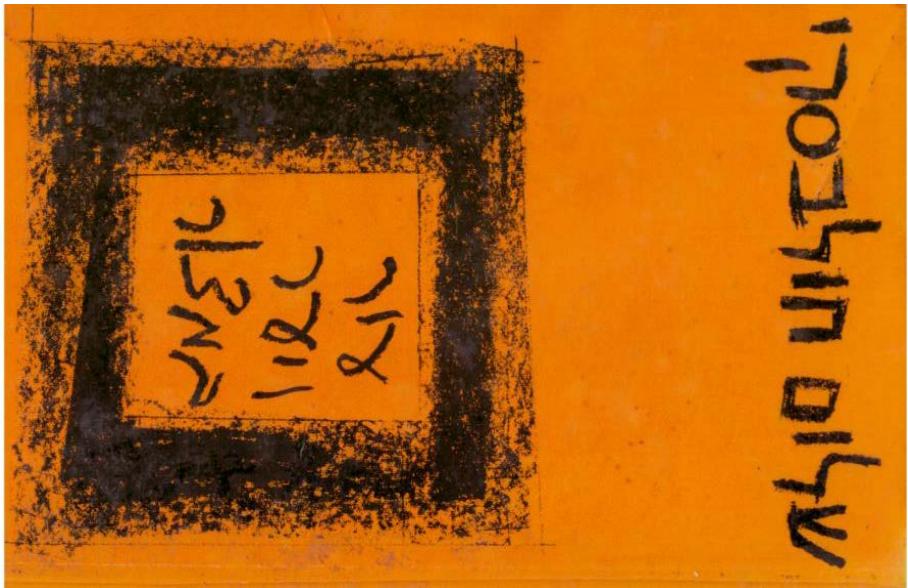

Перевод с иврита на русский язык

Книги Шолома Ходаского на иврите

שלום חודהסקי שכלים חולבסקי

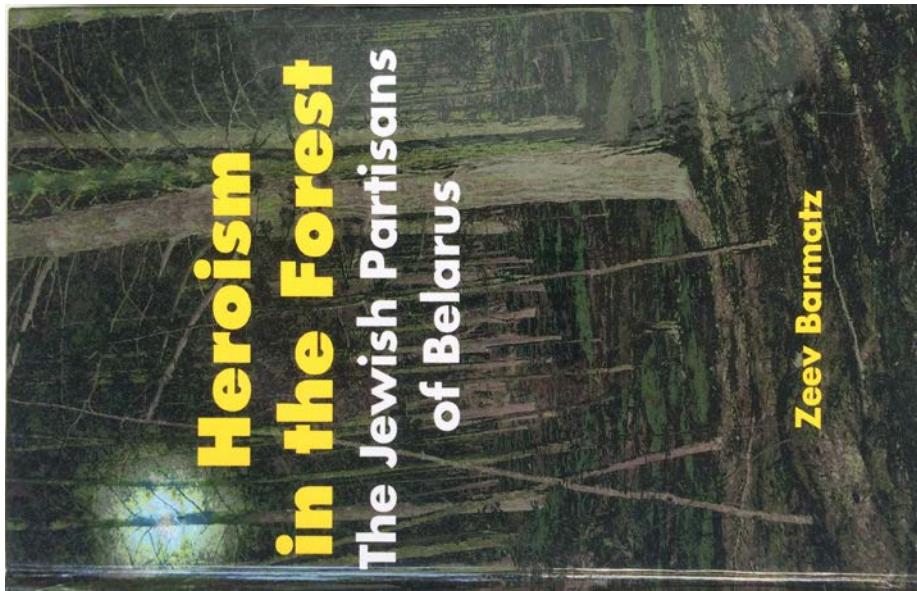
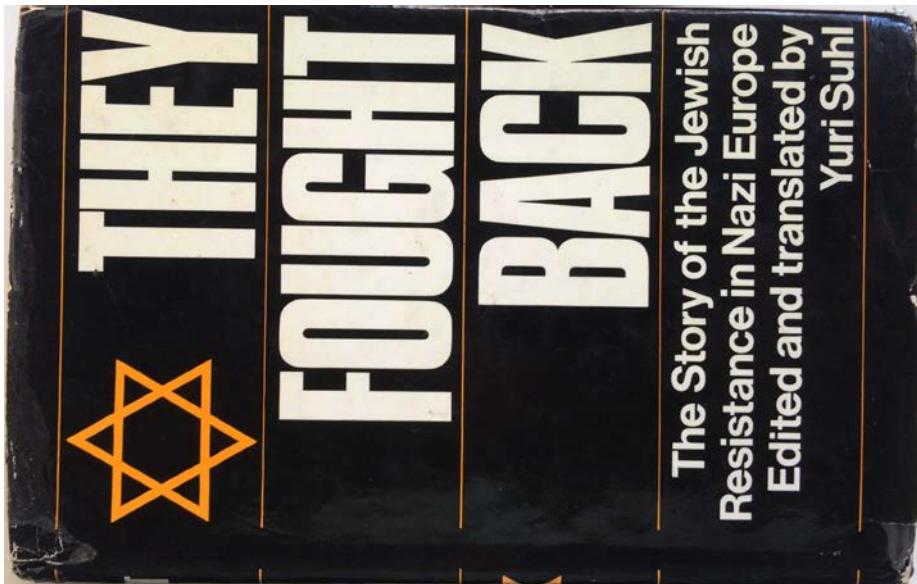
בSOAPת הכליו

שלום חולבסקי

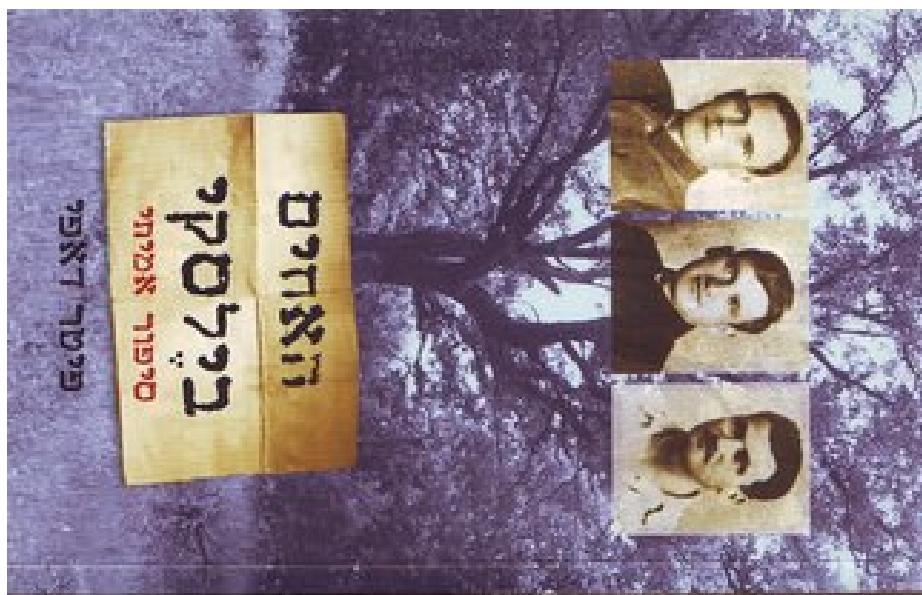
יהודות בילורוסיה המודרנית
במהמת העולם השנינו

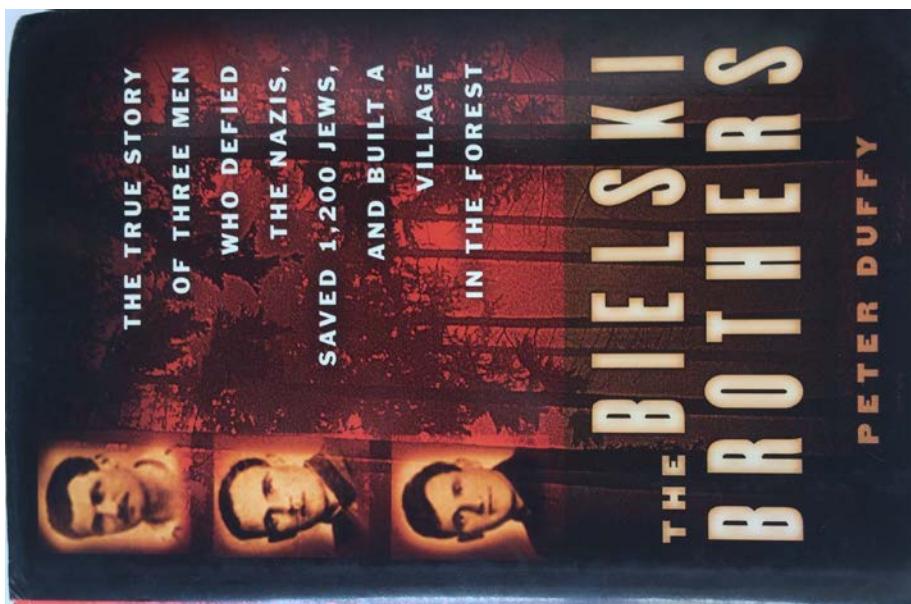
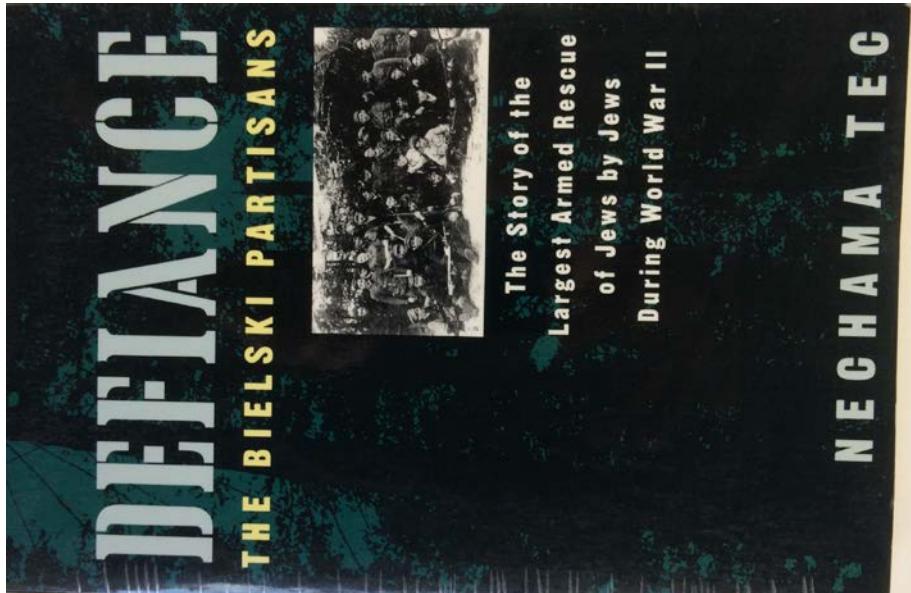
Книги на английском языке

Книги о партизанах Бельских на иврите

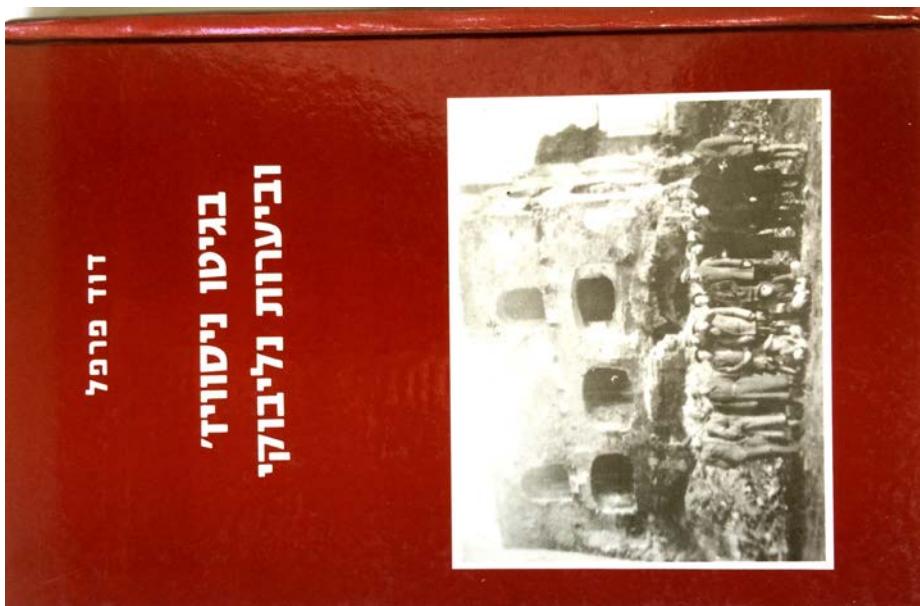
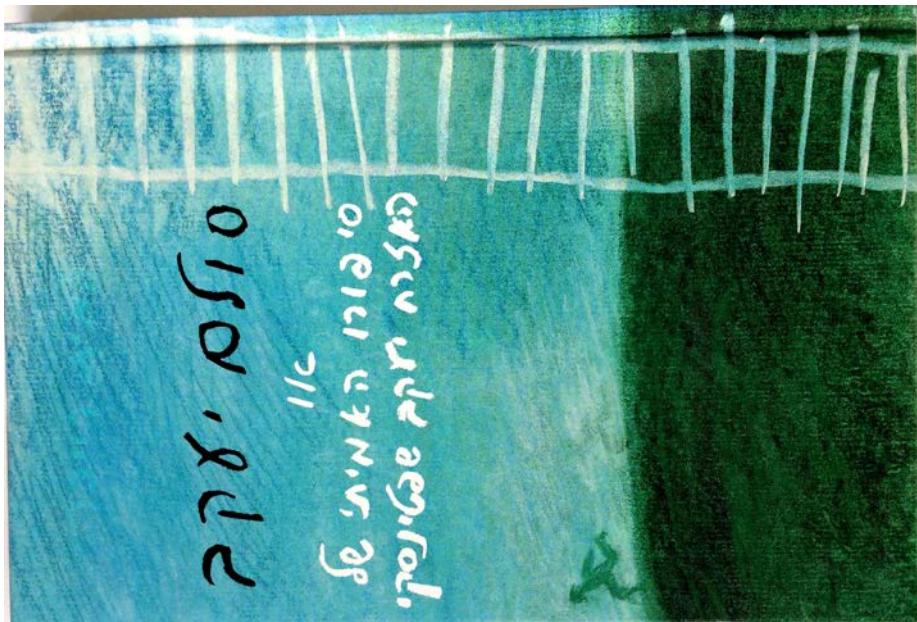
Книги о партизанах Бельских на английском языке

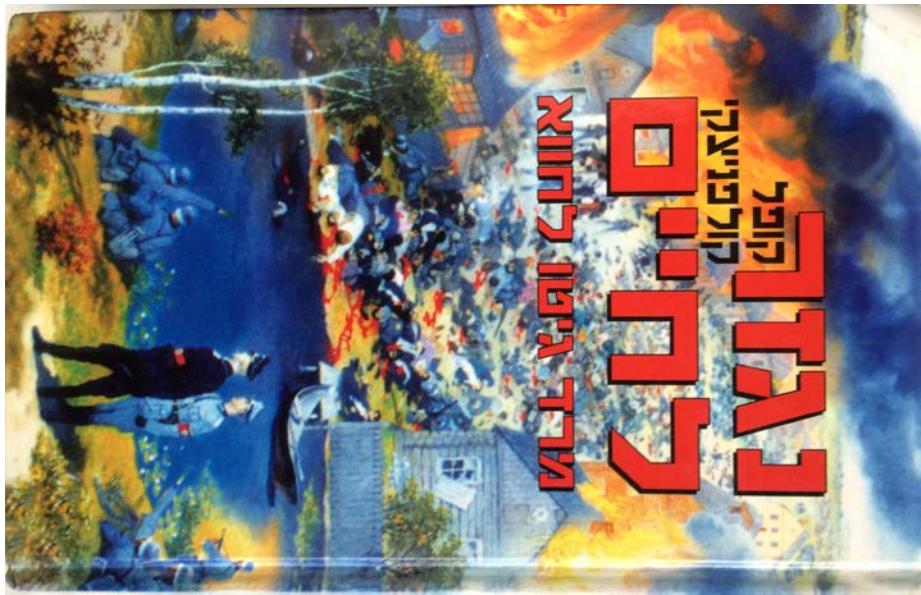
Книги на иврите о партизанах из Минска Якова Гринштейна и Абрама Рубенника

Книги о партизанах из Несвижа Давида Фарфеля и Якова Шепетинского из Слонима

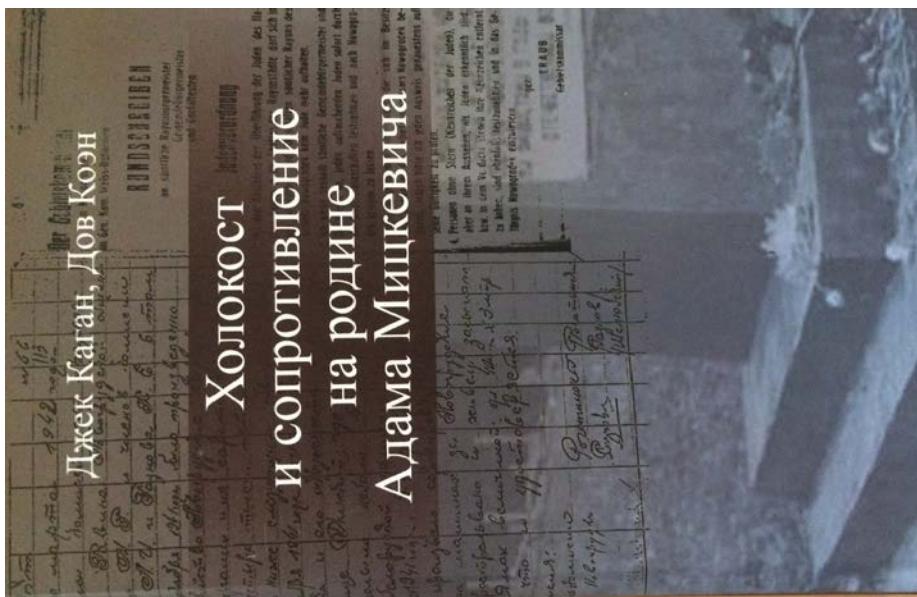
Книги о восстании в Лахве Копеля Колпаникого и Бен-Циона Дагана

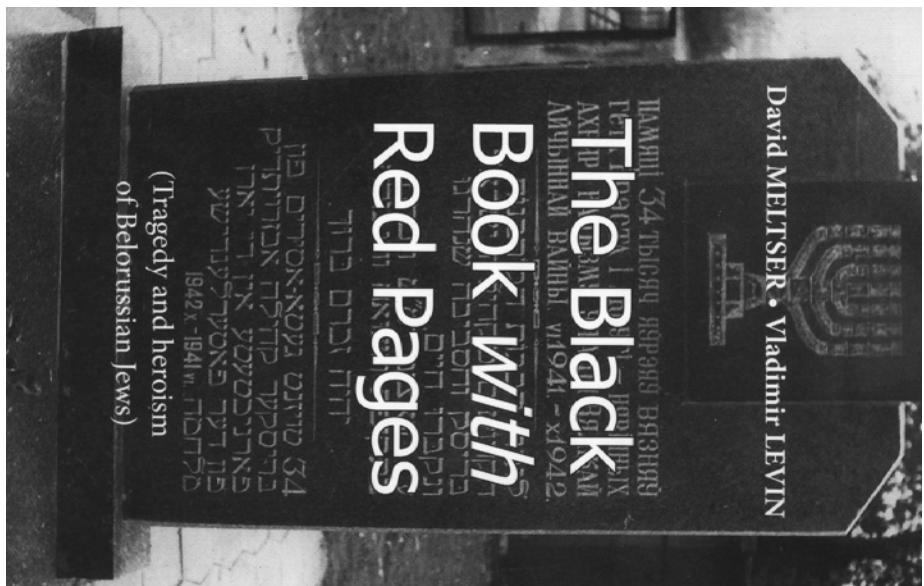
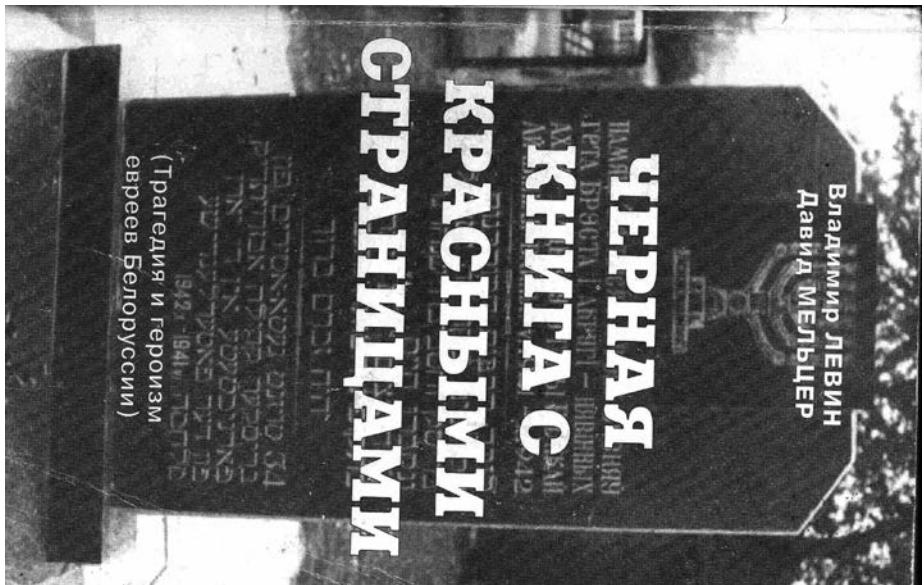
В белорусской «партизанке», книги изданные на негосударственные средства

ВСТАЛИ МЫ! ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ...

Книги о расправе над евреями Беларуси в годы войны, изданные в Америке

Книги о расправе над евреями гетто в Минске, изданные в Германии и США

Projektgruppe Belarus (Hrsg.)

»Existiert das Ghetto noch?«

Weißrussland:

Jüdisches Überleben gegen
nationalsozialistische Herrschaft

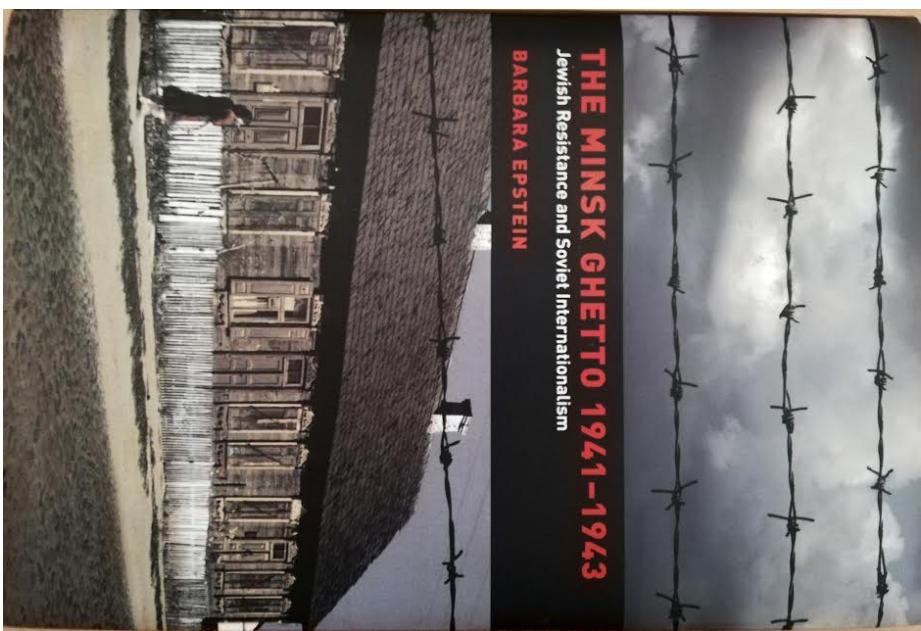

Assoziation A

THE MINSK GHETTO 1941-1943

Jewish Resistance and Soviet Internationalism

BARBARA EPSTEIN

Николай Иванович Роговицкий
рассказывает Александру Лазаревичу Литину.
Круглое Могилевской обл., август 2018 г.

Елена Михайловна Букштынович рассказывает
Леониду Смиловичкому. Фото Анастасии Новицкой.
Гольшаны Ошмянского района Гродненской обл., июль 2018 г.

Ада Эльевна Райчонок у своего детского портрета.
Фото Леонида Смиловицкого.
Лужки Шарковщинского района Витебской обл., июль 2016 г.

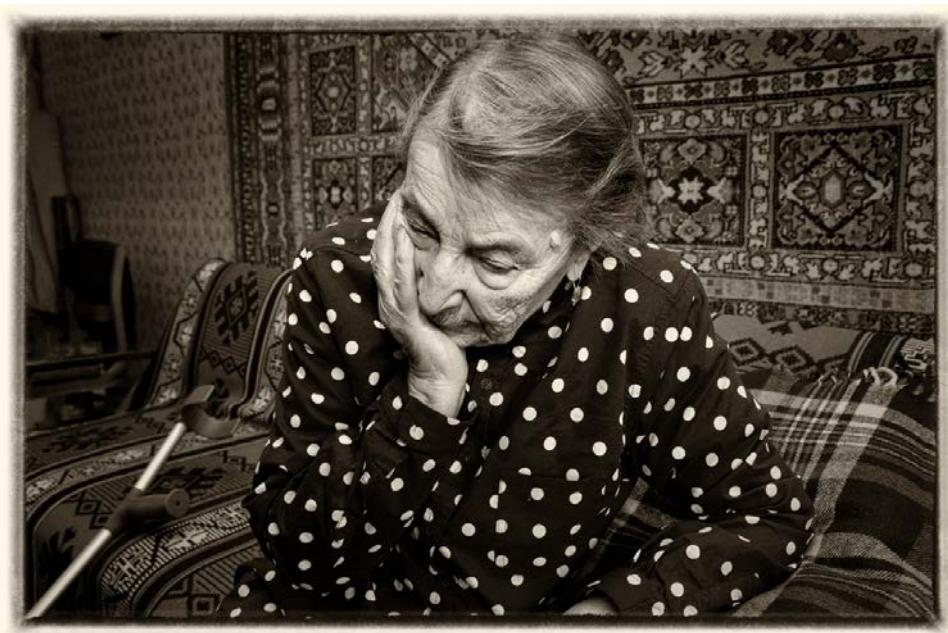
Макс Меерович Крол. Фото Леонида Смиловицкого.
Белыничи Могилевской обл., август 2019 г.

Рива Лазаревна Кац и ее сын Исаак Самуилович Кац.
Фото Леонида Смиловицкого.
Ивенец Воложинского района Минской обл., июль 2018 г.

Берта Яковлевна Лесова с правнуком.
Фото Александра Литина. Могилев, январь 2010 г.

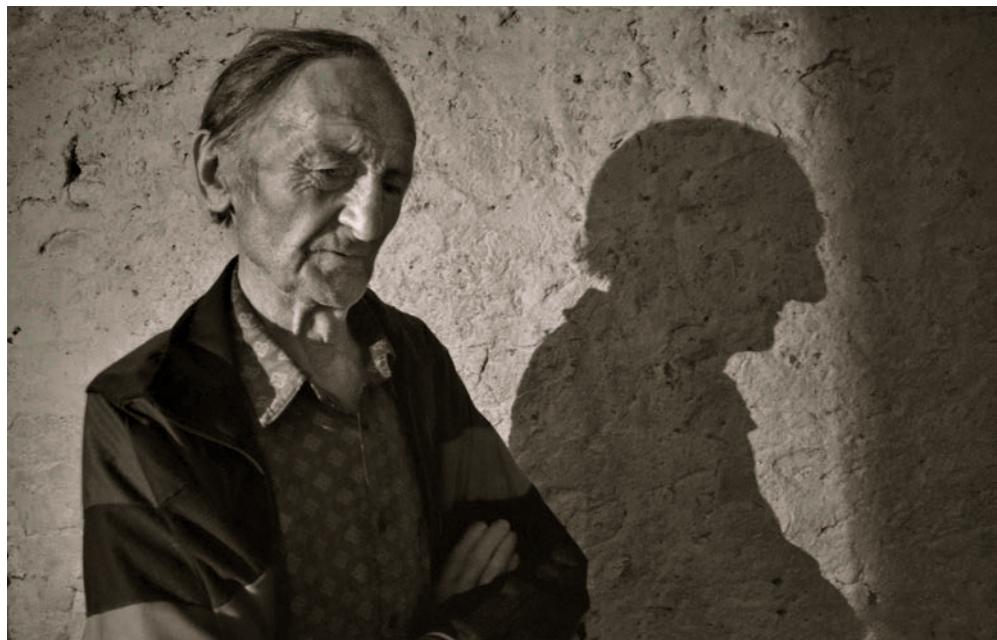
Любовь Сауловна Росинская (Ремез).
Фото Александра Литина. Могилев, март 2014 г.

Ростислав Игоревич Кисель. Фото Александра Литина.
Красное Молодечненского района Минской обл., июль 2016 г.

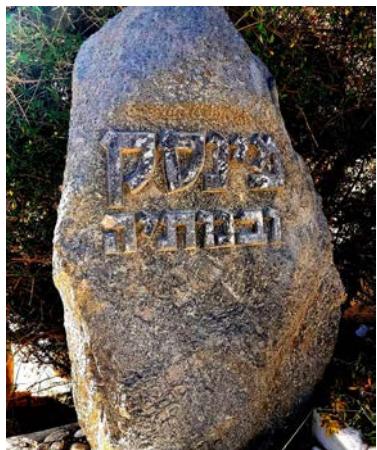
Раиса Александровна Паркалова. Фото Александра Литина.
Селиба Березинского района Минской обл., июнь 2010 г.

Владимир Викторович Куранчик. Фото Леонида Смиловицкого.
Волпа Волковысского района Гродненской обл., июль 2018 г.

Александр Иванович Кажура. Фото Александра Литина.
Хотенчицы Вилейского района Минской обл., июль 2017 г.

Сохранение памяти
Минского гетто
в Иерусалиме,
Тель-Авиве
и Нью-Йорке.
Фото и коллаж
Леонида Смиловицкого.

Леонид Львович Смиловицкий — доктор исторических наук, ст. научный сотрудник Центра диаспоры при Тель-Авивском университете (с 1995 г.), руководитель проекта «История евреев Беларуси», публикуется в Израиле, Великобритании, Франции, США, Германии, Польше, России и Беларуси.

Автор книг *Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905–1953 гг.* (Минск, 1999), *Катастрофа евреев в Белоруссии* (Тель-Авив, 2000), *Евреи в Турове. История местечка Мозырского уезда* (Иерусалим, 2008), *Jewish Life in Belorussia During the final Decade of the Stalin Regime 1944–1953* (Budapest – New York, 2014); *Цензура в БССР: послевоенные годы* (Иерусалим, 2015), *Евреи Беларуси: до и после Холокоста* (Иерусалим, 2020 г.).